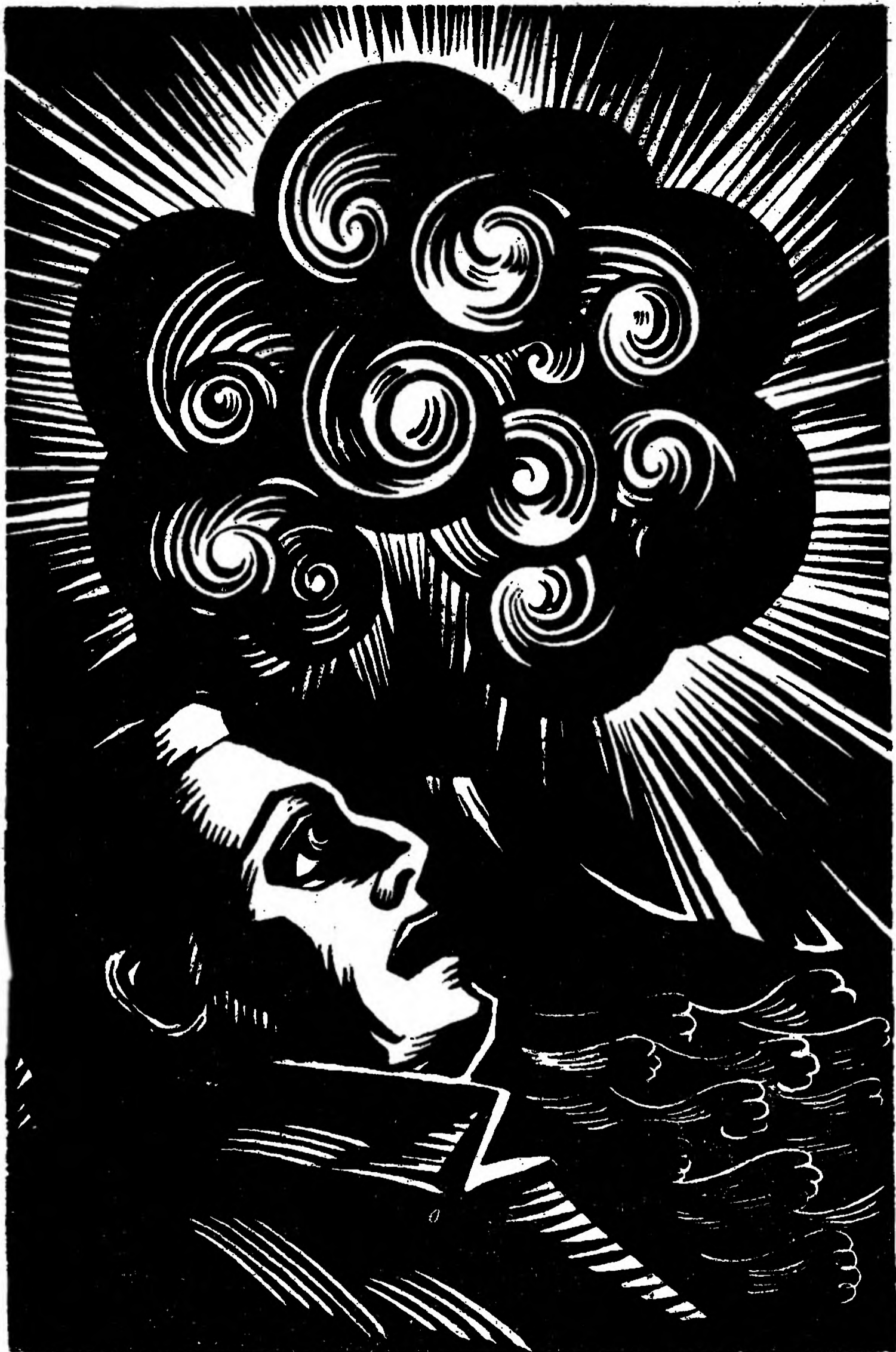

Emmeline

приключения

**Сборник
приключенческих повестей
и рассказов**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1966**

В. Смирнов

КТО

ПЯТЫЙ?

ПОВЕСТЬ

Полицейские ворвались в хутор на рассвете. Действовали они на сей раз ловко и храбро: хутор был окружен частью егерей, снятой с фронта специально для карательных операций, и в случае отступления полицейские сами были бы расстреляны из пулеметов.

Через час бой с небольшой группой партизан был окончен, и командир полицейского отряда, откозыряв обер-лейтенанту, приступил ко второй части акции. Население затерянного в лесах Гродненщины хуторка было собрано у большого сарая. Обер произнес речь, а командир шуцманов переводил. Как только фашистский офицер пунктуально объяснил, что жители хутора «совершили тягчайшее преступление против рейха», приютив партизан, солдаты и полицаи загнали людей в сарай и подожгли его.

Мне было тогда шесть лет, я жил в Сибири, но, как и у всех русских, боль войны вошла в мою кровь и мозг и по каким-то неведомым законам отпечата-лась в глубинах сознания: достаточно малейшего толчка, чтобы вызвать в памяти картины, которых я никогда не видел. Надо мной пролетают серо-зеленые длиннотелые «мессершмитты» так низко, что различимы чужие, холодные лица летчиков; я вижу беженцев, угловатые темные танки, мнущие стебли кукурузы, вижу обмерзлые, пустые квартиры Ленинграда... Есть страны, где не видели фашизма вблизи, но мы видели, и память о пережитом передается от поколения к поколению.

Так вот, сарай догорал, и те, кому хотелось, на-смотрелись досыта; полицейский начальник допросил

четверых партизан, захваченных в хуторе, и, озлобленный их молчанием, застрелил одного из них.

Партизан повели берегом реки к городу. Их не сожгли вместе с теми, в чьих избах они ночевали, их должны были повесить на площади. Партизаны видели, как горел сарай, и, наверно, им тяжело было чувствовать себя живыми. Полицаи шли нестройной толпой, от реки поднимался туман, и в низинке, где он был особенно густ, партизаны, точно сговорившись, разом бросились бежать. Двое, петляя, помчались в прибрежный кустарник, а третий прыгнул с обрыва в реку, в туман.

Полицейские стреляли долго, из десятков автоматов, срезая ветки кустов. Двух партизан вскоре нашли, но третий, тот, что прыгнул в воду, исчез. Командир отряда до самого города оставался мрачным и злобно гонял желваки: он не любил оставлять свидетелей в таких делах...

1

Я просыпаюсь с тяжелой головой и не сразу сознаю, где нахожусь: снилась какая-то белиберда. Лишь когда вижу плюшевую портьеру и репродукцию с Шишкина в позолоченном багете, вчерашний день смыкается с настоящим, все встает на место.

Николай Семенович спит на диване, тяжело и с присвистом дыша. Он лег поздно, множество листков на столе исписано его крупным и неровным почерком. Темно-синий китель с майорскими погонями небрежно брошен на стул.

Я беру патрончик из-под валидола, он пуст. Вчера шеф высыпал на ладонь таблетки, и их было не меньше восьми. Когда работаешь в угрозыске, привыкаешь замечать такие мелочи.

В отделение я звоню из вестибюля, чтобы не беспокоить Николая Семеновича. Врача обещают прислать тотчас. Я надеюсь тихо ускользнуть из номера, но шеф уже не спит.

— Присядь, Паша.

Лицо его мне не нравится. Оно сиреневого оттен-

ка, в тон портьерам. Конечно, человек, вернувшийся с войны с тремя ранениями и не знающий, что такое нормированный рабочий день, не может рассчитывать на здоровый цвет лица. Но это уже слишком и для Эн Эс.

— Я вызвал врача.

— Спасибо. Но я вот о чем: тебе придется поработать за двоих. Пока я отлежусь.

— Работа, возможно, небольшая. Если выяснится с ножом...

— Не спеши. Нож — это еще не все... Сейчас ты — мои глаза, и уши, и руки. Ты частенько надеешься на меня. Но если что упустишь сейчас, никто не восполнит пробела.

— Ясно, — говорю я.

Мне льстит перспектива самостоятельной работы. И пугает.

— А я уже облюбовал диванчик. Что-то мотор отказывает...

«Это его вчерашний день доконал», — думаю я. Угораздило загрипповать перед выездом. Сердце. Грипп для него слишком тяжелая нагрузка. Сердце. Черт, мне никогда не приходилось задумываться над тем, что у меня есть сердце, всякие там легкие, селезенки! Все словно в одном слитке.

— Так я поеду, — говорю я. — Сегодня у Комаровского большой день.

— Давай, — соглашается шеф. — И предоставь все Комаровскому, не вмешивайся. Он знает. Не спешите, действуйте осторожно.

Это в характере шефа — не вмешиваться в работу местных следователей, пока в том нет необходимости. Он только направлял поиск, не давая ему зайти в тупик, и умудрялся делать это так незаметно, что нашим работникам казалось, будто все идет само собой. В управлении часто говорили о стиле майора Комолова и даже пытались анализировать и «передавать» этот стиль, но так получалось далеко не у каждого. По-моему, никакого продуманного стиля не существовало, а был просто характер Комолова. Он и дома держался точно так же, никому не на-

вязывая себя. «Твой Эн Эс — человек», — говорили ребята в управлении. И этим было все сказано.

Большой, вялый, Николай Семенович дремлет на своем диванчике, закрыв глаза. Наверно, молча борется с болью.

Ну что ж, попробуем! Будем глазами, ушами и руками. И даже головой — по возможности...

У правления Общества охотников — возле рынка — рубленый домишко. Нижний этаж отдан под магазин. Комаровский решил вызвать местных охотников именно сюда, а не в отделение, чтобы избежать лишних пересудов и слухов, которые быстро распространяются по такому маленькому городку, как Колодин.

Мальчишкой я любил бегать в этот магазинчик с большой, аляповатой вывеской, на которой был изображен краснощекий человек с патронташем. Иногда Дмитрий Иванович, директор магазина, давал мне поддержать «Зауэр три кольца» или еще какую-нибудь редкую штукювину, а в девятом классе я и сам обзавелся одностволкой. У магазина я часто встречал дочь Дмитрия Ивановича — Лену...

Городок мало изменился с тех пор, как я уехал в «область». Он остался таким же деревянным, и даже тротуары, за исключением главных улиц, были дощатыми. Правда, на окраине, ближе к Мольке — гряде невысоких сопюк — вырос новый каменный городок, там строился химкомбинат. Этот белый поселок со временем должен был поглотить старый деревянный Колодин.

Сейчас над Молькой громоздятся тучи, пахнет затяжным августовским дождем. Доски тротуара гибко пружинят под ногами. Вот площадь «Три угла», дом Коробьяникова, выглядывающий резными фризами из-за тополей, баня, славящаяся крыльцом с ажурными деревянными кружевами. Патриархальный, тихий Колодин. И вот на тебе — расследование загадочного и зверского убийства...

У охотничьего магазина ветер крутит пыльные

смерчи, срывает ржавую листву с тополя. Прикрыв глаза рукой, я хочу юркнуть в дверь, но меня останавливает стук мотоциклетного двигателя. Вкрадчивый, тихий звук — как мурлыканье.

Двухцилиндровая «Ява» мягко подкатывает к крыльцу. С заднего сиденья соскакивает мужчина в кожаной куртке, плотный и широкоплечий. Наклонившись к мотоциклисту, подростку в белом шлеме и очках, он что-то тихо говорит: извинительно-ласкова, даже заискивающая его поза. Рука осторожно и примирительно касается плеча мотоциклиста.

Какой-то внутренний толчок удерживает меня на пороге. Мотоциклист... Что-то знакомое в его фигуре, повороте головы. Словно прилипший комок снега, он сбрасывает руку с плеча, и это небрежное и гибкое движение также кажется знакомым мне. Кажется, я присутствую при какой-то небольшой ссоре.

«Ява» скрывается в облаке пыли. Я останавливаю мужчину, поднимающегося на крыльцо.

— Простите.

Он смотрит раздраженно и с неприязнью. Ему лет тридцать пять, лицо довольно красивое, из тех, что принято называть мужественными: тяжелый подбородок, крупные скулы, глубоко сидящие жесткие глаза. Темный, прочно въевшийся в кожу загар. Только морщины белеют.

— Видите ли... Я жил когда-то в этом городе, и мне показалось... Этот человек, эта девушка на мотоцикле — Лена Самарина?

— Самарина. Извините!

Он взбегает по деревянной лесенке. Ступеньки скрипят под тяжелым телом. «Очень энергичный мужичок, — думаю я, глядя на широкую, выпуклую спину. — Такие берут жизнь просто, как яичницу со сковородки. Ну, пусть! Ладно».

В маленькой конторе правления — начальник колдинской милиции, капитан Комаровский, его помощник и Дмитрий Иванович, бессменный предводитель здешних охотников.

Дмитрий Иванович сразу узнает меня.

— Паша! — говорит он и трясет мою руку. Очки

его, сползшие на кончик носа, тоже трясутся. — Наконец-то завернул к нам! Несчастье-то какое! Не думали, не гадали...

— Как Лена? — спрашиваю я.

— Лена. Ох, Лена! — сияет старик. — Сорванец, как и прежде. Преподает физкультуру. На мотоцикле гоняет. Хуже парня...

Это в восьмом классе мы с ней взбудоражили весь город, когда тайком отправились в путешествие по Катице, а лодка перевернулась, и мы очутились на маленьком скалистом островке. На пятые сутки нас снял катер. Мне здорово досталось тогда.

— Ты бы хоть писал изредка. Всё дела?

— Дела...

Сказать бы прямо — забыл, вот и не писал. А тут, приехав в Колодин, вспомнил. Невозможно не вспомнить, потому что Колодин — мое детство, а детство — это Ленка. Да и только ли детство? Там, у дома Коробьяникова, мы впервые поцеловались. «Отец говорит, он был хороший, Коробьяников, — сказала Ленка. — Больницу выстроил и библиотеку». — «Он был купец, буржуй, — ответил я. — А больница — это филантропия». — «Ты дурак. Филантроп знаешь что значит? Любящий людей». — «Ерунда». — «Ну и дурак». Мы, как всегда, поспорили, а потом... поцеловались. В доме Коробьяникова светило окно, и тополя шумели под ветром. Городок наш безлесный, и только у этого дома был зеленый оазис. Здесь шелест листвы заглушал шепот.

Позднее мне пришлось задумываться над этим спором, и я понял, что филантропом можно быть, даже если работаешь в милиции. Точнее — особенно если работаешь в милиции. Нас считают суровыми людьми. Наверно, так оно и есть. Сотрудникам угрозыска жизнь предоставляет не так уж много поводов для улыбки и радужного настроения. Только об этом не каждый знает, но я помню, как однажды Николай Семенович вытащил из стола толстую пачку писем и сказал: «Знаешь, самое ценное для меня — это...»

Ему писали люди, которые, казалось бы, имели основание считать моего шефа врагом. Писали из

колоний, из тюрем, из мест высылки. «Вы дали мне понять, что не все потеряно в жизни...», «Хочу поскорее вернуться к честному труду и надеюсь на вашу помощь по приезде». Сотни писем. Майор возился с теми, кто в глазах многих людей был «отпетым» и «конченным». Он ездил в колонии, устраивал своих подопечных на работу, улаживал какие-то сложные семейные конфликты. Меньше всего Эн Эс был похож на того угрюмого и неподступного сыщика, какими я представлял раньше сотрудников угрозыска.

— Ну что ж, начнем, — предлагает Комаровский.

Долговязый, худой, он маячит сквозь полосы табачного дыма. «Дядя Степа» — так мы звали Комаровского, когда он был старшиной и дежурил на колодинском рынке. Мне кажется, сейчас дядя Степа поступает несколько прямолинейно, пригласив такую уйму охотников для опознания ножа. Но ему виднее. Он уже давно в Колодине и знает здесь всех и все.

— Кто у нас приглашен первым?

— Жарков, — отвечает помощник.

Входит широкоплечий человек в кожаной куртке, тот самый, которого привезла на мотоцикле Ленка Самарина.

— Жарков, из автошколы ДОСААФ, — шепчет мне Дмитрий Иванович. — Наверно, ты слышал — он чемпион области по мотокроссу, мастер спорта.

В голосе Самарина я улавливаю нотки неприязни. Чемпион спокойно оглядывает нас, глаза его твердо поблескивают.

— Нас интересует эта штука, — говорит Комаровский, показывая на стол, где лежит злополучный нож. — Дмитрий Иванович говорит, что как будто видел нож у кого-то из охотников, но точно не помнит. Вы нам не поможете?

Жарков внимательно рассматривает нож. Лезвие тускло мерцает. Вот от этого холодного куса стали погиб инженер Осеев, строитель, хороший человек. Погиб из-за нескольких сотенных бумажек...

Нож заметный. Наборная плексигласовая рукоять, отличной стали широкое лезвие. У самой рукояти, там, где кончается желобок, отчеканен странный ри-

сунок: лев под пальмой. Николай Семенович, взглянув на эту экзотику, сразу определил: «Золингеновский. В Германии сделали несколько тысяч таких ножей для африканского корпуса Роммеля. Кто-то, наверно, привез с войны как трофей, а потом уже переделал рукоятку и переточил лезвие».

— Боюсь, что не смогу помочь, — Жарков пожимает плечами. — Не видел...

— Ну что ж, лиха беда начало, — говорит Комаровский, едва закрывается дверь за чемпионом. — Продолжим.

Тучи, перевалившие через Мольку, заполонили небо над городом. В окно ударяет дождь — словно горсть песка сыпанули. Комаровский включает свет, и на ноже вспыхивает зайчик.

Высокий хромым охотник, отставив в сторону клюку, рассматривает нож. Выражение настороженности появляется на его хмуром лице.

— Анданов. На почте работает, — шепчет Дмитрий Иванович, — на медведей ходит в одиночку, мастак! Охотник первоклассный.

Анданова я помню. Тусклое, неподвижное лицо за стеклянной перегородкой. Я бегал туда покупать марки для коллекции.

Анданов смотрит на нож с опаской, как на существо, готовое взбеситься.

— Не видел раньше... Нет, не видел!

Он выходит, постукивая клюкой. Одного за другим представляет Дмитрий Иванович новых охотников. Врач Малевич, тракторист Рубахин, летчик Бутенко. «Не знаю», «не видел»... Слесарь промкомбината Лях, рослый парень, добродушный и улыбчивый, бросив беглый взгляд на нож, тут же заявляет:

— Ну как же, видывал это перышко. У Шабашникова. Факт! Такой нож нельзя не запомнить.

Лях подписывается под протоколом улыбаясь: он не догадывается, какая мрачная и кровавая трагедия привела нас сюда.

Комаровский постукивает пальцами по столу.

— Шабашников? Невероятно... Кстати, почему не пригласили сегодня Шабашникова?

— Приглашали, — отвечает пожилой усатый лейтенант, помощник Комаровского. — Он в загуле. Говорит, поминки справляет. Они соседи были с инженером.

— Пригласите его еще раз!..

— Интересно, что они соседи, — замечаю я.

— Они были дружны...

— Помните, собака метнулась через забор? Это по направлению к дому Шабашникова?

— Да... Но как-то не могло прийти в голову.

Тогда собака потеряла след — после такого ливня самая лучшая ищейка была бы беспомощна. Погода сыграла на руку преступнику.

Мы с майором Комоловым и экспертом вылетели в Колодин, как только в областном угрозыске получили сообщение об убийстве. Вылетели ясным утром, а садились в дождь. Пилот мастерски посадил маленький «Як» на раскисшую площадку, усыпанную оспинами луж. Шеф во время полета был мрачен, то и дело кашлял в кулак — я не знал, что он решился вылететь с гриппом, при его-то сердце!

У дома номер девять по улице Ветчинкина собралась толпа. Осеева уже увезли на судебно-медицинскую экспертизу, Комаровский, ожидавший нас во дворе, показал только что отпечатанные, мокрые еще фотокарточки. Осеев лежал на пороге дома, голова его свисала на ступеньки.

Пока мы осматривали двор — дождь успел как следует обработать землю, — приехал следователь прокуратуры вместе с паталогоанатомом. Врач без лишних слов приступил к чтению длинного документа, начинавшегося с классического: «Осмотром и судебно-медицинским исследованием трупа установлено, что смерть наступила от...»

— Чем? — перебил Комолов.

— Орудие типа кинжала, длиной не менее двенадцати сантиметров. Проникающее, в сердце. Умер сразу. Следов борьбы нет.

— А субъективно?

— Опытная и сильная рука. Судя по положению трупа, убийца ударил сразу, как только открыли дверь.

— Когда наступила смерть?

— Время мы знаем точно, — заметил Комаровский, — преступник уронил будильник, шаря на столе Осеева. В двенадцать ночи. В двенадцать и семь минут.

Я представил себе эту ночную сцену: тусклый свет лампочки в сенях, фигуру Осеева, возникшую в проеме двери, и черную крутую спину убийцы с головой, убранный в плечи, — как хищник перед прыжком. Преступник знал, как надо действовать. Если бы он замахнулся, Осеев успел бы прихлопнуть дверь. Но удар был коротким и резким, Осеев не успел защититься.

Мы вошли в дом. Следы, оставленные грязными сапогами убийцы, вели в глубь дома. Эксперт снимал и зарисовывал отпечатки, я непрерывно щелкал фотоаппаратом. Кое-где с сапог осыпалась глина, и я аккуратно собрал ее в конверты.

Так мы прошли к письменному столу. Ящики были выдвинуты, кое-какие бумаги валялись на полу. Будильник с разбитым стеклом лежал циферблатом вверх. Убийца спешил. В верхнем ящике стола лежала раскрытая сберкнижка. Незадолго до трагической гибели Осеев снял с книжки довольно крупную сумму — около пятисот рублей. Денег в столе не было.

Преступник предусмотрительно надел перчатки. Он оставил несколько жирных отпечатков на бумаге, покрывавшей стол. Видимо, перчатки были смочены какой-то жидкостью, хорошо пропитывающей бумагу. От пятен исходил едва уловимый запах бензина.

Мы детально исследовали дом и двор, но больше ничего не удалось найти. Вскоре привезли собаку, толстолапую черную овчарку. Она было взяла след, но весь двор был в липкой грязи, дождь смыл все запахи. Неожиданно собака рванулась через забор, натянув длинный поводок, но дальше, за забором, беспомощно закрутилась и с виноватым видом легла на брюхо.

— Кто живет в этом направлении? — спросил Комолов.

Комаровский назвал фамилии соседей: Казырчук, Сажин, Шабашников...

Поблизости от того места, где крутилась собака, на стороне Осеева, стояла дощатая покосившаяся уборная.

— Вызывай золотарей, — сказал шеф Комаровскому.

Пришли золотари, по-научному ассенизаторы, дюжие ребята в фартуках и брезентовых рукавицах. Через три часа мы нашли в уборной узел. Нож и сапоги были завернуты в махровое голубое полотенце, похищенное в доме убитого, для увесистости в узел был положен булыжник. Край полотенца был оторван.

У Комолова хватило сил дойти до гостиницы. Его лихорадило. Вечером он совсем свалился с ног. «Грипп по сердцу резанул», — так сказал мне Эн Эс. Он задышался всю ночь и тянулся к окну; под утро ему стало немного легче. Тем временем мы получили первые результаты экспертизы: найденные нами сапоги действительно принадлежат преступнику, именно в них он вошел в дом Осеева. На ноже были найдены следы крови, которая могла быть только кровью Осеева.

Зазубрина, имевшаяся на ноже, оставила характерный след, задев ребро.

Сомнений быть не могло: убийца, совершив преступление, решил как можно скорее избавиться от улики.

Через полчаса в контору правления охотничьего общества является усатый лейтенант. Один, без Шабашникова. Он смущенно хмыкает в кулак.

— Не намерен Шабашников явиться, Борис Михайлович. Говорит: «У меня сильно тоскливое состояние, не могу...» Выпивши он.

— Что ж, если Магомет не идет к горе... — сердито говорит капитан. — Поедемте к Шабашникову.

В гостиницу я возвращаюсь поздно, на улицах горят фонари, дождь гасит их и без того тусклый свет. Николай Семенович не один, с ним врач — сутулый молодой человек в очках.

— Вы зря отказываетесь лечь в больницу, — говорит он на прощание, подписывая рецептурный бланк. — Вам необходим полный покой.

— Немного позже, доктор, — почтительно отвечает Эн Эс. — Мне нужен денек-другой. Ладно?

...Прежде всего Эн Эс заставляет меня вскипятить чайник и переодеться. Плащ я выжимаю, как половую тряпку. Августовский дождь, от него нет защиты.

— Давай по порядку. Помни: я ничего не видел.

— Кажется, мы скоро сможем закончить это дело, Николай Семенович!

— Ну-ну. По порядку! — напоминает шеф. — Выводы будем делать потом.

— Хорошо...

Домишко Шабашникова стоял за ветхим забором, ворота висели на одной петле, открывая вход во двор. Достаточно было одного лишь беглого взгляда, чтобы убедиться в том, что в доме живет бобыль. Какие-то хомуты, поленья, миски с собачьей едой, отбросы были рассеяны по всему двору. За сараем, через два или три двора, виднелась «круглая», на четыре ската крыша. Это был дом убитого инженера Осеева.

— Он чем занимается, Шабашников? — спросил я у Комаровского.

— Да так... Охотник. Можно сказать, профессионал. Шкурки сдает. Собаки у него знаменитые, щенками торгует. Сейчас увидите Найду — лучшая, говорят, лайка в Сибири, универсал.

— Один живет?

— Один.

Мы вошли в дом после того, как на стук никто не отозвался. Шум дождя стих за дверью. В доме было сумрачно. Хозяин сидел на кровати и, держа на ко-

ленях фокстерьера, разговаривал с ним. Поджарая лайка настороженно следила из-за шкафа. У ее ног барахтались двое щенков. Здесь было собачье царство. Да и сам Шабашников показался мне похожим на служебного пса, получившего отставку по возрасту. Обвислые щеки, слезящиеся глаза, весь какой-то пожухлый, мятый.

Он был не то чтобы сильно пьян, но и трезв тоже не был.

— Вы извините, что побеспокоили, — мягко сказал Комаровский. — Служба! Нам известно, что у вас имеется охотничий нож...

— У меня разрешение, — буркнул Шабашников, не поднимая головы. — На карабин и нож.

— Идет проверка... Оружие сейчас у вас?

— А то как?

— Покажите, пожалуйста.

Шабашников принес карабин и стал рыться в брезентовой полевой сумке. Комаровский, бегло осмотрев ружье, с интересом следил за поисками. Наступила тишина.

— Нет ножа, — растерянно пробормотал Шабашников. — Всегда здесь лежал.

— Вы поищите хорошенько.

Поиски длились около часа. Ножа, как мы и ожидали, не оказалось. Шабашников, запыхавшись, снова уселся на кровать.

— Что нож-то? — сказал он. — Тоже мне оружие!

Через несколько минут мы уже знали, что у Шабашникова исчезли также старые кирзовые сапоги сорок второго размера, и получили заодно подробное описание ножа: золингеневская сталь, лев и пальма на лезвии, наборная рукоятка.

— Когда вы в последний раз видели нож?

Шабашников наморщил лоб.

— Да вот позавчера...

— Восьмого августа? — Комаровский бросил взгляд в мою сторону: «Внимание!» Преступление было совершено в ночь с восьмого на девятое.

— Ну да, восьмого... Я ходил к соседям, к Зуренковым, проводку чинить и брал нож вместо отвертки.

— Может быть, забыли там?

Комаровский предоставлял ему возможность выкрутиться.

— Нет, принес, положил в сумку.

— Ну, а дальше? Вспомните подробности. Вечером и в ночь с восьмого на девятое вы были дома?

Комаровский задавал короткие вопросы, словно гвозди вбивал. Он толково вел этот разведывательный, осторожный допрос. Я чувствовал, что еще немного — и Шабашников сам загонит себя в угол.

— Дома... Под хмелем был... Да!

И тут я увидел, как в нем шевельнулся страх, выполз из-под спиртной дремы. Глаза меняли выражение — словно диафрагма открылась в объективе, и реальная жизнь вместе с сумрачным светом дождливого дня хлынула внутрь. Диафрагма открывалась все шире; и чем больше вбирали в себя глаза Шабашникова, тем сильнее росла в них тревога. Он был не так уж стар, это ясно чувствовалось сейчас.

— Щеночков я продавал в тот день, — сказал охотник. — Щеночков. Жалко мне их всегда, вот и...

Он вдруг улыбнулся мне. Улыбка была жалкая, заискивающая. Я отвернулся. Да, вот так оно и бывает. Пьяная дурь, неожиданная вспышка алчности и жестокости... И ничто не остановило его, одурманенный мозг не поставил ни одного барьера.

Шабашников засуетился. Он был рад малейшей возможности отклониться от темы разговора.

— Собаки! — забормотал он, протягивая мне фокстерьера. — Посмотрите: Тюлька, такого «фокстера» нигде не увидите. Любого лиса возьмет!

Тюлькины смешливые глазки-бусинки затерялись в завитушках белой шерсти. Шабашников и впрямь любил собак — фокстерьер был чист и вычесан. А в доме творилось черт знает что.

— Люблю я собачек...

Он сказал это так, будто любовь к собачкам могла оправдать любой его поступок.

— Значит, в ночь с восьмого на девятое вы были дома? — еще раз спросил Комаровский.

— Дома небось... Где же еще?

— И выходит, в тот вечер или ночью ваш нож и сапоги могли быть похищены?

— Не знаю, — пробормотал Шабашников. — Наверно, раз нету...

— В таком случае необходимо задержать вора. С вашего разрешения мы осмотрим место происшествия...

— Да зачем? — замахал руками Шабашников. — Мелочь какая!

— Вы понимаете всю важность происшедшего? Украдено оружие. Оно может быть использовано похитителем...

Шабашников нехотя написал заявление в милицию. Вскоре привезли розыскную собаку. Проводника предупредили, как вести поиски. Через несколько минут овчарка, рыскавшая по двору, настороженно принюхиваясь, принялась разрывать лапами груды щебня, сваленного у сарая. Мы пришли к ней на помощь и извлекли из-под щебня небольшой сверток. В обрывок полотенца, того самого, махрового, голубого, была завернута пачка денег. Десять четвертных.

— Это ваши деньги? — спросил Комаровский.

Шабашников побледнел. Руки его тряслись, и он никак не мог унять эту дрожь.

— Нет, не мои... Никогда их не видел в глаза!

— Откуда же они взялись?

Шабашников молчал.

«Возможно, он действительно ничего не помнит, — подумал я. — Бывает ведь... Алкогольное помешательство. Это может пройти так же быстро, как и пришло. Но улики ясно свидетельствуют против него. Никуда не денешься».

Я был очень удивлен, когда Комаровский ограничился лишь тем, что взял с Шабашникова подписку о невыезде. По дороге в отделение я сказал об этом капитану.

— За Шабашниковым мы посмотрим, — ответил Комаровский. — Но что-то мне не верится во все это... Как хотите, а не верится.

Я промолчал. Подумал: пусть Николай Семенович рассудит, подождем. «Не верится» — это слыш-

ком слабый аргумент, противопоставленный явным уликам. Комаровскому не хватало логичности в его действиях. А следователь — это прежде всего холодная и четкая логика, разве не так? Стоит только хоть на миг поддаться чувству симпатии или антипатии — и пиши пропало!..

8

Николай Семенович слушает меня и делает записи в блокноте. Стакан чаю стынет на столе.

— Значит, улики свидетельствуют ясно?

— По-моему, да.

— Позвони Комаровскому. Попроси привезти все данные об этом Шабашникове.

— Комаровский скоро должен быть.

Дождь все идет. За окном крупные капли описывают траектории, словно падающие звезды. Первый августовский затяжной дождь. Город лежит внизу темной массой, как уснувшее животное. Шевелится, вздыхает. Окна домов плотно прикрыты ставнями.

— Ты как будто спокоен, Паша?

— Да ведь не такое дело, Николай Семенович... Тупое дело. Пьянка. Омерзительно это...

Я и впрямь не чувствую того следовательского азарта, который охватывает каждого милицейского работника, разгадывающего загадку сложного, путаного преступления. Гнев, страсть — при чем здесь они? Это унылое, жухлое лицо с обвислыми щеками, мутные с похмелья глаза... Какой он, в сущности, убийца? Нелепый случай, нелепая жестокость. Надо аккуратно и точно довести дело до конца, передать в прокуратуру. И баста! Он должен получить по заслугам.

— Так-так...

Эн Эс недоволен, это я хорошо чувствую.

— Нет ли у тебя ощущения, что ты уже все постиг, что твоя работа ставит тебя как бы над людьми, а? Это обманчивое ощущение, Паша... Я так и не понял, что ты думаешь о человеке, которого подозреваешь в убийстве или соучастии. Кто он, мог ли он? Ты веришь обстоятельствам, минуя человека.

— Но улики... Я же не адвокат.

— И адвокат. И прокурор. Человек. И ты имеешь дело с человеком...

— У меня такое впечатление, что вы что-то знаете, чего я не знаю, Николай Семенович.

— Я знаю лишь, что в твоём лице передо мной холодная прямолинейность...

Меня больно задевают слова шефа. Я люблю его, он «мой старик». Мне хотелось бы, чтобы обо мне говорили: «У Павла Чернова комоловский стиль работы». Я всегда старался быть похожим на него и перенять у него все, даже привычки. Одно время даже покашливал в кулак, точь-в-точь как Эн Эс. Но есть в человеке нечто такое, чего нельзя перенять простым копированием.

Комаровский является в номер, держа под мышкой маленький школьный портфельчик. Обычно с такими портфельчиками ходят управдомы или колхозные бухгалтеры. Его длинная темно-синяя шинель подчеркивает удобу и нескладность фигуры.

— Сегодня ты кое-что нащупал, Борис Михайлович? — спрашивает майор.

Капитан вытирает костлявой рукой лицо, покрытое каплями дождя. Хмыкает. Он застенчив — особенно с высокими чинами. Это у него, видимо, от «старшинского» прошлого.

— Нащупал?.. Как сказать...

Комаровский тоже в чем-то сомневается. Чутье. Тоненькое растение, выросшее на почве, которая называется опытом. В этом они оба превосходят меня.

— Ну, так что Шабашников? — спрашивает Комолов.

— Понимаете, он у нас в городе на хорошем счету. Человек добрый, отзывчивый. Всю жизнь прожил безвыездно в Колодине. В войну был в армии, снайпером. Попал в плен, бежал. Демобилизовался вчистую после госпиталя. Жена погибла на фронте, медсестрой была. Один живет. Ну, пьёт, факт, это у не-

го периодами, запивает. Есть такой минус... С уголовным миром никаких связей.

— С деньгами у него как?

— Туговато. Деньги у него «плывут».

— В каких отношениях он был с Осеевым?

— Они вроде дружили... Шабашников бывал у Осеева в гостях, по-соседски.

— Было ему известно, что Осеев хранит дома, наличными, крупную сумму?

— Думаю, да. Говорят, Осеев советовался с ним насчет покупки мебели.

— Понятно, — сказал Комолов и открыл свою алую кожаную папку. — А что нам известно об Осееве?.. Два месяца назад в Колодин на строительство химкомбината приезжает инженер Осеев, сорока восьми лет от роду. Вот телеграмма — никакими компрометирующими материалами о нем мы не располагаем. Напротив, характеристика самая положительная... Толковый специалист и так далее. Приехав в Колодин, Осеев покупает дом на улице Ветчинкина. Он обеспеченный человек, имеет сбережения. Возможно, немалые сбережения.

У Осеева жена и дочь. Они живут в Иркутске. В июле дочь гостит у отца. В августе Осеев ожидает приезда семьи. Он решает окончательно обосноваться в Колодине. Пятого августа он берет с книжки пятьсот рублей, чтобы купить кое-что из мебели. Утром девятого августа его находят мертвым на пороге дома...

На втором этаже гостиницы, под нами, начинает играть оркестр. В ресторане веселье. Пол в номере слегка вздрагивает. Комолов морщится и откидывает голову на спинку дивана.

— Открой окно, Паша. Душно что-то...

В номере так холодно, что я дрожу в своем грубошерстном пиджаке. Я распахиваю окно.

— Итак, какие улики свидетельствуют против Шабашникова? Доложи, Паша, ты у нас, кажется, пришел к определенным выводам...

— Ну, во-первых, нож и сапоги, — бодро начинаю я. — Нож, которым совершено убийство, принад-

лежит Шабашникову. Следы, оставленные на полу в доме Осеева, — это следы его сапог. Так?

Комолов утвердительно кивает.

— Далее. Шабашников знал, что у Осеева в доме хранятся деньги. Именно деньги, как мы знаем, интересовали преступника.

— А в состоянии он по своим физическим данным нанести такой удар?

Тут я могу показать эрудицию в той области, где майор, житель большого города, не очень силен.

— Он ведь забойщиком считается, Николай Семенович.

— Забойщиком?

— Ну да. Так у нас говорят, — капитан это знает. Колодинцы приглашают его на забой скотины. Это ведь тонкая работа. Нужны глаз и крепкая рука, чтобы попасть точно в сердце.

— Это верно, — соглашается Комаровский.

— И еще. Известно, что Осеев вел довольно замкнутый образ жизни. Ночью он мог открыть дверь только хорошо знакомому. Именно таким хорошо знакомым человеком для него был Шабашников. Ну и, конечно, деньги, принадлежавшие Осееву и найденные во дворе Шабашникова, — улика неоспоримая. Я думаю, мы должны принять в качестве основной версии: Шабашников либо убийца, либо по меньшей мере соучастник преступления.

— Твое мнение, Комаровский? — спрашивает шеф.

Капитан смущенно кашляет в рукав.

— Все это было правильно доложено... Конечно... Но Шабашников... Очень сомнительно: человек никогда не ценил деньги, сам раздавал — и вдруг...

Верный своей дипломатической манере Комаровский не вступает в открытый спор. Стоит ли перечить товарищу из «центра»? Ведь он приехал помочь. Но, я чувствую, капитан остается при своем мнении. Он привык работать по-своему.

— Ну, Чернов у нас верит только уликам, — усмехается Комолов.

— Николай Семенович!

— Ну-ну, Паша, логика, даже формальная, штука полезная... Стало быть, первая неувязка. Убийца нанес удар, едва лишь Осеев приоткрыл дверь. Зачем Шабашникову, пользовавшемуся доверием инженера, так спешить? Очевидно, преступник опасался, что Осеев, увидев, кто стоит на пороге, тотчас захлопнет дверь. Либо Осеев вовсе не знал его, либо знал как человека, которого надо бояться. Второе. Преступнику были нужны деньги. Очевидно, он знал, что они хранятся в письменном столе, — кроме стола, ничего в комнате не тронут. Но деньги лежали в первом же ящике, на виду. Отчего все ящики перевернуты, а бумаги разбросаны? Более того, следы, оставленные на бумагах, говорят, что убийца интересовался всем содержимым стола, уже после того как были найдены деньги. Что он искал? Мы не знаем. По-видимому, не только деньги.

Третье. Если Шабашников преступник или соучастник, опасющийся разоблачения, что мешало ему лучше запрянуть похищенные деньги?

Четвертое: следы на полу. Преступник позаботился о перчатках, а вот то, что грязные сапоги оставят четкие отпечатки, не учел. Как ты все это объяснишь, Паша?

— Но ведь он был в состоянии опьянения, Николай Семенович. Отсюда все странные промахи.

— А ведь удар нанесен не пьяным человеком, Паша. Рука трезвая и очень даже ловкая. Почерк преступника свидетельствует о ясном уме и расчете.

Я молчу. Крыть, как говорится, нечем. Слишком уж заманчивой была для меня перспектива быстрого и легкого раскрытия преступления... Салага, неофиг.

— Не спеши бичевать себя, Паша. — Комолов кладет мне на плечо тяжелую ладонь. — Мы только начинаем предварительное следствие. Впереди много работы... А что, ты думал все будет легко и просто в этом деле?

Холодный ветер врывается в комнату, отдувая занавески. Комолов жадно дышит, его бледное, слегка оплывшее лицо искажено гримасой боли.

— Прилягте, Николай Семенович.

— Аналогичных дел я как будто не припомню, — продолжает майор. — Сделаем так. За Шабашниковым пока посмотрит Комаровский со своими. А ты, Паша... Давай попробуем поверить Шабашникову, раз уж о нем такие добрые отзывы. Но если не он, то кто? Естественно, только человек, который мог украсть нож и подбросить деньги, чтобы навести следствие на ложный след. Попробуй разберись в этом... Так ли уж были нужны преступнику деньги, если он с легкостью отказался от половины суммы? Сомнительно... Разумеется, все это лишь догадки, и разобраться будет нелегко. Но я буду рядом, Паша, а как только почувствую себя лучше, то включусь полностью. Понял?

Звонит телефон. Я сразу узнаю ее голос.

— Мне Павла Чернова. Павел? Это Лена Самарина. Ты еще помнишь? Отец сказал, что ты здесь, такой сверхзанятый, почти секретный! А видется с женщинами тебе разрешают?

«Женщина, — отмечаю я про себя. — Господи, я помню ее совсем цыпленком!»

— Что там еще? — спрашивает майор.

— По личному делу, Николай Семенович, — отвечаю я, прикрыв ладонью трубку. — Знакомая... по школе еще.

Не вовремя позвонила Ленка. Но Комолов смеется:

— Ну так что ж ты смущаешься, если по личному? Иди, ты свободен.

Все еще сыпет неумолимый дождь, и мы с Ленкой договариваемся встретиться в ресторане. Единственный ресторан Колодина находится как раз под нами, на втором этаже гостиницы.

4

В ресторане шумно. Компания геологов празднует окончание полевого сезона. Бородатые парни в ковбойках и штурмовках, рыцари тайги. Девчонки в грубых свитерах, счастливые, с сияющими влажными глазами.

Наверно, человек моей профессии выглядит рядом с этими парнями страшным анахронизмом. Нож из уборной, похищенные деньги, старые сапоги, оставляющие следы на полу... Жестокость, алчность, алкогольный психоз... Варварство, заглянувшее в наш век из далекого прошлого.

А кто-то ходит по тайге. Ищет всякий там ванадий. Спутники запускает. Строит батискафы.

— Венька, ты ешь третий бифштекс.

— Я недобрал за сезон сто одиннадцать бифштексов.

— Парни, Сиротка Люпус притащил сюда рюкзак с образцами!

Геологи... Из нашего выпуска трое ребят пошли в геологи. И еще наш класс дал горного инженера, микробиолога, физика... Я знаю, о моем выборе ребята говорят как о чудачестве, пожимая плечами и улыбаясь: «Чернов Пашка, лучший математик, медалист, пошел в милиционеры!» Ну, а кто же должен «идти в милиционеры», хотелось бы знать?

...«Презумпция невиновности, Паша. Это не просто термин, это стиль нашей работы. Если ты не доказал на все сто процентов, что человек совершил преступление, ты не имеешь права считать его виновным». Так говорил Эн Эс. А если не Шабашников, то кто? Значит, мне противостоит очень хитрый и ловкий преступник, справиться с которым будет нелегко.

Через два столика от меня сидит человек со спиной широкой и мощной, как стальной щит скрепера. Спины, если присматриваться, могут быть так же выразительны, как и лица, неповторимы, как форма уха или отпечаток пальца. Этого человека я уже видел.

Он оборачивается. А... Преподаватель из школы ДОСААФ, Ленкин приятель! Он в обществе белокурой дамочки с губами, покрашенными слишком ярко для Колодина.

Геологи едят апельсины, оркестр играет «Бродягу» в бодром танцевальном темпе. Мрачная личность

в шароварах старателя, заказавшая «Бродягу», горюет у пустых графинов.

В застекленной двери я вижу Ленку. Светлая, коротко стриженная головка. Еще в школе девчонки, завидуя, говорили ей: «Тебе не придется краситься, ты всегда будешь в моде». У нее волосы льняного цвета.

Я иду к выходу, и мне кажется, что все столики смотрят на меня, даже оркестранты оторвали от губ мундштуки. Застыла кулиса в руке тромбониста. «Вы видите этого лейтенанта в штатском? Со смешным хохолком на затылке?» Я снова превращаюсь в мальчишку. Прошлое вдруг ожило.

— Пашка!

Мы почти одного роста — так она вытянулась. От нее пахнет дождем, свежестью и прохладой улицы; этот запах особенно ощутим в теплом, табачно-кухонном воздухе ресторана.

— Пашка, я рада.

Мальчишки из детства уходят так далеко, что их можно целовать безбоязненно у широкой застекленной двери ресторана. Мальчишки из детства становятся родственниками.

— Дай я посмотрю на тебя, лейтенант милиции. Какие складочки у рта!..

Мы идем к столику. С Ленкой здороваются. Мы продолжаем разговаривать, но я уже плохо слышу Ленку. Что-то изменилось в ресторанной обстановке. Взволнованный встречей, я никак не могу собраться и определить причину перемены. Наконец удается настроить фокус. Мотоциклиста — вот кого нет! Пока я встречал Ленку в гардеробе, он исчез со своей дамой. В ресторане два выхода — один в вестибюль гостиницы, другой прямо на улицу... Он не хотел, чтобы его видела Ленка. Почему? Впрочем, это уж меня не касается.

— Ты меня слушаешь, Паш?

— Да-да.

— ...Я хотела уехать из Колодина. Все уезжали. Поступила в Ленинграде в институт Лесгафта, ты же знаешь, у меня всегда было хорошо с гимнастикой.

Добралась до четвертого курса. Отец разболелся, пришлось вернуться. Преподаю в школе. В третьей и в нашей. Смешно, да? Самарина — «училка».

— С тройкой за поведение!

Это когда мы убежали на Катицу, на необитаемый остров, нам закатали в табель по тройке.

— Мне и сейчас достается за поведение.

— Я подумал об этом, когда увидел тебя на мотоцикле. Слишком экстравагантно для Колодина.

— Чихать! Привыкли уже. Я в Ленинграде пристрастилась к мотоциклу. Как только вернулась, разорила родственников и купила «Яву».

— Ну, у вас даже чемпион по мотокроссу живет.

Она сразу становится серьезной — глаза холодные, не улыбочивые. Впервые вижу, что у нее серые глаза. Раньше я знал только, что они красивые. Но смотреть в них было почему-то страшно.

— Вопрос с подвохом?

— Что ты, Ленка. Просто я видел, как ты подъезжала к дому.

— Ну да, ты ведь должен быть наблюдательным.

Она крутит в пальцах ножку бокала. Ногти у нее покрыты бесцветным лаком. Слишком длинные и аккуратные ногти для мотоциклистки. Вероятно, кто-то помогает ей возиться с мотоциклом. Жарков?.. Это как болезнь — следить за мелочами, даже близкий человек становится объектом наблюдения.

Ленка стала взрослой. Наверно, было кое-что в ее жизни за эти годы. И был кое-кто. Неприятно думать об этом. Не мальчишечья ревность, нет — элементарный мужской эгоизм.

— Ты не замужем?

— Сам видишь.

— Стала бы ты носить кольцо!

— Стала. Это хорошо — кольцо. Только надо носить, когда оно радостно, правда?

Да, она стала взрослой.

Она постепенно оттаивает после моей неловкой фразы о чемпионе. Надо быть осмотрительнее. Вернувшееся детство — только иллюзия.

— Паша, говорят, у Шабашникова нашли деньги, его собираются привлечь, да?

— Колодин всегда все знает!

— Он безобидный человек, вот что я хотела сказать. Лес любит, зверей...

— Не будем говорить о делах, ладно?

— Не будем. Но он хороший, Шабашников.

Мы выходим под дождь, когда часы бьют полночь, а оркестр, фальшивя от усталости, играет «До свиданья, москвичи». Женщина в черном платье поет: «Все равно от меня никуда не уйдете». Мы не москвичи, мы уходим. На пустой, унылой площади Красницкого мокрый булыжник сверкает под фонарем. Ленка, озоруя, шлепает по лужам.

— Ну что ты такой насупленный, Паш? Не надо. Утро вечера мудренее — царевна это знала! А хочешь, я покажу тебе одну сцену? Позавчера, знаешь, историк собрал наших педагогов и сказал, что намерен поставить вопрос обо мне.

Ленка — руки в боки — выходит под фонарь.

— «Хочу сказать о преподавательнице физкультуры Самариной. Я ничего не имею против мотоцикла как средства передвижения. Но хорошо ли, когда член нашего коллектива, к тому же девушка, носится по городу? Совместимо ли...» И пошел!..

— Ну, а ты?

— Я? Прошпарила наизусть Чехова. Помнишь, Ивсеменыч заставлял нас учить «Человека в футляре»? «Если учитель едет на велосипеде, то что же остается ученикам? Им остается только ходить на головах! И раз это не разрешается циркулярно, то и нельзя... Женщина или девушка на велосипеде — это ужасно!» Учителя рассмеялись, на том и дело кончилось.

Ленка смеется, подставив дождю лицо. Из темноты выходит постовой милиционер.

— Бежим! — Ленка хохочет и хватает меня за руку.

Сумасшедшая девчонка... Мы топаем по деревянному тротуару.

Недаром говорят — за весельем жди похмелье. Сонная дежурная отпирает мне дверь гостиницы.

— Вас искали.

Взбегаю наверх. Номер пустой и прибран горничной, сладко и приторно пахнет камфарой. На столе записка. «Николаю Семеновичу стало плохо. Увезли в больницу. Жду утром. Комаровский».

Звоню в больницу. Дежурный врач отвечает, что у майора Комолова предынфарктное состояние и они настоятельно рекомендуют не беспокоить его в ближайшие дни.

— Никаких писем, никаких служебных дел. Полный психический и физический покой. Мы же предупреждали майора...

У врача усталый, монотонный голос.

— Что ему принести?

— Ничего, майор просил не сообщать родственникам до выздоровления.

С минуту сижу в полной растерянности. Только сейчас я ощущаю, как важно и незаменимо было для меня присутствие шефа. Смогу ли я работать в одиночку? Впрочем, все это неважно... Лишь бы он выздоровел!

До утра долго ждать, и я решаюсь отправиться к Комаровскому. Начальнику гормилиции не привыкать к ночным визитам.

Капитан живет на улице Каландарашвили. Очень трудная была фамилия у знаменитого иркутского партизана. Дождь льет по-прежнему. Всхлипывают ручьи. Улица Каландарашвили граничит с поселком химкомбината. Здесь стоят стандартные деревянные дома, в два этажа.

За обшитой войлоком дверью слышатся возбужденные детские голоса. Кажется, я всех разбудил. Мне открывает толстая женщина в халате. Детские головы выглядывают из темной комнаты. Одна, вторая, третья, четвертая... Ну, Комаровский!

— Бориса Михайловича нет, — говорит женщина. — Ушел по делам.

У жены капитана мягкое, добродушное лицо. Руки красны от бесконечных стирок и поварской суеты.

— Вы посидите. Только на кухне придется, ничего? Больше негде: детвора...

Через час приходит Комаровский. Он несколько смущен моим визитом — стесняется, видать, своего многоголосого семейства, заполнившего, как всплывшая опара, тесную квартирку. Он насквозь продрог и, скинув накидку, долго греется у печки, еще хранящей тепло.

— Майор-то, а? Несчастливо как получается...

— Не уберегли мы его...

— Да он и сам никогда не берегся. Трудно будет без него. — Комаровский сокрушенно качает головой. — А я вот у Шабашникова был. Решил поговорить с ним начистоту, с глазу на глаз. Да и майор посоветовал...

Худой, усталый, без строгого форменного кителя, Комаровский похож сейчас на пожилого рабочего, вернувшегося домой после тяжелой работы в заводском цехе.

— Знаете, Павел Иванович, я думаю, Шабашников нас не обманывает. Не замешан старик в этом деле ничуть. Сердцем чувствую. Он, конечно, догадался, в чем мы его подозреваем и почему, и он ничем не может доказать свою невинность... Очень переживает, взвинчен до предела. Я просто опасаюсь за него. Странное получается дело.

— Выходит, мы должны опираться на его показания, как на свидетельские? — спрашиваю я.

— Да. Кстати, мы навели кое-какие справки. Шабашников действительно был днем восьмого августа у Зуренковых, по соседству, и помог им починить электропроводку. Нож был у него, он пользовался им при ремонте и унес с собой. Говорит — положил в сумку. Это было в четырнадцать часов.

— Значит, нож, а заодно и сапоги могли быть украдены только восьмого августа, с четырнадцати до полуночи?

— Именно так, — подтверждает капитан. — Я узнал у Шабашникова, кто навещал его в этот день.

Кроме этих людей никто не мог проникнуть в дом незамеченным... Вот!

Комаровский достает из своего потертого бухгалтерского портфельчика листок.

Что ж, будем считать, что Шабашников дал «объективные свидетельские показания»... «Однако что за иронический тон?» — останавливаю я себя. Доверие — это цепочка, тянущаяся от человека к человеку. Разорви одно лишь звено, и вся цепь уже никуда не годится... Комаровский верит в Шабашникова, дальше эта вера должна передаться мне.

— Так вот, пять человек, — продолжает Комаровский. — В тот день, как помните, Шабашников продавал щенков... Ну, и охотники наши заинтересовались. Вы их знаете, наверно: врач Малевич, Анданов — с почты, Лях из райпромкомбината, преподаватель автошколы Жарков. Был еще пятый. Но ни фамилии его, ни имени Шабашников не знает. Видел его впервые.

— А какие-нибудь подробности этих визитов известны? — спрашиваю я Комаровского.

— Кое-что Шабашников помнит. Врач просто зашел посмотреть на потомство знаменитой Найды. Лях тоже пробыл недолго, взял щенка в долг. Анданов выбрал щенка, но с собой не взял и оставил задаток, шесть рублей. Пробыл он около получаса. После этого Шабашников отправился в магазин. К приходу Жаркова он был уже изрядно навеселе. Жарков купил щенка и сам предложил «обмыть» покупку. Последнего посетителя Шабашников уже не смог толком разглядеть. Тот говорил якобы, что гостит у своих родственников, неподалеку от Колодина... Это все, что я узнал.

— А когда ушел этот последний гость?

— Неизвестно.

— Значит, у нас теперь две задачи: отсеять лиц, имеющих достоверное алиби, и установить личность этого незнакомца.

Выйдя от Комаровского, я неожиданно обнаруживаю, что небесное ситечко перестало сеять влагу. Начинает светать. Колодин в этот час кажется таким

мирным, уютным, он спит и видит самые сладкие утренние сны. Кажется, невероятным, что в этом городке могла произойти такая трагическая и кровавая история.

Произошла ведь... Где-то поблизости, в городе или его окрестностях, коротает тревожную ночь убийца. Один из пяти?

6

Воздух по-осеннему прозрачен, сопки, на которых просматривается каждое деревце, окружают умытый, прилизанный Колодин, как декорации. «Хорошо, что солнце, — первая моя мысль. — На сердечников, говорят, очень действует погода».

В девять я уже в больнице, беседую с главврачом. Он не может сообщить о майоре Комолове ничего утешительного. Состояние более или менее удовлетворительное. Резиновая формулировочка.

К двенадцати в горотдел собираются сотрудники Комаровского, еще ранним утром отправившиеся по срочному заданию. Они сообщают немаловажные для следствия данные о пятерых охотниках, побывавших у Шабашникова накануне убийства.

Врач Малевич с девяти вечера заступил на дежурство в поликлинике. Он не отлучался с места дежурства ни на минуту. «Исключается».

«Почтмейстер» Анданов в тот же вечер уехал из города, он повез больную жену в областной центр показывать какому-то специалисту-врачу. Жена вдруг почувствовала себя хуже, и этим был вызван срочный отъезд. Поезд, которым уехал Анданов, ушел в десять тридцать. «Проверить. Что за неожиданный отъезд?»

Лях, выйдя от Шабашникова, тут же направился вместе со щенком к давнему своему приятелю Новикову, который до выхода на пенсию служил в милиции собаководом. Беседа друзей затянулась до часу ночи. «Исключается».

У Жаркова четкого алиби нет. Сторожиха продовольственного магазина, дежурившая как раз напро-

тив дома Жаркова, сообщила, что часов в десять вечера чемпион укатил куда-то на своем спортивном ИЖе. Когда вернулся Жарков, сторожиха не знала. В одиннадцать часов на улице был выключен свет в результате какой-то аварии на электростанции. «Разобраться».

О пятом посетителе по-прежнему ничего не известно, но Комаровский уверял, что все меры к розыску приняты.

— Вы думаете, он не успел убраться? — спрашиваю я у капитана.

— Как бы ни было, в Колодине он не мог остаться незамеченным.

Что ж, «иксом» мы еще займемся. Остаются двое: почтмейстер с его срочным отъездом интересуется меня больше, чем Жарков. Не слишком новый и оригинальный способ обеспечения алиби: отправляешься на вокзал, берешь билет и незаметно возвращаешься обратно. Вся задача в том, чтобы в конце концов оказаться в пункте назначения. Померанцев, читавший лекции в милицейской школе, называл этот маневр «заячьим скоком». Бывает, что заяц, уходя от преследования, вдруг делает резкий прыжок в сторону, и охотник натывается на оборванную строчку следов.

Следует исключить и возможность «заячьего скока».

— Кстати, сегодня летная погода, — замечает Комаровский. — Должны прилететь жена и дочь Осеева.

Похоже, что шеф дал указание Комаровскому заботиться обо мне — не упустил бы чего по молодости лет.

— Я звонил на химкомбинат, — продолжает Комаровский, — чтобы встретили. Несладко им: вместо новоселья на похороны.

Нет, он заботится не только обо мне, обязательный колодинский «дядя Степа».

— Машина будет сегодня в вашем распоряжении, Павел Иванович.

— Отремонтировали?

— Кое-как. Обещают другую дату, да не спешат. Захолустный городок, обойдемся, мол.

В его голосе уже звучат просительные интонации: вы-то там ближе к центру, посодействовали бы. Старшинские хитрости, капитан...

Звоню в отделение связи Анданову. «Надо бы побеседовать. Когда вам удобно?»

— С двух до трех я обедаю дома, — говорит Анданов.

Дом двухэтажный, старый. Лестница музыкальна, словно ксилофон. У каждой ступеньки свой неповторимый скрип. Ровно в два я у двери. И тут же чьи-то шаги повторяют музыкальную фразу. Стук палки отбивает такт.

Ступеньки даются Анданову нелегко, на лице появляется гримаса боли, когда он заносит негнущуюся правую ногу. В руке — стандартная клюка, новенькая, еще не захватанная пальцами. Значит, травма. И недавняя.

Держится он холодно и с достоинством, подчеркивая всем поведением, что пригласил меня не из чувства гостеприимства, а исполняя свой гражданский долг.

— В моем распоряжении минут двадцать. Я должен еще разогреть еду и пообедать. Вам достаточно двадцати минут?

Он говорит так же, как и движется, — размеренно и четко. Мышцы лица при этом остаются неподвижными: словно маской прикрыт. Что ж, профессия налагает отпечаток. Дотошность, пунктуальность, сосредоточенность, малоподвижный образ жизни — все это отразилось в сидящем передо мной человеке. Никаких порывов, вспышек, нервозности, профессия требует только ритма и внимания. Наверно, он хороший почтовый работник...

— Я не знал, что у вас больная нога, и заставил спешить.

— Пустяки. Ушибся, пройдет.

Медлительно, заученными движениями он наби-

вает трубку, открыв ярко-желтую коробочку «Золотого руна».

Я коротко объясняю: дело об убийстве Осеева требует выяснения кое-каких деталей, и он, Анданов, может нам помочь.

— Не знаю, смогу ли, — говорит Анданов. — Я плохо его знал. Кажется, он не увлекался охотой.

— Но вы, наверно, знакомы с кем-нибудь из людей, близко знавших Осеева?

— Кого вы имеете в виду?

— Шабашникова, например.

— Шабашникова? С ним я знаком.

— Когда вы видели его в последний раз?

Густой душистый дым плывет по комнате. Анданов глубоко затягивается, щурит глаза, напрягая память.

— Постойте... Да, я видел его... Это было перед моим отъездом, восьмого августа. Я заходил к нему, хотел купить щенка.

— Шабашников ничего не говорил вам об Осееве?

— Ничего... Я слышал, что Шабашников якобы в чем-то заподозрен в связи с этим преступлением. Извините, что вмешиваюсь не в свое дело. Но Шабашников человек, абсолютно неспособный совершить что-либо противозаконное.

Мельком я оглядываю фотографии. Бесчисленные снимки жены: маленькая полненькая девочка в кудряшках, с ямочками на щеках, потом маленькая полненькая девушка с ямочками, потом женщина все с той же не тронутой годами улыбкой. Те же кудряшки. «Самого» не видно на фотографиях. Только два или три сравнительно недавних снимка. Бывают люди, которых трудно представить детьми, и Анданов из их числа. Длинное пальто, барашковый воротник, руководящий «пирожок» на затылке. Таким, наверно, он появился на свет и сразу принялся за сортировку писем, телеграмм и другую общественно полезную деятельность. Ему не пришлось ползать перед объективом на голом пузе и ждать птички, которая вот-вот вылетит. До чего ж серьезная личность!

— Во сколько вы ушли от Шабашникова?

— Часов в пять.

— А вечером того же дня вы не встречали Шабашникова?

Мягко и деликатно я стараюсь получить от Анданова ответ на вопрос, который я не хочу задавать в лоб. Анданов оказывается гораздо более понятливым, чем я ожидал. Он облегчает мою задачу.

— В тот же вечер я выехал из Колодина. Жена почувствовала себя хуже, и я решил показать ее в области. Здешние врачи, увы... махнули на нее рукой. Впрочем, для вас это неинтересно. Очевидно, молодой человек, вы хотите установить алиби всех, кто был у Шабашникова, да? Пожалуйста.

Как бы ни раздражал меня этот холодный тон, я начинаю чувствовать нечто вроде благодарности к этому спокойному, сдержанному человеку. С ним не надо финтить.

— Я выехал со станции Коробьяниково в десять тридцать. Вагон шесть. Там были двое проводников, мужчин...

Он говорит уверенно и спокойно.

— Когда вы уходили, Шабашников был трезв?

— Да.

— Много вы оставили задатку за щенка?

— Шесть рублей.

Комната у Анданова большая и сумрачная. Тюлевые накидки на тумбочках, горка из подушек, герань и «слезки» на окне, многочисленные фотографии в застекленных рамочках, ракушечные шкатулки — здесь ощутимо недавнее присутствие хозяйки, домовитой, рачительной, мещанистой. Квитанции и жировки аккуратно подколоты на гвоздик. В этом доме, должно быть, знают цену деньгам.

— Надеюсь, содержание нашего разговора...

— Можете быть уверены, — перебивает меня Анданов. — Я знаю законы.

Я скатываюсь по лестнице-ксилофону под дикий вопль ступенек. Интересно, что у него на обед? Мне представляется длиннолицый, унылый человек, сосущий сухарь над стаканом бледного чая.

— Вы можете сказать, не похищены ли у вашего мужа вместе с деньгами какие-либо драгоценности или дорогие вещи?

Женщина в черном шерстяном платке и черном платье смотрит на меня, стараясь сквозь ворох собственных мыслей добраться до смысла вопроса. Вся наша суэта теперь так далека от нее, так ничтожна. Если бы мы приходили до. Не после, а до.

Дочь Осеева сидит чуть поодаль. Очень похожа на мать, такое же строгое красивое лицо, брови вразлет.

— Драгоценности?

Если бы убийца унес с собой хоть что-нибудь еще, кроме денег, мы бы получили в руки нить. Вещи оставляют заметный след.

— Разве что янтарные запонки, — говорит дочь.

Они смотрят на меня неподвижными глазами. Зачем все это? Для меня запонки — это запонки. «Вещественное доказательство». Для них — осязаемое прикосновение к прошлому. Может быть, день рождения, торжественный вечер, свечи в праздничном пироге... Горе заслоняет для них весь мир. А тут еще я со своими вопросами. Лучше всего было бы хоть на несколько дней оставить вдову и дочь в покое, дать свыкнуться с несчастьем. Но я не могу ждать. Убийца на свободе.

Я смотрю в опись, составленную при осмотре дома Осеева. Вот — номер семьдесят два, «запонки янтарные, одна пара». На месте.

— Ваш муж никогда не делился с вами своими опасениями?.. Может быть, вражда, сложные отношения с кем-либо?

— Нет. Он всегда ладил с людьми.

— Вы уже гостили в Колодине, — обращаюсь я к дочери. — Как вы думаете, кому ваш отец мог открыть дверь ночью, безо всяких опасений?

— Трудно сказать. Отец еще не обзавелся друзьями в этом городе. Разве что Шабашникову.

У меня еще много вопросов, но Осеевы держатся из последних сил. Если бы мы приходили до.

— Я только об одном прошу, — говорит мать. — Верните мне дневник мужа. Он дорог как память.

— Дневник?

Мне не надо заглядывать в опись: дневник никак не мог пройти мимо глаз.

— Вы, наверно, взяли его вместе с письмами?

Писем было много. «Дорогой папочка... Вчера испекла твой любимый пирог с яблоками...» Сообщения о свадьбах, крестинах, гостях, покупках. Но дневника в доме Осеева не было.

— Вы уверены, что ваш муж вел дневник в последние дни?

— У него это вошло в привычку. Он много ездил по стройкам, много видел. Хотел составить «маленькую летопись».

— Да, у отца был дневник, — подтверждает дочь. — Толстая такая книга, он сам сшивал листы.

— Хорошо, мы постараемся найти ее и вернуть.

Мне становится как-то зябко. Словно дорожка, по которой я шел, вдруг оборвалась и оттуда, из темноты, из провала веет холодом. Если дневник похищен преступником, значит дело действительно сложное, и корни его идут далеко. Здесь необходим Николай Семенович. Его логика, опыт, интуиция.

А ограбление — только маскировка, ложный след, и опасения шефа были основательны? Или же совпадение: дневник мог быть утерян Осеевым, сожжен... Может, в дневнике лежали деньги, и убийца прихватил его впопыхах?

Я смотрю, как Осеевы садятся в машину. Милицейский шофер предупредительно распахивает дверцу фургончика перед двумя женщинами, одетыми в черное.

Дневник...

— Жизнь Шабашникова прошла на виду у города, — говорит Комаровский. Он расхаживает по кабинету, долговязый, как цапля, и размахивает руками. — У Шабашникова никаких связей с Осеевым в прошлом, это установлено. Зачем ему понадобился бы дневник?

— Это логичное замечание...

— Да! Звонили из областного управления, — спохватывается Комаровский. — Помилуйко намерен прилететь, заменить Комолова.

Помилуйко. Как бы неуверенно ни чувствовал я себя, оставшись без Комолова, мне бы не хотелось, чтобы Помилуйко заменил шефа. Помилуйко любит работать в одиночку, превращая всех остальных подчиненных ему сотрудников в простых «подсобников». Он напорист и слишком уверен в своей непогрешимости, а это дело требует осторожности и рассудительности.

— Вы обедали, Паша?

Комаровский наклоняется надо мной, такой добрый, усталый и домашний, что милицейский китель, который топорщится на его костлявых плечах, кажется реквизитом, позаимствованным в местном народном театре. И я впервые думаю, что он почти вдвое старше меня. Он уже был «дядей Степой — милиционером», когда я только пошел в первый класс.

— Ведь это, получается, ваше первое самостоятельное дело. По крайней мере до приезда Помилуйко. Но вы не волнуйтесь, Паша.

«Первое дело».

Ну, а что, если мне не удастся найти подтверждение версии о преступнике, похитившем нож и сапоги у старика? Тогда останется лишь один подозреваемый. Сам Шабашников. Выходит, его репутация, а может быть, и судьба в моих руках? «Он безобидный. Лес любит, зверей...»

— Вы не волнуйтесь, Паша. А вот пообедать надо, ей-богу.

— Как-нибудь доедем, — уверяет меня шофер. Ему лет девятнадцать, и он большой оптимист.

Задний мост скрежещет, как будто там, под днищем, работают жернова. Худо у колодинской милиции с транспортом. Лучше бы Комаровский кобылу приобрел вместо этого старого «козлика».

Колодинский вокзал находится в четырнадцати

километрах от города, это, собственно, самостоятельная станция и называется она Коробьяниково. Но в Колодине говорят «наш вокзал». Городу хочется быть значительным.

В десять двадцать на станцию приходит тридцать второй поезд, тот самый, в котором ехал Анданов. Сегодня я могу застать ту же бригаду проводников, и мне надо обязательно успеть, иначе бригада сменится и проверка затянется и усложнится.

Ухабистая дорога, присыпанная кое-как щебенкой, мотает машину, словно катер на волне.

— Вот пришлют новую, — бормочет шофер. — Мигалку поставим на крышу, радиостанцию. Как в Москве!

— Здорово! — говорю я. — Как бы побыстрее? Опаздываем.

Шофер, сделав свирепое лицо, разгоняет машину. «Козлик» совершает лихие прыжки, оправдывая свое название. Потом скрежет переходит в пороссячий визг. Мы останавливаемся.

— Теперь, значит, не успеем, — спокойно говорит шофер.

Улица темна и пустынна. Автобус к поезду, вероятно, уже ушел. И ни одной машины. Справа тянется длинный унылый забор. Склад. Но ведь там должен быть телефон!

Я отыскиваю проходную и под присмотром сторожа с берданкой кручу рукоятку магнето.

А кому звонить? И тут меня осеняет — Ленка, возмутительница тишины. К счастью, у Самариных есть телефон. Это чудо. Это мне просто повезло, что какой-то местный руководящий деятель воспылал охотничьей страстью и ему потребовалась помощь Дмитрия Ивановича. «Деятеля» давно нет, а телефон остался. В этом великое преимущество механизмов перед должностными лицами: коль их поставили, они всегда на месте.

— Помнишь, ты обещала научить меня ездить на мотоцикле?

— Конечно... Десять часов вечера — самое удобное время.

— Ты должна меня выручить!

Через десять минут Ленка лихо тормозит около «газика». На Ленке белый марсианский шлем.

— Давай сяду за руль, — говорю я.

— Ты не умеешь.

— Посмотрим, чему нас учили в милиции.

Черные рукоятки руля согреты Ленкиными ладонями. Мотор взывает на высоких оборотах. Мы летим в ночь, неся перед собой узенький коридорчик света. Поднимаемся на невидимые, поглощенные темнотой сопки и спускаемся в распадки, словно в воду ныряем, — холодный сырой воздух бьет в лицо. Километровые столбы возникают, как белые привидения.

Здорово это — скорость, движение! В пути у тебя всегда есть четкая и желанная цель. И все, что мучало недавно, становится простым и понятным. Изобретатель колеса был поистине великим человеком.

Я чувствую затылком дыхание Ленки. Руки заоченели, и весь я заоченел, но мне удивительно хорошо и спокойно. Вокзал выплывает навстречу, как каравелла времен Колумба. Это неуклюжее бревенчатое строение со множеством надстроек и переходов.

Платформа пуста, поезд еще не пришел. Кассирша меланхолично щелкает компостером.

— Как с билетами на тридцать второй?

— В это время всегда свободно...

— А в шестой вагон?

— Тем более. Это мягкий.

Странно, что Анданов взял мягкий вагон. Он не похож на человека, который с легким сердцем извлекает из кармана бумажник.

Глухо гудят рельсы, дальний огненный глаз паровоза шарит по сопкам.

Вскоре платформу заливают светом паровозного прожектора, и люди становятся угольно-черными. За палисадником я вижу Ленку. Лунно сияет ее шлем. Дурацкая песня почему-то приходит на память: «...и марсианочка с фотон-ною ракетой ко мне летит, летит...»

Проводник мягкого вагона оказывается на редкость словоохотливым. Он фонтанирует, как тюменская

скважина. Вид милицейского удостоверения приводит его в восторг. Этот курносый увалень любит приключения.

Да, он помнит — такой высокий, строгий пассажир, а жена его маленькая, полненькая, и он поддерживал ее под руку, потому что была больна. Да, это он, тот пассажир, на фотокарточке, факт. Наверно, научный работник. Почему? Ну, такой серьезный и ехал в мягком вагоне. Не остался ли пассажир на перроне? Нет, он ехал до конца. Билет у них был в третьем купе, там ехал какой-то инженер, который пил удивительно много чая, просто даже подозрительно много...

Ладно, он, проводник, больше не будет отклоняться от темы. Значит, пассажир с больной женой вошли в купе, а инженер вскоре выскочил оттуда со своим подстаканником. У него был собственный серебряный подстаканник — тяжелый, как гиря. Ладно, ближе к делу. Инженер сказал, что не хочет ехать в одном купе с женщиной, которая больна неизвестно чем и громко стонет. Вообще-то, конечно, он прав. Нынче эти вирусы в моде — страшное дело.

Инженера перевели в другое купе, а строгий пассажир с женой ехали одни. Сам пассажир попросил: вагон-то свободный. Выходил ли пассажир из купе? Ну, этого он не знает, потому что вскоре после Коробьяникова пошел спать, а дежурить заступил напарник...

Дежурный по станции бьет в колокол.

— Да где же напарник-то?

— Он за кипятком... Федя!

Я вижу, как мчится Федя, расплескивая воду из ведра. Поезд лязгает и трогается. В два прыжка я оказываюсь у палисадника.

— Ленка! Я поехал. Соскочу на первой станции и завтра вернусь. Спасибо!

— Выходи в Лихом! — кричит Ленка. — Подожди на станции. Я скоро буду там... По тропинке проеду-у!

— Не надо!

— Жди...

В служебном купе напарник Федя косит на меня

глазом. Он осторожен, себе на уме и в отличие от приятеля не склонен радоваться приключениям.

— Значит, я заступил. Зашел в купе к этому товарищу: не нужно ли чего? «Нет, — говорит, — не нужно». Жена хворая лежала. В полтретьего он вышел из купе. Спросил бинта. Ногу он поранил, прыгая с полки. Сода спросил для жены. Ну, дал я сода, бинта.

— Вы точно видели этого пассажира?

— А вот как вас вижу, так и его.

Вот и все. Можно возвращаться. Круг сузился. Теперь их остается только двое — Жарков и незнакомец, навестивший Осеева последним.

— Вы извините, конечно, — говорит курносый проводник, чрезвычайно довольный маленьким происшествием. — Он что, преступник большой? Может, замечу где — поймаю!

— Не надо. Никакой он не преступник. И про разговор этот забудьте.

Пусть себе спокойно охотится на медведей почтмейстер! Тасует письма. Рассылает телеграммы. Он даже и не подозревает, что нависшее над ним подозрение в эту минуту рассыпается прахом.

Проводник кажется разочарованным. Он-то ожидал!

8

На станции Лихое, на пустой платформе горит керосиновый фонарь, а вокруг — августовская темь.

Шумят невидимые деревья и пахнет сырым лесом.

Зря я ввязал Ленку в эту ночную поездку. Где она блуждает на своей «Яве»? Разъезд Лихое соединяет с Колодином тропка, вьющаяся по тайге, как слабый ручеек. Тридцать пять километров тайги. Уж лучше бы Ленка отправилась не в Лихое, а в Полунино — там хоть какая-то дорога.

Еще слышен шум поезда. Он плетется по однопутке, по самому краю озера. Когда погаснет стук колес, можно будет услышать голос Катицы, той реки, по которой мы с Ленкой когда-то плыли к необитаемому острову. Знакомые с детства места.

Вот поезд подошел к мосту через Катицу, затих — там еще один из многочисленных разъездов. А дальше, через час-другой неторопливой езды, станция Полунино, северная оконечность озера Лихого.

В Полунине мы с Ленкой достали старую лодку. Да, тогда мы чудом избежали опасности. Железная дорога не сразу уходит от Колодина — пройдя, как комета, на расстоянии от города, она описывает дугу. Огромное озеро Лихое прижимает рельсы к хребту. Это обстоятельство и выручило нас с Ленкой во время робинзонады: обходчик заметил, как лодка входила в Катицу. Он-то и помог найти нас. Уйди мы не к западу от Колодина, а к востоку, в глухую тайгу, мы бы затерялись в лесах.

Ленки все нет. Шальная девчонка, выдумщица! Я не могу больше ждать безучастно. Надо идти навстречу.

В тайге темно, но меня выручает карманный фонарик. Тропа сухая. Но там, по пути к Колодину — река. Быстрая Черемшанка. Как Ленка перескочит ее на своем мотоцикле?

Еще прежде чем услышать стук двигателя, я вижу, как над головой загорается мертвенным светом верхушка ели, потом выступает еще несколько вершин пониже. Потом я слышу стрекот «Явы». Фара в темном лесу кажется ярче солнца.

— Ленка, сумасшедшая...

— Устала как черт. — Голос у нее хриплый. — Разожги костер. Хорошо, что какая-то добрая душа догадалась проложить мостик через Черемшанку. Знаешь, где хариусов ловили?

Огонь с треском поедает хвою. Теперь, наконец, я вижу Ленку. Она сидит, как любят сидеть все девчонки у костра, подтянув колени к подбородку и неподвижно глядя на огонь. Костер разгорается, и лицо ее то уходит в темь, то снова выступает из ночи. Щеку пересекает царапина, брюки в грязи. Решилась на такое путешествие, чтобы не оставлять меня на пустом разъезде!.. А я не писал ей эти годы.

Мы сидим у костра и молчим. Есть самые простые радости на свете, которые чаще всего не замечаешь,

настолько они естественны и бесхитростны. Но потом — только потом! — узнаешь, что они-то и были счастьем. С годами начинаешь понимать это. Мы думаем о счастье в будущем времени, но оно всегда в прошлом, потому что как настоящее неосязаемо. Этот костер и женщина-девочка, положившая подбородок на колени, такая усталая, и алые сосновые стволы, и короткое, но полное ощущение покоя, все это станет потом счастьем, я знаю.

Первой нарушает молчание Ленка.

— Тебе что-нибудь дала эта поездка?

— Да. Есть линии, которые мы называем ложными. Но сначала надо узнать, действительно ли они ложные.

Ленка смотрит на огонь. Глаза у нее сейчас темные-темные.

— Да, бывают в жизни ложные линии, — говорит она.

Что-то беспокойное, тяжелое лежит у нее на душе. Я беру ее руку в свою и ощущаю живую прохладу.

— Я так мало знаю о тебе, Ленка.

— Любопытство следователя?

Она всегда была такой — мягкая, добрая, своя, и вдруг неожиданный укол.

— Прости, Пашка. Это я так... Знаешь, у меня такое чувство, будто я вложила в него всю свою жизнь и мне ничего не осталось.

Она говорит так, словно мне знаком каждый ее день из этих шести лет. Но я знаю, кого она имеет в виду.

— Я вернулась из Ленинграда... Нельзя надолго уезжать из маленьких городов, а если уехал, лучше не возвращаться, верно ведь? Весной к нам прибыл аттракцион «Бесстрашный рейс»: знаешь такую потеху, когда мотоциклист гоняет внутри деревянного колодца? Я никогда не любила балаганов. А тут Леша — он теперь заведомом культуры — потащил меня. «Познакомлю с интересным человеком».

Мотоцикл ревел, стена качалась, публика ахала. Потом Леша познакомил меня с Жарковым. Тот показал новый трюк и сказал: «Только для вас».

Я села на его машину и спросила, что нужно сделать, чтобы поехать по стене. Он не знал, что я умею ездить, думал — шутка. А я поехала. Надо было резко набрать скорость и лезть наверх, когда почувствуешь, что инерция достаточно плотно прижимает к доскам. Самое трудное — спуск...

Мы стали встречаться. Он показался мне необыкновенным человеком. Всегда в дороге, новые города, опасность. Он предложил работать вместе, и я научилась ездить как следует.

Мы должны были пожениться, но... я увидела, что он вовсе не смельчак, ищущий тревожной жизни, а торговец и фигляр. Деньги, деньги, каждый виток он переводил в монету. Он любил браваду, видимость успеха, балаганное почитание.

Я заставила его покинуть эту «вертикальную стену». Он переехал в Колодин. Стал чемпионом области, мастером спорта. Я думала, что все самое плохое позади. Но он не мог без дурных денег, без восхищенных почитательниц, ресторанного хвастовства. Завертелись темные болельщики, дельцы.

Ленка говорит, глядя в огонь, словно в языках пламени для нее оживают обрывки прошлого.

— Мы бы расстались, но я знаю, что нужна ему, особенно когда ему трудно. Без меня он пропадет... Отчего мы, женщины, так привязчивы, отчего мы живем только тогда, когда живем для кого-то?

— Просто ты хорошая, Ленка. Добрая. Человек.

Ну что я могу сказать ей? Такие клубки распутывает жизнь, время. Ни я, ни кто-либо другой не в силах ей помочь... Теперь мне трудно будет разговаривать с Жарковым, ведь я буду касаться Ленкиной судьбы.

Горит костер, и «Ява», как верный пес, смотрит на меня выпуклым глазом фары.

9

Слышу, как звонит телефон, но не могу оторвать голову от подушки. На меня с ужасающей скоростью несется узенькая таежная тропинка, мелькают деревья, луч света судорожно шарит по лесу.

Будит меня деликатное покашливание. Комаровский, подобрав полы шинели, сидит на стуле верхом.

— Сон — самое большое благо молодости. Я не мог дозвониться.

Я протираю глаза. Телефон на столе — как черный укор.

— Ну, что Анданов? — спрашивает Комаровский.

— Ехал в поезде.

— Я так и думал. А у меня кое-какие новости.

— Как Николай Семенович?

— Без изменений. Помилуйко собирается прилететь послезавтра. Из области пришел результат анализа. Ну, и отыскали пятого.

Я торопливо одеваюсь. Через полчаса мы сидим в горотделе.

Передо мной бланки из лаборатории криминалистики. Анализ отпечатков, оставленных преступником на бумагах Осеева, показал, что перчатки, как мы и предполагали, были смочены в бензине. Причем в бензине содержалась примесь машинного масла. Судя по фракциям, типа автола или СУ.

— Видимо, преступник имел дело с двигателем внутреннего сгорания, — говорит Комаровский. — С любым двигателем, где нет централизованной смазки.

— А может, масло было на перчатках? Растворилось в бензине?

— Не исключено. Но в любом случае подтверждается, что это не Шабашников. С двигателями он не имеет дела. И в доме у него нет смазочных материалов.

Может, Николай Семенович сумел бы истолковать новые сведения более широко и полно, но мне остается предположить самое очевидное: преступник пользовался каким-то механическим средством передвижения, мотоциклом с двигателем малого или среднего объема или велосипедом с моторчиком.

— Борис Михайлович, потребуется помощь ваших сотрудников.

— Понял...

— Колодин — город мотоциклетный, но вряд ли здесь много охотников разъезжать глубокой ночью. Убийство произошло в ноль часов семь минут. Надо будет опросить жителей района, в котором проживал Осеев. Не слышал ли кто ночью, около двенадцати, шума мотоциклетного или велосипедного движка? Может, нам удастся определить маршрут.

Комаровский отдергивает занавеску, закрывающую милицейскую карту Колодина. Кружочки, разбросанные по карте, обозначают места, где за последний год были совершены какие-либо преступления. Шесть кружочков, шесть краж. Немного даже для такого городка, как Колодин.

— Я думаю, не только этот район надо обойти, — говорит капитан. — Если он подъезжал к дому Осеева, значит, нездешний. Иначе зачем ему лишний шум? Пешком прошел бы.

Комаровский вглядывается в карту, как бы открывая для себя новые, неизвестные районы.

— Нет ли здесь какой-то связи? Смотрите...

Он показывает на два кружочка, прилепившихся к окраине города.

— В конце июля и начале августа были похищены два мотоцикла. Один найден в лесу под Колодином, другого не нашли. Похититель неизвестен. Похоже, что это одно и то же лицо. Самое странное, что раньше у нас никогда не уводили мотоциклов. Зачем? Угнать далеко невозможно: тайга. Разве что на запчасти? Но мы проверяли — запчасти не появлялись в продаже.

— Что сейчас гадать?.. Давайте займемся этим незнакомцем, проживающим вне Колодина.

— Это уж Кеша нам должен помочь. Жду его с минуты на минуту. Вы помните Кешу Турханова?

Кто же из колодинцев не знает таежника Кешу? Турханов — первый здешний охотник, соболятник, в годы войны на пожертвованные им деньги были построены два истребителя. Я узнал о Кеше задолго до того, как научился читать.

— Он не раз помогал нам, — не без гордости говорит Комаровский. — Другого такого следопыта не

найти. Замечает то, чего мы с вами никогда не заметим. А уж тайгу знает!..

Кеша Турханов входит без стука, отстранив секретаршу. У него свои понятия — если нужно, входи. Люди всюду должны встречаться так же просто, как встречаются они в тайге.

Кеша немолод, могуч и согнут. Спина его привыкла к двухпудовой паняге, а ноги — к тридцативерстным переходам. Узкие глаза смотрят зорко и проникновенно.

— Здравствуй, следователь. Звал?

Комаровский рассказывает о новом охотнике, который якобы объявился под Колодином. Интересуется лайками...

Кеша сосет трубочку и рассматривает капитана. Он такой, Кеша: если захочет, поможет, нет — и не пытайся добиться ответа. То, что мы «представители власти», для него не имеет значения. Но он знает, что работа у нас справедливая, нужная, а превыше всего Турханов ценит справедливость и закон.

— Есть такой охотничек, следователь. Городской. Приехал не так давно. Лайку хочет купить.

Выезжаем на исполкомовском «газике». День облачный и ветреный. Дорога, по которой мы едем, носит гордое название — Полунинский тракт. Тракт. Слово-то какое, короткое и могучее. Представляется широкое и гладкое полотно, бегущее в бесконечные дали. А этот тракт — семьдесят километров проселка, соединяющего Колодин с разъездом Полунино. Когда-то, до строительства железной дороги, этот тракт имел значение, а сейчас по нему только впору ездить вездеходам, вроде нашего «газика».

— Кеша, ты уверен, что мы его застанем?

— Охотника-то? Он этой ночью, однако, в засадке сидел. Отдыхает...

— Откуда ты знаешь, Кеша?

— Тайга не город. В тайге все видно.

На двенадцатом километре мы сворачиваем на таежный проселок и вскоре въезжаем в деревню.

Ни одного деревца близ домов. Так уж водится у сибиряков, привыкших враждовать с лесом.

Останавливаемся у большой избы-пятистенки, рубленной по-старинному, «связью». Комаровский стучит в окно.

Охотничек вовсе не кажется смущенным неожиданным милицейским наездом. Горбоносый, смуглый, с влажно блестящими глазами, в меховой расшитой безрукавке он похож на радушного жителя Закарпатья, угощающего туристов.

— Дело, говорите, имеется? Милости прошу. Кваску?

Знакомимся. Сащенко Евгений Петрович, тридцати восьми лет, инженер ОТК на «почтовом ящике» в большом сибирском городе. Приехал погостить у родственников, страстный любитель охоты. Вот, собственно, визитная карточка нашего «пятого». Сащенко охотно рассказывает о своей поездке в Колодин, к Шабашникову.

— Я собаку себе подыскиваю. У меня была чудесная лайка, Орест. Погибла. А тут услышал, что в Колодине продают породистых щенков... Что я могу рассказать об этом визите? Шабашников, понимаете, был под сильным хмельком. Пришлось отложить покупку.

— Вы впервые в Колодине?

— Первый раз.

— А долго пробыли у Шабашникова?

— Было около девяти, когда я пришел. Минут пятнадцать покалякали.

— Скажите, пожалуйста, вы сразу отправились домой?

— Сразу.

— И часам к двенадцати были у себя?

— Нет. Это целая история... В двенадцать ночи я был на Полунинском тракте.

— Один?

— Как перст! Я опоздал на «летучку» и решил дожидаться на Полунинском тракте попутной. Как назло, ни одной машины. Я не знал, что это такой пустой тракт... Пришлось идти пешком.

— И вы никого не встретили на тракте, кто видел бы вас?

Наконец-то Сащенко понимает, что наш приезд вызван желанием установить его алиби. В глазах его вспыхивает и тут же гаснет тревожный огонек.

— Кого встретишь на тракте ночью? Хотя... Вы сможете разыскать его! Вот только одна беда: у него не было номера.

— У кого?

— Ну, у мотоциклиста. В Выселках — знаете такую деревушку на тракте, в девяти километрах от Колодина? — я присел отдохнуть у будочки. И тут услышал мотоцикл. Проголосовал. Но мотоциклист пронесся как на пожар. Испугался меня, что ли...

— И вы, несмотря на скорость, заметили, что номера нет?

— Там, у будки, светил фонарь на столбе. Я обратил внимание — нет номера. Это меня несколько удивило. Я даже собирался заявить в милицию — может, угнал?

— Как выглядел этот человек?

— Козырек кепки закрывал лицо, я не рассмотрел. Мне показалось, он нагнул голову, проезжая мимо меня.

— А марку машины вы можете назвать?

— ИЖ, по-моему.

— А вы не можете вспомнить поточнее, когда это было?

— Без двадцати час я подошел к будочке. Это я помню. Через две минуты, не больше, проехал мотоциклист. Если вы найдете его, то сможете узнать, он должен был видеть меня...

— Ну что ж, спасибо вам за помощь, Евгений Петрович, — благодарит Комаровский.

Сащенко в безрукавке, надев тяжелые охотничьи сапоги, провожает нас к «газику», продолжая оставаться все тем же радушным хозяином.

— Я пробуду здесь еще с недельку. Если понадобится, прошу...

«Газик» снова трясется по ухабам. Кеша Турханов меланхолично сосет свою коротенькую трубочку.

— Этому Сащенко можно доверять, кажется, — говорит Комаровский. — Инженер, «почтовый ящик». Если он действительно впервые в Колодине... Это не трудно проверить. Такое преступление мог совершить лишь человек, хорошо знающий город, Осеева.

Все это верно. Но час от часу не легче. С каждым нашим открытием дело только запутывается. Мотоциклист без номера! Зачем бы Сащенко стал придумывать такую деталь?

10

Жаркова я приглашаю в гостиницу. Мне не хочется разговаривать с ним в горотделе, в голом и неуютном кабинете Комаровского.

Жарков, развалясь в кресле, насмешливо поглядывает на меня. Я нервничаю, чиркаю на бумаге какие-то идиотские закорючки. Он, конечно, знает о ночной поездке Лены в Лихое и, кажется, намерен своим поведением подчеркнуть, что наша беседа вызвана не только служебной необходимостью, но и личными счетами. Если бы на моем месте был Николай Семенович!

— Итак, Шабашников отправился за водкой, а вы оставались в его доме. Долго, не помните?

— Минут пятнадцать.

Он длинной струей выпускает дым так, что облачко заволакивает мое лицо. «Будь терпелив», — говорю я себе.

— Купив щенка, вы вернулись домой?

— Да.

— Скажите, пожалуйста, вы были дома весь вечер и всю ночь?

— Вечером я выезжал к знакомым. Ночью был дома.

— Выезжали? На чем?

— На мотоцикле, разумеется, — усмехается Жарков. — Трамвай в Колодине еще не пустили.

Что ж, сторожиха продмага, заметившая отъезд Жаркова, права: он действительно выводил свой ИЖ.

— Вам не трудно сказать, во сколько вы вернулись домой?

— Двенадцати еще не было.

До убийства Осеева, отмечаю я. Так ли это? Знает ли он, что в одиннадцать на улице был выключен свет?

— Вы уверены, что до двенадцати? Смотрели на часы?

— Ну, знаете ли! — возмущается Жарков. — Уж не подозреваете ли вы меня в чем-либо? Часов, кстати, я не ношу. К чему такая дотошность?

— Мы работаем, — как можно более спокойно и доброжелательно отвечаю я. — Нам приходится беседовать не только с вами. Каждый точный ответ — это помощь в нашей работе. Зачем же сердиться? Не понимаю.

— Ну хорошо, — соглашается Жарков. — Я говорю «до двенадцати», потому что, когда приехал, включил приемник, а потом услышал, как били куранты.

— У вас какой приемник?

Жарков смеется, показывая два ряда безупречных зубов. «Ну и вопросы задает этот мальчишка из угрозыска!» — читаю я в его прищуренных глазах. Он слишком самоуверен, чтобы вовремя принять меры защиты.

— «Сакта». Радиола. Второй класс, кажется. Это важно?

— Важно. Извините, но я задам еще один вопрос. Как долго вы слушали радиолу «Сакта» после двенадцати?

— Ну, часа полтора, наверно.

Удивительная выдержка у этого рекордсмена. Правá наука физиономистика, уверяя, что тяжелые подбородки свидетельствуют о незаурядной воле и хладнокровии. Таким подбородком орехи колоть.

Я быстро заполняю протокол.

— Прочитайте ваши показания и подпишите.

Жарков внимательно читает. Ставит лихую закорючку.

— У вас неплохой слог. Все?

— Нет. Я бы хотел знать, как вы могли пользоваться сетевым приемником, если с одиннадцати до

четырех в ночь с восьмого на девятое августа у вас на улице был выключен свет?

Улыбка сходит с лица Жаркова. Допущенную ошибку уже не исправить.

— «На пушку» берете?

— С одиннадцати до четырех весь квартал был отключен, на электростанции устраняли аварию. Зачем вы говорите неправду, путаете меня? Вспомните все же, где вы находились той ночью?

Он выплевывает намокшую сигарету.

— Хорошо. Я действительно не был ночью дома. Но отвечать больше не собираюсь. Если считаете, что я виноват в чем-то, докажите. А я вовсе не обязан обосновывать собственную невиновность. Правильно я понимаю закон?

Он правильно понимает закон.

— Плохо, что вы не хотите помочь нам. Даже не знаю, как это расценить...

— Как хотите. Вам я не отвечу.

Жарков с ударением произносит «вам». К нему возвращается былая самоуверенность, и усмешка снова трогает углы большого, красивого рта. Во мне медленно, колючим ежастым клубком растет раздражение. Провожу кончиком языка по нёбу. Говорят, успокаивает.

— Очень жаль, — говорю я.

Пожалуй, не стоит настаивать и продолжать этот «разведдопрос». Пусть Жарков успокоится, а мы посмотрим, как он будет вести себя дальше.

Звонит телефон.

— Павел Иванович? Комаровский беспокоит. Я из ГАИ. Приходите...

В сумрачной комнатухе Комаровский вместе с начальником ГАИ колдует над картой, словно над шахматной доской.

— Посмотрите, какая получается картина, — говорит мне капитан.

Красные кружочки усыпали карту, будто конфетти.

— Нам пришлось поднять человек тридцать дружинников. Ну, и все ГАИ, разумеется. Опросили жителей этого участка, — капитан обводит ладонью добрую половину города. — Здесь кружочками я отметил, где проезжал в ночь с восьмого на девятое этот наш загадочный мотоциклист.

— Не обязательно этот.

— Возможно. Но скорее всего он. Видите, вот здесь улица Ямщицкая переходит в Полунинский тракт. Так вот, дворник, проживающий в доме сорок шесть по Ямщицкой, в половине первого видел мотоциклиста, мчавшегося к тракту. Мотоциклист этот вызвал подозрения у дворника, и он на всякий случай отметил точно время проезда. Скорость, заявляет дворник, была очень большой: «Как ошалелый». Кепка с козырьком, прикрывавшим лицо, темный плащ, перчатки. Показание Сащенко подтверждается.

Кружочки расположены на карте довольно беспорядочно, но все-таки проследить путь ночного гонщика можно. Возле дома Осеева, в радиусе полукилометра, кружочков нет. Остается предположить, что хозяин мотоцикла, если это был преступник, обладал достаточной осмотрительностью и оставил машину подальше от дома. Далее он пробирался скрытно.

— Дружинники и наши сотрудники успели опросить всех владельцев мотоциклов, — продолжает Комаровский. — В городе и районе. И никто не проезжал в первом часу ночи по Ямщицкой и Полунинскому тракту.

— Однако он проезжал. Показания дворника и Сащенко совпадают.

— Да, — соглашается капитан. — Я думаю, свидетельству Сащенко мы можем верить. Тем более установлено, что Сащенко действительно ранее никогда не был в Колодине.

Что ж, Сащенко можно исключить из «пятерки». Остается один Жарков; мы не знаем, где он был в ту ночь, куда выехал на ИЖе.

— Борис Михайлович, а что вы можете рассказать о Жаркове?

— Он у нас заметная фигура, местная знамени-

тость, — говорит капитан. — Человек он легковесный, любит успех, деньги, ресторанную жизнь. Все это, конечно, не повод для каких-либо серьезных подозрений, а связей с уголовным миром у него нет, ясное дело. Откровенно говоря, мне жаль Лену Самарину — в городе считают, что она невеста Жаркова, и не без оснований считают. Она девушка открытая, ясная, с чистым сердцем, привязалась к нему... А он обманывает ее, обижает, хотя, как Дмитрий Иванович говорит, в трудную минуту всегда ищет у нее помощи, поддержки — и моральной и финансовой. Вот такая петрушка... Я ведь Ленку хорошо знаю, да и вы, Павел Иванович, тоже.

Капитан, вздохнув, испытующе смотрит на меня. Очевидно, наша встреча с Ленкой в ресторане и таежное путешествие не прошли незамеченными для Колодина.

— А вчера Жаркова видели вместе с дочерью Осеева, — как бы невзначай бросает Комаровский. — Я не знал, что они знакомы.

Вот как, чемпион, вы успеваете всюду! Я листаю блокнот. Три сорок восемь, телефон химкомбината. Они должны знать, где находится Осеева.

Дочь инженера Осеева заметно осунулась с тех пор, как я видел ее, глаза тусклые, обращенные внутрь. Чуть приметная гримаса раздражения на лице.

Завтра похороны. Будет долгий, нескончаемый путь на Мольку, где в защищенном от ветров распадке приютилось кладбище. Старушки в платочках будут бросать с машин еловые ветки, угощать «панамфидкой». Для них, старушек, хоть и горький, но привычный ритуал, для Осеевых ни с чем не сравнимая боль.

Я только вношу лишнее беспокойство в эти суетные черные дни — словно лишняя бумажка в той канцелярской волоките, которой мы окружаем уход человека из жизни...

Сверстники — физики, летчики, геологи, здоровые,

веселые хлопцы, — понимаете ли вы подлинную тяжесть грубого милицейского дела?

— Скажите, вы хорошо знаете Жаркова?

Она отвечает бесстрастным, глухим голосом:

— Мы познакомились случайно, когда я приезжала в Колодин.

Она даже не спрашивает, почему меня интересует Жарков. Ей все равно.

— Вам не трудно вспомнить, как произошло знакомство?

— Он подошел ко мне как-то... в магазине. Сказал, что знает отца. Помог донести домой покупки.

Даже сейчас, с лицом, серым от бессонницы и волнений, она очень красива. Так выглядят монашенки на картинах Нестерова. Отрешенная, почти бестелесная красота.

— Жарков бывал у вас дома?

— Нет. Он провожал меня, случалось, но не заходил.

— Как вы открывали дверь? Ключом?

— Я просто стучала в окно.

— И отец тотчас же открывал, даже в поздний час?

— Отец знал мой стук.

— Условный?

— Да, пожалуй. Он ведь был радистом в армии. Ну, а я телеграфистка. Морзянке он меня выучил еще в детстве.

— Что же вы выстукивали?

— Да так, глупость... Три точки, три тире, три точки.

Сигнал «SOS». Наверно, еще девчонкой она придумала это. Возвращалась со школьного вечера и простучала в окно три точки, три тире, три точки. Было морозно, она зябла в легких туфельках и подала сигнал о помощи. И с тех пор отец всегда ждал, когда раздастся знакомый стук. Он ждал и в последние дни...

— Жарков, наверно, шутил по поводу этого сигнала «SOS»?

— Да, он сказал: «Остроумно придумано».

— Жарков знал, что вы должны были снова приехать к отцу?

— Да. Я писала, что буду на днях, и просила достать машину, чтобы помочь отцу перевезти мебель.

До Осеевой так и не доходит смысл вопросов, она полностью отключена от моих забот. Мы с ней существуем сейчас в разных измерениях времени.

11

Облачный день стремительно несется над Колодином. Он выплывает из-за Мольки — белые, светящиеся на солнце клочки пара — и уходит в тайгу, словно падает где-то там, за лесным морем, в хранилище времени.

Мне хочется, чтобы облака неслись помедленнее и не так спешили стрелки часов. Так мало сделано... Просмотренные мною дела об украденных мотоциклах ничего не дали.

В конце июля из Лисьей слободки, окраины Колодина, исчез БМВ. Спустя два дня БМВ был найден в тайге близ тропы, ведущей к Черемшанке. Поломка машины помешала вору угнать ее подальше. Второго августа точно так же неизвестным лицом был уведен ИЖ. На этот раз мотоцикл найти не удалось. Возможно, между хищением этих машин и убийством Осеева нет никакой связи.

А главный вопрос, на который я должен сейчас найти ответ: таинственный ночной мотоциклист, кто он? Ход мысли тут должен быть четок и прост. Какие характерные особенности этого «запоздалого ездока» я могу установить? О нем ничего не известно, никто не знает, как он выглядел, в чем был одет, откуда выехал. Хорошо ли он ездил на мотоцикле?..

Стоп! Вот это я в состоянии определить. Дом сорок шесть по Ямщицкой, где дворник заметил мотоциклиста, стоит на окраине, там начинается Полунинский тракт. Замеряю расстояние до Выселок. Почти девять километров. Дворник видел незнакомца в полпервого, спустя двадцать минут после того, как было совершено преступление. Сащенко повстречался

с ним через двенадцать минут. Часы Сащенко и дворника сверены, они показывают правильное время. Значит, гонщик мчался со скоростью около пятидесяти километров в час. Это ночью, по плохой дороге.

Наверняка такой стремительный бросок под силу лишь очень опытному мотоциклисту, настоящему асу.

Однако это предположение надо проверить. Следственный эксперимент — вот как будет называться мой следующий шаг.

Надо спешить... День стремительно несется над Колодином розовыми, подсвеченными закатом облаками. Маленькая милицейская комнатуха с грубыми деревянными столами и стульями уже в полумраке.

На Ямщицкой, у дома 46, я останавливаюсь, чтобы засечь время. Еще горит вечерняя заря, ставни не закрыты. Восходит луна, огромная, алая и такая близкая, что, кажется, рукой можно достать.

Ночь с восьмого на девятое августа была безлунной и облачной, и я обладаю преимуществом перед тем загадочным гонщиком. Зато я плохо знаю дорогу. Баш на баш.

Резко поворачиваю рукоятку газа и едва не вылетаю из седла. Рывок! Шестнадцать лошадей режут в цилиндрах. Держитесь, амортизаторы!

Колеса упруго, по-кошачьи, прыгают через выбоины. Едва успеваю вертеть рулем, выбирая наиболее безопасный путь на изъезженном тракте. Выбоины, заполненные густой тенью, кажутся ужасающе глубокими.

Луч света мечется впереди меня, как неуверенный поводырь. Свистит ветер, тело коченеет от ночной, летящей в меня сырости. Когда мотоцикл, подпрыгнув, повисает на миг в воздухе, кажется, что я лечу над дорогой, словно ведьма на шабаш.

Врываюсь в лес, рассеченный трактом. Шумно! Бегают эхо. Корни деревьев бьют в шины. Сосновые стволы в свете фары кажутся алыми, раскаленными. Близость их обжигает лицо.

Хорошо, что мне приходилось дружить с мотоциклом. Руль послушен. Раз! Проскакиваю между

двумя сосенками. Чувствую, как заднее колесо вертится, не находя опоры. Еще доля секунды — и оно рвануло дорогу, метнуло ее за спину.

Лужи бросаются под мотоцикл — склизкие, округлые, как черные медузы. Грязь брызжет в лицо.

Вот уже светятся Выселки. Фонарь у автобусной остановки — как вторая луна.

У столба с фонарем я торможу. Сразу на оба тормоза. «Ява» приседает, словно хочет поползти по земле.

Восемнадцать минут. А мне казалось, что я мчался как рекордсмен. Я проигрываю ему по меньшей мере минут пяток.

Попробуем еще раз. До Колодина я доезжаю за шестнадцать минут. Прогресс! И еще раз — в сторону Выселок. Мне удастся, кажется, побить собственное достижение. Но у самых Выселок, на взгорке, подстерегает беда.

Вылетев на вершину крутого холмика, «Ява» угрожающе задирает переднее колесо, стартуя в небо. Сбрасываю газ, но уже поздно. Мотоцикл накрывает меня. Резкая боль обжигает ногу, но, оглушенный падением, я не сразу освобождаюсь от тяжести машины.

Поднимаюсь на ноги. Стою. Кости целы, но правую ногу жжет нетерпимо. Так и есть: приложился к раскаленному глушителю. Зажигаю фонарик... Штанина прожжена, кожа уже вздувается волдырем. Говорят, при ожогах помогает сода. Где ее найдешь?

Мотоцикл, на удивление, цел и невредим, фара горит, уткнувшись в траву. Жаль, что так случилось! Я бы выиграл еще минуту.

Ну ладно, не горюйте, лейтенант! Свою задачу вы выполнили. Вы знаете, что от Колодина до Выселок можно проехать за двенадцать минут. Но для этого необходимо быть гонщиком высокого класса.

Нет, не отпущу я так просто чемпиона по мотокроссу!

12

Помилуйко развивает бурную деятельность. Его хватка, начальственный тембр голоса и безапел-

ляционность помогают в первые же дни сотворить чудо. Райисполком выдает в распоряжение майора единственную в городе «Волгу». На этой «Волге» я мотаюсь из конца в конец Колодина, привожу и отвожу людей — сначала Жаркова, потом белокурую девицу, которую я видел с чемпионом в ресторане, потом Сащенко, еще какую-то бородатую личность...

Ко второй половине дня я окончательно превращаюсь в «рыбку на посылках». Но иного я и не ожидал. Помилуйко любит работать в одиночку.

После обеда майор решает ознакомить меня и Комаровского с результатами следствия, которое он так прочно и без колебаний взял в свои руки.

— Садись, Чернов.

Помилуйко сыт и благодушен, у него вид человека, уверенного в том, что он делает правое дело. Наверно, рядом с ним я кажусь вислоухим щенком.

Помилуйко не спеша перебирает бумаги. Он явно доволен сегодняшней работой. Низенький, коренастый, энергичный, он любит говорить: «Я человек действия». Это действительно так. Он умеет быть бесстрашным и решительным, когда нужно. Я видел, как Помилуйко один на один, отстранив помощников, взял пьяного бандита, вооруженного пистолетом.

Но сложную следовательскую работу, требующую гибкости ума, разносторонних знаний, терпения, майору обычно стараются не поручать. Если бы не болезнь Эн Эс, вряд ли я видел бы Помилуйко в роли шефа.

— Мне пришлось тут кое-что привести к общему знаменателю. Почитай-ка, Чернов.

Это протокол допроса Жаркова. Пробегаю глазами строчки... «В ночь с 8 на 9 августа я находился у гражданки Любезновой М. Н.». Так вот зачем я ездил за этой белокурой «гражданкой»! «Однако в беседе с оперуполномоченным Черновым я вынужден был скрыть этот факт, так как следователь находится в дружеских отношениях с моей невестой Самариной Е. Д. и мое признание, как я считал, могло стать известным ей».

Ну и хват этот Жарков! «Жених»!

— И вот это почитай.

Протокол допроса гражданки Любезновой... «Жарков В. М. находился у меня в квартире с 23 часов 8 августа до четырех часов утра 9 августа, что может засвидетельствовать также А. И. Русых, присутствовавший у меня на вечеринке...» Русых та самая бородастая личность, которую я возил на «Волге».

Я перевожу взгляд на Комаровского. Долговязый капитан сочувственно и несколько виновато улыбается:

— Да, показания безупречные. Алиби...

— Он как на духу все выложил мне, — гремит Помилуйко. — Я долго чикаться не стану. Тики-так! Ты не огорчайся, Чернов. Жизнь посложнее наших схем.

Он подмигивает и шутливо грозит толстым пальцем.

— Ох, Чернов, ты и молодец! Не успел приехать в Колодин, невесту чуть не отбил. Напугал ты мотоциклиста, напугал! Ох, уж эта мне молодежь! Мне все известно. А, Комаровский?

Начальник колодинской милиции улыбается в ответ. Это характерная улыбка капитана, который откликается на шутку майора. Субординационная улыбочка. А мне невесело что-то. Дал я маху с этим Жарковым! Что ж, остается лишь признаться майору, что следствие заходит в тупик?

— Видимо, Комолов направил тебя по неверному пути, Павел, — говорит майор сочувственным тоном. — Надо нам вернуться к Шабашникову. Это единственный путь.

Помилуйко не упускает возможности уколоть Николая Семеновича. Они давно не в ладах. Комолову уже приходилось возиться с делами, которые были возвращены на доследование по вине Помилуйко, и майор не может этого простить. На собраниях он обычно упрекает Эн Эс в либерализме и медлительности. Два человека, два характера, два стиля работы. Помилуйко — сторонник «волевых» методов. Вот почему, несмотря на то, что не кто иной, как он, доказал ошибочность моей версии, я не чувствую особого доверия к его выводу.

— Ну, это не твоя вина, Павел, — продолжает майор.

Он предоставляет мне возможность принять сторону сильного.

— В моей докладной указаны причины, по которым я продолжаю сомневаться в причастности Шабашникова к преступлению, — сухо отвечаю я.

Помилуйко становится серьезным.

— А твои ли это сомнения, Чернов?.. Ты еще очень молод, легко поддаешься влиянию. Ну посуди сам: ты логично замечаешь, что сапоги и нож могли быть похищены только одним из тех, кто посетил Шабашникова восьмого августа, непосредственно перед убийством Осеева. Так? Но ни Лях, ни Малевич, ни Анданов, ни Сашенко, судя по твоим же правильным заключениям, не могут быть замешаны в преступлении. Отпадает и последний, пятый, — Жарков. Что ты скажешь на этот счет?

Я молчу.

— А ведь улики, свидетельствующие против Шабашникова, достаточно серьезные для прокуратуры... и для суда, разве не так?

Он практик, Помилуйко, умеет «глядеть в корень». Он не любит усложнений, которые могут привести к «глухарю» — глухому, закончившемуся безрезультатно делу. Шабашников — это синица в руки, тогда как я со своими сомнениями предлагаю ловить журавля в небе.

Дело, за которое взялся Помилуйко, должно быть раскрыто в короткий срок. И баста! Вот что важно для майора. Он «человек действия».

Я смотрю на Комаровского. Он молчит.

— Все же я остаюсь при своем мнении, — говорю я. — Исчезновение дневника, следы горючего на бумагах — не вижу ответа на эти вопросы, если решу всерьез заподозрить Шабашникова. Я прошу вас дать мне возможность доработать версию согласно плану, намеченному Комоловым.

Очевидно, в моих словах заключена какая-то сила, которую чувствует и майор.

— Ну, хорошо, — поморщившись, соглашается

он. — Попробуй. Только не напортачь. А я займусь пока этим Шабашниковым вплотную.

13

Вот теперь я могу выполнить указание врача и отлежаться в номере как следует, баюкая свою обожженную ногу...

Неужели я не способен самостоятельно вести следовательскую работу? Медный маятник больших настенных часов отмахивает секунды. Лежи, братец. Ты бестолочь. Ты не умеешь защитить правого и найти виновного. Старый Шабашников, волнуясь, ждет исхода дела, так близко затронувшего его. Эн Эс, борясь с болезнью, думает о тебе и надеется на твою волю, ум, настойчивость.

Скажи себе: «Шабашников виновен» — и все сразу станет легко и просто. Не можешь? Не веришь, значит.

Что бы ты ни делал, твоя судьба всегда скрещивается с чужими судьбами. И никуда не уйти от этой огромной ответственности.

Попробуй еще раз. Собери себя в кулак. Вот так. Еще раз восстанови в памяти трагическую ночь восьмого августа. Попытайся найти новые звенья.

В двенадцать десять он был у дома Осеева. Кто он? Не рецидивист, не профессионал — такие идут на «мокрое» лишь в случае крайней необходимости. А необходимости-то и не было. Он мог оглушить Осеева, связать. Но он хотел убить. Маньяк? Нет. Возможно, вовсе не деньги причина преступления. Если он решился с такой легкостью подбросить Шабашникову половину похищенной суммы... Однако половину взял. Жаден все-таки, как и всякий преступник.

Он сделал все, чтобы запутать след. Выкрал нож. Подсунул деньги. Что еще должен был сделать такой осмотрительный, хладнокровный человек? Обеспечить алиби, естественно. Дутое алиби — вот с чем я обязательно должен был столкнуться, проводя расследование.

Предположим, что это и есть тот самый загадочный любитель ночной езды. Он приехал издалека. Мотоцикл оставил на окраине. В двенадцать семь произошло убийство. Через пятнадцать минут он мог вернуться к мотоциклу. В полпервого он был на Ямщицкой, без восемнадцати час в Выселках. Куда он так спешил?

Вот карта. Можно построить график его движения. Скорость около пятидесяти километров в час. В час двадцать он должен был достичь Медведкова. Это небольшое тихое сельцо. Предположим, он миновал Медведково и помчался дальше. В час сорок он у Рубиной заимки. В два часа он достиг Полунина, конечно-го пункта на тракте. Далее лишь узкие таежные тропы.

Полунино, Полунино... Захудалая станция, при-ткнувшаяся к берегу озера Лихого. Три десятка домов. Между Полунином и разъездом Лихим — тоненькая нить однопутки, проложенной по берегу озера.

Естественно, если человек спешит на железнодорожную станцию, его интересует поезд.

Внизу, на первом этаже гостиницы, висит расписание поездов. Ковыляю вниз, стараясь не ступить на больную ногу. «Ст. Полунино». Сюда в два пятнадцать прибывает тридцать второй пассажирский: стоянка десять минут.

Но ведь в тридцать втором в эту ночь ехал Анданов! Странное совпадение. Нелепое. И все-таки стоит подумать. Когда в твоих руках столько разрозненных фактов, малейшее их совмещение заслуживает пристального внимания.

Вернемся к Анданову. Зачем ему могло понадобиться встречаться в Полунине с этим гонщиком-лихачом? Восьмого августа почтмейстер навещает Шабашникова. Перед убийством. В тот же вечер срочно выезжает из Колодина. С больной женой. В отдельном купе. Что мне известно о его поведении в вагоне?

«В пол-третьего вышел из купе. Попросил бинта. Ногу он поранил, прыгая с полки. Соды спросил, для жены».

В пол-третьего — сразу же после того, как поезд

вышел из Полунина. Говорят, сода помогает при ожогах. Первое, что пришло мне на ум, когда я полетел под раскаленный глушитель!

Значит, и он... Факты, только факты, не спеши! Прежде всего необходима строгая проверка.

Медсестра в районной поликлинике, полная, меланхоличная блондинка, перебирает карточки — вот-вот заснет.

— Анданов?.. Да, был на перевязке. У хирурга Малевича.

С Малевичем мы уже хорошие друзья. Утром он бинтовал мою ногу, предварительно в пламенной речи изничтожив изобретателей, которые додумались до мотоцикла. «Раньше предпочитали лошадок. Это была тихая, мирная езда. Ничего, кроме пользы для здоровья. Укрепляло нервную систему. Сейчас у нас в Колодине каждый второй — мотоциклист. Это все мои пациенты. Настоящие или будущие».

Малевич очень экспансивный товарищ, с черными усиками и жестикуляцией, какую в наши дни можно увидеть только в старых немых фильмах.

— Товарищ лейтенант, вы снова ко мне? Беспокоит? Может, вы опять взобрались на это железное помело?

Я объясняю причину повторного визита.

— Анданов? Только что был у меня. Весь мир помешался на мотоциклах. Даже этот положительный, немолодой человек.

— У него тоже травма?

— Ожог. Такой же, как у вас, если не хуже. Но он смешной человек. Стыдится признаться. Наверно, думает, что я посмеюсь над его увлечением. «Кипятком обварил». Это он мне говорит. Как будто я никогда не видел ожогов.

— Доктор, вы не можете уточнить, когда Анданов впервые пришел к вам со своей травмой?

Белокурая медсестра приносит историю болезни. Малевич с трудом вчитывается в записи, сделанные его торопливой рукой.

— Сейчас, сейчас... Да, вот. Десятого августа, утром.

Десятого августа утром Анданов как раз возвратился в Колодин, после того как отвез жену. Как он умудрился получить ожог в купе мягкого вагона?

Помилуйко выслушивает меня, барабанил пальцами по столу.

— Стоп-стоп, братец! — говорит он строго-снисходительным голосом экзаменатора. — И, по-твоему, Анданов мог совершить такой бросок? Фантастическое предположение!

— Посмотрите расчет, товарищ майор!

Если бы я не прожил в Колодине семнадцати лет, то, пожалуй, не сумел бы сделать этого расчета. Вот они, цифры, на листке. В десять тридцать поезд вышел из Коробьяникова. В одиннадцать он остановился в Лихом, а затем медленно пополз по однопутке берегом озера, через тоннели и мосты. Он как бы описывал полукруг с центром в Колодине, и на этом могла быть основана затея преступника.

Лихое — Колодин, вот малый радиус полукруга, Колодин — Полунино большой радиус. В одиннадцать часов преступник мог незаметно покинуть вагон и пересесть на мотоцикл. Тридцать пять километров отделяли его от Колодина. Та самая таежная тропка, по которой ехала в Лихое Ленка. К двенадцати преступник уже на окраине Колодина, в нескольких минутах ходьбы от дома Осеева. В двенадцать ноль семь происходит убийство. А затем — стремительный бросок в Полунино на перехват поезда.

— Ну, а где же он взял мотоцикл? — спрашивает Помилуйко, продолжая барабанить пальцами.

— Он мог использовать только чужую машину. Украденную. Запрятать ее недалеко от станции. Любопытно, что перед убийством в Колодине были уведены два мотоцикла. Один из них, первый, найден близ Черемшанки, то есть по дороге из Колодина в Лихое. Он был неисправен. До этого в Колодине никто не воровал мотоциклов.

— Ну, а приехав в Полунино, он втащил мотоцикл в вагон?

Я пожимаю плечами. У Помилуйко веселеют глаза.

— Теоретик ты, Паша. Я тоже в твои годы был теоретиком. У меня возникали миллионы версий, и я не знал, какую избрать.

— Но бывают случаи, когда...

— Скажи, можно проехать эти тридцать пять километров по таежной тропе за пятьдесят минут?

— Не знаю.

Мне следовало бы сказать: «Сомневаюсь». Ленка проскочила эту тропку за полтора часа. А она ездила классно.

— Допустим, что возможно. Но значит Анданов великолепный мотоциклист, да? У тебя есть сведения об этом?

Я молчу. У меня есть сведения, что Анданов за годы жизни в Колодине ни разу не садился за руль мотоцикла.

— Еще один вопрос. У тебя этот Анданов просто демон какой-то. Разрабатывает такой тончайший план, идет на огромный риск... Ради чего? Он вполне обеспеченный человек, тихий, скромный. И вдруг из-за каких-то нескольких сот рублей! Взгляни на свою версию с точки зрения реальной жизни.

— Может быть, дело не в деньгах? Дневник...

При моей версии ограбление как причина убийства отпадает само собой. Может, сведение каких-то давних счетов? Но пути Анданова и Осеева как будто не пересекались. Однако кто знает. Я вспоминаю комнату Анданова, фотографии в семейных рамках. Я еще подумал — бывают люди, которых нельзя представить детьми. Они пришли в этот мир без молодости, без прошлого. Или, может быть, боясь прошлого? Опять теории, лейтенант. Но почему все-таки у Анданова не сохранилось никаких старых фотографий?

— Это скорее материал для романа, Павел.

Да, Помилуйко не любит «теоретиков». Он практик, он не отрывается от земли. Дело, за которое он взялся, должно быть закрыто. Я же предлагаю длинный и сомнительный путь.

— А я хотел показать тебе любопытную штуку, Чернов.

Помилуйко достает из ящика стола старую, сделанную из медной гильзы зажигалку.

— Зажги эту «адскую машину».

Я чиркаю колесиком. Фитиль чадит и, наконец, вспыхивает. Я стряхиваю бензин с пальцев. «Адская машина» течет.

— В связи с делом о «хищении ножа» я еще раз осмотрел дом Шабашникова, — говорит Помилуйко. — Сам понимаешь, я должен был ознакомиться с «местом происшествия» и с этим типом. Жаль, что вы не обратили внимания на зажигалку. Ты говорил об анализе пятен, оставленных преступником. Бензин с небольшой примесью масла, да? Так вот, Шабашников заправляет свою зажигалку из бутылки, которую он взял у своего соседа, Зуенкова. А в бутылки — горючее для мопеда, понял? У Зуенкова имеется мопед. В бензине уже разбавлено немного масла.

Помилуйко подбрасывает на ладони зажигалку.

— Вот и разгадка... Я так понимаю: Шабашников не хотел включать свет в доме и воспользовался этой старой, текучей зажигалкой. Горючее попало на перчатки. А, братец?

Кажется, майор не на шутку взялся за Шабашникова. Тут уж его не собьешь. Он прав: на зажигалку стоило обратить внимание.

— Все-таки я попробую найти более веские доказательства для своей версии, — говорю я, глядя в пол.

— Упрямя, упрямя, — благодушно ворчит Помилуйко.

Останавливать меня он не хочет. Но и помощи от него я теперь не добьюсь, это ясно.

«Что, если Николай Семенович, и я, и Комаровский, который верит в честность Шабашникова, ошибаемся? — думаю я, выходя от майора. — Нет, не может быть! Я должен довести свою работу до конца!..»

14

Ожог, который Анданов пытался выдать за ушиб, пока еще не улика. Это скорее толчок для прозрения.

Должны найтись иные доказательства. Моя теория — это соляной раствор, густо насыщенный предположениями и умозрительными расчетами. Нужна хотя бы тонюсенькая ниточка, чтобы раствор начал кристаллизоваться, затвердел. Нужны реальные детали, которые сами собой, без всякого принуждения, укладывались в версию.

Нет преступника, который не оставляет уличающих его следов. Это аксиома, хорошо известная каждому новичку.

Прежде всего — мотоцикл. Куда он делся, где был укрыт? В карман его не спрячешь... Надо снова отправляться в Лихое, по той злополучной тропе. Только один человек сможет помочь мне в тайге. Кеша Турханов, лесной житель.

Утром следующего дня мне звонит Комаровский: «Кеша будет ждать в Лихом, у станции. Договорились с ним. Я просил его разузнать, где охотничал последние дни Анданов».

С опаской сажусь на «Яву». Правая нога словно в лубке, пошевелить трудно. Никакие мази доктора Малевича не спасают от боли. А мне еще предстоит доказать, что от Лихого до Колодина можно проскочить за пятьдесят минут.

Небо хмурится, вершинки сопков то и дело исчезают в облаках. Опять пахнет дождем. Еду не спеша, изучая тропу, повороты и неожиданные спуски в глубокие распадки. Надо полагать, преступник не один день присматривался к этой дороге, прежде чем решил привести в исполнение свой план.

В ту ночь, когда мы с Ленкой возвращались из Лихого, дорога показалась мне легче и безопаснее. Видимо, не обращал внимания... Иногда тропа натывается на каменные осыпи, и руль дергается, словно хочет вырваться из рук. Скальные обломки по сторонам, как надолбы. Гонка будет с препятствиями. А он, этот ночной ездок, не боялся. Он шел на большой риск. Во имя чего?

Дорога начинает падать. Внизу холодно светится Черемшанка. Тропа уходит прямо в воду. Камни, разводья пены, белые бурунчики, а на том берегу —

крутой и скользкий подъем. Машину надо втаскивать на руках по круглым валунам.

Как это Ленка отважилась? Да, мостик! Она говорила о мостике, выстроенном «доброй душой».

Мостик белеет наверху, там, где сближаются отвесные берега. Четыре тесаные жерди, сбитые скобами. Настил достаточно широкий, чтобы провести мотоцикл. Свежая щепка разбросана на траве. Пахнет смолистой лиственницей.

Новенький мостик. Надо же — появился как раз перед восьмым августа. Еще одно совпадение. Кому мог понадобиться этот мост?

...Кеша Турханов ждет меня на тропе, в километре от станции. Сидит, сгорбившись, на поваленном дереве, трубочка словно приросла к губам. Эдакий лесовичок, хранитель таежной тишины.

Подает ладошку дощечкой.

— Начальник просил прийти.

Сидим, курим. Кешу лучше не беспокоить вопросами, он сам знает охотничий этикет. Когда спрашивать, когда отвечать.

— Анданов-то ходил в этих краях, — говорит Кеша. — На Бычковом зимовье отдыхал, что ли.

Бычкова зимовьюшка — это старый сруб на Черемшанке, недалеко от нового мостика. Охотники давно не посещают зимовьюшку. Зверье ушло от Колодина, от шумных мест.

— Что же он промышлял?

— Откуда знать? Мастерил, знать, мостик.

— Почему именно он мастерил, Кеша?

— Откуда знать?.. Стружка с одежды насыпалась. А зимовьюшка чистая была, сам подметал.

— А точно Анданов?

Турханов хмыкает, выбивает трубочку на жесткую бугристую ладонь. Держит горячую золу, как в пельнице.

— Видел табачок? Из кореньев. Злой. Это я такой курю. Анданов медовый табак курит, духовитый. Только он из охотников.

В тайге для Кеша все ясно и просто. Городской житель собственный дом знает хуже, чем Кеша тайгу.

— Слушай, Кеша... Вот у меня мотоцикл. Надо его запрятать возле станции. Куда бы ты запрятал?

— Зачем прятать? Оставь на станции, никто не возьмет.

— Нельзя, чтобы кто-нибудь видел, понимаешь?

Кеша косит на меня прищуренным темным глазом.

— Подумать надо.

Он поднимается с бревна, сутулый, пригнутый к земле, но все еще сильный, крепкий. Он из той породы потомственных таежников, которые не знают, что такое райсобес, больница.

— Надо бы Савкину яму посмотреть, следовательно.

Он идет медвежьей походкой напрямик через завалы кедрача. Когда-то здесь прошел шелкопряд и оставил за собой черный, мертвый лес.

Савкина яма — неглубокий, густо заросший кустами котлованчик.

— Отсюда песок брали, когда строили дорогу, — бормочет Кеша и, кряхтя, лезет по откосу вниз. — Ты не ходи, не мешай.

Он копошится в яме, осторожно разгребая валежник. Дождь наверняка смыл следы.

Я касаюсь тонкой, едва ощутимой нити разгадки, которая возникла из мгновенного предположения. Но кристаллы уже начали выпадать. Раствор твердеет. Мостик, выстроенный Андановым. Его интерес, проявленный к этим скучным для охотника местам. Изучал дорогу, рассчитывал?

Такие совпадения не могут быть случайными. Теперь не я ищу факты, а они находят меня. Вероятно, я на верном пути.

— Погляди-ка, следовательно, — зовет Кеша из кустарника.

Густо набросанный на дно ямы лапник прикрыл землю от дождя. Явственно вижу на песке отпечаток протектора.

Неподалеку от рубчатого узора мы находим темное пятно. Здесь масло натекло из карбюратора. Очевидно, мотоцикл лежал на боку. Бензин испарился, а масло осталось.

Кроме куска промасленной тряпки, больше ниче-

го не удастся обнаружить. Дождь поработал как следует.

— Съездишь со мной в Полунино, Кеша?

— Опять мотоцикл искать?

— Да. Но там его насовсем запрятали. Чтобы никто и никогда не нашел, понимаешь?

— У, следовательно, — поразмыслив, протяжно тянет Кеша. — Это совсем легко сделать. В озеро, однако, бросить нужно. В Лихое. Шаман-скалу знаешь? Могила, однако. Никто не найдет.

С Шаман-скалы станция Полунино как на ладони. Поблескивают стальные ниточки рельсов. Облако пара застыло над паровозом. Внизу тусклое зеркало озера. Рябь кажется неподвижной.

От Полунинского тракта к Шаман-скале ведет узкая тропинка. Сюда, случается, забредают шальные туристы. Озеро у нас диковинное. Воды из него вытекает больше, чем вносят реки. А вот не скудеет. И глубины удивительные. Полно провалов, расщелин — метров на двести глубины.

У Шаман-скалы как раз такой провал, подводное ущелье. Если он догадался сбросить отсюда мотоцикл, нам никогда не найти машину.

Анданов. Неужели в этом тихом, корректном почтмейстере таится такой зловещий ум? Не верится!

— Что тут смотреть? — говорит Кеша. — Пойдем, следовательно.

Скала почти отвесно уходит в воду. Гладкая, вылизанная дождями. Только небольшой карнизик метрах в шести подо мной единственное препятствие на пути в бездну.

— Веревка есть, Кеша?

Кеша-таежник — запасливый человек. Мы связываем два небольших обрывка. Мне удастся закрепить конец за камень. Только нога не подвела бы. Авось! Хорошее русское слово «авось»!

Спускаюсь, упираясь здоровой ногой в скалу. Карнизик оказывается пологим, стоять на нем трудно.

Из расщелин в каменной стенке несет вековым хо-

лодом. Осторожно продвигаюсь по карнизу. В одном месте камень хранит след соприкосновения с металлом. Светлый свежий шрам. Осколки стекла, разбросанные на карнизе, кажутся вкраплениями драгоценного минерала.

Держась одной рукой за веревку, подбираю осколки. Ребристое толстое стекло от фары. Еще одно совпадение.

— Живой, следовательно? — спрашивает сверху Кеша.

Живой... Вот выберусь и окончательно отвечу на вопрос. Отдышусь сначала. Надо поберечь силы. Что будут стоить эти открытия, если я не смогу доказать, что он мог проскочить из Лихого в Колодин за пятьдесят минут?

В номер Помилуйко я врываюсь, едва щелкает язычок замка. У майора изумленное лицо.

— На кого ты похож, Чернов?

Наверно, у меня не слишком респектабельный вид.

— Я только что из Лихого... Пятьдесят пять минут... Это возможно.

— Выпей воды.

Помилуйко в полосатой пижаме, пухлый со сна, недовольный.

— Ты энергичен, Паша. Комолов знает, кого брать в помощники. А у меня тоже новость, — говорит Помилуйко и тяжелой ладонью дружески хлопает меня по плечу. — Шабашников раскололся.

Хорошо, что подо мной оказывается стул.

— Ну что ты, Паша? Сознался Шабашников, да. Подписал. Вот выясним кое-какие детали вместе с прокуратурой.

— Как же с Андановым, — бормочу я. — Ведь он...

Я рассказываю о результатах поездки. Помилуйко терпеливо выслушивает, хмурится.

— Да, забавные совпадения. Но где хоть одна явная улика? Мостик построил? Хорошо, построил. И ногу обжег... утюгом, предположим. Ты доказываешь, что он мог совершить преступление. Думаешь,

этого достаточно, чтобы прокуратура вынесла обвинительное заключение?

— Но разве мы работаем только для прокуратуры? Истина, человек...

— Человек, человек... И это когда Шабашников уже в наших руках. Ты хочешь запутать дело? Завести его в тупик?

Вот чего он боится. Майор любит ясность. Шабашников признался... Но почему, черт побери?

— В общем хватит анархии. — Помилуйко рубит ладонью воздух. — Действуй теперь только в соответствии с моими указаниями, ясно?

Остается еще один человек, с которым я еще не встречался и который может рассказать многое. Жена Анданова.

Я снова на приеме у хирурга Малевича. Бинт пропитался кровью, отвердел, как гипс.

— Вы не бережете ногу, лейтенант... Так больно? Ножницы, сестра... Берите пример с Анданова. У него такое же термическое поражение, а молодцом. И немедленно — в постель.

— Мне нельзя сейчас лежать, доктор.

— Вам знакомо слово — «сепсис»? Дождетесь.

Звякают инструменты. Я дергаюсь, как лягушка на школьном опыте.

— Не будете беречься — уложу в больницу. Право!

Удивительные у него руки. Сильные и нежные. Я всегда чувствовал особую симпатию к хирургам. Мне кажется, их работа сродни нашей. Такое же непосредственное проникновение в человеческие жизни. Каждый твой шаг, каждое движение связано с чьей-то судьбой. Ночные вызовы, вечное беспокойство. Гигантская мера ответственности. Смысл нашей профессии, в сущности, тоже заключается в том, чтобы обнаружить вредную ткань и отделить ее от здоровой, очистить среду. Они, как и мы, не имеют права ошибиться.

— Скажите, доктор... Жена Анданова лечилась в вашей поликлинике? А где она сейчас на излечении?

Если он знает адрес, я постараюсь выехать сегодня же. Это последняя возможность.

— Да, она лечилась у нас. Вам я могу сказать: она была безнадежна.

— Была?..

— Да. Неоперабельная опухоль. Анданов знал и все-таки повез. Надеялся на чудо, видимо.

Малевиц плещется над умывальником. Есть в его фигуре что-то скорбное, как у человека, несущего на себе тяжесть чужих бед.

— Ах, вы не знаете? Я думал, слухи распространяются в Колодине молниеносно. Анданов уже вылетел, его вызвали телеграммой. Летальный исход. Он был готов к этому...

Сестра помогает мне спуститься по лестнице, придерживая за локоть. Только бы добраться до гостиницы! Там уж отлежусь. Больше мне ничего не остается.

15

— Пашка, как ты себя чувствуешь?

Это Ленка.

— Я осмотрела мотоцикл и подумала: как же должен выглядеть ты сам?

— Нормально. Пластырь на физиономии, костыль в руках. Шишкинских медведей разглядываю. Симпатичные мишки.

— Тебе плохо, Паш?

— Провидец Самарина.

— Я знаю. Я всегда знаю про тебя. Изучила... Знаешь что? Приезжай к нам. Послушаем музыку.

— Рихтер в Колодине. Запись по трансляции.

— «Итальянское каприччио», ладно? Или двадцатый Моцарта.

С «Итальянского каприччио» для меня и началась музыка. Для меня и для Ленки. Мы купили пластинку случайно. Нам понравилось звонкое название — каприччио. Принесли пластинку домой, послушали. А потом скупил все пластинки Чайковского. Мы ведь были глубокими провинциалами, нам приходилось от-

крывать для себя то, что жители больших городов впитывают вместе с воздухом.

— Я за тобой заеду. На многострадальной «Яве».

В Ленкиной комнате горит неяркая настольная лампа. А занавески на окне те самые, знакомые мне с детства. Вот чего мне не хватало эти дни — уюта, спокойствия, чувства дома.

Щелкает проигрыватель, игла начинает долгий путь по черному диску. Ленка садится рядом, я вижу только ее руки.

Я люблю музыку, но, признаться, плохо понимаю ее. Я слушаю музыку и думаю о чем-то своем, она становится моими мыслями, проходит куда-то глубоко внутрь и растворяется во мне.

Игла извлекает из немого диска мелодию. Это детство. Безмятежное, тихое, как падающий лист. Говор Черемшанки, шелест тайги. Остров на Катице, огонь костра, первые беспокойные и сладкие мысли о любви...

И тарантелла. Вихрь. Любовь, юность. Страстные, зовущие звуки. Все тише, глуше... И снова черная поступь смерти. Печаль, плач, сожаление о чем-то утраченном навсегда. Как предчувствие осени после весенней вспышки.

Расслабляющая горечь проникает в сердце. Все светлые впечатления детства придавлены тяжелыми шагами судьбы. Что же дальше — покорность, ожидание? Каждый раз, прислушиваясь к удаляющимся шагам смерти, я замираю в ожидании.

Вот оно — словно нарастающий бег конницы. Мелодия вклинивается в траурный марш, одолевает его. Мотив, который олицетворяет для меня детство, превращается в торжественный гимн. Молодость вечна, если в тебе живет способность к горению, подвигу. Все быстрее скачут всадники...

Так всегда действует музыка. Все тяжелое, осевшее, как накипь, слетает с души. Я и он. Мы стоим друг другу в немой и тяжелой схватке. Он расчетливее, хитрее меня.

Он знает, что, совершив такое продуманное, изощренное злодейство, не оставил следов, которые могли

восстановить против него закон. Закон придуман гуманными и справедливыми людьми, которые хотели исключить малейшую возможность ошибки. Это тот редкий случай, когда ты знаешь, кто преступник, и не можешь ничего поделать. Он все предусмотрел.

Но мы еще поспорим. Я не выпущу его. У военных есть такое выражение «вызвать огонь на себя». Я попробую...

— Ну вот, у тебя лицо посветлело, — говорит Ленка. — Я же знала, что тебе нужно.

В темном окне я вижу целое созвездие. Там поселок строителей. Сотни семей за тонкими стеклами — как сотни миров.

Одно окно не зажжется в моем городе. В доме Осеева. Убийца еще ходит по городу. А стекла — ненадежная защита. Пока убийца на свободе, смерть всегда может ступить на порог дома. Может войти и в эту комнату.

— Ленка, я пойду.

— Следователь, вы исчезаете и появляетесь так внезапно.

— Ты все смеешься?

— Нет! — Она серьезно смотрит на меня. — Нет, не смеюсь. Но мне не хочется, чтобы ты уходил так внезапно.

Мы молчим. Между нами пролегло несколько лет. И Жарков. И многое другое. Нам трудно теперь отыскать дорогу друг к другу. Но, мне кажется, она существует, эта дорога...

— Почему признался Шабашников? Это же не он.

Комаровский упрямо смотрит в стол. На жилистой, тонкой шее дергается кадык.

— Не знаю... Он в таком состоянии, когда все безразлично. Майор очень ярко нарисовал перед ним, как произошло убийство. Вчера Шабашников спросил у меня: «Может, это и в самом деле я? В беспомощности. В городе меня давно уже осудили». Ему все равно.

— А вам?

— Что же мне, хватать его за грудки и кричать: «Не ты!»? — говорит капитан. — У одного майора одна точка зрения, у другого — другая.

— Но у вас свое мнение!

— Вам двадцать четыре года, Павел Иванович, — устало говорит Комаровский. — Вам все легко. Не могу же я идти против начальства.

Да, мне двадцать четыре. Я не был старшиной, мне все давалось легко. Я шел по расчищенной дорожке. Можно и дальше идти не спотыкаясь. Пристроиться к кому-нибудь «в хвост», как это делают шоферы в тумане. Пусть он, другой, принимает решения. Помилуйко, например.

— Боюсь, что это как раз то дело, когда в конце концов не находят виновного, — говорит капитан.

Во мне волной поднимается злость. Неужели он сумел перехитрить всех? Помилуйко не в силах отказаться от приманки. Я черпаю воду решетом. Комаровский ждет.

— И все-таки мы найдем, — говорю я Комаровскому. — И вы мне поможете. Договорились?

Комаровский после минутного раздумья протягивает руку. Ладонь его костлява и суха.

— Куда вы сейчас? — спрашивает он.

— К Кеше Турханову. Нужно, чтобы он дал знать, как только Анданов появится в тайге.

16

Окна зимовья светятся тусклым желтым светом в таежных сумерках. Над деревьями еще догорает день. Я стараюсь ступать осторожно: не подвела бы больная нога.

Кроме нас двоих, в Лиственничной пади нет никого...

Помощник Комаровского принес утром записку. Корявым почерком Кеша вывел: «Анданов ружьишко брал, подался в Лиственничную падь».

И вот теперь нас двое в тайге, в тридцати километрах от Колодина. Я знал, что Анданов выедет в тайгу Полунинским трактом. В психологии преступников

всех мастей есть общие законы. Даже если деньги не были причиной убийства, преступник не станет отказываться от «добычи». Половину суммы Анданову пришлось подбросить, чтобы навести следствие на ложный путь. Остальные деньги он припрятал.

Где? Он мог сделать это только близ тракта, когда мчался в Полунино к поезду. Брать деньги с собой было бы слишком рискованно.

Нас двое в безлюдной тайге. Это как раз то, что мне нужно. Именно сейчас я должен дать понять Анданову, что мне многое известно о ночном убийстве. Для Анданова на карту было поставлено все. И если он решит, что его тайна раскрыта, то, не задумываясь, пойдет и на второе убийство, чтобы скрыться в бескрайней тайге.

Он не выдержит и этим выдаст себя. Тут я и должен его взять. Тогда он признается. Нервы сдадут. Он убил человека, он живет с тайным страхом в душе.

Вот только не оплошать бы...

Стволы лиственниц, еще недавно отливавшие медью, слились в одну темную, неразличимую массу.

Я подхожу к окну зимовья. Анданов склонил над столом крупную лысеющую голову. Рядом с патронами, солдатиками стоящими на столе, пачка денег. Он листает кредитки. Я немного опоздал. Мне бы встретить его близ тракта, у тайничка, взять с поличным!

Анданов резко поднимает голову. Заметил. Я рывком распахиваю дверь. Сердце бьется неровными толчками. Не дрейфь, лейтенант!

— Какая встреча, — говорит Анданов и усмехается. — Гостем будете.

Я сажусь на лавчонку. В зимовье жарко, трещит огонь в железной печурке. Пахнет медовым «Золотым руном».

Он совсем не похож на того Анданова, с которым я встречался в городе. Там он был смиренным и педантичным почтарем. Тайга распрямила его. Глаза блестят угрюмым блеском, рубаха, обтягивающая плечи, подчеркивает их ширину и мощь. Впервые мне в голову приходит мысль, что орешек может прийтись не по зубам.

— Тоже решили поохотиться? — спрашивает он.

— Вроде того.

Сильными, гибкими пальцами он крутит бумажные гильзы.

— Слышал, вы закончили дело. Не будете волновать нас допросами? Надо сказать, вы очень вежливый следователь.

Похоже, он посмеивается надо мной. Уверен в себе. Знает, что у нас на руках ничего нет. Но пальцы все-таки выдают волнение.

— Почему же с одностволочкой?

— Несолидное ружьишко, это верно, — отвечаю я.

«Кто ты? — думаю я. — Ты мастерски владеешь ножом и едешь на мотоцикле, как гонщик. Как шахматист, ты умеешь видеть на много ходов вперед и способен водить за нос следователей. Где, когда ты столкнулся с Осеевым? Как возникла вражда, вызвавшая такой страшный исход?»

Мы сидим в тесной зимовьюшке, как хорошие друзья.

— Знаете, Анданов, я впервые столкнулся с путаным делом.

— Что ж путаного?

— Сначала было путаное. Теперь нет.

Главное — не оступиться ни в одном слове.

— Путевой обходчик помог.

— Обходчик?

— Он стоял у другого вагона и все видел.

— Не совсем понимаю вас.

Лицо у него по-прежнему непроницаемое. Длинное темное лицо, как маска.

— И еще Савкина яма, где лежал ИЖ. Сохранились кое-какие следы.

— Вы что-то интересное рассказываете...

— Да, конечно. В общем мотоциклетный бросок из Лихого в Полунино через Колодин не удался. Не обошлось без свидетелей.

Анданов наклоняется к печурке и помешивает палкой уголья. Так вот что жарко горело в ней, когда я вошел. Он успел избавиться от денег.

— Пойти дровец подбросить, — говорит Анданов.

Он вынужден сгибаться, чтобы не подпирать головой бревенчатый потолок. Вышел на разведку осмотреться — не привел ли я кого-нибудь? Анданов возвращается успокоенный.

— Здорово все-таки, что мы встретились.

Он разглядывает меня с высоты своего роста. Круглый шар бицепса перекачивается под кожей. Гантелями небось занимается, бережет силенку.

— Однако я в засадку пойду на солонцы. Вы со мной или как?

Мы выходим в темноту. Ружье висит у него на плече. Я стараюсь держаться поближе к Анданову, чтобы он не успел вскинуть свою «тулку».

— Это далеко? — спрашиваю я. — Мне бы хотелось проводить вас обратно в Колодин.

Он молчит, что-то там кумекает. Я иду следом почти вплотную. Темнота густая и вязкая.

Говор реки становится все громче.

Чуть приметен с откоса свинцовый блеск воды. На его месте я бы дальше не пошел. Чувствую, как напрягаются мышцы и тело сжимается в комок:

И все-таки Анданов застаёт меня врасплох. Он неожиданно останавливается, я натыкаюсь на него в темноте и тут же от мощного броска через спину лечу вниз, в Черемшанку.

Шлепаюсь на мокрые камни. Нога! Пытаюсь встать и вскрикиваю от боли. Тут же сверху бьет огненный раскаленный воздух. Мимо!

Затаив дыхание приникаю к камням, втискиваюсь в воду. Мое ружье отлетело в сторону. Осторожно пытаюсь достать пистолет.

Анданов прыгает, наваливается на меня. Мое преимущество в ударе кулака. Но я не могу замахнуться, я прижат к камням.

Пытаюсь высвободиться. Он цепок и ловок. Нащупывает горло. Я борюсь, не думая уже о боксе. Только одно — жажда жить! Инстинкт самосохранения. Он клоочет в нас обоих.

Бью головой, он скатывается. Мы барахтаемся среди камней. Мне удастся привстать. Наконец-то я могу вложить в удар всю силу!

Он отклоняется и перехватывает руку. Попадаюсь на прием. В плече раздается хруст, боль пронизывает тело. Я тыкаюсь головой в холодную воду.

Вскакиваю. Прикосновение горной реки привело меня в чувство. Правая рука висит, как парализованная. Анданов разжал пальцы, но он рядом, хрипло дышит. Противник уже утомлен борьбой; он немолод, и в этом мое преимущество.

Мы стоим в темноте друг перед другом. Эту секундную передышку надо использовать. Бью левой, свингом. Кажется, не промахнулся. Он не ожидал этого. Голова глухо стучается о камень.

Теперь я могу достать пистолет. Нащупываю предохранитель и несколько раз стреляю в воздух.

Осмелев, я зажимаю пистолет под мышкой и зажигаю фонарик. Анданов лежит между двумя обточенными водой валунами.

Анданов, камни, торчащий из воды приклад, все это пляшет, кружится в свете фонарика. Я опускаюсь в воду. Только бы продержаться немного!

17

— Мальчишка! — говорит Помилуйко. — Романов начитался!

Ветер колышет тюлевые занавески, шишкинские медведи гуляют по туманному лесу. Прохладно, чисто и пахивает больницей. Руку мне вправили колодинские эскулапы, а нога придавлена к постели тяжелой гипсовой повязкой. Трогательная картинка.

— Разве так поступают? — повторяет Помилуйко. — Еще не кончено следствие, а ты бах-тарарах. Хорошо, что опергруппа не дала ему уйти. А если б он тюкнул тебя? Анархист... Кеша Турханов нас здорово выручил, ему спасибо.

Кеша не внял-таки моей просьбе, отправился следом в Лиственничную падь. В то время как мы с Андановым вели беседу в зимовье, старый таежник бродил вокруг. Когда я потерял сознание и Анданов бежал, Кеша тут же помчался за оперативной группой и повел ее по следу. Конечно, это Комаровский попро-

сил Кешу не оставлять меня. Скромный колодинский капитан...

— А вообще-то я тоже допустил промах. Должен сознаться.

Помилуйко, остывая, расхаживает по номеру. Он не выглядит огорченным тем, что я своим поступком изменил весь план следствия, так «тщательно» продуманный майором. Помилуйко ничем не вышибешь из седла — он «человек действия».

— Но в целом бригада задачу выполнила, несмотря на отдельные ошибки, — говорит Помилуйко и режет ладошкой воздух. — А знаешь ли ты, Павел, кого мы взяли?

— Да уж не простого...

— Не простого! Это слабо сказано.

Он извлекает из пухлой папки стопку листов. Копии протоколов.

— Познакомься. Передаю дело в высокие инстанции.

И Помилуйко показывает большим пальцем в потолок.

— Сознался как на духу. А что ему оставалось?

Не отрываюсь от протоколов, пока не дочитываю до конца. Не сразу удастся переварить прочитанное, чтобы представить картину преступления, совершенного человеком, которого в Колодине знали под фамилией Анданова.

Я вижу его в полутемном купе мягкого вагона. Сухощавый, настороженный, с головой, вдвинутой в плечи, он весь в ожидании... Колеса постукивают на стыках. Скоро разъезд Лихое. Их сосед только что покинул купе, напуганный стонами больной женщины.

Они остались вдвоем с женой. Все идет в соответствии с тщательно продуманным планом. Анданов растворяет в стакане чаю четыре таблетки нембутала. Пожалуй, достаточно...

Жена отпивает глоток: «Горчит». — «Пей, тебе станет легче». Беспомощная, привыкшая подчиняться беспрекословно, она покорно выпивает стакан. Через десять минут крепко спит.

Анданов прислушивается к ее дыханию. Он боится, что нембутал не окажет воздействия, жена проснется, начнет звать проводников... С затаенной радостью он думает о том, что дни жены сочтены: болезнь уже сотворила разрушительную работу, а этот переезд нанесет еще один удар. Врачи предупреждали: больная нетранспортабельна. Но кто может упрекнуть «любящего мужа» в том, что он не внял предупреждению, надеясь на чудо в областной клинике?

Жена... Единственный близкий и преданный ему человек. Но сейчас он боится ее. Она может, не желая того, в чем-то выдать его, дать следствию пищу для подозрений.

Анданов выскальзывает в коридор: никого! В тамбуре, открыв дверь заранее припасенным ключом, он соскакивает с подножки на неосвещенную сторону платформы. Никто не заметил его в Лихом.

Анданов надевает перчатки. Нож Шабашникова, старые сапоги, завернутые в чистую бумагу, лежат за пазухой. Теперь — к Савкиной яме, где ждет его спрятанный под ветвями ИЖ.

Через час, в полночь, он постучится в дверь Осеева. Перчатки его будут пропитаны горючим, но он не обратит на это внимания.

— Телеграмма из Иркутска, — скажет Анданов. — От дочери.

Он знает, что инженер с нетерпением ждет приезда дочери. Но в руке у мотоциклиста не телеграмма — нож. Остро отточенный клинок со странным рисунком у рукоятки — лев и пальмы.

Это третья и последняя встреча Осеева и Анданова. Первая состоялась двадцать лет назад. Рука убийцы через годы дотянулась до партизана, сумевшего избежать смерти в сорок третьем.

А как это началось?

В июне сорок первого года под Львовом шел жаркий бой. Железнодорожники — одна винтовка на троих — штурмовали гору Подзамче, захваченную немецкими автоматчиками-парашютистами.

Он решил перейти линию фронта. Он уже припас, притаил под шинелью пропуск — листовку, на кото-

рой был изображен вонзившийся в землю трехгранный штык.

Не трусость, не вспышка панической слабости руководили предателем. Он сознательно решил переметнуться к тому, кто казался более сильным.

Увидев офицера в эсэсовской форме, Анданов взметнул руку в фашистском приветствии.

— Прошу не считать меня военнопленным, — выпалил он старательно заученную немецкую фразу. — Цель моей жизни — служение фюреру.

О, это был великолепно разыгранный спектакль!

Фашисты формировали диверсионные группы, и Анданов вступил в одну из таких групп. Риск был велик, но велика была и выгода, а он решил вести крупную игру. Его обучали искусству рукопашной схватки, меткой стрельбе, всем хитростям, необходимым для диверсанта.

Сильный, жестокий, решительный, он быстро пошел «в гору», служил усердно, надеясь на послевоенную щедрость хозяев.

В конце сорок второго года он — командир специального полицейского отряда в Белоруссии. Карательные акции. Сожженные хутора.

Свидетелей своих «подвигов» он старался не оставлять. Очевидно, появились кое-какие сомнения относительно неизбежного торжества оккупантов.

В сорок третьем судьба свела Анданова с Осеевым, радистом небольшого партизанского отряда. Осеев был в числе четверых оставшихся в живых партизан, захваченных в хуторе. Сам хутор со всем населением был сожжен. Осеева и его товарищей ждала виселица. По дороге в город радист бежал. Он прыгнул с обрыва в реку и, раненный, сумел уйти. Это был один из немногих свидетелей, видевших собственными глазами зверства, чинимые фашистским прихвостнем. Трое суток каратели прочесывали лес, надеясь выловить радиста...

Командир полицаев, как только немцы покатались под ударами Красной Армии, не стал тратить время, тщетно упрашивая своих хозяев прихватить его с собой. Он «раздобыл» необходимые документы и бежал

из Белоруссии на Украину, где растворился в толпе беженцев, возвращавшихся в родные края.

Так, собственно, и появился на свет человек по фамилии Анданов.

Он забился в отдаленный сибирский город, женился, поступил работать на почту. Прошли годы. В Колодине надумали строить химкомбинат. Городок ожил. Стали появляться новые лица. И судьба снова свела Анданова с Осеевым. Бывший полицаи не сразу узнал бывшего партизана, но тревога коснулась его. Почувствовал, что и Осеев присматривается к нему.

Анданову, разумеется, нетрудно было перехватить письмо Осеева, в котором инженер просил приехать своего приятеля, тоже бывшего белорусского партизана, знавшего Анданова. Осеев хотел удостовериться в том, что его подозрения не ошибочны.

Анданов сжег письмо. Но за первым письмом могло последовать второе, третье... Бежать? Однако срочный отъезд еще больше укрепил бы подозрения инженера.

Анданов решил устранить Осеева. Устранить так, чтобы избежать возмездия. Прежде всего — алиби. Тщательное изучение карты натолкнуло его на мысль использовать мотоцикл. Он рассчитал, что успеет захватить в Колодин и догнать поезд на станции Полунино. И проводники не заметят его отлучки.

Никто в городе не знал, что Анданов был первоклассным мотоциклистом, и это обстоятельство играло на руку преступнику.

Он досконально изучил тропу, ведущую в город из Лихого, построил мостик через коварную Черемшанку. Труднее всего было раздобыть мотоцикл. Купить машину он не мог — выдал бы себя. После первой неудачной попытки Анданов сумел угнать чужой ИЖ, запрятал его у станции. Обеспечение алиби было только половиной плана. Нужно было пустить следствие по ложному пути. Анданов посещает Шабашникова. Похитить нож и сапоги оказалось делом несложным.

...Он ударил ножом один только раз, ударил наверняка. Прошел в темную, пустую избу, осветил карман-

ным фонариком стол. Нашел дневник, о существовании которого подозревал. Взял деньги, чтобы создать ложную мотивировку убийства.

Затем, покинув дом инженера, Анданов снял сапоги и завернул их вместе с ножом в обрывок полотенца. Выбросил все эти «вещественные доказательства» в уборную. Он понимал, что милиция произведет тщательный осмотр. Пробравшись к сараю Шабашникова, Анданов запрятал часть денег. На бешеной скорости он помчался в Полунино, остановившись лишь для того, чтобы схоронить оставшуюся сумму.

Близ станции Анданов полетел в кювет и обжег ногу. Но мотоцикл остался невредимым. Анданов сбросил машину в озеро и успел к поезду.

Через несколько минут, переодевшись, Анданов вышел к проводникам, чтобы напомнить о своем присутствии и заодно достать соды.

Зверюга!.. Хитрый, беспощадный хищник, в последнюю минуту обнаруживший свое трусливое обличье. Фашист. Затаившийся в моем маленьком городке, надевший маску добропорядочного служаки, он продолжал нести в себе заряд смерти.

— Ну, ты не волнуйся, Чернов, — говорит Помилуйко и осторожно берет у меня протоколы.

— А Шабашников? — спрашиваю я.

Помилуйко багровеет, чешет затылок.

— Да, Шабашников нас чуть не подвел, — говорит он. — Зачем взял вину? Чуть не запутал.

Нет, его ничем не проймешь.

— Маленький город, — говорю я.

Помилуйко пожимает плечами. Он не понимает, что я имею в виду. Маленький город... Слухи, которые распространяются с быстротой правительственных депеш и принимают характер достоверности. Шабашников — «убийца, вор». Он уже был отмечен клеймом, и, как ему казалось, на всю жизнь. Он хотел избавиться от позора и решил, что это можно сделать, лишь смирившись с ним.

— Ну, дело прошлое, — говорит Помилуйко. Он не

любит переживать задним числом. — Выздоровлявай, я тут постараюсь все довести до кондиции. Приедут ведь о т т у д а.

Большой палец снова описывает дугу.

Он уходит, попрощавшись поднятой ладонью, как триумфатор. Комаровский остается.

— Тут записка от Николая Семеновича.

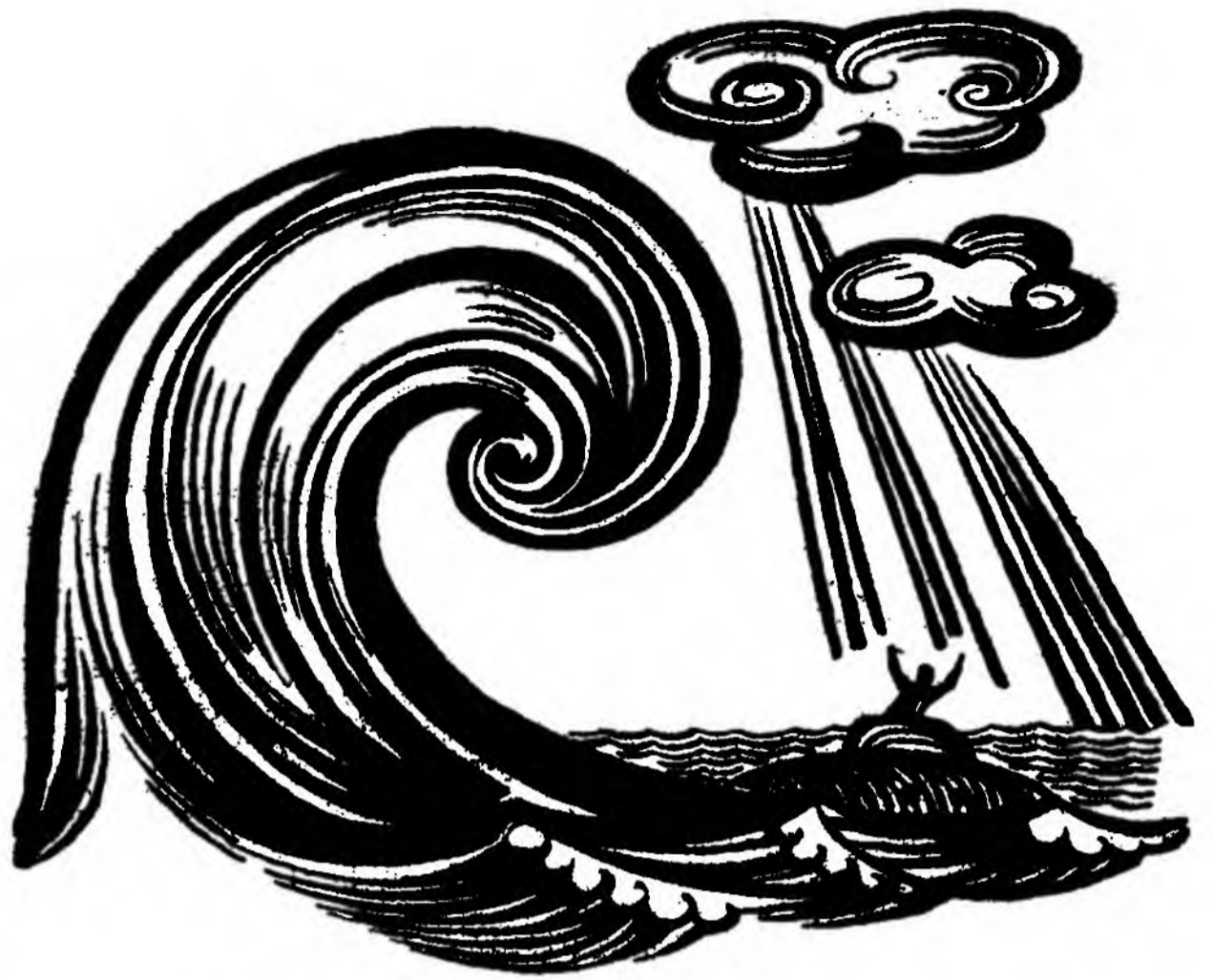
«Паша! Врачи разрешили общаться с миром, но говорят, что с работой придется пока проститься. Ничего, повоюем... Я все узнал от Комаровского. Ты действительно поступил, как мальчишка, в этом Помилуйко прав. Но знаешь — я рад. Спокойствие и мудрость, все, что мы называем опытом, придут неизбежно, но сердце — сердце дается человеку от рождения, и тут я неисправимый идеалист...»

— И еще звонила Самарина. Спрашивала — можно ей прийти?

Лицо у Комаровского добродушно-хитрое, все понимающее. «Дядя Степа», он тут в Колодине все секреты знает. Недаром первая его служба началась на посту при базаре.

— Спасибо, Борис Михайлович, — говорю я. — Скажите — пусть приходит. Обязательно. Я буду ждать...

Г. ГОЛУБЕВ

**„ОГНЕННЫЙ
ПОЯС“**

НОВЕЛЬ

I. ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ

«...Связь с батискафом прервалась 18 августа в 12 часов 42 минуты московского времени — как раз в момент второго, наибольшего толчка, достигшего десяти баллов. Все попытки нащупать батискаф с помощью эхолота и гидроакустической системы не увенчались успехом, так как в результате землетрясения произошли сильные смещения донных осадков на склонах глубоководной впадины, что вызывало искажения в показаниях приборов и практически сделало их совершенно бесполезными.

На протяжении последующих трех суток велись поиски батискафа как с борта «Богатыря», так и с воздуха — экспедиционными вертолетами и несколькими самолетами, специально выделенными береговыми аэродромами. Поиски затруднялись плотной и низкой облачностью, закрывавшей все это время возможный район всплытия батискафа.

Радиосвязь с берегом и самолетами часто нарушалась из-за сильных магнитных возмущений, что весьма осложняло координацию поисковых работ.

Запас воздуха позволял батискафу находиться под водой в погруженном состоянии максимум двадцать часов. Если даже он всплыл раньше этого времени, то, вероятно, в поврежденном состоянии, о чем свидетельствует отсутствие с ним связи. За время же трех суток безрезультатных поисков в данном районе произошли новые серьезные стихийные бедствия, которым не приспособленный к надводному плаванию и к тому же поврежденный батискаф противостоять, конечно, не мог.

1. 20 августа в 05.48 московского времени прошли одна за другой с интервалом 12—15 минут три волны цунами, достигавшие по наблюдениям с борта «Богатыря» 9 метров высоты. Они были порождены, видимо, землетрясением в районе Алеутской гряды.

2. Через 18 минут после прохода последней волны цунами — в 06.33 московского времени — судовыми сейсмографами было зарегистрировано новое землетрясение на дне океана, эпицентр которого — на глубине 70—80 километров в точке с координатами 45° 18' сев., 154° 33' вост. Сила землетрясения достигала 9 баллов.

3. По данным авиаразведки, в тот же день в указанном районе акватории произошло извержение подводного вулкана. Пламя при этом было заметно даже сквозь толщу облаков, достигавших здесь плотности в 600—800 метров. В дальнейшем намечено специально исследовать этот район.

Учитывая все вышесказанное, считаю...»

Докончить фразу было нелегко. Начальник экспедиции отложил перо, сердито потряс рукой — было неприятное ощущение, что она страшно затекла.

Потом он, ссутулившись, с минуту смотрел, ничего не видя, куда-то в угол каюты. Было тихо. Только изредка что-то щелкало в трубах судового отопления.

Вздыхнув, он снова взял ручку и твердо, с нажимом дописал:

«...считаю дальнейшие поиски батискафа бесполезными и прошу разрешения продолжать выполнение намеченной исследовательской программы».

Начальник экспедиции, яростно разбрасывая брызги с пера, подписался и швырнул ручку на стол. Она скатилась на пол, но он не стал поднимать ее — тяжело поднялся, медленно подошел к койке, отдернул, едва не сорвав, веселенькую шелковую занавеску и лёг, не снимая кителя с золотыми нашивками.

Он лежал так долго, глядя в потолок, по которому скользили туманные блики от иллюминатора.

В дверь громко постучали.

— Да. Войдите, — буркнул начальник, поднимая седую лохматую голову.

Вошел капитан. В одной руке он держал фуражку, в другой — голубой листочек радиogramмы.

— Вы отдыхали, Григорий Семенович? Виноват...

— Ничего. Что там?

— Рация, Григорий Семенович. Береговые станции прослушивания уловили в звуковом канале на глубине четырехсот метров слабые сигналы. Позывные батискафа и несколько отрывочных фраз: «...вынуждены всплывать... не работает... определиться не... баз», — прочитал капитан, запинаясь. — Очень плохая слышимость.

Начальник сел на койке, задохнувшись, спросил:

— Запеленговали?

— Да. Это миль семьдесят от нас, к северо-востоку. Вот точные координаты.

Они одновременно подошли к столу. Начальник экспедиции углубился в радиogramму, капитан начал разворачивать лежавшую на столе карту. Оба склонились над ней.

— Подают сигналы, значит — живы, — проговорил начальник и посмотрел на капитана, потом снова начал внимательно изучать радиogramму. — Но какой дьявол их туда занес, хотел бы я знать?! И что вообще с ними приключилось? «Баз...» — это, видимо, Базанов. Тарабарщина какая-то!

И добавил, опять поднимая на капитана удивленные глаза:

— Но как они уцелели под водой, если прошло трое суток, а воздуха у них было на двадцать часов?!

II. КООРДИНАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ

(Судовой журнал с комментариями С. Ветрова)

1

«18 августа, 11.35. Глубина 618 метров. Продолжаем погружение в глубоководную Курило-Камчатскую впадину. Связь с кораблем нормальная. Руководит погружением с борта начальник экспедиции Лобов. Все в порядке».

Сделав очередную запись в журнале, я вернулся к своему иллюминатору. Прошло уже два часа после начала погружения, а пока ничего особенного интересного. Или привык? Сколько раз уже мы ныряли!

А Михаил не отрывается от своего окошка. Неудобно ему с такой медвежьей фигурой в детском креслице. Хоть он и привык сгибаться в три погибели над микроскопом. Наверное, поэтому и сутулится. Кажется, медики называют это профессиональными приметам: у ювелира всегда сточен ноготь на большом пальце правой руки, у чертежника — затвердение подушечки правого мизинца. Где-то я читал об этом? Интересно, а у меня в чем профессия проявляется?..

Время от времени, нажимая кнопки на пульте, Михаил берет пробы воды, чтобы потом исследовать их в лаборатории. Лапищи у него огромные, пальцы толстые, грубые, но залюбуешься, как ловко и бережно подхватывает он пинцетом какого-нибудь крошечного усатого рачка или манипулирует с хрупкими пробирками. Тоже профессиональная тренировка...

Ловкий, а недогадливый. Или просто увлекся работой? С трудом различает кнопки, а прибавить света не догадается.

Я включаю ему вторую лампочку. Она прикрыта колпачком, пропускающим только узкую, как лезвие ножа, полоску света.

Поперек стекла иллюминатора, так внезапно и быстро, что я вздрагиваю, проносятся несколько креветок. Что их испугнуло?

Ага, понятно. За ними гонится большая сардина. Вряд ли им удастся ускользнуть от такой прожоры.

Больше за иллюминатором пока ничего не видно. Да и не моя, собственно, забота вся эта живность. Я наблюдаю за ней больше из любопытства и чтобы помочь Михаилу не пропустить что-нибудь интересное. Но следить за всем этим пестрым хозяйством и разбираться в нем — его задача. Моя область — гидрохимия и морская геология. Для меня пока работы почти нет, только предстоит взять несколько проб воды на разных глубинах. А вот когда прибудем на дно, тогда я стану главным наблюдателем.

— Где же планктон? — вдруг озабоченно бормочет над самым моим ухом Михаил. — У тебя тоже нет? Уже около семисот метров. Забавно!

Он буквально прилип к стеклу, высматривает свой заветный планктон. А Базанов, наш командир и владыка всей техники, невозмутим, как лифтер. Удобно откинувшись в кресле, вытянув через всю кабину длинные ноги, он даже мурлычет себе под нос что-то явно симфоническое.

Какие мы все-таки разные, а неплохо сработались.

При первом знакомстве Базанов мне не понравился: вечные шуточки, не по возрасту пижонистый костюмчик. А оказался превосходным товарищем, отзывчивым и умным. И дело свое знает досконально. Поэтому, вся эта сложная техника, которой битком набит батискаф, его попросту боится, как беспощадного укротителя. Или любит и уважает, потому и покорна ему?

Всегда он подтянут, иронично-спокоен... А Михаил совсем другой. Медлительный, неторопливый, немножко тугодум... Молчаливый, и застенчивый, и будто вечно немного сонный. И как забавно в его характере уживаются противоположные качества! Во всем, что касается науки, наблюдений, он страшный педант и аккуратист, а так, в жизни, безалаберный какой-то. Со своими козявками пунктуален до тошноты, а неряха: форма на нем сидит мешковато, фуражка всегда мала для лобастой лохматой головы. Пожалуй, Базанов даже в своем кремовом костюмчике выглядит рядом с ним бывалым «морским волком»...

А каким, интересно, кажусь им я?

Яркий свет за окном заставил меня прильнуть к иллюминатору.

Сначала вдалеке, за пределами света наших прожекторов, вдруг словно вспыхнуло слепящее белое пламя. Оно медленно облачком разошлось по воде и потухло. Потом вспышка повторилась. Уже значительно ближе. Кто это может подмигивать нам из подводной мглы?

Внезапно прямо в упор на меня глянуло такое страшилище, что я невольно отпрянул. Это была как

бы сплошная жадно разинутая пасть, из которой торчали во все стороны мелкие острые зубы. А вся рыбешка, как я теперь рассмотрел, была совсем крошечной, не больше пятнадцати сантиметров длиной. Но она упрямо тыкалась своей уродливой пастью в стекло, словно пытаясь проглотить наш батискаф.

Надо ее сфотографировать. Я сделал несколько снимков и позвал Михаила, чтобы он тоже полюбился.

— Хаулиодус слоанеи, — забормотал он над моим ухом. — Забавно. Чего она так глубоко забралась?

Первое время меня злило, что Михаил то и дело ввертывает в разговор латинские термины. Как будто от них мне станут понятнее его объяснения! Но потом я понял, что он вовсе не пытается «свою образованность показать». Для него это самые обыкновенные, совершенно точные названия, и он даже просто не представляет себе, что кто-то может не знать латыни.

— Сделай еще снимок, — попросил Михаил.

Но в тот же момент, словно испугнутая его голосом, уродливая рыбешка исчезла. А еще через мгновение мимо иллюминатора прошмыгнули в полосе света три крупные креветки, смешно помахивая своими длинными усиками и извиваясь всем телом, будто танцуя. Через секунду в полосу света влетела еще одна креветка. Но она не стала убегать, а вдруг резко повернулась навстречу преследователю.

За ней гналась крупная глубоководная рыба, похожая на длинную прозрачную ленту, светившуюся нежным голубоватым сиянием. Мгновение — и креветка вдруг выбросила облачко светящейся слизи. Вспышка была такой яркой, что мы зажмурились.

А когда я открыл глаза, ни рыбы, ни креветки уже не было. Только, постепенно затухая, расходилось в воде светлое облачко.

На больших глубинах, где царит вечная ночь, даже каракатицы вместо «чернильной жидкости» выбрасывают такие светящиеся облачка. Под их прикрытием легко ускользнуть от врагов.

Так мы медленно продолжали погружаться все глубже и глубже, не отрываясь от иллюминаторов,

чтобы не прозевать что-нибудь интересное. Это требовало много внимания, так что мы почти не разговаривали, только изредка перебрасываясь короткими фразами:

— Миша, вижу глубоководного угря. Проследи, пожалуйста.

Или:

— Константин Игоревич, прибавьте, пожалуйста, воздуха. Что-то в висках постукивает.

— Планктон! — вдруг радостно крикнул Михаил. — Стоп! Еще немножечко вниз, Константин Игоревич. Так, хорошо. Гаси прожектор, Сергей!

Нажимая одну за другой кнопки на пульте, Базанов уравнивал нашу «лодочку». Мы неподвижно повисли на глубине 730 метров.

Теперь за иллюминатором словно засияло звездное небо в лунную ночь. Сплошная россыпь ярких огоньков, точно Млечный Путь, сверкала за холодным крупным стеклом. Но то были не звезды. Это сверкали мельчайшие рачки, креветки, бактерии. Сколько их тут? Мириады? Вода буквально кишит ими, она кажется густой...

— Как суп, — неожиданно говорит за моей спиной Базанов и вкусно причмокивает. — Не могу смотреть на него. Мне нынче снилась солянка. Эх, стосковался по берегу, по Ленинграду, по «Астории», по настоящей, братцы, соляночке!

Мы с Михаилом смеемся, не отрываясь от иллюминаторов.

— Да, этот суп не для вас, Константин Игоревич, — шутит Михаил. — Вот киту он по вкусу... Ну что же, пробы я взял, надо доложить. Включи-ка телефон, Сергей.

Я включаю микрофон и докладываю:

— Мы на «ложном грунте». Глубина семьсот тридцать один. Пробы взяты.

Репродуктор отвечает голосом «деда»:

— Вижу. Попробуйте двинуться чуток к норд-норд-осту. Только очень немножко и медленно...

Переглянувшись со мной, Базанов, косясь на гироскоп, пускает в ход моторы. Руля у нас нет, мы

поворачиваем, включая попеременно то один мотор, то другой.

Я знаю, что сейчас наверху, в затемненной рубке, все не отрывают глаз от экрана эхолота. На экране, между дном и поверхностью моря, темнеет тоненькая полоска. Это наш подводный кораблик, нащупанный ультразвуком. Вот полоска чуть заметно поползла к краю экрана...

— Стоп! — командует репродуктор. — Что за бортом?

— Чисто, Григорий Семенович, — отвечает Михаил.

— Планктона нет?

— Очень мало.

Пауза, потом новая команда:

— Возьмите пробу и спуститесь метров на сорок, только не выходите из этой плоскости.

— Есть, — отвечает Базанов, берясь за штурвал балластных цистерн.

Я не свожу глаз с указателя глубин.

— Есть дно! — восклицает Михаил.

— Какое дно? — бурчит репродуктор. — До дна вам еще как до неба.

— Простите, Григорий Семенович, «ложное дно», — смущенно поправляется Мишка.

— Стоп! Да остановитесь же, черт вас возьми! — бушует «дед». — Берите скорей пробу.

«Ложным грунтом» называют особый слой воды, насыщенный планктоном — различными микроорганизмами, мельчайшими креветками и рачками. Он встречается во всех морях и океанах, хоть и на разной глубине. Ультразвуковые колебания, посылаемые эхолотом, даже частично отражаются от него, словно от настоящего дна. Именно благодаря эхолоту и удалось, кстати говоря, открыть это явление.

Ну, Михаилу теперь раздолье...

Было такое ощущение, словно мы попали в самый центр разрыва фейерверка. За стеклами иллюминаторов вспыхивали и мелькали бесчисленные яркие искорки — зеленые, синие, ослепительно белые, голубые. Их отблески причудливо бегали по нашим лицам,

заливая всю кабину каким-то волшебным, неземным светом.

— Сколько раз собираюсь захватить с собой мольбертик под воду, специально сделал такой маленький, складной... Но как это передашь на картине? — неожиданно прошептал над самым моим ухом Базанов. — Где взять краски?

Только приглядевшись, можно рассмотреть, что каждая искорка — крошечное живое существо. Извиваясь и мерцая, как далекие голубые звезды, проплывали прозрачные гребневики.

Помахивая длинными хвостиками, колыхались в темной воде ночесветки — не то микроскопическое животное, не то плавающее растение. И все эти ниточки, комочки, ромбики пылали холодным призрачным огнем, при свете которого в кабине хоть читай.

Но так же внезапно свет за окнами померк.

Мы снова зажгли прожекторы, но в их свете не появлялось ничего интересного. Только изредка сверкала, точно лезвие ножа, одинокая рыбешка.

— Проба взята, — докладывает Михаил.

Репродуктор некоторое время молчит, только слышно хриплое дыхание. Наконец начальник экспедиции коротко разрешает:

— Ладно, спускайтесь дальше.

— Есть, адмирал! — весело отвечает Базанов, берясь за свой штурвал. Видно, уже заскучал без работы.

И мне пора приниматься за дело. Надо взять первую пробу.

Наше сегодняшнее погружение — одно из многих исследований, какие ведутся в эти дни на всей планете по плану международных научных работ, получившему название «Проект Верхней мантии». Всеми способами пытаются заглянуть геологи за таинственный покров этой «мантии» Земли: бурят сверхглубокие скважины, устраивают искусственные маленькие «землетрясения», ныряют на дно океанов, как мы. И кто знает: может, именно образцы, добытые мной сегодня, окажутся особенно интересными и ценными для науки.

Все ближе надвигается изрезанная трещинами черная скалистая стена подводного ущелья...

Я взялся за стальные рукоятки манипулятора — и в тот же миг услышал какой-то треск над головой.

Кабина дернулась, наполнилась гулом, словно колокол от удара, и полетела вниз...

Сердце у меня сжалось, как бывает, когда самолет вдруг проваливается в воздушную яму.

■

«18 августа. 12.42. Связь с кораблем прервана. Пытаемся установить причину и размеры аварии...»

Тонем!

Но в кабине, казалось, все было по-прежнему. Горели лампочки под черными колпаками, подмигивал оранжевый глазок указателя глубин, шипел воздух, вырываясь из баллонов...

И тут я увидел Базанова.

Он стоял на коленях, поддерживая голову Михаила, неподвижно лежавшего на стальном полу каюты.

Я бросился к ним на помощь.

— Приподними ему голову, — сказал Базанов.

— Что случилось?

— Не знаю. Сейчас разберемся. Сначала надо ему помочь. Вроде никакой раны нет.

Базанов достал из аптечки флягу со спиртом и смочил Михаилу губы. Тот тихо застонал, но в себя не приходил.

Постелив резиновый матрасик у стены, мы положили Михаила на него.

— Подожди, пока он не придет в себя, — сказал Базанов. — А я займусь техникой.

Через его плечо я взглянул на указатель глубин. Стрелка замерла на цифре 1042 метра.

Базанов включил локатор.

— Что за черт! — вырвалось у него. — Мы на дне!

Оба мы, как по команде, глянули в иллюминаторы. Они были совершенно темными.

— Включите прожекторы, Константин Игоревич!

— Они включены, — ответил Базанов, но все-таки несколько раз пощелкал выключателем.

Ни один проблеск света не мелькнул за окном.

— Не могли же они все разом выйти из строя? — буркнул Базанов. — Хоть один-то должен гореть?

Миша снова застонал.

— Телефон оборван, рация пока бесполезна. Попробуем акустическую систему, — задумчиво сказал Базанов, подключая к пульту микрофон.

Медленно разгорался зеленый огонек индикатора. Базанов взял в руки микрофон, оглянулся на меня...

— Алло, алло, «Богатырь»! Говорит Базанов!

Репродуктор молчал. Базанов несколько раз повторил свой призыв, меняя настройку.

— Не понимаю, — пробормотал он, — чего она хочет?

Есть у него такая забавная привычка: говорить в минуты задумчивости о машинах, словно о живых существах.

Подумав немного, он выключил аппарат.

— Не стоит зря переводить энергию, она еще пригодится. Давайте лучше попробуем разобраться, что с нами случилось. Переноска цела? Посвети-ка в иллюминатор.

Базанов зажег сильную переносную лампу и поднес ее к иллюминатору.

Мы оба заглянули в окно, но ничего не могли рассмотреть. В темном стекле, слепя глаза, только отражалась сама лампа.

Жмурясь, Базанов приблизил ее к самому стеклу.

Теперь мы поняли, почему не сиял за окном свет наших прожекторов: иллюминатор был забит снаружи слоем липкого зеленовато-серого ила...

— Попробуем всплыть, — сказал Базанов, выключая лампу и решительно берясь за рубильник аварийных балластных цистерн. — Ты придержи Михаила, рывок может быть резким.

Я сел на пол и обнял Мишку за плечи. Базанов рванул рубильник...

Никакого толчка не последовало.

Кабина оставалась неподвижной. Только дрогну-

ли пальцы Базанова, когда он их медленно, словно нехотя, отнял от рукоятки рубильника.

— Подводный обвал! — вскрикнул я.

Базанов молча кивнул.

Мы оба и без слов понимали опасность.

Откуда-то сверху на нас обрушилась лавина тяжелого ила. Под ее тяжестью оборвался, как нитка, трос, соединявший нас с судном, и батискаф полетел вниз. Он мог бы расколоться о скалистое дно, как орех, но, видимо, мы упали на пружинистую подушку из того же ила, это нас спасло.

Надолго ли?

Спасло от мгновенной гибели, но обрекло на медленную, мучительную.

Это отсрочка, а не спасение.

Мы не можем всплыть, липкий ил плотно забил отверстия цилиндров с аварийным балластом, железная дробь не могла теперь высыпаться оттуда.

— «Мы на лодочке катались», — задумчиво пробормотал Базанов, вынимая платок и вытирая лицо. — И динамик, видимо, залепило этим проклятым илом. Поэтому нас и не слышат.

У нас осталась только рация. Но она не может связать нас с кораблем, пока не всплывем на поверхность.

Мы глухи и немы...

Догадываются ли наверху, что случилось? Или наша гибель так и останется навсегда одной из загадок моря?

Видимо, эти мрачные мысли весьма наглядно отразились на моем лице, потому что Базанов хлопнул меня по плечу и сказал:

— Неудобство — это просто неправильно воспринятое приключение. Давайте так и будем рассматривать наше положение. Мы еще поедим с тобой соляночки в «Астории», не сомневаюсь...

— Я в полном порядке, командор, — ответил я. — Просто теперь ощутил на собственной шкуре, какой хороший обычай существует насчет подводников.

— Какой обычай?

— Говорят, что когда куда-нибудь входит подводник, все другие моряки встают, выражая этим свое сочувствие его мужеству и нелегкой доле.

— Очень неплохой обычай, — задумчиво пробормотал Базанов. — Но не воображай себя старым подводником.

Он уже не слушал меня. Встал, минуту подумал, потом неторопливо и словно лениво взялся за штурвал балластных цистерн. В тревожные минуты Базанов становился особенно подтянутым, собранным, словно сжавшаяся пружина. И в замедленных движениях его появлялась какая-то тигриная грация.

Что он задумал?

Задумал, явно что-то задумал. Недаром смотрит на пульт с таким выражением, будто хочет спросить у батискафа: а ну, что ты теперь выкинешь?

Я зачарованно смотрел, как Базанов медленно повернул штурвал до предела.

Сжатый воздух выгнал всю воду из цистерн...

Кабина не шелохнулась. Сколько же тонн ила облепило наш батискаф?

Воздуха у нас остается еще часов на пятнадцать с лишним. А вытащить нас из-под многотонной горы липкого ила не так-то просто. Сколько его навалилось на нас? Уж я-то лучше других знал, что местами здесь донные осадки образуют порой километровую толщу...

Один трос порвался, полетят и другие, если даже нас удастся зацепить каким-нибудь образом.

— Где у тебя карта? — вдруг спросил Базанов. — Есть у меня одна мыслишка.

Я достал карту и расстелил ее прямо на полу.

— Мы опускались здесь, — склонился над ней Базанов. Михаил, привстав, заглянул из-под его руки. — Глубина впадины тут около восьми тысяч метров. А застряли мы где-то на половине, так? Значит, сидим на каком-то выступе.

Он встал и окинул взглядом пульт управления.

— Как учит нас товарищ Конфуций: «Лучше зажечь одну маленькую свечку, чем проклинать темноту...» Рискованно, но попробовать стоит.

— Что? — хрипло спросил Михаил.

— Попробуем соскочить с выступа. Как считаете? Пустим оба двигателя. Если выступ невелик, мы соскользнем с него.

— И провалимся еще глубже, на дно? — спросил я.

— Может быть. Но зато вырвемся из этой липучки. Вода обмоет нас при падении, и электромагниты должны сработать. А сбросив балласт, мы всплывем.

Несколько минут мы обдумывали эту идею. Мишка молчал, выжидательно поглядывая на нас. Он в технике ничего не понимает и, по-моему, в глубине души даже немножко побаивается ее. Решать надо нам с Базановым.

Конечно, риск велик. Кто знает, как плотно забиты илом аварийные цистерны? Смоет ли вода илистую пробку? Или мы просто полетим вниз, на самое дно этой пучины и достать нас оттуда окажется, пожалуй, еще труднее?

— Думайте, мальчики, думайте, — сказал Базанов. — Но, по-моему, рискнуть стоит. Во всяком случае, из этой ловушки мы вырвемся.

— И попадем в другую?

— Нас легче будет нащупать эхолотом или телевизионной установкой, — продолжал Базанов.

— А если мы совсем утонем в иле, как нас тогда найдут?

— Время не ждет. Даю на размышление пять минут, — Базанов поднес к уху часы.

— Константин Игоревич прав, — сказал Михаил, посмотрев на меня. — Другого выхода, пожалуй, нет.

Я молча кивнул. И Базанов, точно он только и ждал этого, сразу же уселся в свое кресло за пультом управления.

Затаив дыхание мы следили, как он уверенно включил сначала один электромотор, потом и другой.

Я невольно сжался, ожидая толчка... Но его не последовало. Кабина начала только чуть заметно дрожать, не двигаясь с места.

Базанов увеличил обороты.

Дрожь кабины усилилась...

И только. Мы не двигались с места.

Тогда он начал попеременно выключать и снова включать моторы, стараясь раскачать нашу застрявшую «лодку».

Левый...

Правый...

Левый...

Правый!

Моторы глухо ревели. Вибрировали и гудели стальные стенки. Тихонько звенели приборы.

Левый...

Правый...

Но кабина ни с места!..

Мишка закрыл глаза и болезненно сморщился: видно, ему приходилось туго.

Базанов резким движением выключил моторы и встал. Ноздри его раздувались, он дышал тяжело и часто, словно сам, своими руками пытался столкнуть нашу «лодку» и очень устал от этого.

Он вытер мокрое, покрасневшееся лицо и опустился на пол возле меня. Когда он совал платок обратно в карман, оттуда выпала фотокарточка. Я поднял ее и подал ему.

С помятой карточки весело улыбалась белокурая девушка в черном форменном мундире с витыми погончиками на плечах.

— Дочка моя, — сказал Базанов, бережно разглаживая карточку и пряча ее в карман. — Будущий геолог, как ты.

Я смотрел на него, не понимая, о чем он говорит.

«Все кончено, — стучало в голове. — Нас не найдут, не спасут. Мы слишком крепко завязли...»

Люди там, наверху, смеются, улыбаются, как эта беззаботная девушка. Они видят и солнце, и море, и небо, а мы...

В этот миг наша кабина резко качнулась... Наполнилась гулом, накренилась и, заскрежетав, поползла куда-то вниз.

А мы, хватаясь друг за друга, покатались по полу...

«14.03. Сильным толчком в результате донного землетрясения батискаф сброшен с выступа...»

— Мы падаем! — крикнул Михаил.

— Нет, всплываем! — ответил Базанов, тщетно пытаюсь подняться на ноги.

Они были правы оба. Сначала кабина, накренившись, падала вниз.

Потом она вдруг резко качнулась. И начала быстро всплывать.

— Есть! — радостно воскликнул Базанов, хлопая меня по плечу. — Затворы сработали, мальчики. Мы всплываем!

Я бросился к иллюминатору. Но стекла все еще были темными, вода не смыла с них грязь.

Стрелка глубиномера бойко перескакивала от цифры к цифре: 1000 метров, 900...

850...

Мы с Мишей подмигнули друг другу.

Но почему у Базанова озабоченное и настороженное лицо?

— Что-нибудь не так, командор? — спросил я.

— Полный порядок, — ответил он, улыбаясь. — Скоро будем наверху. Но кто мне объяснит, что же все-таки произошло?

— Похоже, мы попали в зону моретрясения, — сказал я. — Они здесь частенько бывают. Мы же с вами находимся в знаменитом «Огненном поясе». Он опоясал весь Тихий океан. Тут и действующих вулканов и землетрясений природа отпустила куда больше, чем нужно человечеству для научных исследований. И эпицентр очередного моретрясения оказался где-то неподалеку. Первого толчка мы не ощутили, но он сбросил на нас илистую лавину. А второй толчок спас нас, столкнув с уступа, на котором засели. Надо взять пробы воды, если только наши «руки» не вышли из строя...

Базанов занялся своей техникой, а мы с Михаилом начали проверять заборные приборы.

Один наружный термометр, видимо, разбился или

порвались провода, передававшие в кабину его показания: стрелка указателя бессильно поникла на циферблате, хорошо, хоть второй уцелел. Пострадало, вероятно, и несколько цилиндриков для забора проб воды. Но остальные действовали. Я наполнил их водой, записав в журнал, на какой глубине взята каждая проба.

— А как твое хозяйство? — спросил я Михаила, возившегося в своем уголке.

— Несколько колб с пробами разбито, — мрачно ответил он. — Посвети мне, пожалуйста, переноской. Тут что-то непонятное.

— Что?

— В трех пробах планктон почему-то осел на дно.

— Ну и что?

— Он должен плавать. Подожди, не убирай лампу. Добавлю свежей воды.

Он так медленно и осторожно колдовал со своими колбами, что я не выдержал:

— Укрепи где-нибудь лампу, у меня своих дел хватает.

— Спасибо, больше не нужно. Можешь ее убрать. Все в порядке, они всплывают.

— Мне бы твои заботы...

Но он уже был где-то далеко от меня. Задумчиво спрятав колбу в термостат, он пробормотал по привычке:

— Забавно...

И начал что-то торопливо записывать в свой гротсбук.

Взгляд мой задержался на указателе глубины. Почему так медленно движется стрелка? За пятнадцать минут она одолела всего одно деление и теперь, неуверенно вздрагивая, остановилась у цифры 316.

Я посмотрел на Базанова. У него на скулах под загорелой кожей напряглись желваки.

Что опять?

Крепко — так, что побелели костяшки пальцев, ухватившись за штурвал, — он налег на него всем телом.

Зачем? Штурвал и так повернут до отказа. Водяные балластные цистерны давно продуты дочиста.

— Чего же она хочет? — пробормотал Базанов.

— Иллюминатор очищается! — радостно воскликнул со своего поста Михаил.

Мы с Базановым бросились к нему.

Действительно, струи воды наконец-то размыли илистое бельмо на стекле. Правда, оно еще не очистилось полностью, но в трещины между пятнами грязи уже брезжил свет наших прожекторов. Эх, если бы можно было вылезти наружу и соскрести, смыть со стекла этот проклятый ил!

Я заглянул в свой иллюминатор. Проблески света были заметны и в нем.

Однако третье наше оконце оставалось темным, как и раньше.

Молча мы следили, как медленно, страшно медленно тают на стекле серые пятна ила...

Свет за окном разгорался все ярче, и вот я увидел первую рыбу!

Она смотрела на меня, выпучив телескопические глаза и быстро шевеля жабрами. Наверно, самый близкий друг не мог бы меня сейчас так обрадовать своим появлением, как эта глупая лупоглазая рыбешка! Слово сама жизнь заглянула в иллюминатор.

— Почему мы стоим? — спросил за моей спиной Михаил.

В самом деле, почему мы не всплываем? Почувствовать это можно было теперь и без указателя глубины.

Если бы мы поднимались, рыбы и планктон за стеклом проплывали бы сверху вниз, словно убегая в глубины. Но они не отставали от нас, лениво покачиваясь перед иллюминатором.

— Лифт испортился, мальчики, — негромко проговорил Базанов и помолчал. — У нас сработала только одна цистерна с аварийным балластом. А на крыше еще осталась глиняная шапка. Она-то нас и держит... И вертикальные винты подъема, видно, погнуты, если не сломаны совсем...

«19 августа. 02.00. Координаты неизвестны. Вот уже одиннадцать часов продолжаем медленно дрейфовать в неизвестном направлении. Глубина 310—315 метров. Все попытки всплыть остаются безуспешными. Кислорода осталось максимум на три часа...»

Дышать становилось все труднее.

Казалось, легкие у меня неимоверно расширились, им стало тесно в груди. Они жадно втягивали, втягивали в себя воздух.

А его становилось все меньше и меньше... Очищительная система не успевала уже поглощать выдыхаемый нами углекислый газ.

Или просто балует психика, и все это мне лишь кажется?

Из нас троих мне одному нечем себя занять, поневоле в голову лезут глупые мысли.

Мишка по-прежнему, как ни в чем не бывало, продолжал колдовать со своими колбочками и пробирками. Через каждые пятнадцать минут он брал пробу забортной воды и, придвинувшись к лампе, внимательно рассматривал попавшуюся вместе с водой всякую микроскопическую живность. Потом снова прилипал к иллюминатору, время от времени делая какие-то пометки в пухлом журнале наблюдений.

Я заглянул через его плечо:

«Кажется, насыщенный слой снова начал подниматься. Проверить потом статистическим анализом взятых проб...»

А будет ли оно — это ПОТОМ? И прочтет ли вообще кто-нибудь этот пухлый грессбух? Вон почерк у тебя стал каким неуверенным, буквы словно пошатываются. Видно, им тоже не хватает воздуха. А ты все пишешь, наблюдаешь.

— Нестор Летописец, — вырвалось у меня.

Но он, к счастью, не слышал.

Чем бы мне заняться?

Базанову тоже не до философских размышлений. Где его пижонство? Голый до пояса, весь перемазан-

ный мазутом, он словно задался целью разобрать, прочистить и заново собрать весь батискаф.

Вот он затянул потуже гайки на корпусе правого мотора, сосредоточенно вытер руки куском пакли, задумчиво положил палец на кнопку и резко нажал ее.

Мотор мягко загудел. Базанов послушал его, склонив голову, и выключил, одновременно нажав пусковую кнопку левого мотора.

Нашу жестянку резко качнуло.

— Осторожнее! — воскликнул Михаил, валясь на спину и прижимая обеими руками к груди бесценную колбочку с очередной порцией своего «глубоководного супа».

— Хоть бы предупреждали, Константин Игоревич, — проворчал он, поднимаясь на ноги. — Да и зачем эта дерготня? Мешает работать.

Опять левый, правый?..

Зачем?

Но ведь надо же что-то делать, бороться, вырваться из плена!

Базанов виновато хмыкнул и, ничего не ответив, начал разбирать масляную помпу, аккуратно раскладывая детали на куске замасленного брезента.

Мишка прав: сколько раз уже Базанов рывками запускал моторы, пытаясь сбросить налипшую сверху шапку проклятого ила! А толку что? Зачем же зря расходовать аккумуляторы и мешать Михаилу работать?

Хотя с другой стороны, если вдуматься... Кому пригодятся его наблюдения, если мы вообще никогда не всплывем? Или всплывем уже мертвые, задохнувшиеся в этой несчастной консервной банке?

Надо что-то делать!

— А этот насосик мы не додумали, — бормочет Базанов, рассматривая какую-то деталь. — Можно его сделать поостроумнее. По принципу выталкивания пьяного из пивной, вот как его надо будет сделать.

— Знаешь, в чем заключается этот принцип? — неожиданно спрашивает он меня, подняв голову.

--- Нет.

— В непрерывности. Надо не давать пьянице опомниться. Все выталкивать его, выталкивать, выталкивать. Вот так должен работать и этот насос.

Я машинально слушаю Базанова...

И вдруг замечаю, как он украдкой, продолжая разбирать помпу и для отвода глаз что-то фальшивенько насвистывая, вороватым движением быстро подкручивает рукоятку вентиля, регулирующего приток воздуха.

Значит, мне вовсе не показалось, что дышать становится труднее.

Это Базанов все уменьшает приток воздуха, заставляя нас задыхаться.

Базанов украдкой скашивает на меня глаза и сразу понимает, что я все видел. Но продолжает насвистывать и копаться в своем моторе.

— Зачем вы это делаете, командор? — сердито говорю я.

— Что? Помпу чищу? Не помешает.

Он притворяется непонимающим!

— Нет! Воздух зачем зажимаете?

— Воздух надо беречь, — наставительно отвечает он, поднимая черный от мазута палец.

— Зачем? Чтобы на какой-нибудь лишней час продлить агонию?

Михаил, отвлеченный моим срывающимся голосом от своих пробирок, поднимает лохматую голову и недоумевающе смотрит на нас.

— Займись-ка лучше делом! — кричит мне Базанов.

Он сует мне в руки кусок ветоши, и я начинаю покорно вытирать ею тускло поблескивающие при свете лампы детали помпы.

Теперь мы все заняты. И я уже успокоился настолько, что, не прекращая работы, могу заглянуть в иллюминатор, черной зловещей дырой зияющий у моего плеча.

За ним адская, кромешная тьма. Прожектор включен лишь с той стороны, где ведет свои наблюдения неугомонный Михаил, а мне ничего не видно.

Покосившись на Базанова, я включаю прожектор

и у своего иллюминатора. Буду делать два дела сразу: и механику помогать и наблюдать героически за природой, как Мишка. Может, это больше отвлечет.

Что это?

Будто за стеклом иллюминатора промелькнула какая-то тень?!

Выронив деталь, которую так тщательно надраивал, я приник к стеклу. Оно запотело, покрылось капельками холодной воды.

Я начал лихорадочно стирать их. Руки у меня в мазуте, по стеклу пошли радужные пятна.

Что-то темное, продолговатое, большое смутно виднелось чуть ниже нас в сумрачной морской глубине.

Оно медленно двигалось по самой границе зоны, освещенной прожектором...

— Батискаф! — закричал я. — Нас нашли, братцы! За нами прислали батискаф! Или нет... скорее это подлодка.

— Какая подводная лодка?! — гаркнул на меня Базанов. — Ты что, спятил?

Он схватил меня за плечо, отодвинул от иллюминатора и сам приник к мокрому стеклу.

Почему он так долго молчит?

Или мне просто померещилось, начинаются галлюцинации?

— Ну?! — крикнул я.

— Это не подводная лодка, — глухо ответил Базанов, не отрываясь от иллюминатора. — Это просто... какая-то живность.

— Кашалот! — крикнул Михаил от своего иллюминатора.

5

«03.12. Координаты неизвестны. В девяти-одиннадцати метрах по правому борту замечен ныряющий кашалот...»

Я никогда раньше не видел кашалотов, только на картинках. И теперь, забыв обо всем, приник к мокрому, холодному стеклу, наблюдая за морским гигантом.

Какая у него уродливая голова! Она занимает чуть не половину всего тела.

И в то же время сколько мощи в этой словно высеченной из гранита морде! А где же у него глаза?

Кашалот держался примерно на одном расстоянии от нас, то опускаясь на несколько метров глубже, то снова поднимаясь...

Михаил начал делать фотоснимки.

— Включи кинокамеру, — сказал я ему.

— Боюсь испугнуть. Судя по многим научным источникам, они отличаются очень чутким слухом, — не отрываясь от иллюминатора, ответил Миша.

Кашалот снова проплыл так близко, словно в самом деле собирался нас протаранить.

— Уходит! — вдруг вскрикнул Михаил.

Я глянул в иллюминатор. Кашалота уже не было. Мишка был так огорчен, будто потерял лучшего друга.

— Может, вернется, — сказал я, чтобы его утешить.

Хотя, пожалуй, лучше бы он не возвращался и не пробовал играть с нами.

— Глубоко же они забираются, — с легкой завистью сказал Базанов.

— Ныряют и глубже, — ответил Михаил и вдруг остановился на полуслове, прикинув к иллюминатору.

Кашалот вернулся!

Неторопливо и плавно он начал снова кружить возле нас. Иногда он на миг задерживался на одном месте, словно выбирая, как лучше ударить своей тупой, круто обрубленной головой. Это были не слишком приятные мгновения...

Потом кашалот вдруг широко разинул свою громадную пасть, — я так и ахнул. Она у него изнутри была снежно-белая!

Собирается нас проглотить или просто зевает?

Нет, опять начал кружить... А через несколько минут снова ушел на поверхность. За воздухом.

За воздухом, которого нам так не хватает...

— Мишка, ты видел, какая у него пасть? Белая!

— Видел. Некоторые считают, будто кашалоты специально ныряют вот так, с разинутой пастью, привлекая белым цветом кальмаров. Но это лишь предположения.

Мы замолчали, ожидая, когда кашалот появится снова. Неужели он больше не вернется? Теперь мне почему-то стало немножко грустно и одиноко от этой мысли.

Но он вернулся и в третий раз.

И опять плавно кружил и кружил, порой словно заглядывая в самые иллюминаторы.

— Почему он возвращается? — спросил я у Михаила.

— Вероятно, принимает нас за светящегося глубоководного кальмара. На них обычно кашалоты охотятся. Видишь, его особенно привлекает болтающийся кусок оборванного троса. Наверное, напоминает ему щупальца кальмара, а видит он плохо. Хочет схватить и не решается.

— Если бы он решился! Тогда бы мы были спасены!

Михаил непонимающе уставился на меня.

— Если бы он схватил нас за этот трос и как следует потрянул, может быть, волной смыло бы этот проклятый ил, понимаешь? И мы всплыли бы на поверхность!

Мишка о чем-то задумался. Казалось, он хочет что-то сказать, но не решается.

— Ну? Что ты хочешь предложить? — подбодрил его Базанов.

— А что, если попробовать попеременно включать моторы? — сказал я Базанову. — Тогда трос начнет дергаться, колыхаться. На подвижную приманку он быстрее клюнет.

Базанов посмотрел на Михаила.

— Как, Миша? Не вспугнем мы его такими маневрами?

— Очень возможно, что и вспугнем. Я же говорил, что кашалоты весьма чувствительны к шумам, хотя на этот счет в научных источниках встречаются довольно противоречивые сведения...

— Тоже мне точная наука! Сплошные противоречия, и ничего ясного, — пробурчал я.

Мише, видно, стало обидно, потому что он сказал:

— Но одно установлено достаточно точно: кашалоты реагируют на ультразвук. Когда какого-нибудь кашалота ранят люди или, скажем, косатки, он посылает в воду ультразвуковые сигналы, и другие кашалоты немедленно приходят к нему. Они даже помогают раненому товарищу всплыть на поверхность океана, чтобы он мог набрать воздуха в легкие...

— Ну и что?

— Вот я и предлагаю попробовать подманить его ультразвуковым сигналом. Как будто бы кашалот, просящий помощи.

— Какая частота сигнала? — деловито спросил Базанов.

— Что-то около ста тысяч колебаний в секунду. Но надо проверить, потому что сигналы другой частоты, наоборот, отпугивают кашалотов. Это даже используют китобои на Азорских островах, сгоняя кашалотов в нужное место. Как бы не ошибиться. Сейчас посмотрю...

Он пошарил в своем хозяйстве, нашел справочник, открыл нужную страницу. Базанов тут же выхватил книгу и начал изучать, бормоча:

— Так... Кажется, выходит, если перевести на мегагерцы...

Потом он сунул книгу мне в руки и начал возиться с аппаратурой.

Неужели получится?!

Я снова приник к иллюминатору. Кашалот продолжал маневрировать на границе слабо освещенной зоны. Наверное, скоро ему придется всплыть, чтобы глотнуть свежего воздуха. Вернется ли он к нам еще раз?

— Поторопитесь, — сказал я. — А то он поднимется на поверхность. Запас воздуха у него кончается.

Мне никто не ответил. Потом раздался встревоженный голос Михаила:

— Что с вами, Константин Игоревич?

Я обернулся.

Базанов стоял, положив руку на выключатель, с каким-то странным задумчиво-отсутствующим видом. Михаил удивленно смотрел на него.

— Что же вы не включаете? — спросил я.

Базанов перевел взгляд на меня, потом на Михаила.

— Вот что, мальчики, — медленно проговорил он. — На этот опыт уйдет почти вся оставшаяся энергия наших аккумуляторов.

Об этом мы совсем забыли. Но если сядут аккумуляторы, не останется уже никакой надежды...

Нам не завести моторы, нечем будет питать рацию...

Черт! Сколько задач, от которых зависит жизнь, приходится нам нынче решать!.. Не слишком ли много для одного дня?

Я поглядел на Базанова, чтобы посоветоваться с ним хоть глазами. Но он смотрел на Михаила. Понятно, ждет, будто Мишка даст ему какие-то гарантии, что кашалот отзовется на наш призыв. Но кто их может дать?

Мишка молчал. Молчал и я.

Но это не выход из положения. Время идет. И решать все равно надо.

— Ладно, мальчики. Трусы в карты не играют, — вздохнув, произнес Базанов, и негромко щелкнул выключателем.

Я бросился к иллюминатору.

Кашалота не было!

— Он ушел, всплыл! — вскрикнул я. — Мишка, в твой иллюминатор не видно? Может, он перешел на твою сторону?

— Ничего у меня не видно, — тихо ответил Михаил.

Мы все переглянулись.

Базанов уже протянул руку к выключателю, но Мишка остановил его.

— Подождите, Константин Игоревич. Еще минуте две. Может быть, он все-таки услышит и вернется. У них так бывает: чем больше времени кашалот про-

будет под водой, тем дольше потом находится на поверхности.

Мы прилипли к иллюминаторам: я — к одному, они — к другому.

Вернется?

Нет?!

Чуть слышно гудел прибор, пронизывая толщу воды неслышными для наших ушей ультразвуками. Услышит ли их кашалот?

Ожидание было бесконечным.

Неужели сейчас окончательно сядут аккумуляторы, и тогда...

— Все, — устало сказал Базанов. — К сожалению, фокус не удался.

Он протянул руку к выключателю...

— Возвращается! — остановил его крик Михаила.

Я тоже подскочил к их иллюминатору, и мы все втроем, подталкивая друг друга, пытались заглянуть в маленькое оконце.

Да, кашалот возвращался!

Он опускался почти вертикально, легко и стремительно неся свое огромное тело, и приближался к нам уже без всякого опасения.

Я даже не успел увидеть, схватил ли он пастью болтавшийся трос или просто поддел наш кораблик головой.

Нас так тряхнуло, что мы, подминая друг друга, повалились на пол...

Батискаф раскачивался, вздрагивал. Его швыряло из стороны в сторону, словно банку на штормовой волне.

Невозможно было понять, поднимаемся мы или нет.

Базанов, цепляясь за что попало, подтянулся к глубиномеру и крикнул:

— Всплываем! Осталось меньше сотни метров.

•

«03.43. Всплыли на поверхность. Волна три-четыре балла, густой туман. Небо затянуто сплошной облач-

ностью, определиться не удалось. Координаты по-прежнему остаются неизвестными».

Я никогда раньше не знал, что воздух так душист! Едва мы всплыли и Базанов открыл верхний люк, я первым вскарабкался по трапу и, высунувшись до пояса, дышал, дышал и никак не мог надыхаться.

Только через несколько минут ожило второе мое чувство — зрение. Видно было немного. Все вокруг застилал липкий, плотный туман. Волны невидимками подкрадывались под его покровом и внезапно бросались на палубу, обдавая меня брызгами. Качало так сильно, что все время приходилось упираться локтями в стенки люка, крепко вцепившись в поручни.

Ничего не видно было и наверху, ни единой звездочки. На миг мне даже показалось, будто мы все еще под водой, и я зябко передернул плечами.

Кто-то дернул меня снизу за ногу.

— Ты что, заснул? — спросил Михаил, когда я наклонился в колодец люка. — Где кашалот?

Кашалот? Ах да, как же это я совсем забыл о нашем спасителе! Да где же его увидишь в таком тумане.

— Ищи сам, — сказал я и нехотя стал спускаться по узкому трапу, чтобы уступить место Мишке. Ему тоже ведь хочется подышать.

Свежий морской воздух проник во все уголки нашего кораблика, проветрил, продул камеру. Но все равно это было совсем не то, что наверху.

А Базанов опять возится со своими аппаратами, что-то подкручивает, подвинчивает, смазывает. Вот фанатик!

— Что же вы, командор, не хотите свеженького воздуха хлебнуть? Никогда такого не пробовал, честное слово!

— Успею еще, — ответил он и подмигнул. — Не перед смертью, чай, надыхусь еще. А как там погода?

— Скверная.

— Звезды видно?

— Видимости никакой. Туман.

— Плохо. Опять не удастся определиться. Где же мы все-таки находимся?

Он положил на столик карту и, озабоченно пригладив седящие волосы на виске, склонился над ней.

— Глубина свыше трех тысяч метров, на якорь не встать. Придется всю ночь дежурить, как бы не вынесло нас на какой берег.

— Да что вы, командор, — сказал я, заглядывая через его плечо. — Не могло же нас за сутки утащить на пятьсот миль. До ближайшего берега еще целый океан.

— Возможно. Но пока не определимся и не узнаем точно, куда нас занесло, придется посматривать в оба. Береженого и бог бережет.

Когда Михаил спустился, Базанов сам поднялся наверх, но тут же вернулся.

— Ничего не видно, — сказал он. — Но красотища! Тьма непроглядная. Вот бы такую ночь нарисовать! Придется осмотр повреждений отложить до утра.

Мы задраили люк и решили отдыхать. Вахтенный должен был каждые пятнадцать минут замерять эхолотом глубину и через полчаса включать верхний прожектор: вдруг прилетит самолет или появится неподалеку какой-нибудь корабль. Но надежды на это при такой скверной погоде было, конечно, очень мало.

На первую вахту заступил Михаил. Через два часа его должен был сменить я. Базанов оставил за собой следующую вахту, приходящуюся на самые глухие часы глубокой ночи. Моряки не любят эту вахту, называя «собачьей» и другими нелестными прозвищами.

Базанов как лег на резиновый матрасик, брошенный прямо на пол кабины, так и захрапел громко, с переливами. А мне сначала показалось, будто уснуть не удастся. Батискаф сильно раскачивало, от стального пола тянуло холодом; снова начинало казаться, будто не хватает воздуха...

Но я тоже заснул моментально, словно провалился куда-то в бездонную пропасть.

И тут же меня начал безжалостно расталкивать Михаил.

— Что случилось? — пробормотал я.

— Ничего не случилось. Просто пора бы тебе уступить свое местечко и занять мое.

— Неужели прошло два часа?

— Точно.

— Брось разыгрывать. Ты подвел часы.

Аккуратист Мишка, услышав такое обвинение, даже побагровел от возмущения. Он демонстративно выдернул из-под меня матрасик и лег на него, отвернувшись к стенке.

А я, очутившись на мокром полу, волей-неволей оказался вынужден окончательно проснуться и заступать на вахту.

Впрочем, до конца я, похоже, так и не проснулся. В каком-то полузабытии машинально включал через каждые пятнадцать минут эхолот и нетвердой рукой записывал в судовой журнал его показания. Глубина почти не менялась, все те же три тысячи метров холодной воды под нами.

Так же бездумно и механически я каждые полчаса на миг включал прожектор; но сколько ни вглядывался в иллюминатор, ничего не видел, кроме пенных гребней набегавших волн. Да и что можно было увидеть здесь, за тысячи километров от ближайшего берега?

Эти два часа вахты тянулись бесконечно, лишний раз подтверждая относительность времени. Я едва дождался, когда можно стало разбудить Базанова, и, как только он освободил матрасик, свалился и моментально заснул.

Но снова меня тут же разбудили!

Громкие, встревоженные голоса моих товарищей заставили меня поднять тяжелую голову. Базанов и Михаил почему-то вглядывались в иллюминаторы. Что случилось?

Что-то громко, со звоном стукнуло в стальной борт нашего кораблика.

— Слышите? — повернулся к Базанову Михаил. — Это льдина!

— Да откуда здесь возьмутся плавучие льды в это время года? — ответил ему Базанов, не отрываясь от иллюминатора. — Не могло же нас утащить так далеко на север, аж в Берингов пролив. Черт! Ничего не видно. Надо подняться наверх. И потом ты же сам говоришь, что температура забортной воды поднялась на пять градусов.

Базанов полез наверх.

Михаил посмотрел ему вслед, наморщив лоб, потом в задумчивости пробормотал:

— Забавно...

Из распахнутого люка потянуло сырой свежестью, и бодрящий морской ветерок сразу прогнал сон.

— В чем дело? Что случилось? Что еще тебе кажется забавным? — спросил я, вскакивая и подходя к иллюминатору.

Прожектор был включен, но сквозь стекло не удавалось различить ничего, кроме вздымавшихся и опадавших волн. А дальше — сплошной туман.

— Понимаешь, заступил я на вторую вахту и решил на всякий случай провести некоторые наблюдения, — начал рассказывать Михаил.

Ого, оказывается, сколько я поспал, а показалось — минуту!

— ...В том числе замерил температуру забортной воды, и оказалось, что она поднялась по сравнению с последним измерением на пять и две десятых градуса. Непонятно! Я задумался над этим странным явлением, и вдруг услышал, как что-то ударилось о борт, потом еще и еще. Вот и опять, слышишь?

В самом деле, новый глухой удар наполнил звоном и скрежетом нашу кабину.

— Видимо, мы и вправду врезались в полосу плавучего льда, — сказал я. — Как бы не пробило нашу скорлупку.

— Но откуда же взялся лед, если вода стала даже теплее? — растерянно пробормотал Михаил. — Непонятно!

Да, это было действительно совершенно непонят-

но. Отчетливые удары льдин о борта как будто подтверждали, что нас занесло далеко на север.

Новый удар. Как бы в самом деле не пробило борт. Тогда нам крышка.

Но почему же потеплела вода за бортом, словно мы заплыли куда-то чуть ли не на экватор? Что за чертовщина такая?

Еще удар и скрежет.

— Что вы там видите, командор? — нетерпеливо окликнул я Базанова, потянув его за штанину.

Он спустился вниз, оставив люк открытым.

— Что-то вокруг плавает, но непохоже на лед, — сказал Константин Игоревич. — Лед белый, а это что-то серое, сливается с водой, никак не рассмотришь. Подождем рассвета. Туман уже расходит. А прожектор нечего жечь, аккумуляторы почти на нуле.

Я не удержался и сам полез наверх, хотя при выключенном прожекторе уж, конечно, ничего не мог рассмотреть. Но хоть подышать вдоволь свежим воздухом.

Ветер как будто стал тише, и океан начинал успокаиваться. Волны «убивались», как говорят моряки. На востоке за пеленой облаков смутно занимался рассвет. Но на воде еще лежал туман.

Было довольно свежо, я скоро замерз, но уходить с мостика не хотелось. Я крикнул Мишке, чтобы он подал мне меховую куртку, и, закутавшись в нее, наслаждался свежестью морского ветра.

Сколько я так блаженствовал, не знаю, во всяком случае, несмотря на облачность, стало уже довольно светло. И туман поднимался, таял на глазах.

Теперь я мог рассмотреть получше, что за странные серые льдины плавают вокруг нас.

Я взглянул в бинокль и присвистнул от удивления.

Лава! Конечно, это были куски ноздреватой и серой вулканической лавы, а вовсе не лед.

Но откуда же они взялись тут, посреди океана, за тысячи миль от берегов?

Видимо, где-то поблизости произошло извержение

подводного вулкана, и лава всплыла на поверхность. Теперь понятно, почему повысилась и температура воды.

Собственно, ничего удивительного. В «Огненном поясе» уже открыто с десятков тысяч подводных вулканов. Здесь сотворение мира еще продолжается. Где-то на дне океана треснула земная кора, сдвинулись ее пласты — и вот в результате землетрясения, едва не погубившего нас под обвалом, ожил еще один подводный вулкан.

Я уже хотел спуститься вниз и рассказать обо всем этом своим товарищам, как невольно взгляд мой привлекла странная темная полоска на краю горизонта.

Я навел на нее бинокль... Судорожно глотнул, чтобы прочистить горло, и неистово завопил:

— Земля! Земля! Зеееемляя!..

Снизу дернули меня за ногу. Я наклонился в люк и увидел встревоженное лицо Базанова.

— Ты что орешь? — спросил он. — Самолет?

— Земля, Константин Игоревич!

— Откуда тут возьметса земля? А ну-ка, спускайся, я сам гляну...

«10.15. Координаты неизвестны. В полутора милях к северо-северо-востоку замечен неизвестный остров. Направляемся к нему».

Возле острова, так неожиданно появившегося на нашем пути, крупные куски плавающей лавы образовали почти сплошное поле. Нам пришлось двигаться очень медленно и осторожно, чтобы не повредить стальной обшивки батискафа. Я стоял на носу, отталкивая шестом в стороны крупные куски лавы и расчищая путь.

Михаил внизу непрерывно следил по эхолоту за глубиной. Она все время оставалась в пределах около трех тысяч метров и только на расстоянии полутора кабельтовых от островка резко начала убывать.

Значит, остров, несомненно, был вулканического

происхождения. Чудовищные подземные силы подняли его со дна морского! Нам выпала редкая удача стать свидетелями этого поразительного явления, и, конечно, было бы непростительным преступлением перед наукой не обследовать «новорожденный» островок.

Вот мы подошли к нему совсем вплотную.

Я непрерывно тыкал шестом в воду, замеряя глубину, но она продолжала оставаться вполне достаточной для нашей «лодки».

Только бы не напороться на какую-нибудь подводную скалу....

Когда до берега осталось метра полтора, я не выдержал и прыгнул на берег.

Странный и необычный это был берег. «Земля» из остывающей лавы была еще теплой и мягко пружинила под ногой, словно асфальт в сильную жару.

Присев на корточки, я внимательно рассматривал эту «землю», поднявшуюся из океанских глубин. По ней ведь еще не ступала нога ни одного живого существа на планете!

Типичная базальтовая лава, только что извергнутая из сокровенных глубин. Надо поскорее взять пробы, пока не затвердела.

Это будут уникальные образцы!

— Где же Мишка? Чего он там копается? Робинзон Агеев, быстро наверх! Необитаемый остров не может ждать! — заорал я во все горло.

Из люка, наконец, показалась взлохмаченная голова.

— Полюбуйтесь на него! Совершенно невозмутимый вид, словно он и не присутствует при одном из величайших географических открытий нашего времени!

— Чего ты орешь? Должен я закончить свои наблюдения? У меня программа...

— Программа! Ты жалкий робот, а не мыслитель. Мир рушится, острова возникают из океанских глубин, а он все возится со своим мерзопакостным несъедобным «супом». Бросай свои пробирки и тащи сюда мой геологический молоток, четыре банки, пин-

цет, мешок, моток проволоки. И быстро: одной ногой туда, другой — на берег!

Михаил исчез в люке, а я, не в силах дождаться его, начал отковыривать кусок лавы перочинным ножом. Когда подоспел Михаил, Базанов взял у него инструменты и начал помогать мне.

Мы обошли весь островок. Он был невелик, всего метров сто в длину, около сорока в ширину. Лава, похоже, всюду была довольно однородной. Но я старался взять побольше образцов из разных мест. Может быть, последующий химический анализ покажет что-нибудь интересное.

Вот здесь надо взять пробу. Похоже, что это габбро...

А это вроде вкрапления диорита, да еще кристаллического!

Я трудился несколько часов, отрываясь на миг, чтобы жадно глотнуть холодной воды и стереть пот со лба — точнее, размазать грязь по всему лицу.

— Ну, теперь надо осмотреть батискаф, — сказал Базанов. — Начнем с верхней палубы.

Работы нам предстояло немало. Верхняя рубка была украшена в нескольких местах глубокими вмятинами — видимо, в донном иле, обрушившемся на нас, попадались и обломки скал. Один иллюминатор покрылся трещинами, но воды не пропускал, в шахте было сухо.

Самые серьезные разрушения обвал причинил верхней палубе. Винты вертикального движения, как и опасался Базанов, оказались погнутыми, покореженными, лопасть у одного из них оторвало совсем. Оборвало, конечно, как паутину, все леера и погнуло стальные стойки. Сорвало антенну. Забило липкой грязью динамики акустической системы.

— Да, крепко тебе досталось, — угрюмо сказал Базанов, еще раз осматривая покореженную палубу с высоты рубки.

Похоже, печальный вид повреждений причинял ему прямо-таки физическую боль. Но тут же он качнул головой, словно отгоняя мрачные мысли, и уже совсем другим, деловитым тоном сказал:

— Ладно, глаза страшат, а руки делают. Первое, что нам надо, — это установить связь с «Богатырем». Они там переживают больше нашего.

— Антенна ведь сорвана.

— Пустяк. Ты в детстве змеи запускал когда-нибудь?

— Кажется. А что?

— Придется удариться в детство и запустить в небо хорошего змея на проволоке. Вот и будет антенна. Да еще какая — хоть с Эйфелеву башню высотой.

Я восхищенно посмотрел на него. Но Базанов, словно не желая замечать моего восторга, полез в люк.

— Пошли. Начнем с передатчика.

Рация никак не хотела работать. Базанов бился с ней больше часа. Казалось, все было нормально: передатчик включался, загорались лампы, а связи нет.

— Чего он хочет? — бурчал Базанов, закурив сигаретку и задумчиво поглядывая на непокорный аппарат. — И наверняка пустяк какой-нибудь. Так, контактик где-то нарушился. Ладно, придется действовать испытанным способом...

Мы уже знали этот способ: разобрать до винтика, а потом собрать.

Расстелив на полу кусок брезента, Базанов неторопливо и методично начал разбирать рацию.

Я решил помочь ему и потянулся за какой-то деталью. Но он решительно отвел в сторону мою руку.

— Нет уж. Видели, как ты мотор чистишь. А что такое непрошенная помощь, знаешь? Это просто помеха.

— А что же делать нам, командор? — взмолился я.

— Спать.

— Ладно. Только предпочитаю на воздухе. И на твердой земле, — подхватив спальный мешок, я направился к люку.

— Боишься, как бы твой островок не украли? — хмыкнул Базанов. — И ты, Мишель, отправляйся

с ним, хватит возиться с пробирками, никуда они не денутся. Пойди поспи на свежем воздухе с Сергеем.

— Я посплю, только здесь, Константин Игоревич. Нельзя прерывать наблюдения. Тут у меня одна идея наметается...

— Идейки идейками, а все-таки приказываю спать.

Мишка вздохнул, послушно лег на матрасик возле стенки, однако поставил, как я заметил, у себя под самым ухом будильник. Вот неугомонный парень! К чему такие подвиги?

А я... Базанов потом рассказывал о том, что увидел, выглянув из люка: я расстелил спальный мешок прямо на серых камнях «своего» острова, забрался в него, блаженно пробормотал: «Тепленькая земля-то», — и тут же отчаянно захрапел...

8

«20 августа, 05.30. Координаты по-прежнему неизвестны. Рацию пока привести в порядок не удалось. Облачность сильная, без просветов, звезд не видно, определить не удастся...»

Открыл я глаза, лишь когда к очередному расталкиванию добавился какой-то весьма аппетитный запах. Приоткрыл один глаз и увидел неподалеку горящий с победным гудением походный примус, а на нем — большую кастрюлю. Вкусный запах, несомненно, шел из нее!

Возле кастрюли колдовал Константин Игоревич, а Мишка, присев на корточки, дергал и встряхивал меня, словно я был не современным Колумбом, а какой-то тряпичной куклой.

— Не делай мне искусственного дыхания, я не утонул, — сердито сказал я, садясь и отталкивая Мишку в сторону.

— Вовремя проснулся, — проворчал он, — а я-то уже собирался тебе уши тереть, как заснувшему алкоголику. — И с восхищением добавил: — Ну и здоров ты спать! Целый день, как сурок, это же надо уметь, правда, Константин Игоревич?

Только теперь до меня дошло, что наступил вечер, кругом темно.

— Вы меня плохо будили...

— Мы его плохо будили! — фыркнул Михаил. — Да ты даже не проснулся, когда ракеты пускали. Тебя атомным взрывом не разбудишь.

— Попрошу без выпадов. А зачем пускали ракеты?

— Самолет пролетал.

— Врешь. — Я вопросительно посмотрел на командора.

Константин Игоревич молча кивнул, наливая мне полную миску превосходнейшего, густого горохового супа.

— Высоко шел, над облаками, — проговорил он, усаживаясь по-восточному возле гудевшего примуса.

— А рация? — спросил я.

— Рация пока бастует...

Холодный ветер разгуливал над моим островком. В затянутом облаками небе не светило ни одной звезды. В этой крошечной тьме особенно громко и нелюдимо шумел океан.

Базанов при свете фонарика расстелил на камнях спальный мешок и забрался в него, кряхтя от удовольствия. Мне очень хотелось последовать его примеру.

— А ты что не укладываешься? — словно угадав мое желание, спросил Константин Игоревич. — Или выпался на всю жизнь?

— Спите, я подежурю.

— Да дежурить особенно нечего. Море довольно спокойно. Мы на суше. И Михаил все равно будет просыпаться каждые полчаса, опыты проводит. Так что можешь продолжать досыпать с чистой совестью.

— Да я уже выпался. Так, полежу в спальном мешке...

Но я сказал неправду. Едва забрался в спальный мешок и голова моя удобно устроилась на резиновой надувной подушке, как моментально глаза закрылись и я опять провалился в сладостную бездну непробудного сна.

Спал я так же крепко и безмятежно, как и днем. Но почему-то сразу проснулся в тревоге, хотя Михаил еще даже не притронулся ко мне, а первым начал расталкивать Базанова.

— Константин Игоревич, проснитесь, тревога!

Базанов стремительно сел, сдергивая с себя спальный мешок, и спросил деловым тоном, будто и не спал:

— Что случилось?

Я тоже торопливо вылез из мешка, зажег фонарик, глянул на часы.

— По-моему, скоро будет новое землетрясение, — проговорил Михаил.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Он начал бормотать что-то не очень вразумительное:

— Конечно, я могу и ошибиться... Но мне кажется, стоит принять какие-нибудь меры предосторожности. Во всяком случае, как мне думается, это будет нелишним... Понимаете, меня очень заинтересовал планктон. Помните его странное поведение, когда мы погружались в ущелье? Он почему-то опустился на большие глубины, хотя по всем признакам должен был, наоборот, держаться в это время в верхних слоях воды.

— Ну и что ты хочешь сказать? — нетерпеливо поторопил его я.

Но он продолжал тем же размеренно-академическим тоном, словно лекцию читал:

— И незадолго перед тем, как произошло подводное землетрясение и мы попали под обвал, я заметил, что бактерии (тут он ввернул какое-то совершенно непроизносимое латинское название) во всех пробах забортной воды, словно по команде, опустились на дно пробирок...

— Забавно. Да при чем тут землетрясение?

Я говорил, пожалуй, излишне резковато. Но это, наверное, оттого, что мне стало немного стыдно. Только теперь я понял, почему так упорно возился Мишка со своими пробирками в самые неподходящие для этого моменты. Тогда меня бесило, что он вроде и

не реагирует на опасность. А Михаил, оказывается, просто был увлечен своей идеей, хотя и бредовой.

— Какая-то несомненная связь определенно есть, — упрямо ответил Михаил. — Конечно, нужны дополнительные наблюдения. Но сейчас они снова опустились на дно. Есть возможность проверить...

В этот предрассветный час океан совсем успокоился. Волны ласково и лениво лизали камни новорожденного островка. Даже ветер стих.

Базанов повернулся к Михаилу.

— Какую же связь все-таки ты усматриваешь между поведением микробов и землетрясением? В чем она заключается?

— Не знаю. Но они явно ощущают приближение землетрясения за несколько часов. Может быть, незаметно для наших приборов меняется сила тяжести или магнитное поле в данном районе, и они это ощущают. Ведь каждому землетрясению предшествуют медленные и скрытые накопления напряжений в земной коре, так?

— Так, — согласился я. — Но пока у нас нет приборов, которые бы эти постепенные изменения могли уловить.

— А почему ты думаешь, что природа не наделила такими способностями некоторые живые существа? Кузнечики, например, улавливают колебания почвы, амплитуда которых не превышает по своим размерам диаметра атома водорода. Такой же чувствительностью обладают и водяные пауки, ориентирующиеся по неуловимым приборам и колебаниям водной поверхности...

Иногда Мишка становится упрямым, как черт!

— Расскажи нам еще про рыбок в японских аквариумах, которые якобы своим поведением предсказывают землетрясения, — напустился я на него. — Или как мечутся перед землетрясением кошки и собаки. Все это гипотезы, домыслы, пока столь же ненаучные, как и весьма распространенное мнение, будто барометр предсказывает погоду. Рассвет на необитаемом острове — самое подходящее время для таких популярных лекций!

Я демонстративно зевнул, сладко потянулся и полез в спальный мешок. Не успел я закрыть глаза, как услышал голос Базанова.

— Вставай, — коротко приказал он. — Надо уходить.

— Куда уходить?

— В море.

Уже почти совсем рассвело.

Я разозлился:

— Вы все-таки поверили в его теорию?

— Не знаю. Кажется, приближается цунами.

Быстро на борт!

Я торопливо вскочил.

— А о цунами-то вы откуда узнали?

— Посмотри на океан.

Океан был совершенно спокоен.

Я вопросительно взглянул на Базанова:

— Не понимаю.

— Ты видишь, как далеко отступила вода? — спросил он, свертывая спальный мешок. — И приборь стих.

В самом деле, приборь смолк.

И теперь я заметил, что обнажилась широкая прибрежная полоса, еще недавно бывшая под водой.

Вода отступала прямо на наших глазах, словно вырастал и поднимался все выше остров или стремительно мелел Тихий океан!

И все это в полной, зловещей тишине...

— Может, это отлив? — неуверенно пробормотал я.

— Какой отлив! — закричал на меня Базанов. — Собирай поскорее вещи — и на борт. У нас в запасе не больше двадцати минут.

Его тревога заразила меня.

Мы быстро подхватили вещи и побежали к батискафу.

Обломки лавы словно нарочно подсовывались под ноги. Я спотыкался.

Батискаф уже почти сел на камни, так быстро убывала вода.

Базанов с ловкостью старого акробата нырнул

в люк. Я поспешно отдал концы и втащил на палубу трап. Руки у меня дрожали.

В ту же минуту внизу глухо загудел мотор. С противным скрежетом царапнув дном о какую-то скалу, наш кораблик отошел от берега. Еще минута, и он бы застрял на скалах.

Через переговорную трубку я подсказывал Базанову, куда поворачивать, чтобы поскорее отойти дальше от берега.

— Оглянись, не подходит ли волна, — непонятно ответил он мне.

Я оглянулся — и обмер...

С востока, из просторов океана, стремительно мчалась к нам громадная волна.

Она стеной выростала у меня на глазах, вздымаясь к затянутому облаками небу. Казалось, океан и небо вот-вот сомкнутся. А между нею и нами море оставалось по-прежнему совершенно спокойным. Все это происходило в полном безветрии и тишине — и это было особенно страшно.

Я поспешно спустился в люк и начал торопливо закручивать его стальную крышку. Руки не слушались, пальцы срывались с болтов...

Круглый стальной колодец вдруг наполнился звоном и гулом.

Меня со страшной силой сорвало с лестницы и швырнуло вниз.

Падая, я ударился обо что-то головой...

В глазах замелькали радужные круги — и больше я ничего не помню.

«09.45. Координаты неизвестны. Волнение усиливается. Вынуждены уйти в открытый океан...»

Очнулся я от резкой боли в голове. Надо мной склонился Базанов с какой-то склянкой в руках. Пахло йодом.

— Лежи спокойно, рана пустяковая. Сейчас еще прижгу.

Тут нас накрыла вторая волна. Батискаф опять начало швырять, словно щепку. Михаил облапил меня, как медведь, а Базанов бросился к пульту управления.

Когда волна прошла, Михаил забинтовал мне голову.

И тут налетела третья волна...

Похоже, она была больше всех. Все звенело, гремело, грохотало. Даже сталь жалобно стонала под ударами...

Мы катались по мокрому полу, стараясь не поломать себе руки и не разбить головы. Ухватиться было не за что.

Но мы остались целы! И кораблик наш устоял, не рассыпался, не утонул. Отличная все-таки у нас «лодка»! Три такие волны обрушились на нее, а она цела.

Базанов поднялся в рубку, чтобы осмотреться вокруг в верхние иллюминаторы, не открывая люка. Вернувшись, он сказал:

— Кажется, цунами больше не предвидятся. Выждем для страховки некоторое время, потом вернемся к острову. Надо наладить рацию, а это лучше делать на берегу. И аккумуляторы зарядим до конца.

Мы выждали час, успев за это время позавтракать, потом я решил подняться наверх.

— Куда? Опять хочешь свалиться? — окликнул меня Базанов.

— Должен же я приглядывать за своим островом, раз открыл его? Не бойтесь, не свалюсь. У меня уже теперь есть опыт. А Михаил пусть вам помогает.

Открыл крышку люка, прислушался — все было тихо и спокойно. Я высунулся до пояса и в бинокль начал отыскивать островок.

Интересно, как обошлись с ним цунами? Хотя он скалистый, невысоко поднимается над водой. Волны просто перехлестнулись через него, как и через наш батискаф...

Едва я успел подумать это, как батискаф сильно трянуло, словно он вдруг налетел на скрытый под водой риф.

Океан вокруг будто закипел. По нему заметались во всех направлениях беспорядочные волны, сталкиваясь между собой...

А над островом внезапно взметнулось багровое пламя, и грозный протяжный грохот звонким гулом отдался в металлической коробке рубки.

Остров превратился в вулкан! Из его жерла через равные промежутки времени вырывался темный, почти черный, клубок пара и пепла... Он стремительно вырастал, принимая причудливые очертания какой-то исполинской ели с далеко раскинутыми ветвями.

Вот повезло: увидеть такое вблизи!

«Ель» начала клубиться, расплываться и постепенно превратилась в гигантский серый гриб. Новый столб пламени вырвался из кратера и пронзил нависшие облака. Высота его достигала, наверное, нескольких сотен метров!

Ого, это уже не шутки! Как бы нам из наблюдателей не стать жертвами катаклизма...

Я бросился вниз.

— Что случилось? — крикнул Базанов.

— Не знаю. Извержение вулкана, землетрясение, некогда разбираться. А может, все сразу — конец света. Надо уходить подальше от этого проклятого островка!

— Вот видите! Прогноз оправдался. Я был прав, — обрадовался Михаил. — Сначала землетрясение, потом извержение.

Я только сморщился, но ничего ему не ответил. Придерживаясь за стенки, опять полез наверх, в рубку.

Где же остров?

Похоже, его больше нет. Там, где он был, пламя уже догорает, и все затянуто серым дымом...

Что-то сыплется на голову. Пепел?

А что это сверкает там, впереди? Еще одно извержение?

Этого еще не хватало! Похоже, мы в самом деле угодили в огненное кольцо разбушевавшихся подводных вулканов.

Батискаф раскачивало и швыряло все сильнее.

Оба мотора работали на полную мощность, но все равно мы уходили из опасной зоны слишком медленно.

— Что там? — спросил меня Базанов через переговорную трубку.

— Плохо видно, все время захлестывает иллюминаторы. Волна какая-то бешеная, мечется во всех направлениях.

— Далеко отошли от острова?

— Нет, не дальше мили. Но его, по-моему, больше нет. Там извержение затухает. Зато вправо по курсу на горизонте занимается какое-то подозрительное зарево. Не рождается ли там еще один островок и на вашу долю, командор...

Надо спускаться вниз.

— Константин Игоревич, температура забортной воды уже повысилась на пять градусов! — крикнул Михаил.

— Надо уходить на глубину, — ответил Базанов.

Даже в кабине удержаться на ногах можно было теперь, только цепляясь за поручни на стенках.

— Надо уходить на глубину, — повторил Базанов.

Опять погружаться? Добровольно, по своей воле уходить в эту предательскую мрачную глубину, где мы едва не погибли?!

Я посмотрел на него, и в моем взгляде он явно прочитал затаенный вопрос: а если мы не всплывем?

Риск велик. Батискаф покалечен. И кто знает, может, мы еще не все повреждения обнаружили, они дадут о себе знать под водой. Когда будет уже поздно...

И кислорода у нас осталось мало. Пока стояли возле островка, накачали воздуха в два баллона. Но этого надолго не хватит.

А если останемся на поверхности? Нас совсем закачает и разобьет штормовыми волнами...

Что выбрать?

— Погрузившись, может быть, удастся связаться с берегом, — задумчиво сказал Базанов.

— Звуковой канал? — Я понял его с полуслова.

— Да. Динамики я прочистил, акустическая система теперь работает нормально.

— Но уловят ли береговые станции такой слабый сигнал?

Базанов пожал плечами.

Звуковые каналы в океанах — одно из интереснейших открытий последнего времени. Во всех океанах на границе слоев воды с различной плотностью и температурой возникают как бы природные «переговорные трубы», звук по ним отлично распространяется на громадные расстояния.

Это любопытное явление уже успешно используется для «прослушивания» океана. Приемники, установленные в прибрежной полосе на той глубине, где располагается ось звукового канала, могут за несколько часов уловить шум приближающихся волн цунами или определить по взрыву специальной сигнальной бомбы, где потерпел аварию самолет среди безбрежной водяной пустыни.

— Может быть, и наши сигналы уловят станции прослушивания? Акустическая система рассчитана только на переговоры из-под воды с близким кораблем, ее сигналы недостаточно сильны. Но по звуковому каналу они могут уйти дальше...

— Попробуем, — сказал я.

Базанов перевел взгляд на Михаила. Тот молча кивнул.

Базанов подошел к пульту, положил исцарапанные руки на штурвал...

Чего он медлит? Трусит? Базанов?!

— В чем дело, командир?

Он молча повел плечами, словно сбрасывая с них какую-то тяжесть, и начал медленно поворачивать штурвал.

10

«17.45. Снова поднялись на поверхность. Координаты неизвестны. Небо по-прежнему затянуто облаками. Волнение: накат два-три балла...»

Трудный нынче выдался денек.

Трижды мы уходили на глубину. Каждый раз Константин Игоревич через равные промежутки времени сообщал по гидроакустическому телефону о нашем положении. Но услышал ли кто-нибудь нас на берегу, до которого сотни миль? Это был поистине глас вопиющего в океанской пустыне...

И ведь важно, чтобы нас услышало не менее двух береговых станций, иначе они не смогут запеленговать наше местонахождение. Шансов на это не так уж много...

Кончался запас воздуха, и нам приходилось снова всплывать, чтобы его пополнить. А океан расходился все грознее и грознее.

Швыряло волнами наш батискаф безбожно. Базанов и Михаил еще как-то держались, а я совсем укачался. Забыв обо всех опасностях, я каждый раз с нетерпением ждал, когда же снова можно будет хоть ненадолго погрузиться в такой спокойный и тихий мир глубин.

А Михаил все брал пробы планктона и рассматривал их при свете лампы.

— Ну, что еще веселенького нас ожидает? — не удержался я.

— Пока планктон держится примерно на одном уровне. Если моя гипотеза правильна, в ближайшее время нового землетрясения в нашем районе не предвидится.

— Ты так уверенно это заявляешь, будто твоя так называемая гипотеза уже давно стала общепризнанной теорией.

— А почему бы и нет? — поспешил вступиться Базанов. — Ведь, кажется, доказано, что многие животные заранее чувствуют грядущее землетрясение?

— Есть некоторые наблюдения, но, конечно, еще недостаточно проверенные, — ответил Михаил. — Понятно, в разгар землетрясения бывает не до наблюдений, а потом, задним числом, можно и присочинить детали. Но говорят, будто за несколько часов до трагического землетрясения в Югославии, когда в 1963 году был дотла разрушен Скопле, очень беспокойно себя вели многие обитатели городского зоосада. В пол-

ночь — это за пять часов до начала землетрясения — почему-то громко завывала гиена. Потом стали метаться в своих клетках тигры и лев. Внезапно тревожно затрубил слон, напугав сторожей. Но никто не понял его сигнала... Между тем животные предчувствуют даже извержения. При извержении вулкана на острове Мартиника за полминуты оказался стерт с лица земли город Сен-Пьер. В его развалинах потом раскопали тела тридцати с лишним тысяч погибших людей и всего один-единственный труп зазевавшейся кошки: все остальные животные успели заблаговременно покинуть обреченный город. Первыми, кажется, покинули остров птицы. Почти за месяц до катастрофы начался массовый «исход» змей и других пресмыкающихся. Это и не удивительно, именно они отличаются повышенной чувствительностью, как показывают новейшие исследования в области биологии, вернее, бионики.

Базанов отозвался:

— А морские микроорганизмы должны быть еще более чуткими к тончайшим изменениям магнитного поля, гравитации, давления...

— Науке нужны бесспорные доказательства, — вмешался в беседу и я. — Каким чудесным органом могут эти мельчайшие организмы, состоящие всего из одной-единственной клетки, улавливать скрытые напряжения в земной коре?

— Вероятно, это как-то связано с химизмом воды. Он меняется, и они это чувствуют, соответственно реагируют. Если даже тут замешаны изменения гравитации или магнитного поля, то все равно их воздействие на живой организм должно происходить путем изменения химизма.

— Химизма... Это еще надо доказать.

— Конечно, все это пока лишь предположение, — согласился Михаил. — Работы предстоит много. Надо уточнить, за сколько времени и на каком именно расстоянии от эпицентра землетрясения начинают микроорганизмы погружаться в нижние слои воды. Это будет, пожалуй, довольно сложно сделать. Для проверки нужны землетрясения, а я ведь не могу,

к сожалению, устраивать их по своему усмотрению.

Он еще и острить пытается!

— Командор, давайте опять нырнем, не вмоготу, — взмолился я. — Совсем закачало. И не уснешь, и опять тошнить начинает.

— Пожалуй, он прав, Константин Игоревич, — поддержал меня Михаил. — Мне тоже что-то не по себе. Давайте опустимся хоть на пару часов.

Готов поклясться, что ему просто хочется взять еще одну пробу этих букашек!

— Ладно, — сказал Базанов. — Погрузимся еще разок.

И опять он почему-то мешкал, долго возился у пульта. Честное слово, он боится уходить под воду, наш железный командор. Но почему? Ведь все, кажется, в порядке?

Я решил:

— Что-то, я заметил, командор, вы каждый раз нервничаете, когда мы уходим на глубину. Почему? Или опять что-нибудь не в порядке?

— Нет. Машина в порядке.

— Значит, просто и у вас нервы начали сдавать?

Он смотрел на меня долго с какой-то грустью, потом сказал:

— Какой ты все-таки еще молодой!

— То есть?

Он долго молчал, потом, не поднимая головы, тихо сказал:

— Это только кажется, мальчики, будто мы с вами смотрим на мир одинаково... Тебе сколько лет?

— Двадцать шесть.

— А мне за сорок. На пятнадцать лет старше.

— Ну и что?

— А то, что пока ты был еще мальчишкой, я уже воевал. В сорок втором, подо Ржевом, разорвался снаряд... И меня завалило, засыпало в блиндаже. Отделался легко, но откопали меня только через три часа. Вот с этого и началось...

— Клаустрофобия? — тихо спросил Михаил. — Как ты считаешь?

Базанов кивнул.

— Да, так она называется по-латыни... красиво. Боязнь замкнутого пространства.

— Как же вы стали подводником?

— Стал. Поборол себя. И вы ничего никогда не замечали, верно? Но вот память об этих трех часах, оказывается, все-таки живет во мне. Черт ее знает где: в мышцах, в костях, в крови, в нервах?

Он замолчал, и мы молчали.

Я представил себе, что он должен был испытывать, когда заставлял себя погружаться в этой тесной жестянке... Да еще после того, что мы пережили.

Наверное, сразу начинаешь задыхаться, стальной потолок так и давит на плечи. А стены сдвигаются, сходятся, вот-вот раздавят...

— А вы очень храбрый человек, командор, — сказал я.

Он невесело усмехнулся:

— Храбрость, мальчики, это просто знание того, чего надо бояться, а чего не надо... Давайте ужинать.

Поужинали мы без особого аппетита. Сказывалось все-таки длительное пребывание в тесной кабине, без движения и без постоянного притока свежего воздуха.

После ужина я решил подняться наверх, чтобы немного проветрить голову.

Океан был мрачен, но чертовски красив. С востока одна за другой катились невысокие пологие волны — «накат». Они плавно и мерно раскачивали батискаф.

Ветра почти не было. Похоже, что облака опять не разгонит к утру. Если не удастся, наконец, наладить рацию и связаться с «Богатырем», придется, конечно, еще целый день болтаться в океане. Из-под воды нас вряд ли кто слышал.

Кто-то потянул меня за ногу. Мишка.

— Чего тебе?

— Дай и мне подышать.

Я неохотно начал спускаться, уступая ему место. Он поднялся наверх. Я хотел уже прикрыть за ним люк, чтобы не выстудило кабину...

Вдруг Михаил нагнулся в колодец рубки и радостно крикнул:

— Самолет!

— Где?!

Я торопливо поднялся к нему. Уместиться вдвоем в рубке было нелегко. Мы стояли в обнимку, тесно прижавшись друг к другу.

Да, откуда-то из облаков доносился глухой рокот мотора.

Самолет! Значит, нас услышали, ищут!

Его не было видно за облаками и, судя по затихающему звуку, он удалялся.

— Константин Игоревич, давайте ракетницу! — заорал я не в переговорную трубку, а прямо в шахту рубки. — Скорее, он уходит!

Базанов подал ее мне.

Зажав ракетницу обеими руками, я спустил курок, целясь вслед затихающему за облаками гулу мотора.

Вспышки ракеты я не увидел, ее скрыли нависшие облака. Тут же снова нажал курок...

Потом выпустил вторую ракету, третью, четвертую...

Базанов что-то крикнул мне снизу.

— Давайте еще ракеты, командор! — закричал я.

— Больше нет. Я же кричал тебе, чтобы поберег, — глухо донеслось снизу.

— Забавно! — пробормотал Михаил.

Я прислушался, вертя во все стороны головой и сняв шапку.

Было совсем тихо. Только мерно плескались набегавшие волны.

Самолет улетел, не заметив сигналов. А ракет больше нет, и рация не работает.

Вздыхнув, я уже начал спускаться по лестнице, в душе кляня себя последними словами за такую промашку.

— Он возвращается! — схватил меня за плечо Михаил. — Слышишь?

Да, это слабый рокот мотора. Теперь он приближается!

Но что толку? Ведь он не увидит нас из-за облаков.

Если бы еще одну ракету!

И тут самолет вдруг вынырнул из облаков --- совсем не там, куда мы смотрели, ошибочно ориентируясь по звуку.

Он мчался к нам совсем низко, почти касаясь воды. Значит, летчик видел ракеты.

Мы спасены!

III. ГИПОТЕЗА

1

Вечером в кают-компании «Богатыря» по настоянию начальника экспедиции кандидат биологических наук Михаил Андреевич Агеев сделал краткое предварительное сообщение о наблюдениях над поведением некоторых микроорганизмов планктона и о своей гипотезе по этому поводу.

Он был в черном костюме, тщательно побрился и даже причесал непокорные вихры. Но поскольку докладчик то и дело ерошил волосы, прическа его скоро приняла обычный вид.

Михаил уже заканчивал свое сообщение, когда в кают-компанию вошел дежурный акустик. Пробравшись к начальнику экспедиции, он молча протянул ему какую-то бумажку.

«Дед» свирепо глянул на него, громко засопел, но сдержался и полез за очками. Прочитав то, что было написано на бумажке, он вдруг громко, на всю кают-компанию, крикнул и посмотрел на докладчика.

Михаил остановился на полуслове.

— Скажите, Михаил Андреевич... — начал старик, но, не докончив фразы, махнул рукой. — Ладно, продолжайте.

Михаил стал неуверенно продолжать, но «дед» тут же перебил его снова:

— Простите, когда вы последний раз наблюдали за своими микробами?

— Последний раз? Перед тем как идти сюда.

— Это около часа тому назад?

— Да. А что, Григорий Семенович?

— И как они себя вели?

— Нормально. Держались, как и прежде, примерно в центре пробирки. А что такое?

— А то, уважаемый исследователь, что ваша гипотеза опровергнута жизнью! — рывкнул старик, размахивая загадочной бумажкой. — Всего пять минут назад в сорока милях отсюда произошло очередное землетрясение. Вот, мне только что принесли копию сейсмограммы.

Наступила немая сцена.

Докладчик стремительно бросился к двери...

2

— Они погибли, — мрачно сказал Михаил.

Он стоял посреди каюты, зажав в кулаке пробирку.

— Все погибли. Никаких признаков жизни. Забавно...

Мы сочувственно смотрели на него.

— Когда же это произошло? — продолжал бормотать Михаил, рассматривая пробирку на свет. — Надо было мне почаще менять воду. Как только нарушился приток свежей забортной воды, среда, конечно, изменилась. Как же я этого не учел?

— Ладно, не расстраивайся, — сказал Базанов. — Завтра же нырнем и наловим тебе новых.

— Точно, — поддержал я его. — Главное, ты же прав. Даже неудача доказывает твою правоту. Твои козявки не смогли предсказать этого землетрясения именно потому, что погибли. Отличное доказательство!

Осторожно, словно опасную игрушку у ребенка, я отобрал у Михаила пробирку и начал рассматривать мутноватую воду.

— Слушай, старик, а ты биохимический анализ проводил?

— Не успел.

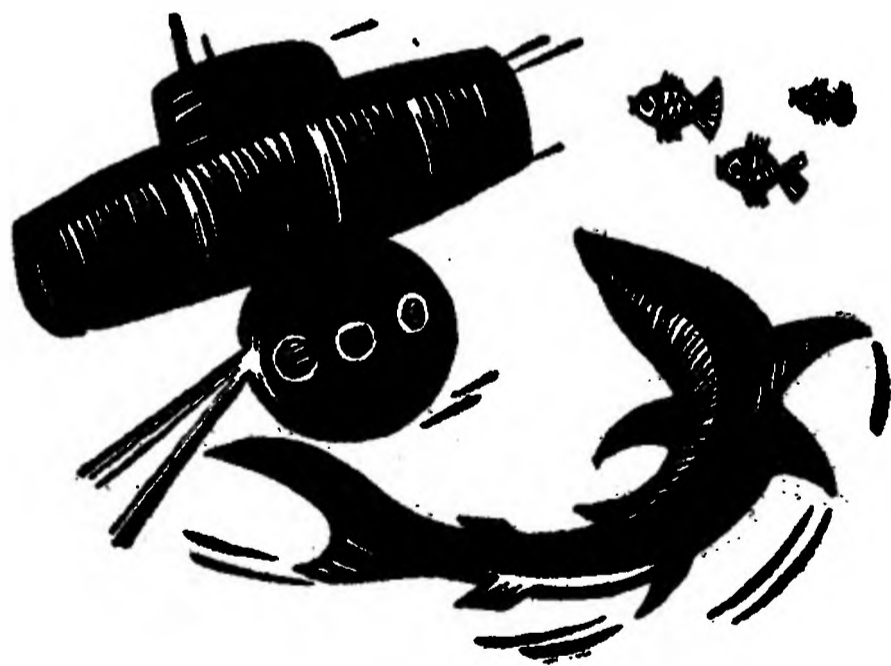
— Надо этим заняться. Букашки стоящие. Но на-

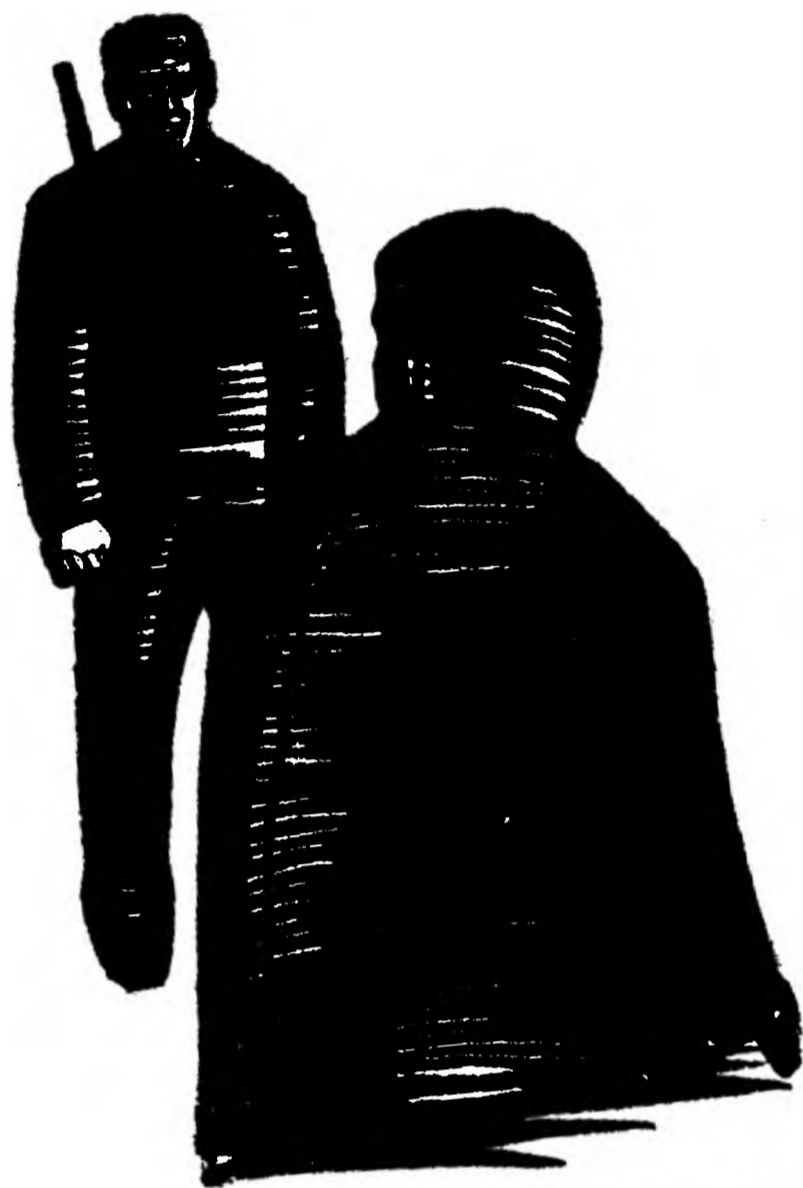
до попробовать обойтись без них, раз они такие нежные и капризные.

— Как без них?

— Смоделировать, старик, смоделировать. На что они нам нужны, сами микробы? Не будешь же ты все время сидеть возле них, чтобы не пропустить момент землетрясений, да еще непрерывно омыwać их свежей морской водой? Мы их создадим искусственно. Впрочем, именно их я сотворять не предлагаю. Ведь чтобы создать робота, совсем не обязательно делать ему глаза, руки, ноги и прочие лишние детали, подражая человеку. Скопировать химизм — вот все, что нам нужно. Общими силами мы сумеем подобрать биохимическую среду, которая точно так же станет реагировать на приближающееся землетрясение, как и эти малютки.

— Правильная идея! — Базанов хлопнул по плечу одной рукой Михаила, а другой меня, словно скрепляя этот союз. — А я вам подсоединю к будущему прибору-предсказателю такой ревун, что о грозящем землетрясении сразу полмира услышит!..

И. ТАРТАКОВСКИЙ

ПАУКИ

ПОВЕСТЬ

ПРОПАЛ РЫБАК

С Егором Франчуком я был знаком давно, не раз писал о нем. Тем более меня взволновало письмо, полученное редакцией из Верхней Лозовки.

«Две недели тому назад, — сообщали авторы письма, — жители нашего села были потрясены неожиданным исчезновением Егора Франчука — рыбака верхнелозовской артели. Он вышел в моторке на реку и не возвратился. Мы решили, что стряслась беда, — рыбак утонул. Стали искать тело по всей реке от Верхней Лозовки до устья, однако поиски до сих пор ни к чему не привели. Вместе с рыбаком пропала и его лодка. Может быть, Егор Франчук во все и не утонул, а колхозную лодку с мотором продал. Все может быть. Тогда зачем наводить тень на всех честных граждан села, что делает следователь райпрокуратуры товарищ Курносов, допытывая с пристрастием всех и каждого? Пусть редакция областной газеты разберется в данном прискорбном факте».

Следовали пять неразборчивых подписей.

Я позвонил Курносову.

— Виктор Емельянович, — сказал я, — мы получили из Верхней Лозовки очень тревожное письмо. Что случилось с Франчуком?

— Исчез человек — вот все, что я пока могу сказать, — последовал ответ.

— Вы думаете, он утонул?

— Ничего не могу утверждать. Идет следствие. А кто вам пишет? — заинтересовался следователь.

— Подписи неразборчивы. Но дело ведь не в этом.

Франчук, как вам известно, один из лучших рыбаков артели, — напомнил я.

— Знаю, — коротко ответил Курносков.

— Виктор Емельянович, я сегодня же выезжаю в Верхнюю Лозовку. Может быть, нужна моя помощь?

— Заезжайте ко мне из Верхней Лозовки, если сможете, поговорим.

— Ладно.

На следующее утро я выехал в Верхнюю Лозовку. Но здесь меня постигла неудача. В селе не оказалось авторов письма. И почерк писавшего в редакцию никому не был знаком.

Только много недель спустя мне стало понятно, что произошло в солнечный апрельский день тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

КТО ВЗЯЛ БАТОМЕТР?

После уроков Валерий Франчук пошел в кабинет химии за батометром, чтобы сделать пробу воды на своем участке реки.

Прибора на месте не оказалось. Вместе с учителем Валерий обыскал все полки и шкафы, но батометра не было.

— Может быть, его взял Лутак? — спросил Сергей Никитич.

Харитон Лутак наблюдал за кислородным режимом во втором створе реки. Валерий побежал к Лутаку, хотя и не верил, что батометр у него.

Лутак был дома, помогал отцу чинить сети, развешанные на держалах во дворе.

— Харитон, — сказал Валерий, задыхаясь от быстрой ходьбы, — ты не брал в химическом моего батометра?

— Зачем он мне? — удивился юноша, продолжая работать игличкой. — Разве у меня своего нет?

— Сергей Никитич сказал, может быть, ты взял.

Поверх сети показалось широкое, с седыми усами лицо Григория Калениковича — отца Харитона.

— Бог с тобой, Валерий. Если хочешь знать, мы

бы отдали и наш. Большая радость в такой мороз брать пробы. Все равно леща не спасем. Все в руке божьей, сынок.

«Как же, — подумал Валерий, — очень я верю в твоего бога!» Валерка знал, что отец Харитона сектант. Недаром односельчане называли его Штундой. По всякому поводу он ссылается на божью волю и его могущество.

— Зачем же Харитон взялся? — вызывающе ответил Валерий. — Думаете, не нашлось бы охотника?

— Вижу, смирения в тебе нет, хлопче, — pokrutil головой Григорий Каленикович. — Весь в папашу. Пусть лучше твой учитель, Сергей Никитич, поднимет голос против завода, спускающего в реку всякую нечисть, от которой дохнет рыба. А замор, если бог захочет, все равно будет. И батометр не поможет...

— Очень мы боимся вашего бога! — закричал Валерка и выбежал со двора.

«Как быть, если не найдется батометр? — возвратился к своей пропаже Валерка. — Что сказать Бондаренко, который доверил ему пост?»

Бондаренко был инспектором рыбоохраны, человеком новым в их местах. Как-то он пришел в гости и долго говорил с отцом о рыбацкой артели, о своей работе инспектора. Валерий занимался своим делом, но не пропустил ни слова.

— Работа у меня такая, — говорил Бондаренко, — что без вашей, рыбаков, помощи мало что я успею. Да и привык я, честно говоря, в своем деле опираться на людей. Народ — лучший помощник.

Оказывается, Бондаренко был офицером, вышел на пенсию, но не хотел сидеть без дела и пошел в рыбоинспекцию.

— Тридцать лет я провел на границе. А река — та же граница, только должны мы ее держать на замке от браконьеров.

Инспектор сказал, что наслышан об отце и очень надеется на его содействие.

— А я так понимаю, — неожиданно ответил

отец, — что охранять рыбу от хапуг — еще полдела. Иной из нашего брата, товарищ Бондаренко, по идее тот же браконьер, хотя имеет билет на лов.

— Знаю, есть и рыбаки, нарушающие закон, — подтвердил инспектор.

— Не в этом суть, — опять возразил отец. — Иной и с билетом в руках охоч только выгребать из реки, а вот пополнять ее закрома — тут его нет.

Они долго говорили. Для Валерки эта тема была не новой. Сколько раз он сам схватывался с Харитоновом, когда весной во время воскресников по спасению малька Лутак убегал в плавни с удочкой, а то и с «паучком».

— Слышал я, прошлой зимой был замор? — спросил Бондаренко.

Отец подтвердил. И Валерий вспомнил февраль шестьдесят третьего года, когда река так глубоко промерзла, что рыба стала угорать от недостатка кислорода и судак, сом, лещ кинулись из ям, где обычно зимовали, к промоинам и берегам. И попадали в рыбацьи сети.

— На восьмом километре Григорий Лутак неводом за день брал два центнера судака, — сказал отец.

— Так и вовсе без красной можно остаться, — откинулся Бондаренко. — Брать легче всего. Спасать нужно.

Отец поморщился.

— Легко сказать. А как? Нам бы катерок ледокольный. А где его взять?

— Значит, будем бурить лунки, — сказал Бондаренко.

Отец смотрел на инспектора с искренним сожалением.

— Не осилим, Владимир Николаевич. Рыбаков с женами — человек восемьдесят, а рук сколько нужно?

— Помогут школьники, комсомольцы. — Бондаренко кивнул в сторону Валерки. — Пойдешь, парень, спасать рыбу?

Валерий не ожидал, что Бондаренко обратится к нему. Прежний инспектор даже на приветствие не

отвечал, был неприступен и вечно сердит. А вот браконьерам при нем жилось вольготно.

— За нами дело не станет, — лихо ответил Валерий. — А чем бурить?

Бондаренко засмеялся:

— Такая постановка вопроса мне нравится.

Тогда же Бондаренко создал в селе два поста наблюдения за кислородным режимом на фарватере и в других местах, где рыбачила верхнелозовская артель. Инспектор дал реактивы, два батометра для отбора проб и научил пользоваться ими.

— Смотрите, хлопцы, — предупредил он Валерия и Харитона Лутака, — теперь многое и от вас зависит, чтобы рыба перезимовала без потерь. Первая заповедь: ежедневно отбирайте пробу и о результатах доложите мне.

Вот о чем вспомнил Валерий, возвращаясь в школу с пустыми руками. И было обидно и горько сознавать, что он не оправдал доверия Бондаренко.

«Может быть, Сергей Никитич что-нибудь придумает», — утешал себя Валерий. Если бы ему сейчас попался тот, кто стащил батометр, уж он показал бы, где раки зимуют!

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Валерий проснулся, еще не понимая, что случилось. Он приподнялся на своем узком диване и посмотрел в окно.

Была ночь, на стекле алмазно сверкала в лунном свете изморозь. Кто-то настойчиво, но не громко постукивал в окно. «Кого это носит в такой мороз?» — подумал Валерка и невольно поежился, хотя печь была жарко натоплена.

Из соседней комнаты показался отец. Он был так высок, что ему пришлось наклонить голову, переступая через порог, а для его широких плеч двери казались узки.

Осторожно ступая босыми ногами, чтобы не разбудить сына, Егор Павлович прошел к окну.

— Я не сплю, — сказал Валерий. — Кто это стучит?

— А мы сейчас поглядим, — ответил отец.

Из-за окна послышалось:

— Откройте, Егор Павлович. Бондаренко вас беспокоит.

У Валерки сразу пропал сон и быстро застучало сердце. Вот неожиданный гость!

Сунув ноги в валенки, отец пошел в сени, и Валерку проняло морозным ветерком. Слышно было, как Бондаренко топчется, потом сметает веником снег с обуви.

— Ну, с добрым утром, — приветствовал Бондаренко. — Хотя верней сказать — утро совсем недоброе. Беда, беда, Егор Павлович... Я к вам по старому знакомству. И ближе вас к реке никого нет. Нужно поднимать людей. Рыба гибнет!

Отец без лишних слов пошел одеваться, а Бондаренко повернулся к дивану, где лежал Валерий.

— Помнишь наш разговор? — спросил инспектор. — Я привез буры.

— Ручными сейчас не взять, — угрюмо сказал Валерий. — На пойме льдаросло чуть ли не с метр.

— Вот как! — удивился Бондаренко. — Теперь понятно, почему начал скатываться за водой лещ и судак. — И с необычной для него суровостью спросил: — Что же ты замолчал в такое время? Лутак доносит, что кислорода не очень много, но достаточно для рыбы — три и восемь. А она угорает. Ты же вообще молчишь. Что, парень, случилось? — И Бондаренко внимательно посмотрел на Валерку.

— Не знаю, как брал пробу Лутак, — ответил Валерий, не отводя глаз, — а у меня пропал батометр.

— Чудеса. Куда же он девался?

— Если б я знал! — вздохнул Валерий. — Может, ребята стащили — для них забава, а может, еще кто-то. Мы с Сергеем Никитичем хотели сами сделать прибор, только у нас подходящей трубки не нашлось.

Отец из своей комнаты сердито сказал:

— А как это, интересно, Лутак получил кислорода три и восемь? Рыба скатывается при двух, это же из-

вестно. И сейчас, наверное, не больше двух. Нашел, умник, чем шутить!..

Бондаренко молча курил, думал о чем-то очень невеселом, а Валерий про себя отметил, что лицо инспектора может быть и суровым.

— Ладно уж, — сказал тот, как будто отрешаясь от невеселых мыслей. — Как-нибудь разберемся. А пока рыбу спасти надо.

Вошел отец одетый. Он был в брезентовой куртке поверх стеганки, в теплых штанах и сапогах с голенищами выше колен. В руках он держал ушанку.

К этому времени оделся и Валерий.

— Да вы что, не позавтракав пойдете?! — закричала мать из кухни. — Егор, вели хлопцу, чтоб поел...

Валерий достал из шкафа синтетическую, еще не надетую куртку, которую подарил отец, когда сына приняли в комсомол.

— Не до еды, мама, — тихо шепнул Валерий, скользнув мимо матери в сени.

Евгения Васильевна только вздохнула.

— Первым делом беги в контору, а потом к Сергею Никитичу. Пусть возьмет у Лутака батометр, — наказывал отец в сенях.

Они вышли на улицу, и мать услышала скрип снега под их сапогами. Старая вишня у дома дрожала на ветру и сердито хлестала веткой по окну. Вглядываясь в предрассветную мглу за окном, Евгения Васильевна видела, как Бондаренко и Егор Павлович бегом спускались с косогора к реке, скользя по наледи, а Валерий быстрыми шагами взбирался по крутой дороге к центру села, где находилась колхозная контора, чтобы поднять рыбаков по тревоге.

ПОЛЫНЯ НА РЕКЕ

Когда Валерий с Сергеем Никитичем прибежали к Лутаку, чтобы взять его батометр, начало уже светать. Орала петухи, во дворах, через плетни, усыпанные снегом, видны были женщины с подойниками в руках, где-то мычала корова, с колхозного двора доносился шум разогреваемых моторов.

Гостей встретил Григорий Каленикович. Он только что вышел из сарая, где хранил снасть, был в рыбацкой робе, в высоких резиновых сапогах на теплой подкладке и тащил на плече ятерь, которым обычно пользовались верхнелозовцы для зимнего подледного лова.

— А вы, Григорий Каленикович, вижу, в боевой готовности, — мягко сказал учитель вместо приветствия. — Слышали, инспектор привез буры. На реке уже полно народу.

— Очень нужны сейчас его буры! — хмыкнул в усы Лутак. — Добрый ятерь требуется, чтоб задарма божья тварь не пропадала, вот что... — И он вопросительно вперил свои маленькие глазки в гостей.

— Мы за батометром пришли, — поспешно объяснил учитель, поняв значение этого взгляда.

— Батометр... — вздохнул Лутак. — Ты бы лучше, учитель, подсобил с ятером управиться, чем пустяками заниматься, — и он кивнул на открытую дверь в сарай. — Хочешь, вон сохар возьми...

Это был деревянный рогач, с помощью которого ятерь растягивают подо льдом.

— Твоя жинка, Никитич, только спасибо скажет за свежую рыбку, — улыбнулся Григорий Каленикович, как будто подобрев. — Истинно говорю.

А Валерий вспомнил скованную льдом реку, по которой ветер гнал снежную порошу, и темный круг полыньи, словно кипящей на морозе от рыбьей толчеи, и жадно раскрытые рыбы рты, и круглые рыбы глаза, тускнеющие от угара. Рыба уже не в силах была идти против течения, ее сносило по воде, и в предсмертном отчаянии она выбрасывалась на лед и кидалась людям в руки.

— А ополонки нехай рубят Франчуки, — и Григорий Каленикович взглянул на Валерку. — Как они же сознательные. — Он усмехнулся. — Они же против браконьеров, и об них газеты пишут...

Учитель рассердился.

— Напрасно смеетесь, Григорий Каленикович. Сегодня, конечно, можно набрать не то что ятером,

а руками. Но еще один замор — и рыбки не будет ни зимой, ни летом...

— Вы, Сергей Никитич, вот его учите, — указал Григорий Каленикович на Валерку. — Чтоб босота старших уважала. А я перерос чуточку для обучения.

Валерий не сдержался.

— То-то, — сказал он, — вы потихоньку тащите улов не в колхозную камору, а на базар. Думаете, не знаем...

— Ах ты бессовестный! — закричал хозяин. — Видно, мать твоя, учителька, плохо воспитывает тебя, если на старших гавкаешь... — и угрожающе шагнул к Валерке.

Учитель загородил его.

— С ума сошли, что ли?..

Лутак остановился.

— Бог терпел и нам велел. Только базар я тебе еще припомню!.. От батьки научился? — Поправив на плече ятерь, крикнул в сторону дома:

— Харитон, сахар возьмешь! Слышь? — и торопливо затопал со двора.

Сергей Никитич вошел в дом и скоро возвратился с батометром Харитона в руках.

— Пошли! — кивнул он Валерке. Видно было, что учитель раздосадован.

В тягостном молчании учитель и Валерий дошли до самой реки.

С крутого берега открылся знакомый и всегда волновавший Валерку вид на реку и заречье. Сейчас даже фарватер, обычно чистый, и притоки, и все, что хватал глаз, было покрыто льдом и снегом. А под самой кручей, справа, на мыске виден рыбачий стан с держалами для сетей и неводов, с гаражом, ожидалкой и ледником.

То в одном, то в другом месте на реке вспыхивали теплые огоньки и поднимался дымок — люди разжигали костры, чтобы хоть сколько-нибудь согреться. Потом опять возвращались к бурам, обжигавшим руки даже через рукавицы, и вгрызались стальными жалами в ледяной панцирь реки, чтобы сделать еще одну отдушину для рыбы, не дать ей задохнуться.

Весна еще не наступала, но ее приближение чувствуется во всем. Все более рыхлым становится снег, по косогорам, где ветер поносил снег, робко кустится травка, а рыбаки на рассвете наблюдают первые стаи перелетных птиц, возвращающихся с южных зимовий.

В такое время все более трудным и опасным становится подледный лов, которым занимаются рыбаки всю зиму. Источенный лед полон коварства, того и гляди обломится под рыбаком. И вот в один из таких дней Егор Павлович Франчук решает пойти на ночной промысел с сыном.

Когда они выходят из дому, луна светит вовсю, и Валерий знает, что так будет всю ночь. А река лежит перед ними спокойная, холодная, еще прикованная к берегу. Только по фарватеру она уже освободилась от льда; и кажется, будто луна высекает из воды мириады искр.

Через калитку в дощатом заборе отец, а за ним Валерий проходят на колхозный стан. Он слабо освещен электрической лампой, подвешенной на столбе у самого крыльца ожидалки. Сегодня она пустует. Зато на берегу — у кладовой, гаража и на ледяном припае у берега — слышны голоса и мельтешат тени. «Видно, не только отец решил воспользоваться светлой ночью — может быть, последней перед ледоходом», — думает Валерий.

Отец скидывает с плеча сеть и кладет у крыльца весло и сохар.

— Пойду возьму мотор, — говорит он Валерию, — а ты подожди.

Валерий стоит, внимательно наблюдает за сбором рыбаков и прислушивается к их разговорам.

— Раньше глыбь была не та, что сейчас. Язя и леща тоннами брали, — говорит кто-то. — А зараз техника губит божью тварь.

Валерий узнает Григория Лутака.

— Мало их штрафуют, гадов, вот что! — подхватывает напарник Лутака — мелкорослый, с жидень-

кой бородкой Вьун. В руках у него опачина — гребное весло.

— Люди бога забыли — вот откуда скудость нашей кормилицы реки, — вздыхает Григорий Каленикович.

— Ты что ж, Каленикович, против техники? — удивляется его веселый собеседник. — А сам, гляди, с капроновой сетью ходишь. Против этого возражений нет?

Конечно же, это Клим Штанько, чубатый хлопчина, никогда не дающий спуску Лутаку.

— Тебе все смех, — вздыхает Григорий Каленикович, — а как всмотришься, так техника вчистую губит рыбу. Сколько одни катера с крыльями, эти самые «ракеты», порезали рыбы!

— Что ж, и «ракеты» запретить? — спрашивает Штанько. — Дедовы челны лучше?

— Божьей милостью гнушаются люди, вон что, — твердит Лутак.

— На бога надейся, — сам не плошай, знаешь, Каленикович?

— С таким рассуждением скоро будешь жрать лягушек. Как французы.

— А с твоей, Штунда, заботой о рыбе скоро и без лягушек останешься, честное слово.

— За меня не убивайся.

— Очень ты мне нужен! Харитошу жалко. Хоть бы его ты не сбивал с пути.

— Харитон при чем тут?

— А кто инспектору неправильно сведения давал? Тоже во славу боженьки?

— Брехня! — возмущается Григорий Каленикович. — Химия была неправильная.

— Химия... Когда человек правильный, то химия не подведет.

— А! — машет рукой Григорий Каленикович. — С тобой не договоришься.

В это время из гаража выходит отец с мотором на плече.

— Клим, — говорит он, — помоги лодку к воде подтянуть. Мой напарник загулял сегодня.

— С нашим удовольствием, — сразу откликнулся Клим. — А как же на реке справитесь, Егор Павлович?

— Я Валерия взял, — говорит отец.

— И то дело, — одобряет Штанько. — Из него рыбак будет первый сорт.

— Не перехвалить бы...

Лодка за лодкой уходит по мерцающей дороге в лунную ночь, в неизвестность. Что принесет эта ночь рыбакам?

С полчаса едут молча. Давно уже не видны лодки рыбаков.

Мотор затихает сразу и для Валерия неожиданно.

— Гребите на крыгу... — тихо приказывает отец. — Крепче...

Течение быстрое, и Валерий старается изо всех сил.

— Как будто в нужном месте пристали, — говорит отец, когда лодку уже втянули на лед. — Ты не выходи, а я проверю, крепок ли он. — И, взяв в каждую руку по жердине, отец осторожно, по-кошачьи, делает первые шаги.

Валерий хочет сказать, что лучше бы он пошел на разведку, но знает, что отец во время лова не терпит, когда ему перечат, и молча, напряженно следит за продвигающейся вперед высокой фигурой. Наконец Егор Павлович возвращается.

— Как будто в порядке, — говорит он. — Но осторожность требуется. А то искупаться сейчас — брр!..

Егор Павлович снова проверяет, крепко ли стоит лодка, взваливает на плечо сеть и берет тычки.

— Возьми лом, — приказывает он сыну, — и сохар.

Валерий идет следом за отцом, стараясь не поскользнуться, и — странное дело — ему кажется, что лед будто прогибается под ним, словно дышит. Ему чудится, что он слышит даже тихое журчание воды. «А что, если обломится? — думает Валерий. — Что, если начнется ледоход?»

Но вот отец уже выбрал место для ставка, и Ва-

лерий помогает рубить лед. Работа не легкая — сделать в толще льда прорубь по длине ятера. Ледяные осколки взлетают из-под лома фонтаном и больно жалят лицо и руки. Уже через минуту Валерий хочет скинуть телогрейку, но отец строго приказывает:

— Не балуй!

Жарко, хотя стоишь на льду. Валерий сдвигает шапку на затылок, рукавицей смахивает пот со лба и опять колет. И в эти минуты он уже не думает, что с часу на час может начаться ледоход. Теперь все его мысли о том, как бы скорей пробиться к воде. И тут лом проваливается. Так неожиданно, что Валерий с трудом удерживается на ногах. Можно было и совсем его упустить! Однако отец как будто не заметил промашки. Или делает вид, что не заметил.

Наконец ятерь топится под лед, только сетевые крылья остаются в ставке. Отец с помощью Валерки надевает на крылья тычки, разводит по ширине ставка и закрепляет на дне.

— Устал? — добродушно спрашивает Егор Павлович. — Теперь и отдохнуть можно.

Он присаживается на корточки и закуривает, а Валерий таким же манером опускается рядом, смотрит на огонек сигареты и неожиданно говорит:

— Послушай, это правда, что баптистам по их вере нельзя брать в руки ружье?

— Почему тебя это интересует?

— Григорий Каленикович ведь баптист, а я видел его на Ондатровом острове с ружьем.

— А ты как попал туда? — удивился отец.

Озеро, в котором водится драгоценная ондатра, довольно далеко от села, в заповеднике, раскинувшимся на сотни гектаров за селом.

— В воскресенье ходил с Катей Сивковой на лыжах, — смущенно объясняет Валерий.

— Так. Что ж он делал, Григорий Каленикович?

— Ничего. Стоял и что-то высматривал. Потом свернул на кордон к Андрею Потапычу. Я проследил. Но он меня не видел.

Егор Павлович вспоминает наблюдателя Андрея Потаповича: нелюдимый человек.

— А Катя где была?

— Катя за оленем пошла. Знаешь, в заповедник оленей привезли.

— Знаю. Катя, значит, не видела Григория Калениковича?

— Нет, я один.

— Может, ружье не его, а наблюдателя?

— А что ему делать с ружьем в заповеднике, даже если оно Андрея Потапыча?

— Но Лутак не стрелял?

— Нет.

— Ты кому-нибудь говорил, что видел?

— Кате рассказал. Но мы решили никому не говорить. Только тебе.

— И никому не говори, слышишь? Никому. Не пойман — не вор, знаешь такую пословицу...

— Знаю. А все-таки как же сходится это с его верой? Ведь баптистам вроде их вера запрещает держать ружья. Штунда, говорят, даже на войну из-за этого не пошел. Это правда?

— Мало ли что говорят...

Валерий задумывается. Он думает о Лутаке. Что ж это за человек, который не пошел на войну, дезертировал, когда весь народ поднялся против врага? Это не укладывается в сознании.

По тому, как отец нахмурил густые брови, Валерий догадывается, что история с ружьем чем-то его беспокоила. Действительно, Егор Павлович тоже думал о Лутаке. Он появился в селе сразу после войны. Было известно, что он баптист, даже как будто казначей секты. Каждую субботу ездит в соседнее село на сборища сектантов, живет замкнуто, отчужденно. Но рыбак первоклассный. Григорий Каленикович никогда не возвратится после лова с пустой засекой. А теперь эта история с ружьем на Ондатровом озере...

Дважды Егор Павлович с Валеркой вытаскивают ятерь, и верейка почти доверху наполняется рыбой. Егор Павлович забрасывает сети в третий раз и, подняв тяжелую корзину на плечо, собирается отнести ее в лодку, когда ночную тишину разрывает нарастающее татаканье мотора.

— «Москвич», — определяет Валерий.

Он по слуху узнает не только марку мотора, но может даже сказать, с чьей он лодки.

— Григория Калениковича, — говорит Валерий.

— Точно, — подтверждает отец. И удивляется: — Чего это он так скоро?

Татаканье мотора нарушает очарование лунной ночи, вносит беспокойство и вызывает тревогу.

— Ничего не понимаю... — бормочет отец. — Как будто рано...

Мотор затихает, и в лодке кто-то поднимается. При свете луны трудно разглядеть лица, но ясно видно, что один из рыбаков — человек крупный, а другой — тоненький, мальчишеского роста, и теперь, даже не узнав лодку по мотору, Валерий и Егор Павлович сразу сказали бы, что это Лутак и его напарник — Вьюн.

— Зарится на чужие места, — насмешливо говорит отец. — Чужой пирог кажется слаще. Жадность человеческая...

Вообще не в правилах рыбаков без спроса соваться на уже занятый участок, это знает Валерий, но он видит, что отец смотрит на приход незваных гостей иронически, и сам презрительно отворачивается от пришельцев.

Выбросив рыбу из верейки в засеку, отец достает из сумки пакет, завернутый в газету.

— Есть хочешь? — спрашивает он сына.

— Не.

— А может, все-таки съедим чего-нибудь?

— Нет, не хочу.

— Тогда бери верейку, — и кидает ее на лед.

Отец и сын возвращаются к сетям.

В этот раз ятерь приносит пяток великолепных лещей, щучку и два десятка чехони. Хороший улов. У Валерия в глазах охотничий огонек.

— Забросим еще? — азартно предлагает Валерий.

— Что ж, ладно.

В эту минуту сверху, где промышляют Лутак с Вьюном, доносятся тревожные крики:

— Спаси-ите... люди!..

Отец сразу бросает сеть, поднимается во весь свой богатырский рост и стоит вглядывается. И Валерий старается разглядеть, что там происходит, но ничего не видит — ни лодки, ни людей.

— Стой здесь! — сурово приказывает отец, а сам хватает запасное путо — веревку и бросается вверх по реке, откуда доносятся крики.

— Спаси-ите!..

Сомнений нет, случилась беда, кто-то ушел под лед. Но кто — Григорий Каленикович или Вьюн? Впрочем, какая разница, кто из них. Тонет человек — и Валерий срывается вслед за отцом, охваченный тем чувством, которое роднит в минуту опасности всех рыбаков на свете. Рыбаков и моряков.

Они пробегают двести или триста метров, дважды Валерий шлепается на лед, но тут же поднимается и опять бежит. Потом сразу, одним взглядом, он охватывает трагическую картину случившегося. Под лед ушел Григорий Каленикович. Провалился, видимо, когда сходил с лодки, и она зачерпнула воды и битого льда, а когда ухватился за нее утопающий, и вовсе затонула. На воде видна только лысая голова, а впереди нее судорожно вцепились в ледяную кромку две руки с растопыренными пальцами. Руки все время в движении и напоминают ласты моржа, пытающегося вскарабкаться на лед. Но ледяная кромка слишком хрупкая; и всякий раз, когда человек наваливается широкой грудью, она крошится под руками.

Лутак неумолчно, уже сорванным голосом, вопит о помощи:

— Руку!.. Дай руку!..

К кому это он? А, вот и Вьюн. Распластавшись на животе, тот протягивает утопающему руку, но всякий раз, услышав ледяной хруст, отдергивает ее и стонет:

— Не могу... Ой, не могу-у!.. — И опять протягивает руку и опять отдергивает, как будто дразнит утопающего. Но в действительности он только трусит. А что, если руки-ласты потянут и его за собой?

Все это видит и понимает не только Валерий, но и Егор Павлович.

— Ну-ка, отползай! — приказывает он Вьюну. «Зачем это он? Почему?» — в смятении спрашивает себя Валерий. Но Вьюн уже отползает. Он ползет и стонет:

— Не могу... Ой, не могу!..

Когда Вьюн уползает, отец ложится животом на лед и пробирается к ледяной кромке, над которой трепещут руки-ласты. И отец, не колеблясь, протягивает навстречу свои руки — сильные и мужественные, а в руках у него свернутое путо.

— На, держись, — говорит он и бросает конец веревки. — Только не трепыхайся... Слышь, Григорий, не трепыхайся. Лед не выдержит.

И когда Лутак мертвой хваткой цепляется за веревку, отец начинает медленно отползать. Это требует огромного напряжения сил и нервов — тащить, отползая, Штунду, под тяжестью которого трещит и рушится лед.

— Слышь, не трепыхайся... — глухо повторяет отец.

Но лед все же крошится. И всякий раз Валерию кажется, что сейчас, ну вот сию минуту, лед просядет и под телом отца. А его это как будто совсем не трогает. Намотав на руку веревку, отец все ползет и тянет за собой Штунду. Потом лед перестает крошиться. Видно, он был истончен только у чистой воды, а дальше все еще крепкий и лежит немалым пластом. Наконец отец вытаскивает Григория Калениковича, как диковинную рыбу.

— Ну вот! — говорит отец, отдуваясь. — А ты плачешь... — смешливо обращается он к Вьюну. И вдруг замечает сына. — Ты как здесь?

Валерий смотрит на отца виновато и восхищенно. Внимание Егора Павловича опять привлечено Штундой. Тот все еще держится за веревку, как будто не может привыкнуть к мысли, что спасен.

— Эй, Штунда! — смеется отец. — Поднимайся, а то насморк схватишь.

— Спас ты меня, — говорит Григорий Каленико-

вич, поднимаясь с помощью отца. — С Вьюном утоп бы я, спаси господи...

— Пошли, сухое чего-нибудь дам. А то на ветру загнешься...

— И то правда...

Только сейчас его начинает бить озноб от холода.

— Мне бы внутрь чего-нибудь...

Пока Григорий Каленикович с помощью Вьюна растирает жесткой рукавицей свое охладевшее тело и переодевается в сухую, не по росту, запасную одежду старшего Франчука, Валерий с отцом собирают снасть. И все время они слышат, как Штунда ругает Вьюна за гибель лодки и трусость, чуть не погубившую его.

— Пусть бог тебя судит, — с сердцем говорит Григорий Каленикович, — а с меня довольно! Не нужен мне такой помощник.

— Отец, — говорит Валерий, — ты знал, что дальше лед крепкий?

Собирая сеть, Егор Павлович сдержанно отвечает:

— Знал, не знал, разве в этом дело?

ВЫСТРЕЛ НА РЕКЕ

Был конец апреля, а дни стояли солнечные, жаркие — в пору для июня, и вода в реке стала спадать. Не очень сильно — по одному-два сантиметра в сутки, но падала, оставляя черные отметины на полузатопленных стволах ив и осин.

После уроков Валерий спустил на воду легкий челнок. Он хотел обследовать Конские острова, где предстояли работы по спасению малька. Бондаренко просил его нанести на карту низины — там дольше всего отстает вода. Выход ее в реку должна обеспечить бригада Валерия, состоявшая из учеников десятого класса. Вместе с водой уйдет и рыба молодь.

Валерий с малых лет привык к челноку и сейчас неторопливо работал веслом, думая не о том, как преодолеть довольно сильное течение на фарватере, а о разных разностях и прежде всего о том, как про-

вести лето — поработать ли в заповеднике, где всегда нужны люди, знающие и любящие природу, или помочь Владимиру Николаевичу в его трудном и небезопасном деле, стать, как и отец, общественным инспектором рыбоохраны.

Часа полтора юноша бороздил по водным лабиринтам, и зарисовки уже подходили к концу, когда Валерию неожиданно показалось, что он услышал выстрел. Очень далекий, напоминавший хлопок пробки из бутылки с шипучкой, и все же Валерий мог поручиться, что это выстрел. Но кто мог стрелять в такую пору, когда действует запрет и на охоту и на рыбную ловлю?

Какое-то неясное беспокойство закралось в сердце юноши; он быстро достал бинокль и стал настороженно оглядываться по сторонам. Вначале Валерий ничего подозрительного не заметил, а потом вдруг увидел узкий и длинный челн, качавшийся на легкой волне, и гребца в челне. Именно в эту минуту гребец сделал резкое движение вперед и назад, и тут же на острие гарпуна сверкнула в лучах солнца наколотая рыба.

Рыба была крупная. Скорее всего линь килограмма на два, но мог быть и судак, знатная добыча. Браконьерствовал свой, знакомый, при виде которого у Валерия отхлынула кровь с лица. Он узнал Харитона Лутака. Забыв о выстреле, почему-то обеспокоившем его, Валерий устремился вперед.

Расстояние между лодками быстро сокращалось, и по некоторым признакам Валерий понял, что Харитон увидел его, хотя и не показывал виду. Он даже затянул песенку о космонавтах, которым осталось до старта четырнадцать минут. Но тут на Валеркином пути оказалась тесная группа осин. Они росли на западном выступе Скакуна — одного из крупнейших островов, сейчас затопленного, и нужно было обогнуть его. На две-три минуты Валерий потерял из виду браконьера — только слышно было, как тот напевает о космонавтах. А когда опять показался веселый певец, то в руках он держал уже не гарпун, а обыкновеннейшую удочку и на воде покачивался самодель-

ный поплавок из пробки и гусиного перышка. Теперь и юный Лутак не скрывал, что видит Валерия, и как ни в чем ни бывало закричал:

— Салют, кэптен! Какими ветрами?

Такой наглый тип!

— Ну-ка, давай сюда гарпун! — приказал Валерий и направил челнок по прямой, будто собирался идти на таран.

— Псих! — закричал Харитон, вовремя оттолкнув рукой черный нос Валеркиной лодки. — Искупаться захотел?

— Я все видел, слышишь? — негромко, с достоинством сказал Валерий, хотя кипел от злости. — Отдавай гарпун, или я тебя силой заставлю отдать.

— Ух как страшно! — насмешливо ответил Харитон, и его красивое, уже загоревшее на солнце лицо выразило полнейшее пренебрежение к угрозе противника. — Мне так страшно, — повторил он, — что я весь трясусь...

Он продолжал насмехаться.

— Только я не пойму, о каком ты гарпуне болтаешь. Не об этом ли? — И он приподнял длинную жердь. — Фантастика!

Валерий пришвартовался к браконьеру и заглянул в челн.

— Хитришь? — неуверенно сказал Валерий. — Я же сам видел, как ты бил острогой рыбу.

— А где же рыба?

Рыбы тоже не было. «Неужели Харя все выбросил за борт, пока я огибал мысок Скакуна?» — подумал Валерий. И его утешала лишь мысль, что Харитон все же испугался, хоть и перехитрил его.

— Гад ты, вот кто! — сказал Валерий. — Подлый человек.

— А ты легавый Бондаренки. Все вынюхиваешь? Боишься, рыбы в реке не хватит тебе и твоему батьке?

— Ты моего батьку не трожь! — предупредил Валерий.

Ничего не ответив — знал, с кем имеет дело, — Харитон отвернулся и стал наблюдать за поплавком.

А Валерий внимательно окинул взглядом поверхность реки вокруг Харитошиного челна, как будто надеялся увидеть на дне гарпун и кукан с рыбой. Но место было глубокое, возможно, Харитон вообще не здесь стоял, когда Валерий увидел его первый раз, и не тут выбросил гарпун и кукан.

Ай да Харя! Валерке и в голову не пришло, что невинный поплавок качается над браконьерской добычей, спущенной ловким парнем под воду за те считанные минуты, пока его противник обходил выступ Скакуна.

Повернув челн двумя взмахами на сто восемьдесят градусов, Валерий возвратился к Скакуну, чтобы продолжать зарисовки.

ТРЕВОЖНЫЕ СОБЫТИЯ

Валерий вытянул челн на берег и перевернул под деревьями вверх дном. Подхватив сумку, он уже собирался оставить артельный стан, когда увидел старшего Лутака.

— Валерий, — окликнул тот, — ты случаем не видел моего парня? Как ушел в школу, так только его и видели! Уж не случилось ли чего...

Григорий Каленикович стоял перед Валеркой, опираясь на палку, а маленькие глазки на широком лице остро уставились в лицо юноши.

— Браконьерствует ваш Харитон, ничего с ним не случилось, — ответил Валерий.

— Все злобствуешь... — вздохнул Григорий Каленикович. — Мой Харитоша смирей овцы божьей, все знают, и напрасно ты, парень, лаешься...

— Вот-вот, совсем овечка! — иронически подтвердил Валерий. — Только с острогой на икроносную рыбу ходит, божья тварь...

Лутак покачал головой.

— И откуда только у вас, Франчуков, столько черной злости? Все мало вам, все боитесь, что люди сытыми будут...

«Ну что с ним говорить, с этим баптистом!» — подумал Валерий. А Григорий Каленикович и не ждал

ответа. Повернулся и зашагал к гаражу, возле которого свертывал сигарку Клим Штанько.

— Шо это вы кульгаєте, Григорий Каленикович? — донесся насмешливый вопрос Штанько. И ответ Харитошиного отца:

— Поверишь, Климущка, третий день с постели не встаю, как собака с перебитыми ногами. Радикулит в гроб загонит, помилуй бог...

Дома никого не было, ни матери, у которой сегодня вечерние уроки, ни отца, и Валерий даже обрадовался этому: никто не помешает завалиться на диван со свежим номером журнала «Юность». Но в этот день он читал рассеянно, в голову все лезли события прошедшего дня, и снова его охватило непонятное беспокойство, когда он вспомнил об услышанном выстреле. Где это, интересно, стреляли? Скорее всего выстрел донесся из заповедника, рощицы которого зелеными островками разбросаны по степи среди бесчисленных озер. И тут Валерий вспомнил, что именно сегодня ночью отец с Бондаренко собирался в засаду.

Когда возвратилась мать, Валерий уже сидел за учебниками. Она сразу спросила, не приходил ли отец, и видно было, что его отсутствие удивило ее и обеспокоило.

— Что это он так задержался?

Можно было поделиться с ней своими догадками, но Валерий воздержался. Это ведь была чужая тайна, и он не хотел открывать ее. Но шли часы, уже был поздний вечер, а отец все не возвращался, и Валерий, взволнованный не меньше матери, решительно поднялся.

— Схожу к Бондаренко, — сказал он. — Может, отец у него.

— Сходи, сынок, — согласилась мать, — только скорей возвращайся.

В эту минуту из сеней послышался шум открываемой двери.

— Наконец-то! — обрадовалась мать.

Но в комнату вошел Бондаренко.

— Добрый вечер. А где ж хозяин? — спросил инспектор.

Бондаренко ждал отца с семи вечера и вот не выдержал и пришел.

Мать обессиленно опустилась на стул.

— С рыбаками поговорю, — сказал Бондаренко. — Только особенно и волноваться незачем. Егор Павлович не тот человек, с которым может случиться худое...

Однако Валерий видел, что Бондаренко и сам очень озабочен.

— Вы оставайтесь дома, — предложил Бондаренко, — а мы с Валеркой пойдем к рыбакам. Только, Евгения Васильевна, голубушка, без паники. Рыбак задержался на реке — невидаль какая...

Однако ни в ту ночь, ни в последующие дни отец не возвратился.

Недели две рыбаки искали отца по всей реке до самого устья, но безуспешно. Не была обнаружена и моторная лодка Егора Павловича. Будто ко дну пошла вместе с хозяином.

ПО СЛЕДАМ ОТЦА

Из города приехал следователь. Это был совсем еще молодой человек, лет двадцати пяти, с коротко остриженной светлой головой. Недели две он прожил в селе, говорил со многими рыбаками, односельчанами Егора Павловича, интересовался, с кем тот дружил и с кем враждовал. С людьми он говорил как-то уж слишком обыденно, будто со старыми знакомыми, которых давненько не видел, а вот сейчас встретил и душевно рад этому. И поэтому, возможно, не было заметно, что Виктор Емельянович, как звали следователя, интересуется жизнью села и жителей его с какой-то специальной целью, а не из простого человеческого любопытства.

Только в редких случаях и всегда совершенно неожиданно для Валерия куцые светлые брови следователя хмурились, рисунок рта становился более резким и жестким, и тогда на лице Виктора Емелья-

новича появлялись черты человека настойчивого и решительного.

Сам Валерий словно повзрослел за эти дни и, как все говорили, стал еще больше похож на отца. Валерий не хотел верить, что отец погиб, не мог в это поверить, хотя всю неделю сам ходил по реке с поисковой группой, обшарил оба берега от села и до устья реки. Валерий похудел, почернел, в уголках крепко сжатого рта появились морщины — свидетельницы горестных раздумий, недоумения и неизбывной боли.

Как могло случиться, что его отец, такой еще молодой и сильный, такой отважный и добрый, вдруг ушел из жизни? В это нельзя было поверить! Но шли дни, а Егор Павлович не возвращался. Он исчез, исчез, казалось, бесследно.

Много в эти горькие дни думал Валерий о том, как отец относился к людям, к жизни, к нему, своему сыну, и к матери. Все односельчане вспоминали Егора Павловича с большим уважением, и Валерий мысленно дал себе слово жить так, как отец. Да, он должен работать, решил Валерий. Он перейдет в вечернюю школу, будет учиться и работать. Как и отец, он станет рыбаком. Таким же отважным, сильным и справедливым. И как отец, он будет помогать инспектору Бондаренко в его трудной борьбе с браконьерами. Они бесчестны, как воры, и коварны, как пауки. Отец так и называл их и нисколько не боялся. И он, Валерий, не боится и пойдет по следам отца. Валерий так и сказал инспектору, когда тот спросил о его дальнейших намерениях.

ПОРУЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Следователь уехал, так и не раскрыв тайну исчезновения отца. Но перед отъездом он снова пришел к Франчукам. Мать показывала ему семейные фотографии, тетрадку с записями отца и даже его письма. И на прощание, так и не сказав, что же он думает о случившемся, Виктор Емельянович только вспомнил народную поговорку:

— Правду в сучок не засунешь, Евгения Васильевна.

Из этих слов Валерий заключил, что Виктор Емельянович все же что-то знает. Может быть, пригодилось сообщение об услышанном выстреле. Виктор Емельянович очень внимательно отнесся к рассказу Валерия.

— Хорошенько вспомни, — настойчиво требовал он, — время, когда ты слышал выстрел.

У Валерия часов не было, и он мог лишь сказать, как высоко стояло солнце.

— Мне кажется все же, что стреляли в заповеднике, — неуверенно говорил Валерий.

— Но Егор Павлович был на реке, — напомнил следователь. — А кто мог стрелять, как ты думаешь?

Валерий пожал плечами.

— Можно спросить наблюдателя. Это как раз участок Андрея Потаповича.

Валерию хотелось рассказать, как он встретил в заповеднике Григория Калениковича с ружьем. Но тут же вспомнил строгий наказ отца никому не говорить об этом. Теперь, когда отца не было, каждое его слово приобретало особое значение, и он промолчал о Лутаке. К тому же было ясно, что в тот злосчастный день Григорий Каленикович не мог забраться далеко — ведь Валерий его встретил ковыляющим с палочкой на колхозном стане.

— А как отец относился к Лутаку? — неожиданно спросил следователь, будто догадался, о чем думает Валерий. — Говорят, он не любил его.

— Отец совсем недавно спас жизнь Григорию Калениковичу.

— Вот как! — удивился следователь. — Никто мне об этом не говорил.

Валерий рассказал, как было дело.

— Только отец действительно недолюбливал Штунду. За жадность. Отец говорил, что сытый волк смирнее ненасытного человека. А Григорий Каленикович прямо ненасытный. Он всегда так радовался, когда зимой случался замор.

— Чему же он так радовался?

— Можно было таскать угоревшую рыбу сколько душе угодно, а Штунде только это и нужно.

— Бондаренко говорил, что ты часто в заповедник наведываешься, — вспомнил следователь. — Где же ты там бываешь?

— Все больше на участке дяди Кости. Это осед Андрея Потаповича, хороший старик. И у него видятся белые цапли и даже лебеди. Красивые, редкие теперь птицы.

— А на участке Андрея Потаповича бываешь?

— Дорога к дому лежит через участок Андрея Потаповича.

— В таком случае я попрошу тебя об одной услуге.

— Пожалуйста.

— Запоминай хорошенько незнакомых людей которых увидишь в заповеднике.

— У дяди Кости?

— И на участке Андрея Потаповича. — Следователь улыбнулся. — Только ты, прошу, не преувеличивай значения моей просьбы. Просто мне хочется знать, кто из посторонних заходит в заповедник. Как они выглядят, как ведут себя. И учти: разговор этот между нами. Понял?..

НЕИЗВЕСТНОМУ НАВСТРЕЧУ

Дни стояли теплые, и сады утопали в бело-розовой пене цветущих вишен и яблонь.

С каждым днем падал уровень воды в реке все более обнажая знакомые приметы заречья с его песчаными косами и сочными лугами на бесчисленных островах.

Казалось, что островков стало больше, а пльни будто кто-то подстриг. Но Валерий знал, что это все не так. Просто вода в плавнях стояла еще высоко, на островах обнажились только возвышенные места, образовав множество островков и мелких озер.

Вода в них была теплая и мутная от кишевших в ней мальков. Но Валерий знал: пройдет неделя-две, и мелкие озера превратятся в ямы, заполненные яз-

кой жижей, и тогда юбнют тысячи лещей, судаков, окуней, подустов.

Однако сейчас еще не поздно спасти рыбу. Нужно только открыть канавы, выпустить из озер в чистую, свежую воду всю эту беззаботно резвящуюся молодежь рыбьего царства.

Весь день Валерий провёл на Конских островах, размечая с Сергеем Никитичем участки для школьных бригад, которые выйдут завтра копать канавы. Возвратились за светом. Валерий сразу не пошел домой, а поговорил еще о Штанько о завтрашней работе.

Валерий пошел по крутой тропинке к дому, когда увидел Бондаренко. У того был озабоченный вид.

— А я у тебя бы, — сообщил Владимир Николаевич, после того как подоровался. — Думал, что возвратился уже.

— Я задержался на стане, пока лодку вытаскивал, то да сё.

Валерий был удивлен: он уже виделся сегодня утром с инспектором, когда тот приезжал на Конские острова. Но юноша не выказал своего удивления, только объяснил, почему задержался.

— Я пришел сказать тебе, что встречаемся, где договорились, — объяснил Бондаренко.

— О, уже сегодня!

«Видно, — подумал Валерий, — утром Бондаренко и сам еще не знал этого».

— Не шуми — предостерег инспектор и оглянулся по сторонам. — И не забудь потеплей одеться — ночь прохладная, — напомнил он.

— А ружье зять?

— Обойдемся без ружья.

По Валеркиному лицу было видно, что такой ответ его не очень-то устраивает.

— И смотри, — предупредил Владимир Николаевич, — матери не говори, чтобы напрасно не волновать ее.

— Не беспокойтесь, — обещал Валерий. Они попрощались.

— А тебя спрашивал Бондаренко, — сообщила мать, как только Валерий переступил порог.

— Наверное, интересовался, справились ли мы с разметкой, — равнодушно сказал Валерий. — Сам Бондаренко работал аж на Барвинке, а у нас был только утром.

Евгения Васильевна подала обед, и Валерий с аппетитом стал есть. Он ел и поглядывал на мать. Как постарело за короткое время милое лицо матери! Раньше не было ни этих морщин, ни седой пряди в русых волосах. «Моя хорошая, — с болью думал Валерий, — как хочется, чтобы снова радостью засветились твои глаза и опять зазвучал в нашем доме твой ласковый смех!.. Но это может быть, я знаю, только с возвращением отца...»

Потом он стал думать о том, как бы получше объяснить матери, почему он сегодня не сможет ночевать дома.

Покончив с обедом и вытирая губы концом расшитого полотенца, лежавшего на коленях, Валерий сказал:

— Часок отдохну, а потом мне еще на дежурство. Мать насторожилась:

— Это еще на какое дежурство?

— В штабе дружинников, мама. — Он не смотрел ей в глаза.

— И за этим пришел Бондаренко? — спросила мать. — Не умеешь ты, Валерка, врать.

— Ладно, ты только не волнуйся, — сказал Валерий.

А мать говорила:

— Я догадываюсь, зачем ты идешь, но тебя ведь все равно не удержишь.

— Все будет хорошо, мама.

— Отец тоже всегда говорил: «Все будет хорошо». Но ты все же помни и обо мне.

Она отвернулась, чтобы Валерий не увидел слез, и стала готовить бутерброд.

— Возьмешь с собой на ночь.

— Возьму, мама, спасибо...

Через час он ушел.

Ночь была звездная, но не такая светлая, чтобы из боярышника на склоне холма, где устроился Валерий, можно было разглядеть людей, выходящих из дома Лутака.

Когда уже совсем стемнело, пришел Бондаренко. Он был в сапогах и плаще, карманы которого оттопыривались. Валерий был уверен, что Бондаренко не забыл свой пистолет. Однажды он видел, как инспектор чистил его.

— Давно пришел? — спросил Бондаренко.

— Часа два.

— Хозяин не выходил?

— Выходил, когда приехал какой-то человек в посудине.

— Что за человек?

— Разве узнаешь! Только и заметил, что длинный, аж сгибается, а голос бабий.

— Может, так оно и есть?

— Нет, имя не женское — Капитон.

— Ты слышал их разговор?

— Разговора-то не было. Григорий Каленикович спросил: «Ты, Капитон?» А длинный ответил с лодки: «Я». Каленикович и говорит: «Добре. Уходи, я скоро». — «Опять нудишь? — говорит длинный. — Успевай до луны». И все.

— Только всего? И ты не узнал по голосу?

— Нет. Чужой будто... Сказал и погреб на фарватер. А Григорий Каленикович пошел в хату.

— И больше не выходил?

— Один раз вышел с Харитошей. Пошли в сарай, и Харитон чего-то вынес.

— Сети?

— Может, и сети.

— А старик?

— Григорий Каленикович тоже. И все снесли в лодку. Два раза ходили в сарай — и обратно к лодке. Вон она, в кустах...

— Давно это было? — спросил шепотом Бондаренко.

— Да с час. А может, и меньше. Время, знаете, как тянется...

— Ну лежи.

Оба притихли.

Скоро должна была взойти луна, и Валерка нетерпеливо ждал этой минуты. Тогда будет все видно далеко вокруг. На селе уже затихли голоса парней и девчат, гулявших в клубе и бродивших по берегу, а в доме Лутака все еще горел огонек. «Может быть, хитрый лис Штунда передумал?» — решил было Валерий не без сожаления, и в эту минуту тихо скрипнула дверь. Валерию не видно было, кто вышел, но он узнал Лутака по голосу.

— Так завяжи... Ежели кто спросит... Или из правления... Уехал в город — и все... — говорил Григорий Каленикович.

В голосе звучала озабоченность.

— Слыхала. Сколько раз повторять, — недовольно ответила его жена.

— Ты завяжи...

— Давай, Харитоша! — слышался тихий окрик Григория Калениковича. — Чего копаешься?

Харитон сдвинул лодку в реку, и слышался негромкий шлепок весла по воде. Некоторое время стлался за кормой слабо мерцающий след. Мотор Лутаки не заводили. А в окне дома погас огонь.

— Ну, Валерий, — шепнул Бондаренко, — теперь устраивайся поудобней, времени у нас много, и можно соснуть.

— А не проспим? — забеспокоился Валерий.

— Я разбужу.

Но сон бежал от Валерия. Он лежал и представлял, как на рассвете, когда браконьеры возвратятся с незаконным уловом, он выйдет из засады и задержит их. Интересно, кто тот, длинный? Может быть, они окажут сопротивление — трое против двоих, а у него, Валерия, нет оружия.

Он вспомнил отца, и больно защемило сердце. Возможно, на этом месте укрылся бы и отец, дожидаясь рассвета; и если он жив, то, наверное, порадуетя, узнав, что он, Валерий, заменил его. Эх,

узнать бы, что с отцом приключилось в тот апрельский день и кто виноват, и отомстить за отца!..

Когда Валерий проснулся, уже взошла, луна, вокруг было совсем светло. И очень тихо, безветренно. Валерий немного приподнялся и осмотрелся вокруг: Косогор с вербой, нависшей над ним, и ниже и впереди — огород, цветущий сад, дом Штунды со слепыми окнами, низкий плетень с горшками, посаженными на колья для просушки, и лунная дорожка на реке, уходившая в неизвестное.

— Чего ты не спишь? — зашептал Бондаренко.

— А я только сейчас проснулся.

Бондаренко тоже приподнялся.

— Кажется, идут...

Рассветало, и от утреннего холодка знобило.

— Пошли! — сказал Бондаренко.

Пригнувшись, скрываясь за деревьями, Бондаренко перебежал к плетню и залег, а Валерий за ним. Оба настороженно прислушивались к каждому звуку с реки. Теперь все явственней доносился легкий шумок движущейся лодки, и вот она с ходу врезалась в берег. Но Бондаренко не шевелился, и Валерий тоже.

— Ну, слава богу!.. — послышался хриплый, но негромкий голос за плетнем. — Пронесло будто...

— А кому быть сегодня? — ответил молодой голос. — Они ж весь день на островах топтались, к воскреснику готовились, чтобы всей школой малька спасти.

— Бог не спасет, человеку не убережь. Только ты, Харитоша, все ж таки сходи в школу. Для отвода глаз.

— Спать охота.

— Покружишься для вида — и досыпай свое.

Сын помог отцу взвалить на спину свернутую сеть. Григорий Каленикович кряхтел и постанывал. «Значит, длинного нет», — подумал Валерий. И в эту минуту Григорий Каленикович с сетью на плече показался из-за плетня.

— Здоровеньки булы! — приветствовал его Бондаренко.

— Товарищ Бондаренко! — воскликнул Григорий Каленикович.

Он страшно растерялся, маленькие, глубоко сидящие глаза перебегали с Бондаренко на Валерия, нижняя губа отвисла, ушанка, которую он носил и в мае, сползла на ухо. Но уже в следующую минуту Григорий Каленикович как ни в чем не бывало спросил:

— А що ж вы в хату не заходите?

— Нам и здесь неплохо, — усмехнулся Бондаренко. — Правда же, Валерка?

— От еще! — пожал плечами Григорий Каленикович. — Що ж мы будем говорить на холоде. Темно, и ничего не видно.

— А что нам смотреть? — смешливо продолжал Бондаренко. — Лучше поговорим. Как она жизнь, как рыбалка...

Валерий беспокойно задвигался.

— Харя же рыбу всю выпустит... — зашептал он.

— Сиди! — приказал Бондаренко.

— Да разве вы сами не знаете, какая она, жизнь? — почесал в затылке Григорий Каленикович. — Лучше и быть не может! — И сердито закричал через плетень сыну: — Харитоша, возьми у меня сети. Не видишь — гости пожаловали...

Показался Харитон. В руках он нес пустую кошелку. «Где же рыба?» — подумал Валерий. Все его мысли были о рыбе.

— А откуда вы едете? — спросил Бондаренко.

Против Григория Калениковича инспектор казался прямо молодцом, хотя годами Лутак был значительно моложе. В кожаной тужурке на «молнии» и в форменной фуражке инспектора рыбоохраны, Бондаренко вызывал у Валерки восхищение своим спокойствием и скрытой силой.

— Так откуда вы едете? — повторил он, щупая сети.

— Проверяете, не забрасывал ли? — усмехнулся Григорий Каленикович.

Они были сухие.

— А едем мы с собрания единоверцев.

— И ятерь на собрание брали?

— С кумом хотел поменяться.

— Колхозным ятером?

— А что ж, что колхозный? Может, у кума, думал, лучший.

— Вон оно как! — покрутил головой Бондаренко. — Забота о колхозе...

Григорий Каленикович перевалил ятерь на плечо Харитона.

— Кто ж этот кум? — спросил Бондаренко.

— Да вы его не знаете.

— А может, знаю.

— Не, не знаете.

— И рыбки с собрания не привезли? — сказал Бондаренко, закуривая папиросу.

— Все шутите, товарищ Бондаренко, — засмеялся Григорий Каленикович. Видно было, что он уже совсем пришел в себя. — Где ж там рыбки возьмешь, когда вы запрещаете?.. — И опять засмеялся.

— А если Валерий в лодку заглянет?

— Нехай заглядывает. Он что, за отца соглядатаем ходит?

Валерий шел к лодке, но остановился. Бледный, со сжатыми кулаками, он смотрел на рыбака.

— Плохо шутите, Григорий Каленикович, — сказал Бондаренко, и голос его зазвенел в предрассветной тишине.

— Звиняйте, если я сказал что-то не так. Не по злобе, а по глупости, — поспешно заговорил Лутак. — Бог свидетель, что я за покойничка вечно буду молиться, как за своего спасителя...

— А почему вы Егора Павловича в покойники приписали? Может, и не покойник, а? Мало ли что с человеком может случиться...

Штунда облизал губы.

— Люди говорят...

— Лю-юди... Люди говорят, что Григорий Каленикович Лутак рыбу промышляет во время нереста, но это еще проверить нужно.

— Що ж, проверяйте, — вдруг озлобясь, сказал Штунда. — У вас ведь служба такая — запрещать и проверять. — Он хрипло засмеялся.

Валерий бросился к лодке. Его бил озноб от нетерпения. Он и раньше не любил Лутака. Но теперь просто ненавидел его.

Однако рыбы в лодке не оказалось.

НА СКАКУНЕ

В этот же день городские дружинники задержали на рынке двух женщин, торговавших рыбой из-под полы. В их кошелках оказались крупные самки леща и судака, раздувшиеся от икры.

Женщин привели в штаб дружины, где их допросил молодой человек, которого все принимали за дружинника. Но в действительности это был следователь прокуратуры Виктор Емельянович Курносов. Уже с неделю по его просьбе дружинники задерживали торговцев рыбой то на одном, то на другом колхозном рынке.

Торговки оказались жительницами городской окраины и уверяли, что рыбу купили с рук у рыбаков-любителей.

— Такой представительный мужчина, знаете, — рассказывала одна. — В панаме, на пальце серебряное кольцо с черепом и черные очки носит. Ни за что не скажешь, что нарушитель.

Виктор Емельянович насторожился: это уже вторая спекулянтка называет те же приметы рыбака-любителя. В прошлый раз он приезжал в среду и тоже привозил тяжелых лещей, судаков и язей.

...На Конских островах в то воскресенье было шумно, оживленно и весело. Здесь собрались не только школьники. Приехали учителя и многие родители.

Бригада Валерия Франчука одной из первых на Скакуне связала каналом озеро с рекой. Несмотря на тревожную ночь, проведенную в засаде, Валерий совсем не чувствовал усталости. Он был радостно возбужден и очень доволен, что его бригада обогнала даже колхозную. С лопатой на плече Валерий подошел к Бондаренко и отпрапортовал:

— Товарищ государственный инспектор рыбоохраны, бригада Франчука задание выполнила, канал открыт.

— Молодцы! — похвалил Бондаренко, пожимая Валерию руку.

На всех островах жгли костры, и в воздухе стоял запах дыма и пшенной каши.

— Сегодня, — сказал Бондаренко, — мы сохранили сотни, а может быть и тысячи тонн красной рыбы. Теперь не менее важно спасти ее от браконьерского «паука».

Возвращались домой веселой флотилией — кто в челнах, а кто в шлюпках и моторных лодках. Валерий попал в одну лодку с десятиклассницей Катей Сивковой, и они оказались на скамье рядом. Девушка приветливо улыбнулась Валерию.

— Ты знаешь, — сказала она, — мы отстали от вас только на двадцать минут. Это Харя нас подвел. Как назло, Сергей Никитич сунул его в мою бригаду, а Харя вдруг заболел и провалялся весь день в кустах.

— Еще бы!.. — многозначительно сказал Валерий.

— А почему ты вчера не пришел в клуб? — спросила девушка. — Я тебя искала.

— Делом одним был занят, — ответил Валерий, испытывая сладкое чувство оттого, что Катя его ждала и искала. — А зачем я тебе нужен был?

— Так, вообще. — Она смутилась. — А сегодня ты придешь в клуб? Будет художественная самодеятельность.

Уже виден был колхозный стан с рядами держал, сейчас пустовавших, с челнами под деревьями и мирно беседующими стариками на ступеньках крыльца ожидалки. Моторка уткнулась носом в песчаный берег.

— Сегодня приду, — согласился Валерий и помог Кате выйти из лодки, хоть она, дочь и сестра рыбака, могла прекрасно справиться и сама.

— Так я тебя буду ждать! — крикнула Катя уже с берега.

Но в этот вечер Катя так и не дождалась Вале-

рия, потому что из города приехал с важными вестями следователь.

ПРОТИВ ПАУКА

К Франчукам пришли Бондаренко, Клим Штанько, за которым сбегал Валерий по просьбе Курносова, и заместитель председателя колхоза Юрий Максимович — низкорослый, очень сильный человек, который управлялся одной рукой (левую потерял на войне) лучше, чем иной рыбак двумя.

— Такие вот дела, — закончил свой рассказ следователь. — Есть все основания полагать, что у нас на реке орудует браконьер по кличке Паук.

— Даже по отрывочным сведениям, которыми поделился с нами Виктор Емельянович, — сказал Бондаренко, — я представляю себе, что этот Паук опасный браконьер, смелый и в то же время хитрый.

— А почему вы утверждаете, Виктор Емельянович, что Паук и человек с перстнем одно и то же лицо? — спросил Юрий Максимович.

— Я не утверждаю, а только предполагаю, — ответил следователь. — Время и дальнейшие события покажут, насколько это верно.

— Товарищ Курносов собрал нас, чтобы поделиться своими соображениями и опасениями не как следователь прокуратуры, а как наш товарищ по охране природы, — объяснил Бондаренко. — Виктор Емельянович сам превосходный рыболов и общественный инспектор рыбоохраны.

Несмотря на такое пояснение, Валерке все же казалось, что Курносов заинтересовался Пауком не только как инспектор рыбоохраны, но и как следователь. «Может быть, — спросил себя Валерий, — этот Паук имеет отношение и к исчезновению отца?»

— А вы не думаете, — сказал Штанько, — что у Паука есть помощники в Верхней Лозовке?

— Возможно, — согласился Виктор Емельянович. — Поэтому я предлагаю хорошенько осмотреть протоки и заливы, где продолжается нерест карповых и других рыб. И не позже как сегодня. Решив,

что инспектор устал после ночи в засаде и воскресника на островах, браконьеры не будут так осторожны, как обычно, и мы их захватим врасплох.

— Если этот Паук такой хитрый, — вступил в разговор Валерий, до этого молчавший, — так лучше всего искать его на перекатах.

Валерий сразу вспомнил лунную весеннюю ночь, когда они с отцом наблюдали ход рыбы на нерестилище. Они сидели тогда в лодке и смотрели, как икромосная рыба стремится выйти из фарватера на пойменные луга. В узких горловинах, на высоких местах переката, ее можно было брать просто руками.

— Каким же нужно быть негодяем, — сердито говорил отец, — чтобы в этих местах ставить сети! А есть ведь такие...

— На перекатах скорей всего, — поддержал Валерия Юрий Максимович.

— И выйти нужно с темнотой, попозже, чтобы захватить на деле, когда ворюги войдут в азарт, — сказал Бондаренко.

— Правильно! — согласился Штанько. — Там мы их накроем.

Решили выйти на двух моторных лодках, а на всякий случай захватить и весла, обмотав их тряпками, чтоб бесшумно грести. Но все вышло далеко не так просто, как думал Клим Штанько.

ЧЕЛОВЕК С ПЕРСТНЕМ

Днем к Григорию Калениковичу приехала старшая дочь из города и привезла дурные вести: дружинники задержали Настю Козодоеву, уже несколько лет сбывавшую по спекулятивным ценам браконьерскую рыбу.

— Ах ты боже мой! — сокрушался Григорий Каленикович. — Что ж теперь будет?

— Откупится, — легкомысленно отмахнулась дочь. — Не за этим я таскалась.

— А за чем же?

— Рыба нужна.

Так было ежегодно. Запрет на лов рыбы во время

нереста подымал ее в цене. И не удивительно — где достанешь свежего судака, леща или щуку? Живая рыба водится лишь у Насти Козодоевой и ее подручных.

Провал спекулянтки не выходил из головы осторожного Григория Калениковича. Да и события последнего месяца в селе требовали величайшей осмотрительности. Но скоро конец запрету, и как упустить случай, не воспользоваться возможностью прикопить еще немного, пополнить тайничок? И Григорий Каленикович, все же не уверенный в том, что правильно поступает, спросил:

— А Капитон куда придет?

— Куда скажешь, туда и придет.

Капитон «работал» с мужем дочери — шофером такси. Он доставлял браконьерский улов в какое-нибудь безлюдное, заранее присмотренное место на берегу, где его уже дожидался зять Лутака с машиной, и еще до рассвета рыба попадала к спекулянтам, а потом на рынок.

— Пусть идет на перекат к Старухе, — предложил Григорий Каленикович. — Только сегодня пораньше. Инспектор на воскреснике, так что ему не до нас. Вчера, собака, съел дырку от бублика. Мы ведь наши сети отдали Капитону, а у него взяли сухие, — Григорий Каленикович злорадно усмехнулся. — И наш инспектор мог только гавкать от злости. А сегодня он будет отсыпаться со своей ищейкой — молодым Франчуком.

Дочь уехала, а вскоре возвратился Харитон с Конских островов. Он был свеж и бодр, готовый хоть сейчас выйти на промысел.

— Не штука наука, а штука разум, — с удовлетворением сказал старый Лутак жене, когда Харитоша рассказал, как он притворился больным и проспал весь день в кустах.

Вышли, когда стемнело. А до этого Харитон осмотрел большой участок вокруг дома. На всякий случай.

— Осторожного коня и зверь не берет, — поучал отец.

Но все было тихо.

Жене Григорий Каленикович, как всегда, крепко наказал «завязать», что он уехал в город.

До фарватера да еще с километр вверх по течению шли из осторожности на веслах. Когда же фонарь на колхозном стане стал едва заметен, Харитыша запустил мотор. Недалеко от переката у Коржинской старухи опять перешли на весла, чтобы подойти к месту бесшумно.

Скоро появился в своей моторке Капитон. Это был высокий и жилистый человек, росту без малого сто девяносто сантиметров. Григорий Каленикович в душе побаивался этого гиганта, с виду как будто тихого, но, как было известно старому рыбаку, способного на отчаянные вещи. «С таким не знаешь, где кончишь!» — вздыхал Григорий Каленикович. Но Капитон был нужным человеком, вот в чем дело, и слишком много знал, чтобы можно было легко порвать с ним.

Капитон не поздоровался, лишь спросил:

— Чем брать будем?

— Ельцовкой.

— Подходящее дело.

Это была небольшая, с низкой стенкой волокуша длиной пятьдесят метров.

Первый же заброс принес добрых сорок килограммов отборного леща.

— Еще два-три заброса — и можно до дому, до хаты, — повеселел Григорий Каленикович. — Только откуда он взялся? — удивлялся старик. — В наших местах лещ как будто отнерестился. Здесь же язь должен быть. Как раз его место для нереста — песочек что золото.

Рыбу без разбора побросали не в засеку, как делают рыбаки, а в мешки. В опасную минуту ничего не стоит и спустить под воду. Но когда забросили вторично, в сетях нашли всего несколько рыбин, да и те — мелкие.

— Пугливые, — сказал Григорий Каленикович. — Известное дело — лещ.

Посоветовались и решили еще раз протащить сети и выловили еще меньше.

— Может, на пережат в Русалочью двинуть? — предложил Капитон.

— Уж больно близко к селу. Да и какая уверенность, что и там не лещ? — возразил Григорий Каленикович.

— Философствуешь, старик, — грубо отозвался Капитон. — Ты дело предлагай.

— Но и рыбу можно перехитрить, — примирительно сказал Григорий Каленикович. — Зайдем ей с тылу и возьмем прямо на нерестилище. Доброе место приглядел я в Ободье.

Это был рукав, когда-то полноводный. Григорий Каленикович знал, что Ободье к лету всегда зарастает желтой кувшинкой, а весной всякая рыба приходит сюда класть икру.

Ободье было в пяти километрах выше, недалеко от пионерского лагеря «Орленок», белые дощатые строения которого раскинулись на песчаной отмели притока Барвинок — небольшой, но живописной речки, где верхнелозовские рыбаки имели богатую тоню. С моста, перекинутого высоко над Барвинком, летом просматривались и фарватер и Ободье. Весной же, в разлив, можно было попасть в Ободье, минуя пережат, непосредственно из Барвинка по извилистым рукавам, образованным большой водой.

Именно этим путем и воспользовались браконьеры. Григорий Каленикович уверенно вел моторку, он давно изучил все подходы к рыбным местам в разную пору года и на большом протяжении реки.

В Ободье вошли по-воровски тихо. Уже взошла луна, и Григорий Каленикович невольно залюбовался игрой рыбы, потерявшей всякую осторожность. На минуту даже черствое сердце Штунды дрогнуло, когда вытянули сети и в них забили хвостами, выгибая серебряные спины, тяжелые самки, так и не успевшие отложить икру и дать жизнь новому рыбьему потомству...

Не более часа понадобилось, чтобы наполнить три мешка. Больше нельзя было взять. Вдруг Харитоша тихо вскрикнул:

— Бондаренко!

Парень по звуку мотора узнал лодку инспектора.

— А, чтоб ты пропал, собака! — в сердцах воскликнул Григорий Каленикович. И к напарнику: — Тебе, Капитон Силыч, уходить нужно...

Да, ему никак нельзя попадаться на глаза инспектору.

— У меня, Силыч, такой план, — и старик быстро изложил его. — Подходит, а?

— Что ж, другого выхода нет, — согласился напарник. — Может, и клюнет, — и длинно, свирепо выругался, вытирая сразу вспотевшее лицо широкой ладонью.

И при свете луны на безымянном пальце браконьера сверкнул серебряный ободок перстня.

ПОГОНЯ

Валерий был удивлен и разочарован, когда прошли третий пережат, а браконьеров и в помине не было.

— Может быть, Штунда и не выезжал, — высказал он предположение, особенно внимательно осматривая в бинокль бухточки и заливы, иногда заходившие далеко в глубь крутого правого берега, у которого шла инспекторская лодка.

А вдоль левого берега, богатого песчаными отмелями, двигалась где-то впереди, сейчас невидимая, моторка Юрия Максимовича.

Вдруг Бондаренко круто развернул моторку.

— По носу лодка! — закричал Валерий.

— Дай-ка бинокль, — попросил Бондаренко.

— Штунда! — воскликнул Валерий. — И Харя. Ну, теперь мы его с поличным схватим, не отвертится...

Браконьеры шли впереди, но не видно было, что они набавляют ход и хотят уйти.

— Владимир Николаевич, можно крикнуть, чтоб подошли? — нетерпеливо спросил Валерий.

— Не пори горячку, малыш, посмотрим, что они будут делать.

— У него первоклассный мотор, — сказал Валерий.

— Да, мотор у него не плохой, — согласился Бондаренко и прибавил скорость.

Но и Штунда нажал.

— Владимир Николаевич, разрешите, я крикну, — упрашивал Валерий. Хладнокровие инспектора удивляло его.

— Я сам, — и Бондаренко сложил руки рупором. — Эй, — закричал он, — глушите мотор!

Никто на окрик и не оглянулся.

— Он сворачивает в пролив! — крикнул Валерий. — Уйдет, черт, честное слово, уйдет!..

Инспектор молча управлял лодкой. Казалось, его не удивляло поведение браконьеров.

При повороте в пролив Штунда снизил скорость. Видно, он боялся сесть на мель, и Бондаренко тоже уменьшил ход, хотя и ненамного. Расстояние между лодками становилось все короче. Уже без бинокля видна была широкая, словно литая, спина старшего Лутака с короткой шеей и круглой головой и тоненькая фигура Харитона.

— Вот идол, даже не повернется ни разу! — сказал Бондаренко.

— А Харя подглядывает, — заметил Валерий.

— Характер! — сказал Бондаренко.

Но больше не кричал. Он как будто хотел проверить, у кого крепче нервы, кто первым сдаст. И тут от неожиданного толчка Валерий чуть не упал. Лодка села на мель.

— Шест давай! — приказал Бондаренко. — Быстро!

Валерий схватил шест и перекинул его за борт. Вместе с Бондаренко он нажимал на шест изо всех сил. Но моторка медленно, трудно сдвигалась в сторону, и расстояние между лодками опять быстро стало расти.

— Ч-черт!

Валерий, не размышляя, прыгнул за борт. Воды было по колено, и в сапоги она не попала, только брызги охолодили разгоряченное лицо. Валерий уперся в борт, а Бондаренко подсоблял шестом. Лодка сразу сдвинулась, и Бондаренко запустил мотор.

И опять началась гонка, снова впереди замаячила широкая, литая спина Штунды, красноречивей чего-нибудь иного выражавшая упорство и злобу человека.

Валерий приготовил багор, чтобы взять браконьеров на abordаж, как только лодки сблизятся. Но тут опять сели на мель.

Теперь оба бросились за борт, чтобы столкнуть лодку. Валерий попал в яму и ушел под воду с головой. Однако он был так возбужден, что в первую минуту не почувствовал холода. Достаточно было одного взмаха, чтобы оказаться рядом с Бондаренко. И они стали вместе толкать лодку, но моторка крепко сидела, и прошло немало времени, пока удалось ее столкнуть. А Штунда между тем исчез, как будто его совсем не было.

— Наверное, ушел в какой-нибудь проток, — сказал Валерий. — Весной их тут много.

— Да, дела-а... — протянул Бондаренко. Его лицо выражало озабоченность.

Слева показался узкий, как канал, проток. Но и справа был виден такой же канал, и дальше еще один. В какой из них ушли нарушители? Лутак ведь прекрасно знал, куда они ведут, а Бондаренко только один раз осенью был в этих местах, когда протоки пересохли.

— А куда он ведет, не знаешь? — кивнул Бондаренко на рукав слева.

— Этот — в Барвинок, а тот, что справа, — в реку, — стал объяснять Валерий. — Но есть и такие, что заканчиваются тупиком.

Бондаренко заглушил мотор и стал прислушиваться.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил он.

Валерий не слышал ничего.

— Или они где-то стоят, — сказал Бондаренко, — или перешли на весла. Хитер Штунда!

— Нужно было пугнуть их из пистолета, — сказал Валерий.

— Стрелять — это последнее дело, парень, — отмахнулся Бондаренко. — Лучше давай подумаем, ку-

да он мог свернуть? На фарватер или в Барвинок? Как ты считаешь?

— Мне кажется, в Барвинок. Ведь из Барвинка можно выйти на фарватер, только выше.

— Ну, там его перехватит Юрий Максимович, — возразил Бондаренко.

— Штунда ведь не знает этого.

— Но мы-то знаем.

— А если он переждет и уйдет от наших? А тут мы можем его нагнать, тем более что он теперь на веслах идет.

— Но он ведь мог и в тупиковый проток забраться.

— Пока мы тут обсуждаем, Штунда гребет и все дальше уходит от нас, — волновался Валерий.

— Чтоб не гадать на кофейной гуще, мы возвратимся на исходные позиции, — решил Бондаренко. — Как бы они ни пошли, мы на фарватере будем раньше и дождемся их. Даже если всю ночь простои́м.

Минут через двадцать «Ястребок» вышел на фарватер и бросил якорь. Однако, как ни вглядывался Валерий, браконьеров не было видно.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Как и думал Лутак, инспектор пошел за ним. А Капитон, захватив с собой сети, вышел из Барвинка и поднялся вверх по реке к той рощице на берегу, где дожидался его в «Москвиче» зять Штунды. Лутак должен был прийти сюда же с уловом.

Лодка браконьеров была легче инспекторского катера. Достаточно поведив за собой преследователей, Лутак, наконец, посадил инспектора на мель и свернул в проток, выходящий в Барвинок. Из осторожности мотор заглушили и перешли на весла.

Не знал Григорий Каленикович лишь того, что на его поимку вышли две лодки, и одна из них дожидается в устье Барвинка.

Но сидевшие во второй лодке не имели опыта Бондаренко и вели себя неосторожно. Во всяком слу-

чае, Лутак услышал их раньше, чем они увидели его.

С большими предосторожностями и почти бесшумно отец с сыном выгрузили мешки с рыбой на берег Барвинка и спрятали их в кусты недалеко от моста. На это ушло не более десяти-пятнадцати минут. Теперь можно было отсидеться где-нибудь в тихом месте. Но Григорий Каленикович знал, что его дожидается Капитон, человек нетерпеливый. Он мог со зла возвратиться, а преследователи не уйдут, пока он, Лутак, не покажется. И старый рыбак быстро прикинул, как можно перехитрить безрукого Юрия Максимовича, которого востроглазый Харитон успел разглядеть в лодке из-за кустов. «Более важно, чтобы Бондаренко не напал на след Капитона», — решил Григорий Каленикович и приказал сыну завести мотор.

Но как только лодка показалась из-за кустов, раздался зычный голос Клим Штанько:

— Стой, глуши мотор!

— Кто это? Что за люди? — притворно удивился Григорий Каленикович.

— Ты что же, Штунда, своих с перепугу перестал узнавать? Приставай к берегу!

Обе лодки стали рядом.

— Ну, Каленикович, что ты тут робишь? — спросил Юрий Максимович.

— Да вот в лагерь собрался.

— В лагерь? — удивился третий пассажир, в котором Григорий Каленикович, к великому своему неудовольствию, сразу признал следователя Курносова. — В какой это лагерь вы собрались, Григорий Каленикович?

— Да в «Орленок», вот в какой, — недовольно ответил Лутак, ожидавший такой вопрос. — Правление постановило, чтобы каждый по два трудодня отработал. А я рассчитываю сына отдать в лагерь, вот и собрались мы с ним, чтоб не было выговора от Юрия Максимовича.

— Что правда, то правда, — подтвердил Юрий Максимович, — есть такое решение правления артели.

— Так вам светлого дня мало, что ли? — спросил

злозязычный Штанько. — Или вы в лунатики записались?

— Решили загодя приехать. Отпрацюем от зорьки до захода — вот и два дня.

— А что это тебя понесло в Барвинок? — не унимался Штанько.

— Проклятый радикулит, спаси господи. Думал, короче дорога и меньше придется на воде быть, да чуть не засели на всю ночь.

— Проворный же ты шугать по ровчакам, — заметил Юрий Максимович.

— А рыбку же откуда везешь? — спросил Штанько. — Или и язь вскочил, чтоб радикулит не схватить в сырой воде?..

Все засмеялись этой шутке, только Григорий Каленикович обиделся.

— Шути, да знай меру, — сказал он в сердцах. — Где ты его видишь?

— А мы сейчас поглядим.

— Гляди, гляди, только смотри, чтобы гляделки не проглядел...

— Не сердись, Каленикович, ты же известный хитрец. Голыми руками тебя не возьмешь, — примирительно сказал Штанько, влезая в соседнюю лодку: — Ну-ка, это что за вещь?

— Мешок, не видишь?

— Вижу. А за какой он надобностью?

— Мало надобностей у живого человека, помилуй господи. Или на мешки тоже есть запрещение? — ядовито спросил Григорий Каленикович.

— Ни сетей, ни другой какой-нибудь снасти как будто нет, — обескураженно сказал Штанько, обыскав лодку. — А рыбой пахнет.

— Недаром говорят, курам просо снится, — сердито ответил Григорий Каленикович.

— А куда ж все-таки ты держишь, путь? — допытывался Штанько.

— Говорю ж тебе, в лагерь.

— А «паучок» небось в кустах припрятал?

— Ябедников на том свете за язык вешают, Штанько, ты учти.

— Вот страсти какие! — ужаснулся Клим. — А я, Штунда, еще долго проживу на этом свете, так что не беспокойся обо мне.

— Ладно, поговорили — и расходиться пора, — сказал следователь. — Счастливого пути, Григорий Каленикович, можете двигать.

Штанько возвратился к своим.

— Бувайте! — сказал доброжелательно Лутак. — До новой встречи! — и столкнул лодку в реку.

ПОДОЗРЕНИЕ НЕ УЛИКА

— Не верю я, что он в лагерь пойдет, — сказал Штанько, когда моторка Штунды ушла за мост.

— Это легко проверить, — ответил следователь, — и Лутак не так глуп, чтобы сомневаться в этом.

— А я уверен, что он браконьерствовал, — стоял на своем Штанько. — И не один.

— Почему ты так думаешь? — заинтересовался Юрий Максимович.

— Потому, что Штунда человек осторожный и случайно не вышел бы на нас.

— В этом есть смысл, — признал следователь. — Дальше, Клим!

— А дальше то, что он хочет сбить нас со следа, запутать.

— Что же ты предлагаешь?

— Проследить за Штундой.

— Наивно, Клим. Старого воробья на мякине не проведешь. Удовлетворимся тем, что мы его захватили ночью. И уточним время, когда он возвратится в лагерь. Встретим его в лагере. И сделаешь ты это сам.

— Я?

— Ты, Клим. Вот за этим поворотом, — Виктор Емельянович указал на выступ ниже по течению, — ты сойдешь, чтобы Лутак тебя не засек. А мы уйдем дальше. И всю операцию проведем, не заглушая моторов, так, чтоб создалось впечатление, будто мы не делали остановки. Перехитрим — хорошо. Не клюнет хитрец — мы ничего не теряем.

Клим от удовольствия засмеялся.

— Ручаюсь, что он меня не заметит, — обещал юноша. — Ползком, если нужно, доберусь до моста.

Юрий Максимович сбавил ход, а Клим туго затянул на сапогах выше колен ремешки, чтобы не попала вода. Было не глубоко, и Штанько, сойдя с моторки на ходу, благополучно добрался до берега и скрылся в лозняке.

— Теперь, Максимыч, смотри в оба, чтобы инспектора не проглядеть, — предупредил Виктор Емельянович. — А то он еще может всю музыку испортить.

— Бондаренко не из тех, — вступился Юрий Максимович за своего друга.

— Знаю. Но предупредить не мешает. А вон, кажется, и Бондаренко! — воскликнул следователь. — Вон он из кустов знак подает.

Действительно, в кустах замигал фонарь. Юрий Максимович повернул к противоположному берегу.

— Неудачная погоня может обернуться нам на пользу, — сказал Бондаренко, выслушав рассказ следователя. — За Клима я спокоен — он не выпустит их из виду. А мы подойдем с другой стороны. Тем более что сам Лутак показал нам дорогу. Теперь и ребенку ясно, в какой он ушел проток, если вышел в Барвинок.

— Ай да Штунда! — восклицал изумленный всем услышанным Юрий Максимович. — Так влипнуть...

— Не опережайте события, Юрий Максимович, — строго предупредил Бондаренко.

— Правильно, подозрения еще не улики, — согласился Виктор Емельянович. — Суд принимает в расчет только достоверные факты. А мы пока пользуемся лишь догадками.

— Какие же это догадки! — воскликнул Валерий. — Ведь это факт, что он бежал от нас.

— А если он скажет, что не слышал вашего оклика? Или хотел посмеяться над инспектором? Думаю, ты согласишься, что Бондаренко не может пользоваться любовью у Штунды. Вот и покуражился рыбак над инспектором...

«Как это не просто — уличить преступника!» — подумал Валерий.

— На этом, значит, и договорились, — подытожил Бондаренко. — Мы идем в Барвинок, чтобы занять пост наблюдения у моста, а вы остаетесь здесь.

МЕШКИ С РЫБОЙ

Пришвартовав лодку за мостом, Григорий Каленикович с необычным для него проворством выскочил на берег и пробрался на густо поросший бугор. Здесь, скрытый за деревьями и кустами, он мог в бинокль обозревать реку и оба берега.

Прежде всего, конечно, браконьера интересовала моторка Юрия Максимовича. В бинокль Лутак видел, как вскоре лодка снялась. Он наблюдал за ней, пока она не скрылась из виду за поворотом реки. Но чуткое ухо рыбака долго еще улавливало шум мотора. «Видимо, они действительно ушли», — подумал он и почувствовал облегчение. Фу, чуть не влип! Но в лагерь все же придется сходить, решил он, ведь эта ищейка следователь может проверить, пришел ли Григорий Лутак в лагерь или нет. Но вначале он отвезет Капитону мешки с рыбой. Не для того он идет на риск, ночи не спит, чтобы его трудом попользовались лисицы.

Минут десять сидели молча, отдыхали.

— Ну, пошли, сынок, — поднялся Григорий Каленикович. — Капитон уж, верно, заждался. Только лодку подтянем выше.

Ночь была светлая и тихая, лишь птица какая-нибудь со сна коротенько пропоет, или мышь прошуршит в прошлогодней листве, или гугукнет из роши филин. В такую ночь любоваться бы миром, облаканным луной, яркими звездами, мерцающими в небе, причудливой вязью кустов, склонившихся над рекой. Но браконьеры, воровато пробиравшиеся по мосту, всего этого не видели. Все их мысли были сосредоточены на мешках с рыбой, спрятанных в кустах, и на том, как бы их не услышали и не увидели те, кто стоит на страже всей этой земной красоты.

Мешки были тяжелые, и Харитон смог дотащить свою поклажу только до моста. Кляня все на свете и прежде всего Бондаренко и его общественных инспекторов, Григорий Каленикович высыпал часть рыбы в траву.

— Проклятие! Придется опять сходить... — ворчал старик.

Харитон чувствовал себя виноватым. Тяжело ступая, он шел вслед за отцом и невольно с завистью думал о своем сопернике, Валерке Франчуке, которому не приходится прятаться от людей.

Пот градом катился по лицу, заливал глаза, не хватало дыхания, и подгибались от тяжести ноги. Мешок все же был слишком тяжел для Харитона. И, споткнувшись уже на выходе с моста, он рухнул вместе с мешком. В ту же минуту резкий свет карманного фонаря ударил парня по глазам.

— Пожалел бы сына, Григорий Каленикович, — услышал Харитон знакомый голос. — Жадность человека...

Над ним склонился Клим Штанько.

— Богатый улов, — сказал он, взяв в руки крупную рыбину, выпавшую из мешка. — Одной икры здесь сколько! Эх вы!.. — От злости Клим не мог подобрать подходящего слова. — Мазурики...

— Напрасно ругаешься, Климушка, — быстро и заискивающе заговорил Штунда. — Идем, понимаешь, как положено, в лагерь, и видим — рыба целой кучей свалена в траве. «От, — думаю, — байструки! Видно, браконьеры побросали, забоявшись инспектора».

— Ну, и вы подобрали? — насмешливо спросил Штанько.

— Ясное дело, не пропадать же добру.

— И мешок тут кстати пригодился, — сказал Штанько.

— Вот-вот! — обрадовался Григорий Каленикович. — Ты ж его видел...

— Только был у тебя, помню, один мешок, а тут уж два.

— Другого, Климушка, ты просто не заметил.

- Смотри-ка! — удивился Штанько. — Может, еще и третий найдется?
- Все шутишь...
- Так рыба, значит, не твоя?
- Не наша, как бог свят! Чужое нам не нужно.
- Браконьерская, считаешь?
- А кому ж еще брать носную рыбу? В ей же полно икры...
- Знаешь, Штунда, что бы я с тобой сейчас сделал?
- Ну?
- Зажарил бы на медленном огне вместо вот этого безвинного язя.
- Хе-хе...
- Вот тебе и «хе-хе»!.. Да что с тобой говорить! — безнадежно махнул Штанько рукой. — Конфискую ее как общественный инспектор. Удостоверение показать? — Клим полез в карман.

ТАЙНА СТАРОГО БЛИНДАЖА

После этой ночи Валерия редко можно было застать дома. Матери он говорил, что готовится с товарищем к экзаменам. Действительно, окна в школьном кабинете, оборудованном для занятий выпускников, светились допоздна. Но Евгения Васильевна подозревала, что не только экзамены причина вечерних отлучек. Валерий не успокоится, пока не доищется виновника трагических событий, разыгравшихся в их семье. Отец — вот о ком постоянно думает сын! Однако с ней Валерий на эту тему не заводил разговоров, оберегая, видимо, от волнений. Ранее общительный и жизнерадостный юноша, Валерий стал угрюмым и замкнутым.

Мать была права: после занятий Валерий уходил не домой, а совсем в другую сторону. Тихо и незаметно пробирался он на пригорок, заросший кустами, с которого хорошо была видна дорога к заливу, а значит и к острову ондатр. С Валеркиной позиции просматривались в светлую ночь и все подходы к роще, служившей границей заповедника.

Тогда он вспоминал свой разговор с Курносовым и его просьбу проследить за тем, кто бывает в этих местах. «Значит, и Курносов связывает таинственный выстрел в тот апрельский день с заповедником», — размышлял Валерий. И он старался припомнить, кто у них в селе имеет ружья. Таких людей было немало. Даже у Штунды есть ружье, хотя об этом, должно быть, никто не знает.

После того как Лутака поймали с браконьерской рыбой, прошел месяц. За это время он добился полного оправдания. Потому что подозрение — это еще не улика. Штунда пожаловался прокурору, будто инспектор Бондаренко незаконно наложил на него штраф. И прокурор снял с Лутака обвинение в браконьерстве, так как по свидетельству самого Климана Штанько, конфисковавшего два мешка язя, в лодке обвиняемого не оказалось ни сетей, ни рыбы.

— Рыбу подобрал на дороге, когда шел в лагерь «Орленок», — стоял на своем Штунда и к своему заявлению даже справку приложил, что отработал с сыном на строительстве лагеря два дня.

Может быть, он подозревал, что за ним следят. Во всяком случае, до снятия запрета на лов рыбы Лутак ни разу не выезжал на реку ни днем, ни ночью. Из города тоже никто к нему не наведывался, кроме дочери. А потом, как всегда, звено Лутака, промышлявшее с неводом, стало сдавать в колхозную кладовую рыбы больше всех.

Свои ночные наблюдения Валерий не прекратил и после экзаменов, но перенес их в заповедник, где стал работать лаборантом научной экспедиции. Днем он кольцевал птиц, делал зарисовки и выполнял другие поручения, а по вечерам зорко следил за дорогой от Верхней Лозовки к заливу. Валерий знал только отсюда можно попасть на остров ондатр, который может привлечь преступников.

Дважды Валерий побывал и на самом острове, высокие берега которого предохраняли его от затопления. Именно это обстоятельство, отдаленность ост-

рова, тихое озеро, заросшее тростником и богатое водорослями, и привлекало осторожных зверьков, густой, блестящий мех которых так нравится людям.

Шли дни. Никаких примечательных событий в заповеднике не произошло, и у юноши закрадывалось сомнение, не идет ли он по ложному пути.

В это время — был июль — в заповедник приехал Курносов. Валерий догадывался, что интересуется следователя, но не мог обрадовать его. Кроме работников заповедника и наблюдателей, Валерий здесь ни разу никого не видел.

— И Андрей Потапович захаживает на ваш участок? — полюбопытствовал следователь.

Этот вопрос насторожил Валерия. Да, Андрей Потапович зачастил в последнее время.

— А какие у него здесь дела?

Не зная, что ответить, Валерий опять испытал чувство вины, словно не оправдал надежд следователя. Он стал вспоминать, о чем говорил, чем интересовался неразговорчивый наблюдатель.

— На днях, — ответил он, — Андрей Потапович спросил дядю Костю, не собирается ли тот на отлов лебедей для зоопарка.

Дядя Костя был наблюдателем участка, на котором работал Валерий.

— А что дядя Костя ответил?

— Сказал: «Как прикажет начальство».

Валерий про себя отметил, что такой ответ удовлетворил следователя.

— Если тебе потребуется сообщить мне что-нибудь важное и срочное, сделай это через Штанько. Клим быстро меня найдет, — предупредил на прощание Курносов.

Это предупреждение оказалось своевременным.

Спустя восемь дней в полночь Валерий постучался к своему другу.

— Клим, — сказал Валерий, когда Штанько впустил его в дом, — какие-то неизвестные собираются ловить ондатру. И один из них похож на того длинно-

го, которого я видел из засады у дома Штунды. Хотя разве можно быть уверенным, когда видел человека в темноте, — честно признался Валерий. — Но голос его я на всю жизнь запомнил.

— И никаких примет, кроме того, что он высокий? — живо спросил Штанько.

— Когда он прикуривал, я заметил у него на пальце перстень, — вспомнил Валерий, — но больше ничего, потому что он сразу прикрыл огонек и курил в кулак.

— А с кем он был?

— Вот этого не знаю.

— Могу тебе сказать: с зятем Штунды. Наши общественники засекли.

— Так вы тоже следили! — удивился Валерий.

— Они только машину приметили и решили ее перехватить на обратном пути. Но теперь, раз такое дело, мы ее пропустим, чтоб не спугнуть этих типов. Молодец, Валерка, что пришел!..

— Я лежал в кустах, а они сидели за машиной. Это был «Москвич». И говорили они так тихо, будто чего-то боялись.

— Еще бы! — усмехнулся Штанько. — Браконьерствовать в заповеднике и не бояться!.. Кстати, что они делали?

— Привезли капканы и схоронили в старом блиндаже. Знаешь, у залива. Говорят, там полно змей, в этом блиндаже.

— Вот оно как!

— Только там никаких змей нет, одно вранье. А этот, с перстнем, сховище сделал. Может быть, для этого они и про змей распространяли, чтоб никто не лазил. Как ты считаешь?

— Все возможно, — согласился Штанько, думая о чем-то своем. — Так ты говоришь, что они собираются в субботу? — встрепенулся он.

— Да, в этот день в заповеднике обычно мало народу, разъезжаются, чтобы воскресенье провести дома.

— А сегодня четверг. Ну что ж, Валерий, спасибо за сообщение. Теперь мотай назад, чтоб на рассвете тебя не хватились.

— Я только к матери на минутку.

— Смотри, чтобы в селе тебя не приметили.

И Валерий прошел в ту ночь еще пятнадцать километров, чтобы утром быть на месте в заповеднике. Он возвратился на рассвете и сразу же завалился спать в своей палатке.

Валерию было достаточно двух часов крепкого сна, чтобы встать свежим и бодрым, как будто не было у него никаких ночных происшествий, как будто не прошел он добрых три десятка километров.

Вскоре приехал Штанько и сообщил, что Бондаренко и Курносов решили захватить браконьеров прямо на Ондатровом острове. Но те могут попытаться бежать. Есть два пути: на юг — к блиндажу, на участок Андрея Потаповича, который, видимо, в сговоре с браконьерами и может на время укрыть их, или на северо-запад, в сторону Лебединого залива.

— Поэтому у нас такой план, — рассказывал Штанько. — Браконьеров на острове будут брать Бондаренко и Курносов. В засаде у блиндажа остаются Юрий Максимович с общественниками. Они же берут на себя и Андрея Потаповича. А мы с тобой будем патрулировать в Лебедином заливе.

— Эти прохвосты, увидев нас, могут что-то заподозрить.

— Могут, — согласился Штанько. — Но твердой уверенности у них не будет. Они не хуже тебя знают, что во время линьки шипуна заповедник всегда отлавливает лебедей или кольцует. Недаром этим интересовался Андрей Потапович. А ведь в самом деле ваши собираются кольцевать: уже договорились с директором, и дядя Костя, к твоему сведению, готовит свою «Чайку».

«Чайкой» дядя Костя называл свою парусную лодку с мотором.

— Ну что, старик, подходяще? — весело подмигнул Штанько.

— А когда же мы выйдем? — недоверчиво спросил Валерий.

— С зарей, товарищ гвардии разведчик. Устраивает?

Вышли, как и намечали, с рассветом и вначале шли под парусом. Уже через час прошли мимо острова розовых чаек. С пронзительным визгом сотни птиц кружились над островом, здесь их было более десяти тысяч.

Дядя Костя был чем-то недоволен.

— Не нравится мне этот ветер, — качал головой старик. — Как бы не поднялся горишняк.

Горишняк — ветер, дующий с севера или с северо-запада. Нехороший ветер, знал Валерий, свободно может и в бурю превратиться. Лучше бы дула низовка — ветер с юга.

— Ничего. подует и перестанет, — успокоил Штанько. — Не то время.

— Дай бог! — покачал головой дядя Костя и посмотрел на небо. Он то и дело брался за бинокль — вдруг увидит лебедей, а Валерий и Штанько думали о том, что сейчас происходит на острове ондатр...

— Вижу лебедей! — радостно закричал дядя Костя. — Штанько — на моторе, ты, Валерий, будешь помогать мне брать птицу.

Штанько и Валерий то и дело смотрели в сторону острова ондатр, высокий берег которого был виден в бинокль. «Что, интересно, там происходит?» — мысленно спрашивали себя юноши.

А лебеди стали видны даже без бинокля. Они сбились в кучу и тревожно вертели во все стороны змееными головами. Это были шипуны. С ужасом они смотрели на лодку, которая все ближе подходила к ним.

Какой-то лебедь вдруг закричал, и птицы сразу рассыпались в стороны, будто побежали по воде, размахивая огромными крыльями. Видно было, что они хотят взлететь, но не могут.

Штанько гнал «Чайку» прямо на лебедей, и лодка совсем близко прошла возле одного из них. Дядя Костя ловко набросил на него колпак.

У лебедей совсем не было перьев, он линял. Вместо перьев на крыльях и на хвосте торчали длинные белые палочки. Вот почему лебеди не могли взлететь.

Когда Валерий надел кольцо, дядя Костя быстро мазнул лебедя по спине и сбросил птицу в воду. Лебедь неожиданно закричал. Может быть, от радости или удивления, а может быть, испугался, что сейчас произойдет что-нибудь еще более страшное.

Не ожидая команды, Штанько запустил мотор, и «Чайка» помчалась за другим лебедем. За одним они гонялись с полчаса. Птица оказалась хитрой и увертливой.

Все чаще попадались птицы с зелеными метками. Уже окольцевали двадцать одного лебедя, но никто не чувствовал усталости. Лица у всех были красные, глаза блестели, и никому не хотелось бросать охоты.

— Свежеет! — сказал дядя Костя, хмыкнув в усы.

По заливу перекатывались белые барашки.

— Кончай охоту-у! — приказал он в следующую минуту.

Ветер все крепчал, так что пришлось быстро снять парус. Начиналась буря. И в эту минуту Штанько в бинокль увидел, что от острова ондатр отделилась лодка. Трудно было разглядеть, кто сидит в ней, но было ясно одно: это не «Ястребок» инспектора. Штанько заорал, стараясь перекричать вой ветра:

— Дядя Костя... Они! — и указал в сторону острова ондатр.

Но тот был занят своим суденышком.

Уже не барашки, а огромные волны перекатывались по заливу, то и дело обдавая сидящих в моторке с головы до ног.

Стоял такой грохот, что голоса тонули в нем. У дяди Кости сорвало фуражку, и его седые кудри совсем намокли, а ветер трепал их. Но старик будто ничего не чувствовал. Двумя руками он держал руль и словно прирос к нему, упорно направляя лодку наперерез той, что шла от острова ондатр, и расстояние между ними то сокращалось, то снова увеличивалось.

Прошло немало времени, пока Штанько заметил, наконец, и моторку инспектора. Она была еще далеко, но Валерий узнал ее по высокой кабине.

Дядя Костя вел лодку справа от браконьеров, а Бондаренко собирался заходить слева, чтобы взять

их в клещи. Видно, те поняли, чем это им грозит, и сделали рискованный в такой обстановке крутой поворот. На долгую минуту лодка исчезла за белым гребнем высокой волны.

Валерий недоумевал, сразу не поняв маневра браконьеров.

— Они хотят выброситься на берег, — объяснил старик.

Действительно, в полутора-двух километрах справа над бурлящим заливом возвышалась темная береговая полоса. Валерий заволновался: браконьеры могут бежать. Для этого им достаточно опередить преследователей на десять-пятнадцать минут. К тому же неизвестно, удастся ли вообще дяде Косте подойти при такой волне к берегу и не разбить своего суденышка. У браконьеров и в этом отношении преимущество: их лодка прочней. Казалось, успех операции теперь полностью зависит от того, подоспеет ли инспекторский катер.

— Чего елозишь?.. Воду отливай! — заорал старик, когда Валерий, поглощенный своими размышлениями, бросал работать черпаком.

Вода в лодке все прибывала, несмотря на все старания Валерия и Штанько. «Чайка» могла затонуть. А впереди шла, зарываясь носом в волну, лодка браконьеров, и расстояние между ней и «Чайкой» стало катастрофически увеличиваться.

Валерия охватило отчаяние. Казалось, все их усилия и его бессонные ночи совершенно напрасны. Он готов был броситься вплавь догонять беглецов. Браконьеры были почти у цели, опередив «Чайку» на добрых десять минут ходу, но тут по правому борту вдруг показался «Ястребок».

Сейчас решали минуты, успех дела зависел от того, успеет ли Бондаренко быстро высадиться вслед за браконьерами. А те времени не теряли. Валерий видел, как два человека выпрыгнули из лодки и, не оглядываясь, побежали. Один тащил на спине мешок, у второго за плечами висело ружье.

— Все... Они сбегут! — в сильнейшей тревоге закричал Валерий.

— Как бы не так! — сказал дядя Костя. — Некуда им деваться.

Валерий удивился.

— Почему?

— Потому что остров... Отливай воду!..

Валерий ничего не понимал. О каком острове говорит старик? Впрочем, это уже не имело значения, поскольку и «Ястребок» достиг берега. Валерий сделал резкое движение, как будто собирался вскочить, и лодка сильно накренилась.

— На место! — свирепо заорал дядя Костя, но опоздал.

Валерий полетел вперед, сильно ударившись о что-то головой.

...Когда Валерий очнулся, лодку почему-то уже не качало, как прежде, только слышен был рев и свист ветра.

— Ты жив? — спросил Штанько, на руках которого бессильно повис Валерий.

— Где мы?

Вокруг, насколько хватал глаз, перекатывались волны, а лодка осталась позади. Но там, где они стояли, было неглубоко.

— На, бери! — сказал дядя Костя и протянул Климу ружье. — Я его сам поддерживу...

Штанько схватил ружье и побежал. У Валерия кружилась голова.

— Дурни! — сказал старик, подхватывая Валерия под руки. — Они считали, что берег, а это ведь остров.

Ветер хлестал в лицо, сбивал с ног, и, если бы не дружеские руки дяди Кости, Валерий упал бы.

— Ты не стыдись... опирайся... Ушибся ты здорово, — говорил старик.

— А где они? — спросил Валерий.

— Вон... Ты что, не видишь?..

Юноша повернул голову в ту сторону, в которую указывал дядя Костя, и увидел Клима Штанько с ружьем в руках, а еще дальше можно было разглядеть браконьеров и бегущих по их следам инспектора и следователя.

Неожиданно тот, что бежал впереди Бондаренко,

высокий, тоже с ружьем, повернулся к инспектору и на ходу выстрелил. В наступающих сумерках сверкнула молния.

— Ай бандит! — воскликнул дядя Костя.

Валерий рванулся из дружеских рук старика и кинулся навстречу тому, кто стрелял, но все закружилось перед глазами, и он уже не видел, как Бондаренко нагнал высокого и ударил его прикладом. Высокий как-то странно взмахнул руками, и берданка, которую он держал, ушла под воду. Подбежал Штанько.

Вдвоем со следователем они подняли высокого и держали его под мышки, чтобы он снова не упал.

— Пошли вперед, — предложил Курносов. — Недалеко бугор, я знаю.

Высокий застонал.

— Ничего, до суда выживешь, — в сердцах сказал Штанько.

Становилось все суше, начиналась возвышенность.

— Так и есть... Это остров пеганок, — сказал Штанько.

На бугре Бондаренко стягивал поясом руки второго браконьера.

— Не давался, — сказал инспектор. — Знает приемы самбо...

— А ведь это зять Штунды! — воскликнул Клим, увидев рябого парня, который знал приемы самбо.

Бондаренко как будто не удивился.

— А как ваш? — спросил он.

— Стукнули вы его здорово, — восхищенно сказал Штанько.

Высокий лежал на земле, раскинув руки. На пальце правой руки они увидели широкий перстень. Курносов наклонился, чтобы лучше рассмотреть лицо браконьера.

— Так мы, значит, взяли самого Паука!..

На бугор поднимались Валерий и дядя Костя. Валерий уже совсем пришел в себя и только очень сожалел, что все обошлось без него.

— Нужно осмотреть их лодку, — предложил Клим. — Там, наверное, ондатры...

— Я пойду с тобой, — вызвался Валерий.

— Черта с два они оставили их в лодке! — сказал дядя Костя.

Бондаренко отошел в сторону и стал шарить в кустах. Скоро он принес мешок.

— Вот они, ондатры, — сказал он. — Это самбист выбросил в последнюю минуту.

В мешке нашли одиннадцать ондатр. От них пахло серой, которой браконьеры варварски выкуривали зверьков из их надводных «замков».

КТО ЖЕ СТРЕЛЯЛ?

Следствие по делу браконьеров подходило к концу, когда неожиданно оно приняло опасный для них поворот.

Курносому удалось, наконец, узнать, что мотор «Москвич» за № 563641, стоявший на лодке пропавшего Егора Франчука, зарегистрирован на имя рыбака из Кулишовки. Рыбак сообщил, что приобрел его на рынке у неизвестного. Он помнил только, что это был человек высокого роста. Курносоев показал ему фото Капитона Плюща по кличке Паук.

— Он?

— Он самый, — подтвердил рыбак.

В тот же день Курносоев предъявил мотор Пауку.

— Узнаете?

Паук только на мгновение растерялся.

— «Москвич», — сказал он довольно весело. — Таких на своем веку перевидел тыщу.

— А этот вам ничего не напоминает?

— Полный ноль, гражданин следователь.

Курносоев нажал кнопку звонка, и в кабинет ввели рыбака из Кулишовки.

— Может быть, сейчас вспомните, Плющ? Это рыбак, который купил у вас мотор.

— Что-то не припомню такого покупателя, — все еще крепился Паук.

— Да ты что, забыл? — сказал рыбак. — У меня ведь расписка твоя осталась. Помнишь, ты еще ругался, зачем она мне, и не хотел давать. Потом махнул рукой: «Черт с тобой, если ты такой недоверчи-

вый!..» — И мы еще распили пол-литра, хотя ты уже и до этого был здорово выпивши.

— И ты можешь эту самую расписку показать? — спросил Паук.

— А как же! — И рыбак вынул ее из кармана.

— Смотри-ка! — удивился Паук. — Сохранил.

Рыбака увели.

Курносов встал.

— Плющ, вы убили Франчука?

— Э, нет... Мне еще жить хочется...

— А кто же?

— Это ваше дело искать...

...Потом была очная ставка Григория Лутака с Валерием Франчуком.

— Лутак, — сказал Курносов, — это ваше ружье? — и взял со стола берданку. — Мы ее нашли в старом блиндаже.

— Нет, не моя, гражданин следователь, — торопливо возразил Штунда. — Я же баптист, а по нашим верованиям ружье даже в руках нельзя держать, не то что стрелять из него.

— А вот зять, ваша родня, показывает иное.

— Чирей и в боку сидит, да не родня. Нельзя мне по вере держать ружье. Я за это самое в войну в лагерях отсидел, что не хотел нарушать веру.

— Отсидели вы за дезертирство из армии, не путайте, Лутак, — напомнил Курносов и повернулся к Валерию: — А вам, Франчук, ничего не напоминает это ружье?

Валерий взял берданку и внимательно ее осмотрел.

— Я видел, и не раз, такие берданки, — сказал он. — Даже сам стрелял.

— Хорошо, — сказал Курносов, — а подследственного Лутака, которого вы хорошо знаете, когда-нибудь видели с ружьем?

— Да, видел, — твердо ответил Валерий.

— Брешет он! — закричал Штунда.

— Лутак! — с укоризной покачал головой следователь. — Больше выдержки.

— Прошу прощения, гражданин следователь, но это же брехня.

— Франчук, вы можете вспомнить, где и когда вы видели Лутака с ружьем?

— В начале марта. И тогда же рассказал Кате Сивковой. Можете проверить.

— Хорошо, проверю. А похоже это ружье на то, которое было у Лутака?

— Как будто похоже. Хотя они все одинаковы — берданки...

Так в цепь следствия вплеталось одно звено за другим.

Но кто стрелял в Егора Франчука? И неожиданное показание Плюща: «Пишите, пока не передумал, — стрелял Штунда. Мне еще жизнь не надоела...»

И опять очная ставка. Теперь Лутака с Пауком.

— ...Гражданин следователь, как перед богом каюсь... — плакал Штунда. — Случайность погубила... Не в него, в мотор стрелял...

Да, было синее небо, и ярко светило солнце, когда Егор Франчук захотел взять на буксир браконьерскую лодку.

— Егор, — угрожающе сказал Штунда, — не доводи до греха. Ты ведь жизнь спас мне, а теперь можешь мою и свою загубить.

Но Франчук был не тот человек, которого можно испугать видом нацеленного на него ружья.

— Штунда, — сказал Егор Павлович, — не для того я спас тебе жизнь, чтобы ты тут занимался бессовестным воровством. А своей берданкой ты меня не стращай. Я фашистским «тиграм» на фронте не показывал спину, а ты где в ту пору был? — И, ухватив мешок с браконьерской рыбой, Франчук перебросил его в свою лодку. — Как общественный инспектор, предлагаю следовать за мной! — приказал Егор Павлович.

— Стреляй в мотор! — закричал в ответ Капитон. — А то этот сексот уйдет с нашей рыбой.

Штунда выстрелил, целясь повыше спины Франчука, склонившегося над мотором, но пуля угодила в затылок, и Егор Павлович упал на мешок с браконьерской рыбой.

Выстрел мог привлечь внимание рыбаков на бере-

гу, и Плющ с зятем Лутака сбросили труп в реку, а для верности привязали к ногам убитого двухпудовый камень. Они же потопили и лодку Франчука, предварительно сняв мотор. «Погубила жадность», — сказал по этому поводу Лутак следователю.

* * *

Я приехал в Верхнюю Лозовку уже после суда над Лутаком и его сообщниками. Почти весь день мы с инспектором Бондаренко провели в звене Клима Штанько. Здесь были все молодые рыбаки. Но по многим приметам сразу видно было, что эти люди, несмотря на молодость, хорошо знают свое трудное дело. А главное — бережно относятся к богатствам реки, любят ее всей душой и не только потому, что родились на ее берегах.

Однако меня, откровенно говоря, больше всего интересовал самый младший в бригаде. Это был паренек по виду лет семнадцати, высокий и плечистый, с коротко остриженными волосами и смелым, открытым взглядом удивительно голубых глаз.

— Кто этот юноша? — спросил я у Бондаренко.
— Да это же Валерий Франчук! Помните?..

Е. ШЕДОРОВСКИЙ

**ПОТЕРЯН-
НЫЙ
КАРАВАН**

ПОВЕСТЬ

ПРОЛОГ

Темна и сыра весенняя ночь. Горячий ветер с пустыни Такла-Макан несется над горами, опаяя вечные снега. И тянутся по низинам вязкие туманы, седыми космами ложатся на склоны. Мучительно кричит стреноженный верблюд.

В юрте на кошме, украшенной ярким ферганским узором, сидит женственно полный, безбородый Мирза Джангир. За поясом пистолеты, кошель с золотыми монетами. Верхний халат он сбросил и остался в красном, шелковом, на подкладке из каракулевой шкурки. Из-под курпея торчат большие коричневые уши. Черные раскосые глаза щурятся, и в зрачках бродят багровые отсветы костра. Вкусно пахнет бараниной и пловом.

По другую сторону очага бренчит на домбре слуга и телохранитель Джангира — одноглазый Миржид. С отчаянной скорбью он поет о всесильном Якуб-беке, перед которым трепещет весь подлунный мир, а прекраснейшие женщины умирают от счастья быть рабынями его. Знает лукавый Миржид, о чем петь тайному агенту Якуб-бека, правой руке всесильного хана, легкому, как тень, хитрому, как шакал, смелому, как барс.

Джангир повернулся на бок и закрыл глаза. Он вспомнил свою встречу с Хэври в прошлом, 1874 году. Щедро одаривал его этот англичанин Хэври, чтобы он провел караван к манапу Бурсупу. В горах, окруживших плодородные земли Нарына и Ферганы, столкнулись интересы двух великих стран. С се-

вера наступала Россия, с юга — Англия. Овладев Индией, сыны Альбиона хотели округлить свои владения за счет земли киргизов, таджиков, казахов. Они натравливали правителя Кашгарии Якуб-бека на племена, которые мечтали объединиться с русскими.

Два ханства — Кашгария и Коканд — стояли друг перед другом, как-насторожившиеся гончие. Кашгария тяготела к англичанам, Коканд намеревался склонить голову перед северным соседом. Но в Коканде некоторые правоверные князьки не захотели подчиняться христианам. И вот один из них, манап Бурсуп, начал войну против русских. Но ему требовалось оружие. Он просил его у Якуб-бека, земляка своего. Хэври снарядил огромный караван с оружием и деньгами. Восемьдесят вьючных верблюдов, две сотни лошадей должен провести Джангир через беспокойные горы Коктуна, обогнуть Ферганский хребет, по берегам Тара и Кара-Дарьи добраться до Джалал-Абада, где и должны поджидать его люди Бурсупа.

Утром, чуть свет, караван покинул очередной привал и тронулся в путь, растянувшись на узкой вьючной тропе. Приподнимаясь на стремянах, Джангир оглядывал пики с курящимися дымками облаков, снежные карнизы, висящие на обрывах, безмятежное темно-синее небо. В горах не слышно было гула обвалов. «Всемогущий аллах, пронеси!» — молился Джангир.

Он знал коварство вечных снегов. В оттепели они приходят в движение, хоронят под собой караваны и кишлаки, засыпают тропы и разбивают овринги — шаткие мостки из прутьев, устроенные там, где природная тропа перекрыта отвесной скалой.

Джангир хотел провести караван через Тамбекский перевал, который поднимался на трехкилометровую высоту, протянувшись через седловину Алая до истоков Кара-Дарьи.

Вдруг он заметил вдали одинокого всадника. Тот разглядывал караван в бинокль.

— Миржид! — крикнул Джангир и ударил плетью своего скакуна.

Верный телохранитель сбросил с плеч карабин и помчался следом за Джангиром.

Всадник повернул лошадь.

Зоркий глаз Джангира заметил на нем погоны и военную фуражку. Это был европеец — вероятно, русский. Всадник, конечно, догадался, зачем спешит в Коканд караван из Кашгарий. На перевале русские устроят засаду и перебьют кашгарцев, которых тайно, с большой осторожностью вел Джангир.

Конь у всадника был резвый. И как ни хлестали Джангир и Миржид своих лошадей, расстояние не сокращалось. Тогда Миржид стал стрелять. Всадник перемахнул через ручей, легко взлетел на гору, проскакал по оврингу. В этот момент пуля настигла его лошадь. С маху она упала на задние ноги. Но всадник успел соскочить с седла. Он свернул с тропы и скрылся в камнях.

Миржид, обогнав Джангира, мчался, не разбирая дороги, держа на весу маленький, с винтовым нарезом английский карабин. С крупа его лошади слетала серая пена. Как обезумевшая, она понеслась по оврингу и встала на дыбы перед раненой лошадью русского. Шаткие колья, вбитые в расщелины скалы, не выдержали тяжести. Овринг рухнул в ущелье. В пыли и камнях Джангир успел заметить бараний курпей слуги. Через секунду вода подхватила его и скрыла в черном гроте ледника, куда обрывался поток.

Погоня не удалась. Строить новый овринг и каждый час ожидать нападения русских Джангир не захотел. Ночью он повернул караван в сторону от Тамбекского перевала на другую тропу, известную только ему.

Русский офицер был прапорщиком Веденниковым. Он проводил топографическую съемку восточной части Алайского хребта. Спасшись от погони, прапорщик сразу же написал донесение генерал-губернатору Кауфману и с семиреченским урядником отправил письмо в Ташкент. Зная о том, что кашгарский правитель помогает восставшему в Коканде князьку, Ве-

денников правильно предположил, что огромный караван в больших вьюках везет оружие и, разумеется, деньги для подкупа других манапов.

Кауфман немедленно связался с полковником Скобелевым, который в то время находился в Коканде с карательным отрядом. Две казачьи сотни прошли через мятежные районы Коканда и перекрыли тропу на перевале, но караван Джангира так и не появился...

1. СТАС

Длинный, всклокоченно-рыжий Стас носит огромные очки и ботинки сорок шестого размера. Он похож на верблюда. У него острые лопатки и узкая спина. О себе Стас поет на мотив «Веселого мальчика из Карабаха»:

Лихо надета набок папаха,
И вопросительным знаком спина.
Поэтом, художником, сельским учителем —
Так называют всюду меня.

Никакой он не поэт, и не художник, и тем более не учитель. До учителя еще далеко... Наверное, наши космонавты долетят до Венеры; прежде чем мы станем учителями истории и разъедемся по долам и весям нашей большой страны. Мы только что закончили третий курс истфака. У нас каникулы и много радужных планов, которые мы собираемся с честью осуществить.

Он, конечно, меня засмеет. Он ни во что не верит. Тайны для него кончились, как только он пошел в школу.

Но я люблю Стаса. И когда его нет, тоскую по нему. И кажется, что нисколько он не циник, а просто человек с критическим отношением к действительности, и стихи начинают нравиться, и его натюрморт перед моей койкой — кета с картофелем и бутылка цинандали — становится настоящим шедевром. Этот натюрморт Стас сотворил за два дня до стипендии в зимнюю сессию. Помню, я чуть не поколотил Стаса,

но у меня оставалось мало калорий. Я заскрежетал зубами, а Стас с невинной ухмылкой повесил на стену натюрморт и сказал:

— Пусть эта еда напоминает тебе, Егорушка, о прелести бытия в студенческие годы.

Змей!

Стаса я возьму в экспедицию.

Возьму и Ляльку. Эта двинет хоть на Луну. Зря Лялька учится на литфаке, ей бы надо стать геологом или каким-нибудь ботаником. Лялька походит на ящерицу — тонкая, худая, остроносая, с маленькими любопытными глазами. Товарищ она замечательный, верный.

Кого взять еще? Не мешало бы прихватить пару альпинистов, но хорошие уже разъехались, плохих не надо. Хотя... Конечно, мысль! Юрик где-то там в гидрометслужбе. Он обязательно пойдет. Чернобородый бродяга с ясными глазами младенца. С ним вместе я учился в школе. Он был самый тишайший в классе и сидел на передней парте, поедая голубыми глазами учительницу. Но я-то знал: он смотрел — и не видел, он слушал — и не слышал. Он мечтал. Мечтал о горах. После окончания школы Юрик уехал на Тянь-Шань и устроился рабочим в гидрометеослужбу.

Итак, Стас, Юрик, Лялька и я. Где бумага? Немедленно напишу Юрику.

«Старина! Извини, не писал. Сдавали экзамены и писали сочинения. Теперь в каждой листке бумаги вижу кровного врага. Наверное, не писал бы еще, но недавно, копаясь для будущей курсовой в архиве стопочтеннейшего Кауфмана — бывшего сыр-дарьинского и семиреченского генерал-губернатора, я наткнулся на чрезвычайно любопытный документ почти столетней давности...»

Словом, я рассказал Юрику о письме прапорщика Веденникова генерал-губернатору Кауфману, в котором он сообщил об огромном караване Джангира, об оружии во вьюках для мятежного манапа Бурсупа. Юрка — светлая голова. Поймет. Может, ему удастся выудить что-нибудь любопытное на месте. Сейчас нам важно узнать:

1. Куда направил Джангир свой караван после встречи с Веденниковым?

2. Что произошло с ним, если он не пришел в Джалал-Абад и не вернулся обратно в Кашгарию?

2. „ВПЕРЕД, ЧЕРЕЗ МОРЯ!..“

Мы приземляемся во Фрунзе. Стюардесса открывает дверь, и в салоны врывается горячий воздух Азии.

Мы бодро дефилируем по аэровокзалу. Стас декламирует Камознса, размахивая свободной рукой: «Вперед, через моря, которые никто до нас не переплыл!..» Он шалест от вида лучезарных пиков, крупных орхидей и тюльпанов, самобытной толпы в тубетейках и чалмах, в расписных халатах и полосатых рубахах.

Вдруг из толпы выходит милиционер-киргиз. Он вежливо козыряет и спрашивает Ляльку:

— Вы не из Социалистической Республики Румынии?

— Нет. Мы из Москвы.

— Тогда нехорошо, девушка... — Он укоризненно качает головой и показывает на шорты. — Вводишь, понимаешь ли, в заблуждение...

Пришлось Ляльке натягивать длинные брюки.

А еще через мгновение подкатывает мотоцикл с коляской, и мы видим Юрика в одежде пионера Дикого Запада — в широченной ковбойке, сапогах, брезентовых штанах и широкополой мятой шляпе. Он лупит по нашим хрупким, белым спинам, щекочет окладистой бородой, излучая радостный свет из голубых, окаймленных черными ресницами глаз.

Мчимся по прямым тенистым улицам. Ощущение — едешь по сплошному саду. Только изредка мелькают из-за густой акации и тополей розоватые бока домов.

Ныряем в переулок, вспугнув дремавшего ослика. Домики одноэтажные, с глухими заборами. Юрик в одном из них снимает угол.

Во дворе прямо перед глазами висят тугие ябло-

ки. В саду прохладно. Пахнет сушеным урюком, маком, укропом и заплесневелой водой в арыке.

Юрик ведет нас заросшей тропой в глубину сада. Под яблонями разбита четырехместная палатка. Внутри душно, темно. На раскладушках лежат спальные мешки из собачьих шкур. Как отважный землепроходец, Юрик спит здесь летом и зимой.

Душ окружен заборчиком из фанерных листов. Чтобы он работал, надо сначала натаскать воды в железный бак наверху. Мы носимся из кухни к баку с ведрами воды и обливаемся холодным, реденьким дождичком.

Крепкий зеленый чай, варенье ложками, душистый воздух сада настраивают на благодушие. Юрик достает две огромные зеленые папки с надписью: «Документы, догадки, мысли».

Чего только не насобирал он! Здесь и выписки из путеводителей, сведения о походах Александра Македонского и Марко Поло, копии документов из местных архивов, датированные прошлым веком. Однако он не терял времени зря — поработал и в архиве и в музеях, расспросил историков, краеведов, разыскал и людей, побывавших в интересующем нас районе.

Сразу же возникает спор. Судя по описаниям, знаменитый венецианец двигался по тому же району, по которому пойдём мы.

Но мы не знаем, какой вид транспорта избрал он для путешествия. «От великого холоду и огонь не так светел и не того цвета, как в других местах, и пища не так хорошо варится... Сорок дней едешь на северо-восток и восток, все через горы, по склонам гор да по равнинам, через много рек и пустынных мест...» — читает Юрик.

Стас карандашом ведет по карте линию.

— Скучно. Старик Марко был порядочным конспиратором, — вдруг останавливает Стас.

— Нельзя так говорить о великом путешественнике, — сурово предостерегает Лялька. — Дай карандаш.

Она берет чистый лист бумаги и ставит первый знак «S».

— Какова приблизительно скорость движения Марко Поло?

— Смотри на ком он ехал! — Стас привык к непогрешимости своих суждений и дерзит.

— Вероятно, на лошади, — вмешивается миротворец Юрик. — У него же ясно сказано «едешь». Не ехал же он на своих двоих?

— А может, на верблюде? — Стас ехидно щурит глаз.

Верблюд или лошадь — это имеет принципиальное значение для скорости. Лошадь в горах движется со скоростью семи-десяти километров в час, верблюд — не быстрее двух. Лялька берет за искомое среднее число. Лист быстро покрывается значками и цифрами. Стас уже заинтересованно следит за ее карандашом. Меня же при виде цифр и формул, как всегда, одолевает робость.

Наконец Лялька пододвигает карту:

— Итак, путь Марко Поло — разумеется, предположительно — можно установить по следующим точкам: вверх по долине Пянджа — перевал Харгуш — долина Восточного Памира — Тянь-Шань — перевал «игрек» — Кашгар.

— Перевал «игрек» — это как раз тот, где исчез Джангир!

— Интуиция или голый вымысел? — осведомляется Лялька.

— Черт возьми! — вскакивает Стас, не обращая внимания на ее слова. — Мы пройдем еще и по дороге Марко Поло! Переживем то же самое, что и этот венецианец семьсот лет назад.

— Не забывай, ты прилетел сюда на самолете за пять часов и ешь, прости, варенье, колбасу и шпроты, — говорит Юрик.

— Конечно, сейчас никого не удивляет, если один плавает по Индийскому океану в холодильнике, другой переплывает Ла-Манш в ванне. Это не путешественники, а трюкачи: все для саморекламы! Но и сегодня жив неистребимый дух подлинно научного поиска.

Все это взволнованно выпаливает Стас — великий

скептик, который тоску по неведомым дорогам прикрывает ядовитым нигилизмом.

Юрик перелистывает несколько страниц своих записей:

— В 1675 году царь Алексей Михайлович отправил в Бухару посольство во главе с неким Даудовым. Потом Петр Первый послал военный отряд князя Бековича-Черкасского. Но тот пропал без вести. Даже поговорка есть такая: «Пропал, как Бекович». Видно, отряд погиб от голода и жажды.

И вот настала вторая половина девятнадцатого века. Под видом дервишей, торговцев, путешественников в Коканд, Кашгарию, Хиву проникают английские агенты, завербованные из местных жителей. Вот посмотрите, как о них отзывается вице-король Индии Керзон: «Эти безыменные, известные только по вымышленным именам или даже только инициалам разведчики много добавили к географическим знаниям о пограничных с Индией областях».

Юрик раскрывает новую папку и выдерживает долгую паузу.

— А теперь обратимся к каравану, который нас интересует. Когда прапорщика Веденникова заметили, то Джангир послал за ним погоню. Нужно было убрать свидетеля. Но догнать Веденникова не удалось. Что делать Джангиру?

— Постараться замести следы, — говорит Стас.

— Правильно. Но обратно ему пути нет. А впереди его теперь наверняка будет ждать засада... Есть ли третий путь?..

— Ну, не томи! — нетерпеливо выкрикивает Лялька.

— Он направляет караван выше Тамбекского перевала! Вот сюда...

Мы без труда находим на карте перевал с отметкой «3200».

— Он торопится, — продолжает Юрик, — подгоняет уставших лошадей, верблюдов, мулов — и вдруг происходит какая-то катастрофа... Какая? Мы должны разгадать эту тайну!

— А может быть, сохранились какие-нибудь до-

кументы? — мечтательно говорит Лялька. — Ведь прошло всего сто лет...

— Да, будет у тебя материал для курсовой работы. Ученый совет отметит: «Написано на основе оригинальных, вновь открытых автором материалов. Поэтому считаем возможным присудить автору сразу степень доктора исторических наук». Быть тебе доктором, Лялька! — подвожу я итог.

Лялька смеется.

Итак, в путь!

3. ЛЕТИМ К СЕРЕБРЯНЫМ ГОРАМ

Всеми последними покупками руководит расторопная Лялька. Стас исполняет роль носильщика. Мы с Юриком, выправив все необходимые документы, уговариваем начальника вертолетной службы, чтобы нас высадили не там, где садится рейсовый вертолет, а на полпути, у подножия Тамбекского перевала. Но начальник непоколебим:

— Если вы хотите лететь туда, то закажите спецрейс.

— А сколько это будет стоить?

— Двести сорок рублей в час.

— Новыми?

— Разумеется.

— А долго лететь туда?

— Семь с половиной часов. Столько же обратно.

Итого пятнадцать. Внесите в кассу три тысячи шестьсот рублей и летите хоть вокруг шарика.

Мы молчим, ошарашенно разглядывая начальника.

— Ну что ж, летим на рейсовом до конечного пункта, — говорит, вздохнув, Юрик. — Сколько стоит билет?

— Четырнадцать рублей.

Это подходит. Весь вечер мы утрамбовываем рюкзаки. У каждого надувной матрац, спальный мешок, семь килограммов продовольствия, смена шерстяного белья, альпинистские крючья, кольца, кошки, ледоруб, реп-шнуры. Рюкзаки стонут. Я пробую поднять, и в глазах мельтешат красные круги.

— Мальчишки, разделите часть моего имущества! — категорически заявляет Лялька.

Мы вытряхиваем содержимое рюкзаков: неуклюжие, как глубоководный скафандр, штурмовки и горные ботинки из кожи самого толстошкурого буйвола. Начинаем отбрасывать то, без чего можно обойтись. Вместо четырех ледорубов берем два. Из двух комплектов теплого белья выбираем один.

С болью расстаемся с банками конфитюра и компота, пачками малокалорийного концентрата и чая. Оставляем аптечку. За сахар ратует Юрик:

— Это же чистейшая глюкоза! Идет прямо в кровь, сгоняет усталость!

Лялька в задумчивости смотрит на свой транзистор.

— Мы будем оторваны ото всего мира...

— Долой радио! — сжимая кулаки, кричит Стас.

На рассвете мы выезжаем на аэродром. Вылет откладывается. На трассе туман. Из-за гор поднимается солнце и начинает нас поджаривать. Мыкаемся с тяжеленными рюкзаками в поисках тени. В голове туман и неопределенность. Спать не дает звонкий голос диктора: «Граждане пассажиры...» Он заставляет вздрагивать и прислушиваться к чужим рейсам, посадкам, встречам, взлетам.

Сморенные жарой и усталостью, наконец, засыпаем на рюкзаках в тенистом, влажном от испарений арыков скверике аэропорта. Потом до сознания долетают гневные слова: «Где вы пропадаете? Немедленно на посадку!»

— Смотрите, отстанете. Бегите на посадку! — вопит дежурный по аэродрому.

Согнувшись под рюкзаками, как мулы, рысью мчимся к чудовищу, изрыгающему грохот и дым. Бортмеханик захлопывает дверцу и по металлической лесенке взбирается в кабину пилотов. Вертолет, напрягая мотор, переступает с ноги на ногу. Наконец, взбив вихрь пыли, машина отрывается от земли. Голубеющие вдали горы опрокидываются на нас. Вертолет разворачивается, нацеливаясь на долину с белой змейкой реки.

Прижавшись к холодным иллюминаторам, смотрим вниз. По вьющейся тропинке пылит цепочка овец. Двое всадников скачут по равнине. По угольнику кукурузного поля, как жук-травоед, ползет комбайн.

— Ну, здравствуй, страна гор! — произносит Стас. — Цивилизация и комфорт — побоку! Путешествие началось всерьез и надолго...

Мы глядим друг на друга и улыбаемся. Кто из путников не испытывает волнения, когда делает первый шаг по неведомой дороге?!

...Зелень долины пропадает. Теперь земля оранжевая, в трещинах скал, как в ранах. Рядом, в каких-нибудь метрах двухстах, величественно проплывают искристые вечные снега.

Вертолет начинает снижаться. Минуем границу снегов, едва не коснувшись волнообразного ледника.

— Что случилось? — спрашивает Юрик, поднявшись к пилотам.

— Попробуем разогнаться и перемахнуть через эту горку, — отвечает пилот и прибавляет газ.

Мотор взывает. Стремительно несутся мимо камни, заросшие колючим верблюжатником. Мы будто сами лезем в гору.

Вертолет зависает на месте. Мотору в разреженном высотой воздухе не хватает кислорода.

— Придется в обход, — сердито бросает пилот, сбавляя газ. Мы проваливаемся обратно в долину.

Дрожат тонкие стенки вертолета, покачивается на мягких прокладках запасная рация, нервно трепещет барограф на пружинах. Что-то давит спину. Пытаюсь отодвинуться к желтому пузатому баку с бензином, но через минуту это «что-то» опять пододвигается ко мне. Не выдержав единоборства, вытаскиваю из-под рюкзака ногу и поворачиваюсь. На меня нацелено дуло карабина. Стас, зажав его между колен, преспокойно спит, накрыв глаза беретом.

Со злостью толкаю Стаса:

— Убери эту штуку! Она может выстрелить.

Стас подтягивает карабин к себе и, обняв ложу, снова засыпает.

Когда вертолет добирается до места, мы вытаскиваем рюкзаки и остаемся посреди узкой долины. Под ногами шуршат мятник и колючие кустики верблюжатника. Недалеко упрямо взобрался на склон лесок голубых памирских елей. А выше леса уже голые скалы, и на самой вершине — снег. Около ледяных круч виднеется облачко. Там метель.

Мы не хотим идти в саманную избушку, а ставим палатки на окраине поселка. Деревя здесь нет. Камней сколько угодно — и гранитов, и розоватых мраморов, и тусклых песчаников. К ним и привязываем растяжки.

Солнце ушло. Краем гор обходит нас золотистая заря. Надуваем резиновые матрацы, стелем спальные мешки. Юрик деловито вспарывает охотничьим ножом консервные банки для бульона.

— Ой, мальчики, мне плохо! — вдруг заявляет Лялька.

— Так и знал! — произносит Стас. — Никогда нельзя брать с собой женщин. Из-за них погибали лучшие экспедиции.

Я молчу, уставясь на красноватый костер. И мне плохо. Непривычен для нас, жителей равнины, горный воздух, в котором очень мало кислорода.

На огонек заворачивает к нам всадник. Он проворно выбрасывает из седла свое маленькое гибкое тело, подходит к костру.

— Салам алейкум, — произносит он, с любопытством рассматривая нас.

— Салам, — отвечает Юрик.

— Геология?

— Искатели, — бурчит Стас.

Юноша-киргиз понимающе кивает головой.

— Мы можем нанять лошадей здесь до Тамбекского перевала? — спрашивает Юрик, подавая гостю кружку бульона.

— Зачем нанять? Сам пойду.

— Одной лошади не хватит.

— У меня три.

Нашего неожиданного попутчика зовут Авезов Мамед. Он работает в здешнем колхозе и завтра со-

бирается ехать к чабанам за мясом. Договариваемся, что он разбудит нас на рассвете. Добрые здесь живут люди...

По-южному быстро темнеет. Тишина опускается на дотлевшие угли костра, на камни, к которым прижались палатки.

...Мамед резвым щелканьем бича дает знать о себе. Вылезаю наружу — и замираю на месте, пораженный странным светом гор, неба, земли. Все синее.

— Мы на планете Гончих Псов! — кричит Стас, прыгая на одной ноге, пытаюсь надеть брюки.

Мамед равнодушно оглядывается — его не удивляет знакомый ему мир. Он ловко выучит лошадей нашими рюкзаками.

Перед отъездом заезжаем к председателю колхоза Балыкову Актабаю — тощему киргизу с седой жиденькой бородкой, темным лицом и умными глазами, полуприкрытыми верхними тяжелыми веками. Не спеша он проверил наши документы и сказал, что там, куда мы держим путь, никого нет, полнейшее безлюдье. Правда, в пятнадцати километрах к югу — погранзастава. Если что случится, то нужно обращаться туда.

— Как найти ее?

Председатель скептически осматривает нашу карту и показывает на тропу, которая, отделяясь от тропы Тамбекского перевала, ведет через ледник к долине, где и находится застава.

— А геологи или топографы там не работают? — спрашивает Юрик.

— Нет, — твердо отвечает Балыков. — Повторяю, вы там одни, так что будьте очень осторожны. В горах опасно. Метель, обвал, холод.

— Нуждаетесь ли вы в чем-нибудь? — спрашивает на прощание Балыков.

Мы ни в чем не нуждались. Поблагодарив, отправляемся в путь.

Некоторое время еще виднелся внизу глинобитный кишлак, но вскоре он исчез за поворотом. Мы круто забирались в гору.

...Тропинка то расширяется, то сужается, но неизменно держится берега реки. Видимо, тот, кто прокладывал ее первым, опасался безводной возвышенности и вязал петли вместе с рекой. Иногда тропу можно срезать, но Мамед энергично протестует:

— Не знаешь гора, не ходи гора!

— Но почему? — возмущается Стас.

— Первый шел не дурак. Лучше знал, чем мы с тобой.

Мы смолкаем, догадываясь о восточном, почти фанатическом уважении к тропе. Тропа — это единственная безопасная дорога.

Губы стягивает непривычная сухость. Подковы лошадей звенят на камнях. Мы идем, стараясь делать размеренные шаги. Горные ботинки, огромные и тяжелые, как утюги, выматывают нас.

Стас прыгает с камня на камень.

— Горы не любят дураков! — кричит Мамед.

Юрик идет впереди. Невысокого роста, какой-то квадратный от широченной штурмовки. Размеренны его шаги. Дыхание глубокое, ровное. Он не чувствует усталости. Мы же то и дело сбиваемся с шага, семеним, торопимся.

Иногда тропа бежит по самой кромке обрыва. Мамед в этих случаях берет переднюю лошадь под уздцы. Лошадь косит печальным фиолетовым глазом на обрыв, осторожно переставляет копыта, помахивая хвостом от волнения. Иногда тропа разбегается до ширины доброй арбы, и кони приободряются, весело пофыркивают, пытаются ущипнуть придорожный кустик.

Постепенно мы замечаем, что на пути все меньше встречается лужаек, заросших травой, все темней становится небо, и больней саднит обгоревшая кожа на лице и руках. Солнце жарит без милосердия.

— Привал! — зычно кричит Мамед. — Это последняя лужайка, где есть трава.

Мы ложимся на теплую землю. Где-то свистят улары — горные курочки. Попискивает цыпленком маленький ручеек внизу под камнями. Ноги и плечи гудят, как орган. От яркого солнечного света закры-

ваю глаза, и сразу наваливается сон. Что-то покалывает кожу. Идет снег! Лето, тепло — и вдруг снег. Он летит к нам с вершин — колючий, твердый горный снег.

Так тепло и покойно, что не хочется ни двигаться, ни ломать для костра колючий и жалящий, как крапива, верблюжатник, ни ставить палатки. Но дежурство сегодня выпадает на мою долю. Встаю и отхожу к кустам верблюжатника, надевая рукавицы. Даже сквозь брезент чувствую сотни крохотных колючек.

...Наш путь пересекает небольшая, но очень быстрая ледяная речка. Мамед сначала перевозит рюкзаки, потом берет с собой Ляльку. Лошадь разворачивается корпусом навстречу потоку и медленно идет по воде. Юрик тоже переправляется удачно. Но спорится дело у нас со Стасом. Лошадь кружит вокруг нас, длинноногих седоков, отчаянно подкидывая задом. С трудом утихомириваем разволновавшегося конька и направляем его к речке. Животное, прогнувшись под нашей тяжестью, выходит на середину и сердито ударяет передней ногой.

— Милая лошадка, — уговаривает Стас, нервно поглаживая потный лошадиный круп.

Ноги наши попадают в воду и сразу деревенеют от судороги. О, если сейчас лошадка снова вздумает подкинуть задком!

Я наклоняюсь к самой морде и толкаю в тряпичные сухие губы кусок сахара, который у меня оказался в кармане штурмовки.

Лошадь, похрустывая сахаром, оглядывается назад, раздумывая, не вернуться ли ей обратно.

— Стас! Немедленно сахар!

— У меня нет. Он остался в рюкзаке!

Глажу, глажу грязную лошадиную холку:

— Ну, иди, голубушка, иди...

Вздыхнув, лошадка трогается дальше, скользя на гладких подводных камнях. Она, наконец, вскакивает на кручу берега и с радостным ржанием мчится

к своим товаркам. Нам удастся спрыгнуть на ходу.

— Я не поседел? — Стас снимает берет.

— Кажется, нет, — неуверенно произношу я. — По-моему, у рыжих и в глубокой старости не видно седины.

Вечером горы окрашиваются тревожным багрянцем заката. Снег становится алым. Воздух прозрачен и недвижим. Нагромождения камней, выступы скал, крупная осыпь изменяют форму, издали выступают фантастические фигуры драконов. Под ногами угрожающе, как заклинание, шуршит сухая трава.

И мы здесь одни.

Далеко впереди вижу какие-то искорки. Цок — искра. Цок — искра.

— Что это? — шепчу Мамеду.

— Подковы высекают, — тихо отвечает Мамед.

Даже привычное вдруг становится загадочным и страшноватым.

4. ГОРЫ НЕ ШУТЯТ

Тропинка нам кажется канатом, который вытягивает за шею в гору. И чем круче она поднимается вверх, тем сильнее стягивается петля. В горле что-то скребет. Рядом с огромными скалами, с чудовищными цирками и трещинами мы походим на муравьев, орудующих в каменной завали.

Под слоем морены — лед. Иногда вдруг особенно гулко начинают бухать наши ботинки. Значит, идем над пустотой, образованной водой, которая проточила в твердом тысячелетнем теле ледника и гроты, и глубокие щели, и цирки, и разные другие ловушки.

Часто щели выступают на поверхность. В некоторых цирках скопилась вода — прозрачная, едва уловимая глазом. Первое время мы пьем ее — нас мучает жажда. Вода безвкусная, без солей, не утоляет жажды. Только идти труднее.

Вдруг мы теряем тропу. Путь преграждают два гигантских цирка. Ледник в них обнажен до морены. Черные, влажные бока цирков круто уходят вниз и заканчиваются воронками с водой. Мамеду с ло-

шадьми приходится возвращаться назад и искать другой путь. Мы же решаем идти по острому, как хребет у замороженного коня, краю одного из цирков.

Первым ступает на шаткую дорожку Стас. Камешки выскользывают из-под ног и мчатся вниз, стуча, как кастаньеты. За ним трогаюсь я. Ботинки едва умещаются на ребре цирка. Лед покачивается, словно он вдруг потерял твердое основание и поплыл по волнам подземного моря. Стас садится и, перебирая руками, начинает двигаться. Вдруг он, сильно качнувшись, скользит к воронке. Пытается задержаться ботинками, но трикони не могут зацепиться за твердь льда. Секунда — и Стас с головой погружается в воду.

— Стас! Миленький!.. — кричит побелевшая от испуга Лялька.

Стас выныривает, отфыркиваясь, как морж. Он бьет изо всех сил руками по воде, стараясь удержаться на плаву, но мокрая одежда тянет его в глубину.

Ледорубы у нас уехали с лошадьми. Юрик выхватывает из ножен свой охотничий нож и, торопливо делая ступеньки, спускается на помощь. У меня на поясе реп-шнур. Разматываю его и бросаю конец Юрику.

Каким-то чудом Стас умудряется зацепиться за край воронки.

— Ребята, вода крутит, вниз тянет! — жалобно кричит он.

Юрик работает яростно и быстро. Нож звенит о лед.

— Ножом зацепись! — кричит Лялька Стасу.

— Я не могу, я уже...

Зажатый, судорогой в ледяной воде, Стас никак не может догадаться воткнуть свой нож в край льда, тогда бы было легче держаться ему на плаву. Лялька кричит на него. Стас только жалобно стонет. Силы покидают его.

Юрик все прорубает ступеньки. Как медленно опускается он! Но Юрик знает: если сорвется — обо-

им крышка. Несчастные дилетанты! Пижоны! Вот когда доходят до нас мудрые слова Мамеда о том, что тот, кто прокладывает первую тропу, был не глупее нас и тропе надо всегда доверять.

Наконец Юрик добирается до Стаса и подает ему руку. Стас почти повисает на ней. Даже коротконогий, словно вросший в землю, Юрик качается от напряжения. Кажется, еще мгновение, и он бухнется в воду вместе с тяжелым, длинным, неподвижным, как куль, Стасом. Но нет, выволоч, ложится на лед, зацепившись носками ботинок за свои крохотные ступеньки. В это время я наращиваю реп-шнур ремнем. Хоть на метр, но Юрику будет легче.

Вот они ползут, напрягая все силы. Ну, еще немного!

Бросаю конец. Юрик протягивает руку. Нет, не хватает... Одной рукой он держит одеревеневшего Стаса, другой снова начинает рубить лед, углубляя ступеньки.

Наконец реп-шнур натягивается тетивой. Теперь очередь за мной. Держу его, почти повиснув над краем другого цирка. Тонкий капроновый шнур вливается в руки.

— Лялька! Куда ты смотришь?

— А что делать, Егорушка?

— Помоги!

— А как?

— Тьфу ты, коза безрогая!

В конце концов мы выбираемся из злополучных цирков. Стас вымок до нитки. Но это ничего, высушим. Плохо, что у него начисто сорваны ногти. Юрик ножом поранил руку. Я отделался испугом. Лялька порвала свои новые брюки. Теперь, когда все страхи прошли, мы впервые за все время крепко переругались. О, как только мы не называли себя! Клянусь, даже самая озлобленная супружеская чета при разводе не употребляет столько бранных слов. И только после того как мы поклялись больше никогда не ходить в горы вместе, Стас, оскорбленный больше всех, пролепетал:

— Ну, а как с Джангиром?

...Мы простились с Мамедом. Он свернул на другую тропу, которая вела к чабанам. Теперь мы сами несем огромные, надутые, как футбольные мячи, рюкзаки. И когда солнце пикирует на гору, торопливо ищем место для ночлега, таскаем для костра метелочки верблюжатника, бог весть откуда попавшие на ледник, выстилаем плоским песчаником площадку, чтобы ставить палатку не на голый лед. Напрягая до боли легкие, надуваем спальные мешки; и пока делаем все это, солнце скрывается, и сразу наступает ночь. Слабо пофыркивает костер, и шипит, падая из котелка, вода, которую мы добываем из снега. Топлива нам хватает только на то, чтобы вода едва согрелась и быстрее растворился в ней сгущенный кофе.

Потом снимаем смерзшиеся ботинки-глыбы, кладем их под головы и забираемся в спальные мешки. И сразу начинает болеть натруженное за день тело — ноют ноги, саднят плечи, горят руки. В крошечной тьме слабо светятся огоньки наших сигарет.

Нам чудится, что время улетело назад на целых сто лет и где-то далеко позванивают колокольчики каравана Джангира. Понуро цокают по камням лошади, бесшумно плывут верблюды, и мрачные погонщики в чалмах и шерстяных халатах дремлют, убаюканные однообразным качанием. Джангир, женственно полный, рыхлый, обласканный Якуб-беком и англичанином Хэври, гордо восседает на своем скакуне и гортанным «дхей» подгоняет слуг.

А слуги у него — отпетые головорезы. Если бы мы встретились на их пути, они не преминули бы сразу же отрубить нам головы.

Впрочем, у нас есть карабин. Интересно, смогли бы мы задержать целый караван? Вряд ли. Пропустить по узкой тропе не пропустили бы. А вот патронов наверняка бы не хватило. Юрик, кажется, захватил восемь обойм.

Потом мы улыбаемся в темноте, смущенные собственной глупостью. Время битв здесь давно кончилось. Мы можем разве что подстрелить горного козла, если у нас кончатся продукты.

Я замечаю, что с каждым днем мы как-то меня-

емся. Длинное, насмешливое лицо Стаса становится серьезным. Он чаще хмурится, ерошит рыжие космы, не пытается поддеть кого-либо усмешкой. Сегодня я очень измотался и опустил на камень. Он положил руку мне на плечо и сказал:

— Егорушка, мои кеды возьми, а ботинки давай в мой рюкзак.

Я надел его кеды, и ноги будто полетели сами. Они не чувствовали больше ни тяжести, ни усталости.

Лялька молчит, это на нее не похоже. Забрала у Юрика свои теплые вещи, сказала — ей холодно, сначала надела толстенную фуфайку, а потом сняла и положила в свой рюкзак, поняла — и без этого Юрику тяжело.

Юрик прокладывает нам дорогу. Иногда тропа теряется, и он долго бродит между скал, отыскивая ее, а мы в то время отдыхаем, привалившись к камням и переложив на них нестерпимый груз наших рюкзаков. Вот только Юрик остался прежним — ласковым, добрым, миролюбивым и чуточку гордым оттого, что горы для него уже не такие страшные, как это кажется нам.

— Старики, а хорошо бы вот так вместе всю жизнь! — шепчет Лялька и энергично ударяет своим кулачком в плоскую спину Стаса. — И никого больше!

— Но ведь мне, скажем, когда-то понадобится подруга, — протестует Юрик.

— «Когда-то»... — разочарованно произносит Лялька.

Ей, конечно, хочется, чтобы мы закоренели в холостяках. Не понимают девчонки, что есть вещи по-больше дружбы.

— Согласен с Лялькой, — неожиданно заявляет Стас. — Если уж мы собрались что-то открывать, то надо остаться, если хотите, схимниками. Все земные соблазны — признания, многозначительные намеки... Ух, ненавижу! Любовь, повторяю, губит на корню все великие цели.

В палатке накурено. Мы переворачиваемся, от-

кидываем полог. За горой — луна. И снег, и окружающие хребты, и неподвижные облака — оловянные на фоне рябого от звезд неба. Я никогда не видел блеска такой чистоты и напряженности. Все замерло. Окуталось в тишь. Здесь как бы сошлись вместе картины Кента с их резкими переходами от света к тени — и Шпицберген, и Огненная Земля, и льдокристалльная Гренландия. Вечный покой дышит могуществом окаменевших титанов, которые, когда-то расщипав, разворошили камни и ледники, сделали землю необитаемой.

— Слушайте! — шепчет Юрик.

Напрягаем слух. Кто-то очень осторожно перекладывает камешки.

— Что это — камни сами движутся? — предполагает Стас.

— Нет, что-то не то... — Юрик, разволновавшись, лезет за карабином.

Стук, стук... Тихо. В такт шагам бьется сердце.

Вдруг в лунной дорожке появляется какая-то тень. Ее мы замечаем только потому, что она вносит что-то новое в примелькавшуюся нам картину. Тень дрогнула. Снова глухо стукнули камни.

— Это барс! — шепчет Юрик.

Барс приближается к палаткам. Может быть, его привлекает запах мяса, оставшегося в котле после ужина, а он уже стар, не может догнать горного козла или улара. В свете луны отчетливо видим пятнистую длинную спину, маленькую кошачью голову, опущенный хвост.

Зверь всматривался в незнакомые ему палатки.

Юрик тихо снимает затвор с предохранителя. Мы замираем от страха и любопытства. «Б-бах!» — гремит выстрел. Вместе со вспышкой исчезает и барс. Он скрывается так стремительно, что мы не замечаем, в какую сторону он повернул.

— Теперь не подойдет. — Юрик спокойно выбрасывает гильзу.

— Эх, стрелок! — ворчит Стас.

— А я и не целился в него. Зачем убивать? Он живет в необитаемых местах, никому не мешает.

Да и мало барсов сейчас. Этот, наверное, один здесь. Лялька, гремя коваными ботинками, бежит смотреть следы.

Юрик не раз встречался с барсами.

— У каждого зверя — своя вотчина и свои тропы, — рассказывает он. — Здесь барс подстерегает добычу, здесь и живет. Только зимой, выслеживая баранов и диких козлов, он спускается к хвойным лесам. И вот что интересно! Если в его владениях появляется другой барс, он великодушно делится остатками своего стола, но сам питается лучшими кусками.

— Барсов нигде нет, кроме Тянь-Шаня, Гиндукуша и Тибета. Поэтому, Стас, надо беречь их, — заканчивает Юрик, укладываясь спать.

5. ЧЕРЕЗ ЛЕДОВЫЕ ГРОТЫ

Над нами нависают снежные карнизы. Мы вступаем в область самых больших снегов. Здесь-то и надо искать караван Джангира. Стас предлагает разделить на две группы. Он и Лялька пойдут по тропе, будут нести основные вещи и устраивать ночлеги. Мы с Юриком пойдём по ледникам ниже тропы.

После завтрака мы спускаемся вниз, для надежности связавшись реп-шнуром и вооружившись ледорубами. Юрик идет, как всегда, впереди, ощупывая черенком ледоруба снег. Иногда снег обваливается, и перед нами зияет черная пустота трещины. Когда мы бросаем туда кусок льда, то не слышим стука падения.

В острых торосах, огромных, как айсберги, мы чувствуем себя муравьями. Рубим ступени, карабкаемся по ледяной стене, чтобы попасть в еще более страшное нагромождение бело-зеленых чудовищ.

В некоторых местах лед так прозрачен, что мы видим замороженные в нем камни.

Впереди зияют ворота. Юрик тихо подходит к ним. Наверху висят сосульки толщиной с доброе бревно. Не дыша мы проскальзываем мимо, слышим звонкую капель и легкое потрескивание. Входим

в полутемный грот. Когда-то его проточила вода, но потом или льдина приподнялась, или вода ушла — грот высох. Солнце, просвечивающее сверху, наполнило его жутким зеленоватым светом. Из полумрака выступают изъеденные временем сосульки, похожие на колонны восточных дворцов. Чем дальше мы идем, тем сумрачней окрашивается грот.

— Мы не выберемся отсюда, — опасаясь я.

— У грота должен быть выход, ведь куда-то входила река, — резонно замечает Юрик.

Вдруг над самой головой раздается треск. Мы отскакиваем к стене. Сверху сыплется ледяная мелочь, колется под ногами. Ждем минуту, другую...

— Пронесло. Просто двинулся лед, — говорит Юрик.

Я иду, глядя на его покрасневший от напряжения крутой затылок. Хороший все же человек, этот Юрик, и черная борода, великолепная, разбойничья, и голубые глаза, как у младенца! Осторожный, серьезный — с ним несколько не страшно.

Далеко впереди замечаем слабую полоску света. Мы невольно ускоряем шаг и вскоре выбираемся из грота.

— Ты думаешь, мы найдем что-нибудь от каравана? — спрашиваю я.

— Найдем. И лошади и тюки должны хорошо сохраниться, — отвечает Юрик.

— Но все же сто лет...

— А ты слышал, в тундре геологи ели мясо мамонта?

— Враки!

— Ничуть!

Вечером мы на льду расстилаем палатку, надуваем матрацы. Юрик на спиртовке разогревает лед. Чистит картошку. Клубни сразу же покрываются инеем.

— А хорошо все же жить вот так, — мечтательно произношу я, залезая в спальный мешок.

Наступает самое блаженное состояние. О том, что было трудно идти, и сильно жгло солнце, и обметала лихорадка губы, уже не думаешь.

— Юрик, а караван, наверное, попал в обвал, — говорю я.

— Тихо! — Юрик вдруг вскакивает. — Ты слышал?

— Ничего не слышал.

— Ну как же, вот только сейчас!

По горам катилось, умолкая, эхо.

— Наверное, трещина или обвал?

— Нет, это выстрел.

— Чудак! У Стаса ведь нет оружия. А здесь мы одни.

— Я слышал выстрел! Не трещина это и не обвал. Здесь кто-то есть, кроме нас.

6. ШТУРМФЮРЕР НАЗНАЧАЕТ ЧАС

По утрам, когда солнце начинает золотить серые от уличной копоти крыши домов, на набережной Дунай-плац можно увидеть пятидесятилетнего смуглолицего господина в сером пальто и маленькой тирольской шапочке. Не спеша он идет вдоль портовых кранов, автопогрузчиков, ящиков с машинами, дизелями, шелком, крахмалом, пивом — со всем, чем знаменит достойный город Ульм земли Баден-Вюртембергской. За портовыми кранами поблескивает свинцово-холодный Дунай.

Господин дышит глубоко и ровно. Утренняя порция свежего воздуха, как и зарядка, холодный душ, массаж, помогают быть в хорошей форме целый день.

— Доброе утро, господин Шёневеттер, — приветствует его полупоклоном слугитель проходной.

Шёневеттер кивает и проходит в контору порта. Он заведует отделом транспортных операций фирмы «Ульммашинен-верке». На часах ровно восемь. Все сотрудники на местах. На столах аккуратные стопки накладных, пишущие машинки, арифмометры. Шёневеттер встречается со взглядом Минцеля.

— Карл, прошу ко мне, — бросает он на ходу.

Маленький, кривоногий, с обезьяньим лицом и изжелта-красными глазами Минцель выныривает из-за стола и скрывается вместе с шефом за дверь.

Шёневеттер неторопливо разминает сигарету, садится в кресло и разглядывает Минцеля так внимательно, словно видит его впервые. Минцель сначала выдерживает взгляд, потом опускает глаза и нервно сучит пальцами в карманах пиджака.

— Стареем, Карл, — наконец произносит Шёневеттер.

Минцель поднимает на шефа печальный взгляд.

В конторе знают — Шёневеттера и Минцеля связывает старая солдатская дружба. Но никто не догадывается, что оба они, в прошлом разведчики нацистской службы безопасности, связаны огромной тайной. Она, эта тайна, не дает им покоя ни ночью, ни днем. Просматривая чужие накладные и чеки, оба за длинным рядом нолей видят те деньги, о существовании которых никто, кроме них, не знает. Деньги лежат в чужой стране. Лежат двадцать три года. Двадцать три года Шёневеттер не решался добратся до них. Двадцать три года он мечтал начать собственное дело и часть средств для вящей гарантии вложить в акции стального треста.

Шёневеттер был честолюбив. В Ульме он руководил секцией Союза бывших офицеров СС и хотел поставить свою организацию в ряд наиболее деятельных союзов. А для этого требовалось много денег, гораздо больше, чем давали прижимистые торговцы и промышленники. Слеты, товарищеские встречи, собственная газетка, митинги по особо торжественным для бывшего рейха дням опустошали кассу до пфеннига.

Правда, некоторые со скепсисом смотрят на «старичков». Но придет время, и «старики», черная гвардия нацистского рейха, скажут веское слово. К этому все идет. Надо только поддерживать в «старичках» боевой пыл. Поддерживать той огромной суммой, которая волею судеб осталась в горах далекой Азии.

— Все же нехорошо получилось тогда под Вороножем, Карл, — вздыхает Шёневеттер.

— Да, очень нехорошо, — повторяет Минцель, не понимая, к чему клонит шеф.

— Помнишь, русские эти уже поставили нас к стенке...

— И тогда я сказал, что мы можем сообщить важные сведения.

— Да, ты вовремя сказал, и, благодаря богу, мы остались живы. Карл, хотел бы ты снова встретиться с русскими?

Минцель, наконец, догадывается, что шеф принял решение.

— Я готов, даже если и на этот раз все полетит к черту.

— Вот это слова солдата! — Шёневеттер поднимается с кресла и обнимает за плечи тщедушного Минцеля. — Карл, мы получаем пятинедельный отпуск и отправляемся туда. Снаряжение и дорожные вещи бери на себя. Я займусь визами и рекомендательными письмами. Мы — туристы-ботаники. Попробуем через Афганистан и Китай пробраться к заветной пещере.

— Слушаюсь, — Минцель по-военному щелкает каблуками башмаков, глаза его горят тем лихорадочным блеском, который появляется у гончей, почуявшей зайца.

— Иди, Карл, и прикуси язык. Наш час настал!

Как только Минцель скрылся за дверью, Шёневеттер снова сел в кресло и задумался.

Перед войной Шёневеттер в специальной школе разведчиков в Орденсбурге готовился для работы в странах Ближнего Востока. Он хорошо изучил арабский и персидский языки, язык урду и русский. В сентябре сорокового года штурмфюрер Франц Шёневеттер, он же Хазе*, под видом техника немецкой радиокompании «АЕГ» приехал в Тегеран. Вместе со своим помощником группенфюрером Карлом Минцелем он устраивал тайные склады оружия в Реште и Ардебиле, Бендер-Шахе и Кучане, собирал кочевой сброд для диверсий на советской границе.

Кареглазого, темноволосого, загорелого до черноты Хазе иранцы принимали за соотечественника, и

* Заяц (нем.).

Шёневеттеру легко удавалось вербовать нужных людей.

Когда Англия и Советский Союз ввели в Иран свои войска, активная разведывательная сеть рассыпалась, немцев удалили из Ирана, многих интернировали. Шёневеттера и Минцеля ждала та же участь, если бы они не успели вовремя затеряться в многолюдном тупике Старого города, в глинобитном домике духанщика Хафиза — надежного своего агента.

Этот агент пригодился Шёневеттеру и в 1943 году, когда гитлеровская разведка пыталась сорвать Тегеранскую конференцию руководителей союзников. Благодаря Хафизу удалось узнать, в каком дворце произойдет встреча, подкупить некоторых людей из охраны. Но в самый последний момент встречу перенесли в другой дворец. Достаточных средств для подкупа новой охраны у разведчиков рейха не оказалось. Шёневеттеру и Минцелю пришлось немедленно вылететь в Берлин.

Там им из сейфа службы Главного управления имперской безопасности выдали фунты, доллары, золото и бриллианты. Когда же Шёневеттер и Минцель вернулись в Иран, они узнали, что англичане арестовали в Тегеране почти всех немецких агентов.

Единственное, что им оставалось, — бежать из Ирана. Но как? Все западные и южные границы англичане наверняка перекрыли и по известным им приметам могли бы легко поймать и Шёневеттера и Минцеля. И тогда Шёневеттер выбрал сложный, но наименее опасный путь. Разведчики пробрались в Афганистан, купили десять килограммов опиума, часть английских фунтов обменяли на русские червонцы и в самом глухом районе Восточного Памира перешли советскую границу, чтобы по территории России добраться до своих.

Шёневеттер хорошо помнит мгновение, когда ему пришла в голову мысль спрятать тяжелый пакет с деньгами и драгоценностями в пещере почти на самой границе.

Границу они перешли ночью. На перевале было холодно и ветрено. Шел снег. Стуча зубами, Шёне-

веттер и Минцель едва добрались до пещеры в скале, где можно было обогреться.

Минцель достал из ранца холодную баранину, большую консервную банку с ветчиной и зажег спиртовку. Неяркое синее пламя освещало серый полумрак пещеры.

Вскрыв банку, Минцель положил ветчину на две пресные лепешки.

Вдруг Шёневеттер услышал стук копыт. Он топорливо задул спиртовку и бросился к входу. Ехали двое. Все громче звенели подковы, все напряженней сжимал Шёневеттер рукоятку пистолета. Минцель бесшумно перезарядил свой автомат.

«Если мы убьем пограничников, поднимется тревога на всех заставах, и вряд ли нам удастся проскочить мимо них, — подумал Шёневеттер, слизывая ключие снежинки с пересохших губ. — А если нас поймают, то все равно пропадем с этим пакетом с ценностями и деньгами. Спрятать! Немедленно спрятать! Я еще приду сюда, когда дождусь лучших времен...»

Сталь подков, казалось, звенела над самой головой. Шёневеттер трясущимися руками нащупал пустую консервную банку, засунул туда пакет в плотной клеенчатой обертке, прикрыл крышкой.

Стук копыт смолк. Всадники остановились.

— Повернем назад? — спросил один из них.

— Давай, — согласился другой.

Шёневеттер высунулся из пещеры и увидел пограничников в полушубках, шапках-ушанках, с карабинами за спиной. Приподнявшись на стременах, они поскакали вниз по тропе.

— Бог милует нас, Карл, — прошептал Шёневеттер. — Мне кажется, будет более безопасным, если мы спрячем пакет здесь. Если русские найдут его у нас, то они тут же поставят к стенке. Мы вернемся сюда и заберем деньги, когда рейху улыбнется счастье. Если нас поймают русские, мы — обыкновенные торговцы опиумом.

Пещера была сухой. В глубине лежали камни. Никому не придет в голову их ворошить. Шёневеттер

и Минцель отвалили большой камень, обмазали банку жиром ветчины, обмотали ее куском одеяла и спрятали в щель, сверху прикрыв тяжелым камнем.

— Запомним ли мы это место? — усомнился Минцель.

— Запомним. Через этот перевал проходит единственная тропа, мы без труда найдем ее.

В глухом кишлаке им удалось раздобыть поношенную солдатскую форму, ботинки с обмотками, еще раньше, в Иране, они запаслись поддельными справками на русском языке о том, что такие-то возвращаются на фронт после лечения.

...Поезд медленно тащился по пустынным русским степям. В вагоне на узлах сидели старики и старухи, солдаты, возвращающиеся на фронт из госпиталей.

Часто поезд обгоняли воинские составы. Под взгорбленными чехлами угадывались танки и пушки. На платформах у зенитных спарок сидели солдаты в тулупах, белых от инея.

«И все на нас», — мрачно думал Шёневеттер.

Боясь выдать себя, он лежал под самым потолком на третьей полке и про себя повторял русские слова. Минцель устроился рядом и шепотом читал листки из русской книги. Они попали к нему, когда на станциях он покупал вареную картошку и огурцы.

После Челябинска соседом Шёневеттера на второй полке стал разговорчивый сибирский стрелок.

— В глуши, видать, жил, без русских? — спрашивал он, пытаясь завязать разговор с Шёневеттером.

— В горах жил, высоко жил, — односложно отвечал Шёневеттер.

— О жинке скучаешь или отца с матерью оставил?

— На фронт хочу.

— На фронт, конечно, все поспеем, а дом домом остается. — Когда сибиряк поворачивался с боку на бок, полка жалобно стонала под его огромным телом. — Ну, война еще годок-другой протянется. А потом домой...

— А если убьют? — Шёневеттер почувствовал, как от злости к лицу прихлынула кровь.

— И это может случиться, — согласился русский. — Только ведь другие придут. Нас, посчитай, сколько наберется...

В словах сибиряка было столько спокойной уверенности, что Шёневеттеру стало не по себе. Он решил подкупить сибиряка.

— Водку пьешь? — спросил он однажды.

— Ну, а кто ее не пьет, проклятую, — оживился русский.

— Купи на станции, пить будешь. — Шёневеттер протянул деньги русскому.

— Да у меня свои имеются, разложим баш на баш. — Сибиряк достал из кисета замасленные червонцы и, когда поезд остановился, побежал за водкой.

— Карл, держи этого русского на прицеле. Чем-то он страшен, — зашептал Шёневеттер Минцелю.

Чутье разведчика не обмануло его. Это случилось уже за Воронежем, когда поезд был недалеко от линии фронта и Шёневеттера с Минцелем отделяли какие-нибудь сутки от той минуты, когда они пройдут через русские окопы и сдадутся немецким солдатам.

Сибиряк заподозрил неладное и сдал их патрулю. В комендатуре без труда поняли, что документы липовые. Через неделю состоялся суд, и Шёневеттера с Минцелем повели на расстрел.

Морозный снег звенел под ногами. Пряталось за вербы белое солнце. Уныло торчали трубы сожженных домов. По черной, занавоженной дороге тянулись на запад сани со снарядами ящиками, мешками с мукой и сухарями. Пожилые возницы сонно поглядывали на комендантских солдат, выстроившихся перед двумя смуглолицыми людьми в шинелях без ремней и крючков.

— Дезертиров поймали, сынок? — поинтересовался у лейтенанта возница.

— Хуже, батька... Шпионов.

— Ну, ну... — Возница поцокал языком и равно-

душно стегнул лошадей. — Поторапливайтесь, одры воинские!

Офицер зачитал приговор военного трибунала. И когда поднялись винтовки, Минцель не выдержал:

— Я буду говорить! Мы сообщим важные сведения!..

После дополнительного следствия, новых признаний и учитывая то, что на территории Советского Союза Шёневеттер и Минцель не вели разведывательной работы, им подарили жизнь и направили в лагерь для военнопленных.

Шёневеттер и Минцель возили руду на уральских марганцевых рудниках, пилили лес под Ивделем.

После войны русские объявили амнистию, и агенты бывшего рейха очутились в Ульме.

Только об одном не сказали русским контрразведчикам ни Шёневеттер, ни Минцель — о деньгах и драгоценностях, спрятанных в глубине пещеры на Тамбекском перевале. Если русские их не расстреляли, то они когда-нибудь вернутся в Германию, а потом и на перевал.

В Ульме Шёневеттер устроился в отдел транспортных операций фирмы «Ульммашинен-верке» и, дослужившись до начальника, взял на работу Минцеля, который долго шатался без дела.

Наконец Шёневеттер решил, что настало время отыскать сокровища. Он действовал очень осторожно. Он был опытен и мудр, достаточно крепок и натренирован, чтобы пройти по самым опасным, безлюдным местам высоких гор.

И теперь, умело обойдя афганские и китайские пограничные посты, он вступил на тропу, которая повела его к Тамбекскому перевалу.

— Как прекрасна эта страна, Карл! — взволнованно прошептал он.

— Да, Франц, — ответил Минцель, приподнимая темные очки и щуря глаза от ослепительного блеска вершин.

В непривычно синем небе кружили орлы, широко

раскинув могучие крылья. А рядом тоскливо пели камни. Между ними струились, позванивая льдинками, маленькие летние ручьи.

7. НОЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

— Ты очень устал, Карл, — сказал Шёневеттер, оглядываясь на спутника.

На красном, сморщенном лице Минцеля выступили белые пятна. Он успел обгореть, и кожа теперь слезала лохмотьями, покрываясь язвами.

— Ты очень устал, Карл, — опять повторил Шёневеттер.

Он шел крупным, неторопливым шагом, стремясь засветло добраться до подножия перевала и там устроить ночлег. Но Минцель отставал с каждым шагом. Он был уже стар и задыхался под тяжелым грузом ранца.

«Всю жизнь Карл был слугой», — подумал Шёневеттер, и у него колыхнулось нечто вроде сожаления.

Даже устраивая Минцеля к себе в отдел, Шёневеттер заботился о себе. Ему хотелось иметь верного соглядатая, который бы доносил ему о настроении служащих фирмы. Этого требовал и сам владелец «Ульммашинен-верке».

Когда Минцель вступил в юности в штурмовой отряд, он лелеял честолюбивую мечту стать хозяином поместья где-нибудь в Судетах или Закарпатье. Но жизнь обложила его невидимыми и непреодолимыми рогатками, оставив одно — служить Шёневеттеру.

Он не злился на преуспевшего коллегу. К старости Минцель понял, что сильный, жестокий, умный Шёневеттер призван повелевать. А его удел — подчиняться, и он смирился.

— Карл, ты должен собраться с силами, — говорил Шёневеттер, поднимаясь по извилистой бесконечной тропе.

— Я иду, Франц, — отзывался Минцель, еле ворочая пересохшим языком.

Солнце уже бросало на горы косые лучи. Ветер

похолодал, ледяными иглами колол обожженное лицо. Из низин тянулся сырой туман.

Отчаявшись найти удобную для ночлега площадку, Шёневеттер сел у тропы и привалился к большому камню. Днем он легкомысленно разделся, надеясь загореть на горном солнце, но минут через тридцать почувствовал, что сильно обжег кожу. Теперь его знобило. В горле булькало. Спекшимися губами он поймал сосульку на камне и захрустел ею.

Приковылял Минцель, опустился рядом, шаря в кармане куртки сигареты.

— Придется устраивать привал здесь, — сказал Шёневеттер.

Минцель с жадностью затянулся сигаретой и закашлялся.

— Табак, женщины и шнапс погубили тебя, Карл, — сказал Шёневеттер, брезгливо покосившись на Минцеля.

— Нет, Франц, — ответил Минцель. — Меня погубила слишком непосильная мечта, как, впрочем, и всю Германию...

— Вот как! — удивился Шёневеттер и насторожился, почуяв новые нотки в словах Минцеля.

Ночью, лежа в теплом и легком пуховом мешке, Шёневеттер положил пистолет рядом с собой. Он впервые испугался Минцеля. Никто же в Ульме не знает, что они поехали вместе. Убьет и заберет все деньги.

«Не лучше ли опередить мне?» — подумал Шёневеттер, прислушиваясь к свистящему дыханию Минцеля.

Он нащупал пистолет, оттянул затвор. Патрон выскользнул из обоймы и легко вошел в патронник. Ладонь похолодела. Шёневеттер приподнялся на локте.

Вдруг он почувствовал, что Минцель смотрит на него. В лунном свете, падающем из крошечного окошка, затянутого нейлоновой сеткой, блестели его глаза. Шёневеттер резко отодвинулся от Минцеля и услышал слабый шепот:

— Это уже все равно, Франц...

— Ты не спишь?!

— Нет. Но, повторяю, это уже...

— Что «это»?

— Я знаю, что ты хотел сделать сейчас. Но я-то уже не смогу... Я не выйду из этих чертовых гор. Сердце, — Минцель кашлянул и отвернулся.

— Ты ошибся, Карл, — пробормотал Шёневеттер. — Я не хотел убивать тебя, Карл. Ведь мы с тобой старые оборотни, Карл.

— Помню... Еще со школы наизусть я знаю правило. А я ждал, что тебе рано или поздно захочется разделаться со мной.

— Не говори глупостей! — разозлился Шёневеттер и тихо поставил затвор на предохранитель.

Где-то далеко громыхнул лед, и сонным эхом звук прокатился по горам.

...Когда Шёневеттер проснулся, то подумал, что его неспроста что-то разбудило. Чутьем он угадал присутствие третьего. Он расстегнул пуговицы палатки и увидел при лунном свете длинную пятнистую кошку, которая стояла шагах в десяти и вытягивала морду, нюхая воздух.

Шёневеттер поднял пистолет и затаив дыхание спустил курок.

Пятнистая кошка прыгнула и, уткнув голову в снег, заскребла когтями. Шёневеттер опустил пистолет.

— Ты напрасно стрелял, Франц, — сказал испуганный Минцель. — Нас могут услышать.

— Здесь никого нет, — Шёневеттер вылез из палатки.

Барс все еще корчился. Пуля попала ему в голову, и он тянул лапу к ране, хотел унять боль. Шёневеттер молча смотрел, как трудно и долго издыхал зверь. Он поймал себя на том, что стосковался по горячему делу молодости, по мрачному Орденсбургу, стремительным схваткам с чемпионами школы по джиу-джитсу, по теплой ручке парабеллума. Он боялся разучиться стрелять. Но сейчас подумал, что рука не ослабла и быстро поймала цель, когда непуганый барс подкрался к палатке.

Зверь дернулся в последний раз и затих.

— Будет неплохой ковер, — рассмеялся Шёневеттер, поставив ногу на мягкий живот барса. — Я подарю его тебе, Карл, когда ты бросишь своих потасканных девочек и женишься на хорошенькой кошечке.

— Благодарю, — Минцель вытащил нож. — Надо освежевать барса, пока он теплый.

— Сделай одолжение, Карл, — зевнув, проговорил Шёневеттер. — Спокойной ночи.

В палатке он с наслаждением вытянул ноги и сразу уснул.

Утром резко похолодало. Тучи закрыли горы. Посыпал крупный снег. Идти пришлось почти на ощупь.

Шёневеттер помнил, что перед входом в пещеру была небольшая площадка. Но тропа, наоборот, сужалась.

«Неужели я не найду пещеру? — подумал Шёневеттер. — Нет, я найду пакет, если даже придется потратить на это всю жизнь!..»

Мокрый снег засыпал камни, и ботинки все время скользили.

— Может, переждем непогоду? — предложил Минцель.

— Надо идти, Карл. В конце концов не могла же провалиться эта чертова дыра!

— Нам еще надо вернуться живыми...

— Поверь, я не могу ждать, когда чувствую, что пещера где-то рядом.

«Э-эй!..» — вдруг услышал Шёневеттер далекий крик. Через минуту крик повторился. Он звучал нечетко, был искажен туманом, но Шёневеттер понял, что так могут кричать только люди.

— Что за наваждение? — пробормотал он, обращаясь к Минцелю, сплошь залепленному снегом.

— Это, вероятно, идет караван. Если контрабандисты, то они нам не мешают, — проговорил Минцель.

— Но лучше с ними не встречаться совсем. — Шёневеттер пошел дальше.

Крик больше не повторялся. Снежный заряд про-

шел. Сквозь клочки туч проглянуло солнце. И тут Шёневеттер вышел на знакомую площадку. Он бросился к пещере.

— Она! Бог мой, ты слишком милосерден!

Камни никто не трогал. Они лежали так же, как и раньше. Шёневеттер ухватился за верхний камень, попытался сдвинуть его. «Дьявол, неужели этот олух Минцель опять отстал?»

Шёневеттер попробовал оттолкнуть камень ногами, спиной прижавшись к стене. Но и на этот раз у него ничего не вышло. Отчаявшись, он выбежал наружу — и обомлел: в полукилометре по тропе двигались двое.

Скользя вдоль скалы, Шёневеттер стал отступать. За поворотом он бросился бегом.

Минцель отдыхал на камне.

— Разрази тебя гром! Ты провалил все дело!

— Зачем ты кричишь, Франц?

— Я нашел пещеру, но не мог один справиться с камнями!

— Так идем же! Вместе мы как-нибудь справимся с ними.

— Навстречу идут какие-то люди.

Обгоревшее, рябое от коросты лицо Минцеля побледнело.

— Надо поворачивать назад!

— Нет, теперь я отсюда так просто не уйду, — Шёневеттер посмотрел на скалы, почти отвесные. — Давай крючья — и за мной!

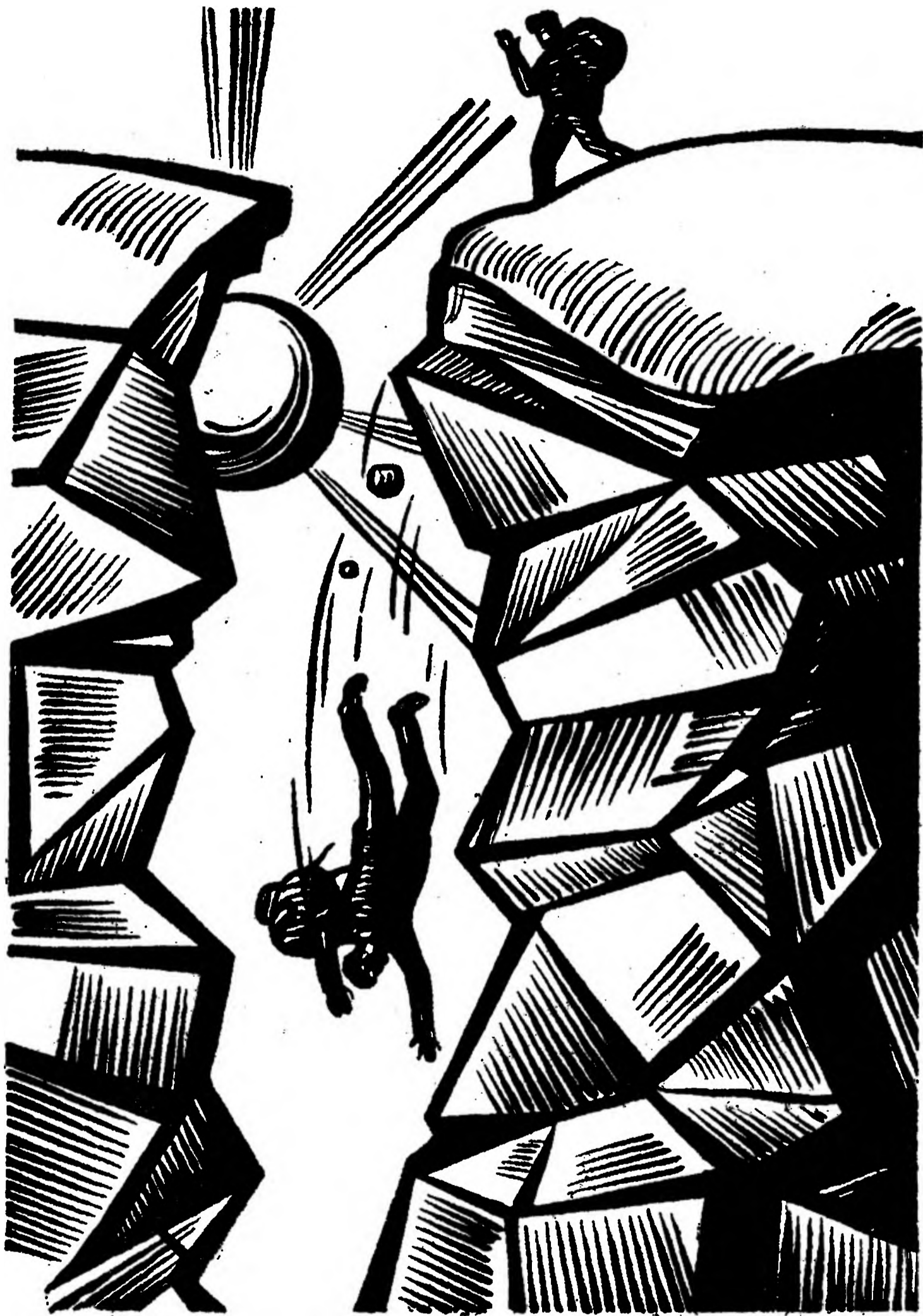
Он решил подняться выше тропы и там переждать, когда неизвестные пройдут мимо. Забравшись вверх, он опять увидел людей. Их было двое — мужчина и женщина.

8. В ТРЕЩИНЕ

— Никто и не стрелял. Это тебе причудилось, — говорю Юрику утром.

Тот и сам сомневается:

— Очевидно, упал одинокий камень, хотя звук больше походил на выстрел.

Снежный заряд свалился в долину. Мы пошли дальше.

— Караван, несомненно, шел по тропе, по которой идут сейчас Стас и Лялька. А следы его надо искать в тех местах, где есть лавиносборы, — говорит Юрик.

— Какие?

— Видишь цирк? А там снег как воронка. Это и есть лавиносбор.

— Ну и что?

— Так вот, я могу почти точно утверждать — караван Джангира попал в лавину. Искать его остатки надо под лавиносбором.

Мы пробираемся через ледяные торосы, осматриваем гроты и щели. Юрик развивает свою мысль дальше:

— Конечно же! Была весна. За зиму намело в горах много снега. На кручах повисли карнизы, перегрузились. Снег на тепле подтаял и обрушился вниз. А в это время по тропе шел караван...

— Но тропа узкая. Все погибнуть не могли!

— Пожалуй, ты прав. Какая же должна быть лавина, чтобы похоронить караван из сотен лошадей и верблюдов?

Мы выходим на ровный лед. Небо уже совсем очистилось от туч. Опять начинает припекать солнце. Надеваем очки, лица закрываем широкими бинтами. С кожи свисают лохмотья. Она так болит, что, кажется, солнечные лучи колют иголками. Постепенно начинаем раздеваться. Штурмовки и свитеры подкладываем под лямки рюкзака, чтобы не резало плечи. Реп-шнур обматываем вокруг пояса, под ногами плотный лед, можно и не идти в связке.

Иду, полузакрыв глаза. Снег поскрипывает под ногами, тепло. И вдруг теряю под ногами опору. Рюкзак швыряет меня в ледяную стенку. Больно ударяюсь лбом, и все темнеет в глазах...

Позднее я восстановил ощущение этого падения — и страх, и тупые удары тела, и треск рвущейся рубашки, и раны как удары ножа, — тогда казалось, что наступает смерть. Я не сломал ноги только пото-

му, что трещина сузилась и меня клином вогнало в нее.

...Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я очнулся. Меня окружает темнота. Со всех сторон давит лед. Даже кости трещат. Пытаюсь пошевелить пальцами. Шевелятся. Но руку освободить не могу. Напрягая шею, смотрю вверх. Узенькая полоска света. Хочу крикнуть, но из горла вырывается только хрип. «Ну, вот и все, дружище», — теперь думаю о себе, как о другом человеке. Врагу не пожелал бы такой смерти. Ты в полной памяти, немного дышишь, но жизнь из тебя выдавливает страшное сжатие.

Я слышал от Юрика, что ледник постоянно движется. От резкого перехода жаркого дня к холодной ночи трещина то сжимается, то разжимается. Если сейчас день, значит, трещина расширилась. Ночью она сомкнется...

Знаю, Юрик делает сейчас отчаянные попытки спасти меня. На голову падают льдинки. Но спасти меня невозможно. Реп-шнур слишком короток, да и не могу я ухватиться за него. Руки у меня прижаты к бокам. Египетская мумия, вероятно, имела больший простор, чем я.

«Ш-а-а...» — доносится до меня сильно искаженный крик.

Юрик просит откликнуться. Но я не могу ответить ему. Грудную клетку как будто сжало обручами. «Ничего не выйдет, Юрик... Ах, как глупо получилось!.. Как глупо умирать вот так!..»

Попробую пошевелить ногой. Стоп! Одна шевелится. Я подгибаю ногу и упираюсь в лед триконями. В содранную на руках кожу врезаются острые кристаллы. От боли по щекам катятся слезы.

Постепенно начинаю замерзать. Значит, упал я недавно. Впрочем, это не так уж важно. Говорят, когда человек замерзает, его клонит в сон. Он засыпает навсегда. Но я не хочу спать, хотя зубы стучат и по телу бежит дрожь.

Снова упираюсь ногой в лед и, собравшись с духом, поднимаюсь чуть выше, вырываю тело из ледя-

ных объятий. Теперь руки свободны и дышать легче. Подумаем, что нужно сделать, чтобы спастись?..

Сзади в рюкзаке — ледоруб. Надо достать, привязать к реп-шнуру, а то он может выскользнуть из рук. Держась на триконях, освобождаюсь от лямок, надеваю свитер и штурмовку, привязываю нейлоновую бечевку к рукоятке ледоруба. Делаю еще один рывок. Ледоруб теперь можно положить так, чтобы сесть на него и отдохнуть.

Потом начинаю долбить ножом ступеньки. Хорошо, что между стенками трещины сохранилось почти одинаковое расстояние. Я могу работать, сидя на ледорубе, упершись ногами в ступеньку, а спиной — в противоположную стенку.

— Егорушка-а-а!.. — слышу далекий голос Юрика.

— Эге-ей!.. У меня сердце прыгает от радости, как у смертника, которого помиловали перед виселицей.

— Я делаю ступени! — кричу через секунду.

— Спускаюсь на помощь!

Не помню, сколько ступенек пришлось вырубить, прежде чем я поймал конец шнура, брошенного Юриком.

9. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Шёневеттер и Минцель залегли в камнях над тропой. Длинный мужчина в очках и худощавая женщина кого-то искали. Сложив руки рупором, они кричали, но им никто не отзывался.

— Смотрите, какое удобное место! — воскликнула вдруг женщина.

Шёневеттер понял, что люди увидели пещеру. Рука потянулась к пистолету. Он не хотел стрелять и поднимать тревогу, но, если люди решат остаться в пещере, он будет вынужден убрать их.

Длинный парень нагнулся и проговорил:

— Странно, но я вижу совсем свежие следы.

У Шёневеттера упало сердце. Если неизвестные пойдут по следам, они обнаружат его и Минцеля.

И вдруг ему пришел в голову простой план — выйти им навстречу, обмануть названием какой-нибудь экспедиции и потихоньку вытащить пакет из пещеры.

— Эй! — крикнул Шёневеттер, поднимаясь навстречу парню и женщине. — Кто вы такие?

— А вы кто?

— Мы из гляциологической экспедиции Таджикистана.

— Как же вы попали сюда? — Парень в очках подозрительно оглядел Шёневеттера и Минцеля.

— Дорог здесь не так уж мало, — засмеялся Шёневеттер. — Особенно для тех, кто знает эти горы. Будем знакомиться. Садриддинов, кандидат наук, а это мой помощник Насафов.

— Стас. — Парень в очках озадаченно протянул руку Шёневеттеру.

— Вас здесь много? — спросил Шёневеттер.

— Двое идут ниже тропы по леднику.

— Туристы?

— Что-то в этом роде, — уклончиво ответил Стас. Все четверо спустились к пещере.

— Мы, вероятно, сделаем здесь остановку, — проговорил Стас.

— Что ж, место удобное, сухое, — сказал Шёневеттер и подумал: «Я бы мог убить их, как щенят. Но стоит ли подвергать себя еще большему риску. Ведь там еще двое».

Он и Минцель стали распаковывать ранцы. Шёневеттер посмотрел на Стаса.

— Если не возражаете, мы с вами тоже разделим компанию.

Тот пожал плечами:

— Места всем хватит.

Шёневеттер постарался расстелить свой спальный мешок у камня, где был спрятан пакет. Глазами он приказал Минцелю лечь рядом.

— Между прочим, кроме тех двух, скоро подойдут еще несколько человек, — сказал Стас, незаметно тронув локтем Ляльку. — Соберется вся наша группа.

— Вот как! — воскликнул Шёневеттер и как можно беззаботнее добавил: — Веселее будет, это к лучшему.

Солнце уже заходило за горы. Тень упала на землю. Камни стали сиренево-синими, как остывающий металл. Только снега на вершинах загорелись с напряженной яростью, заслоняя собой темнеющее небо.

— Лялька, — сказал Стас, — пойди поищи ребят.

Лялька поняла, что неизвестные гляциологи вызвали у Стаса подозрение и он хочет нас предупредить.

10. ШЕСТЕРО ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Мы замечаем Ляльку далеко впереди себя и прибавляем ходу. Лялька беззвучно машет руками.

— Что бы это могло случиться? — тревожится Юрик.

Как назло, дорогу преграждает ледяная гора с крутыми боками. Пока мы делаем ступеньки и выбираемся на вершину, Лялька успевает подойти совсем близко. Наконец мы вылезаем на тропу.

— Мы со Стасом встретили каких-то двух мужчин, — сообщает Лялька таинственным шепотом.

— Они с неба свалились? — спрашивает Юрик.

— Вовсе нет. Говорят, что прошли другой тропой. Они гляциологи из Таджикистана.

Юрик разворачивает карту, долго изучает ее.

— Нет, другой тропы здесь нет. Вы спрашивали документы?

— Этим мы могли бы вызвать у них подозрение.

— Да, вы правы. На кого они похожи?

— Один — черный, смуглый, лет пятидесяти. Другой какой-то соломенный, с писклявым голоском, как у евнуха.

— Фамилии хоть свои назвали?

— Фамилии ничего не скажут. Один сказал — Садриддинов, а другой, кажется, Насафов.

Мы опускаемся на камни и сидим, раздумывая над неожиданной задачей.

— А может, это шпионы? — вдруг произносит Лялька.

— Шпионов сейчас таких не бывает, — смеется Юрик и добавляет серьезно: — Ясно только, что это чужие. Нам же говорил председатель колхоза перед отходом, что мы на Тамбекском перевале будем одни...

— Если они пришли со стороны Афганистана, то зачем? — вмешиваюсь я.

Неожиданно Юрика осеняет:

— Как бы то ни было, надо немедленно сообщить на заставу!

До заставы от нас километров шестьдесят. Идти — целых три дня. А мало ли что может случиться за это время. Если это какие-то темные люди, то они наверняка с оружием, тут и карабин Юрика не спасет. И кому идти на ночь глядя? Мне? Так я в темноте дойду до первой трещины — и все.

— Мы нашли большую пещеру. Там сейчас Стас и эти двое, — говорит Лялька.

— Тогда идем. Только будем начеку. — Юрик проверяет патроны и закидывает карабин за спину.

Идем вверх по тропе, прислушиваемся, не подает ли сигнал тревоги Стас. Уже совсем темно. Только чуть-чуть белеет снег, будто он фосфорный. Небо без звезд, пасмурное, холодное.

Замечаем впереди слабый отблеск. Это падает свет из выхода пещеры. Снег скрипит под ногами — к морозу. Первое, что бросается в глаза, — яркий электрический фонарик. Он укреплен в щели и бросает свет в центр пещеры, где расстелена палатка и горит спиртовка, на которой варится бульон. Потом вижу чернобровое худощавое лицо мужчины с крепкой коронкой белых зубов. Одет он в ярко-пятнистую шерстяную рубашку, горло перехватывает толстый шарф. Мужчина пристально смотрит на нас и улыбается.

— Нашего полку прибыло.

Знакомимся — Садриддинов и Насафов. Фамилии таджикские. Но что-то неуловимо чужое слышится в произношении. Твердые согласные звучат мягче,

«ы» получается как «и», «ш» — как «щ». В Азии так не говорят — там и гласные и согласные произносятся еще тверже, чем мы, русские.

Удивляет и то, что одежда и снаряжение спутников необычные, заграничные. Кто из нас видел пуховый спальный мешок в непромокаемом капроновом чехле или высоко зашнурованные ботинки с рубчатой каучуковой подошвой?

Заметил я, что второй спутник, этот Насафов, остается в тени и молчит. Юрик расспрашивает чернобрового о работе, тот бойко отвечает, говорит о каких-то исследованиях, о большой таджикской экспедиции, о разведке ледников. Но я хорошо знаю Юрика, хотя его бесстрастное лицо ни о чем не говорит. Если он почесывает свою черную бороду, значит сомневается.

— Разрешите ваши документы, — вдруг вмешивается Стас.

— С этого бы и начинали, — смеется чернобровый. — Завтра подойдут наши и покажут. Документы у начальника экспедиции.

Наступает неловкое молчание. Но из темноты выныривает второй спутник — «соломенный», как сказала Лялька, морщинистый, худой, маленький.

— Хватит о делах, давайте есть.

Мы пьем бульон, угощаем незнакомцев сухарями. У них, оказывается, кончились продукты, хотя этого не скажешь, глядя на туго набитые рюкзаки.

На ночь я с Юриком устраиваюсь ближе к выходу. Если незнакомцы будут выходить, то мы услышим. «Соломенный», обезьяноподобный, тушит фонарь. Все мы делаем вид, что засыпаем, однако сон не идет. Но он может сморить нас на рассвете. Кому-то надо сейчас спать, чтобы дежурить после. «Юрик, спи, — шепчу я, наклонившись к самому уху Юрика. — Я разбужу тебя, если что-то произойдет...»

Наступает тишина.

Стас храпит. Храпит так старательно, что незнакомцы наверняка почувствуют фальшь. Лялька возится, шумя брезентом палатки, никак не может угнездиться. Часы у меня со светящимся циферблатом.

Кошу глазами на руку. Сейчас полночь. Часов до четырех надо бодрствовать.

Секундная стрелка медленно-медленно передвигается по кругу, а минутная, так она совсем прилипла к одной цифре...

Начинает ныть бок. Надувной матрац совсем обмяк, где-то выходит воздух. Я все плотней опускаюсь на ребристые камни. И не могу пошевелиться. Не хочу. Так с ноющей болью и засыпаю. Но нервы взвинчены. Сон слишком чуток. Прихожу в себя при едва слышном шорохе. Осторожно приподнимаю веки. Из чернильной тьмы выплывают нечеткие очертания скал, нависших над сводом. Видно, свет луны пробил тучи.

Сердце сжимает от страха: а вдруг незнакомцы сейчас вырежут нас, как цыплят? Хочется разбудить Юрика, он же держит между колен карабин. Нет, надо подождать... Минуту... А возможно, кто-то просто пошевелился во сне? Нет, я чувствую, кто-то неслышно поднимается. Моя рука нащупывает рукоятку. Я вытягиваю из ножен свою финку.

Вот кто-то уже встал в рост. Смотрит на нас. Надевает ботинки. Идет, неслышно наступая на брезент, расстеленный на полу палатки. Задерживается у входа. Узнаю чернобрового.

Через секунду он, как тень, скользит мимо. Скрипнул снег. Чернобровый отходит в сторону. Шаг, шаг, еще шаг. Снег не скрипит. Остановился. Приподнимаю голову. Снаружи гораздо светлее. Вижу, чернобровый стоит, глядя куда-то в сторону. Стоит долго, никак не меньше пяти минут. В неясном свете луны, на фоне белеющих вершин он походит на призрака, на злого горного духа. «Что-то произойдет, если не сейчас, то завтра», — приходит мысль.

Наконец чернобровый возвращается и ложится. Интересно, знает ли он, что я не сплю? Стас уже давно спит. Да и Лялька спит, по-детски всхлипывая во сне. Часы показывают четыре. В шесть будет светать. Веки у меня становятся липкими. Их щиплет, будто натерли луком. Давлю руку Юрика. Со сна он вскидывает голову, но тревога, поселившаяся

в нем, когда он засыпал, быстро возвращает его к действительности. Юрик давит мою руку: мол, понял, спи. И я сразу проваливаюсь в пустоту.

11. СХВАТКА

— Мы ищем этот караван. Интересует он нас с чисто исторической точки зрения, — доносится до меня голос Стаса.

Очевидно, он рассказывает нашим странным знакомым о караване Джангира. Что ж, он прав. Никакой тайны в этом нет, надо же и нам оправдать свое появление на Тамбекском перевале. У меня еще закрыты глаза, но я вижу, что происходит вокруг, и знаю, что мне надо вставать, иначе легко заподозрить, что я сторожил ночью. Но сон был слишком короток, чтобы сразу сбросить его опьяняющую сладость.

— Нам кажется, — продолжает Стас, — караван погиб под снегом где-то в этом месте. Видите наверху снежную шапку; наверное, сто лет назад она была гораздо больше, и когда двинулась, то собрала все снега и камни со склона и обрушила на несчастных.

— Да, вы правы, — соглашается чернобровый. — И вы предполагаете здесь долго оставаться?

— Конечно, дальше-то пути нет — там граница.

С закрытыми глазами удивительно улавливаешь быстро меняющуюся интонацию. Мне кажется, что чернобровый разочарован в ответе. Ему хочется отделаться от нас поскорей. Что же его самого держит здесь? Нет, надо каким-то образом сообщить пограничникам. Эх, была бы рация!

Постепенно улетучивается дрема. Открываю глаза. Стас, Юрик и незнакомцы вышли из пещеры. Смотрю на рюкзаки. Какие роскошные! Спальные мешки свернуты и пристегнуты толстыми кожаными ремнями к заплечникам.

Одеваюсь и выхожу из пещеры. В первое мгновение меня ослепляет солнечный свет. Надеваю темные очки.

— Юрик, ты где умывался? — спрашиваю я.

— Пойдем покажу!

Молодец Юрик! Догадался, что мне надо поговорить с ним.

Мы отходим за большой торос. Там уже появился крохотный ручеек.

— Они пришли из-за границы, — говорю я.

— Конечно. И никакие они не гляциологи. Если бы ты знал, какую он молот ересь утром!..

— Надо во что бы то ни стало задержать их. Пусть Лялька со Стасом возьмутся за обезьяноподобного, а мы за другого.

— Но как предупредить Стаса? Они ведь тоже не спускают с нас глаз.

Я плещу на лицо холодную воду. Брызги, как иглы, колют обожженную солнцем кожу. Я не знаю, что делать...

После завтрака мы решаемся пригласить незнакомцев с собой.

— Пожалуй, не сможем, — задумчиво произносит чернобровый. — У нас своя работа.

— Ну, ваше дело... — говорит Стас.

Эх, как бы счастлив был человек, умеющий отгадывать мысли! Что решил Стас? Уйти? Оставить незнакомцев одних?

— Лялька, сегодня дежуришь ты, останешься здесь, — продолжает Стас. — Мы пойдем на ледничок, вон за той горой, посмотрим там.

Понятно! Стас хочет увести нас на самый верх тропы, чтобы оттуда удобнее было наблюдать за незнакомцами.

Мы уходим, обвязавшись шнуром и взяв ледоруб.

Едва поднявшись по скале вверх, Стас шепчет Юрику:

— Ложись здесь и держи их на мушке.

Юрик приседает за камнем. Незнакомцы теперь не видят ни его, ни нас.

Еще через минуту Стас говорит мне, чтобы я пробрался в сторону и залег над тропой, отрезав незнакомцам путь к границе. Стас же отправляется даль-

ше, продолжая громко разговаривать, будто мы все идем вместе.

Мне виден только кусок уступа, за которым скрыта пещера, и тропа подо мной. Я набираю камней. В случае чего удобно будет сыпать их на головы.

Проходит час. Никакого движения! Зря оставил Стас Ляльку, надо бы кого-то из нас. Солнце сильно печет спину, а живот свело от холода. Но я боюсь пошевелиться. Мы не знаем, куда двинутся незнакомцы. Если пойдут назад, то одно мое неосторожное движение может испортить все.

Вдруг слышу крик Юрика:

— Стой! Стрелять буду!

Раздается выстрел. Пуля ударяет в камень и с воем уходит рикошетом. На тропу выбегает чернобровый, пряча в куртку какой-то толстый пакет. За ним торопится обезьяноподобный. Что они сделали с Лялькой?

— Стой! — кричу я и сыпаю камни чуть ли не на их головы.

Чернобровый успевает прижаться к скале. Он не видит меня и стреляет наугад.

Большими прыжками несется сверху Стас. Не раздумывая, он прыгает на чернобрового. Но тот ловким ударом сбивает Стаса с ног. Падая, Стас вцепляется в ногу чернобрового, и, пока тот возится с ним, на тропу успевает спуститься Юрик. Размахнувшись, он опускает приклад на широкую спину чернобрового. Тот на мгновение обмякает и, перевернувшись, прыгает с тропы вниз.

— Стреляй, быстрее стреляй! — кричит Стас.

Юрик стреляет, но голова чернобрового быстро скрывается за камнями. Обезьяноподобный тоже бросается вниз и попадает в воронку из льда и камня.

Слышу какой-то странный гул. С вершины, нависшей над тропой, обрушился снежный карниз и, наращивая скорость, несется на нас.

— Ребята! Спасайтесь! — кричу я что есть силы.

Стас вскакивает. Он разъярен, на побледневшем его лице багровые пятна.

— Сюда! — Он добегает до пещеры.

И едва успевает вбежать Юрик, как все вокруг темнеет и над нами с диким воем и грохотом разражается буря. Сухой и колючий снег залетает в пещеру, хлещет по лицу, клубясь, ложится у ног.

Чернобровый рассек Стасу щеку. Из раны сильно течет кровь.

В кармане у Юрика есть индивидуальный пакет. Разорвав зубами плотную промасленную бумагу и клеенку, он перебинтовывает Стаса. В темноте и громе обвала я ищу Ляльку.

Грохот смолкает неожиданно. В отверстие пещеры снова врывается свет, и хотя камни еще зыбки от далеких сотрясений, мы понимаем, что лавина прошла и пощадила нас. В углу вижу связанную Ляльку с кляпом во рту.

— Они вытащили из-за этого камня какой-то пакет! — кричит Лялька, едва освободившись от пут и кляпа.

Стас хватается за карабин и первым выбегает из ниши. Тропа вся засыпана снегом, как и обрыв внизу. Но обвал прошел узкой полосой. Увязая почти по грудь в снегу, мы выбираемся на волю. Далеко впереди видим бегущего в сторону границы человека, кажется, чернобрового.

Стас падает на землю и долго целится, не в силах унять дрожь в руках. Пуля проходит мимо.

Чернобровый карабкается по скалам. Еще мгновение, и он скроется за поворотом. Стас целится снова и на этот раз плавно спускает курок.

— Попал! — кричу я, заметив, как беглец взмахивает руками и валится на камни.

Мы бежим к нему и видим, что незнакомец ранен. Он поворачивает к нам темное скуластое лицо и поднимает револьвер.

Мы падаем. Пули с воем впиваются в камни.

— Лежи здесь, я обойду! — шепчет Стас и отползает в сторону.

Незнакомец прекращает стрельбу. Тогда я срываю с головы берет, надеваю на небольшой камень и приподнимаю его над собой. Выстрел. Рука «отсыхает» от удара. «А вдруг он легко ранен и сейчас бросится

на меня?» — от этой мысли холодеет сердце. Быстро переползаю и, найдя щель между камнями, осторожно выглядываю. Незнакомец, держа пистолет наготове, смотрит в мою сторону. Я отчетливо вижу его темнокожее лицо, сросшиеся на переносье брови, седую прядь на висках, большой горбатый нос.

— Эй, сдавайтесь! — кричу я, чтобы отвлечь его внимание от Стаса.

Незнакомец стреляет на крик. Стас уже за его спиной. Коротко размахнувшись карабином, он выбивает из рук пистолет.

— Сопротивляться бесполезно! — кричит Стас.

У незнакомца ранена нога. Темное, бурое пятно расплывается по камню, на котором он лежит. Скрипнув зубами, незнакомец поднимает руки. Я репшнуром связываю их.

— Кто же вы такие на самом деле? — спрашивает, тяжело дыша, Стас.

Чернобровый отворачивается. Стас расстегивает «молнию» его куртки, достает тяжелый клеенчатый пакет и бумажник. Лицо чернобрового наливается кровью.

— Ого, да тут, наверное, золото! — Стас подбрасывает на ладони пакет, распутывает тесьму, разворачивает клеенку, пергаментную бумагу. Со звоном падают на камень связка золотых с бриллиантами колец и пакеты слежавшихся баңкнотов.

Незнакомец не выдерживает:

— Знаю, русские предпочитают быть неподкупными, но отпустите меня за половину этой суммы. Я ничего не сделал плохого для России, я только хотел взять свои деньги!

— Когда же вы их здесь оставили?

— В сорок третьем...

— Как вас зовут?

— Шёневеттер.

— Так вот, господин Шёневеттер, вы — преступник, и мы передадим вас пограничникам, — говорит Стас.

— В таком случае я больше не буду отвечать вам.

— Да мы и не хотим допрашивать. Скажите только, где сейчас ваш спутник?

Шёневеттер пожимает плечами.

— Это не так касается нас, как вас. Может быть, он попал в лавину и ждет сейчас помощи?

— Меня это не интересует. — Шёневеттер отворачивается.

Мы перевязываем Шёневеттера, но идти он не может. Из карабина сооружаем нечто вроде сиденья и начинаем поднимать раненого к тропе.

Встречает нас обеспокоенный Юрик:

— Ляльке плохо.

В пещере мы кладем Шёневеттера рядом с Лялькой. Она плачет. Шёневеттер сильно ударил ее, когда связывал. Стас подходит ко мне.

— Егор, ты пойдешь за пограничниками и врачом. Мы с Юриком постараемся отыскать второго. Он, конечно, угодил в лавину. Лялька останется с Шёневеттером.

— Хорошо, Стас. Только... уже скоро вечер.

— Придется идти ночью.

— Иду.

Я кладу в карман пару банок консервов, сухари и прощаюсь с ребятами.

12. НОЧНАЯ ДОРОГА

Торопливо спускаюсь по ледяной круче. Солнце еще высоко. В теплой куртке жарко, в рубашке холодно. С ледника поддувает ветерок. В полыньях шумят ручьи. Дышу открытым ртом.

Снег вязкий, мокрый. В такое время всегда бывают лавины. Опасливо поглядываю вверх, на снежные карнизы. Тропинка становится совсем узкой — двое не разойдутся. Хорошо бы ночью была луна! В темноте запросто можно оступиться и попасть в трещину.

Спускаясь с перевала, рассчитываю дойти до долины к вечеру завтра. Все равно придется где-то заночевать — не хватит сил все время идти.

Солнце как будто ускоряет бег, на глазах скатывается за горы. Снег лиловет. Трещины начинают

дымиться. Вода там покрывается ледком. В груди у меня что-то хрипит, как испорченный патефон.

Часов за пять я, наверное, прошел километров двенадцать. Ужасно хочется уснуть. Но у меня нет ни палатки, ни мешка. Я должен все время идти, только тогда не окоченею. Избитые, обветренные руки прячу в карманы, медленно поднимаюсь и снова иду.

Глаза уже не различают ничего. Иду, будто спрятав голову в фотографический мешок. Слышу только стук размокших за день и теперь смерзающихся ботинок. Вдруг сильно ударяюсь о выступ в скале. Изучаю лоб. Под рукой разбухает шишка. Из глаз от боли льются слезы. К черту! Я не могу так идти! Сажусь на лед. Хоть бы какой огонек! Немного тепла!..

Слышу далекий грохот. Где-то скатилась лавина. И рядом треск, словно кто-то раздирает материю. «О-о-охр!» — прокатывается по горам.

Во сне возникают какие-то твари — они вертятся, прыгают, рвут острыми когтями. Горные духи, черт бы их побрал!

Видимо, голова у меня упирается в лед, щеку нестерпимо жжет, и я просыпаюсь. От холода дрожит каждая клеточка. С болью подбираю под себя одеревеневшие ноги и встаю на колени. Потом подгибаю одну ногу, пытаюсь выпрямить. Встал. Вытаскиваю из карманов руки, бью по плечам, но не чувствую ударов.

Останавливаюсь, жадно втягивая в себя морозный воздух.

Мне стыдно перед ребятами. От злости на себя хлещу по лицу и бокам изо всех сил, и постепенно кровь начинает теплеть.

Проходит часа два или три. Вдруг замечаю светлеющую впереди полоску. Это тропа. В обрывках тумана, рассеянного ветерком, помигивает луна. Начинаю двигаться перебежками. Как только полоска снова растворяется в темноте, останавливаюсь, перевожу дыхание. Засветлеет — пускаюсь чуть не бегом.

С утром возвращается тепло. Все ночные страхи проходят. Тропинка бежит вниз, и легче дышится. Под ногами уже шуршит первая трава. Вдали голубеет долина. Там застава.

Через час в знакомые шумы гор вторгается посторонний звук. Останавливаюсь, пытаюсь отгадать, с какой стороны он доносится до меня. Через несколько минут понимаю, что это рокочет вертолет или самолет. Бросаюсь по тропе бегом, скидывая на ходу куртку. Если бы заметили, если бы!..

Совсем низко над землей тарахтит оранжевая стрекоза. Зубами рву подкладку куртки, поджигаю вату и размахиваю над головой. Вата вспыхивает, дымит — получается нечто вроде костра. Может быть, в этот момент пилот посмотрел в мою сторону. По изменившемуся рокоту мотора догадываюсь, что вертолет разворачивается и летит ко мне. Наверное, такое бывает только в сказке. Но разве все, что приключилось с нами, не похоже на сказку?

Вертолет несется, едва не задевая колесами за камни. В поблескивающих стеклах кабины замечаю лицо пилота; тот знаками пытается мне что-то объяснить, но я не понимаю его. Взревев мотором, машина зависает. Из грузовой дверцы падает, раскручиваясь, веревочная лестница. Хватаюсь за нее. Она рвется из-под ног, почти опрокидывает навзничь. Чувствую, лестницу подтягивают. У самых ступенек меня подхватывают под руки и втаскивают в кабину.

— Немедленно нужен врач! — кричу я, пытаюсь разглядеть в полумраке кабины лица моих спасителей.

— Туристы из Москвы? — спрашивает меня офицер-пограничник.

— Откуда вы знаете?

— Тьфу! — в сердцах произносит второй — видимо, бортмеханик. — Так я и знал! Зайдут черт знает куда, переломают ноги, а потом врача им подавай.

— Да не мне! Мы задержали нарушителя! Он ранен. И одна из группы тоже! — кричу я в отчаянии. — Вот мои документы. Я вам серьезно говорю.

Офицер смотрит на мой паспорт, на разрешение находиться в пограничной зоне и кивает бортмеханику:

— К заставе!

Путь, на который я потратил бы еще день, вертолет пролетает за десять минут.

Вид у меня, наверное, настолько истерзанный, что капитан, начальник заставы, сразу же вызывает врача. Пока тот промывает и перевязывает мои ожоги и ссадины, я рассказываю о наших поисках каравана Джангира, о двух нарушителях, о пакете, найденном у Шёневеттера.

— Любопытно! — барабанит по столу капитан и щелкает рычажком селектора. — Дежурный! Тревога!

Он поворачивается к пилотам:

— На перевале трудно зависать, но надо лететь. Что вы предлагаете, лейтенант?

— Максимально облегчу машину, полечу без второго пилота и механика, возьму только врача.

— Действуйте! А остальных... — капитан смотрит на офицера, который летел в вертолете, — мы вывезем на лошадях. Выполняйте!

— Товарищ капитан! — Я невольно вскакиваю с места. — А меня куда?

— Отдохните у нас. Мы справимся одни.

— Никак нельзя, я хорошо знаю тропу и место, где остались ребята.

Тон у меня решительный. Капитан улыбается:

— Ну что ж, действуйте. Умеете на лошади?

— Приходилось...

Вскакиваю в теплое, нагретое солнцем седло. Лошадь нервно водит ушами.

— Отделение... галопом... — звонко командует офицер, вырываясь вперед, — марш!

Кони несутся к перевалу, где меня ждут друзья.

13. ПОГРЕБЕННЫЙ В ЛАВИНЕ

Мы доехали до ледника и услышали рокот вертолета. Машина уже возвращалась. Представляю, как трудно было пилоту найти площадку среди сплошных скал и ледяных торосов, забрать Ляльку и подняться. Вертолет покачивается с боку на бок — пилот дает знать, что все в порядке.

Мы невольно подгоняем коней. Крепкие мохнатые лошади, приученные к горным тропам, и без того идут быстро.

К вечеру добираемся до пещеры и видим такую картину: Шёневеттер со связанными руками сидит на краю тропы. Юрик и Стас около глубокой траншеи растирают снегом и спиртом неподвижное тело второго нарушителя с морщинистым, обезьяньим лицом. Стас, смахивая пот, говорит:

— Знакомьтесь, Карл Минцель... Во всяком случае, так нам рекомендовал его господин Шёневеттер.

— Он мертв? — спрашивает офицер-пограничник.

— В глубоком обмороке, — отвечает Стас. — Ему повезло: в момент падения лавины он прижался к скале, и снег не задушил его.

Юрик шутливо толкает меня в бок:

— Ты слетал прямо на крыльях, Егорушка!

— Да уж и вправду повезло!

Двое пограничников, сменив Юрика и Стаса, энергично делают искусственное дыхание Минцелю. Наконец тот издает слабый стон. Офицер вливает ему в рот спирт. Минцель кашляет и открывает глаза. Он различает зеленые погоны на гимнастерках солдат, переводит взгляд на нас.

— Плохо, деер шлехт, камараден, — выдавливает он.

— Почему же плохо? — спрашивает Стас. — Мы вернули вас из ада.

Приподнявшись, Минцель замечает Шёневеттера. Тот безучастно смотрит в сторону.

— Плохо потому, что я остался цел. — Он вздыхает и снова закрывает глаза.

Пограничники переносят Минцеля к тропе, обертывают горячей войлочной попоной. Отогревшись, Минцель просит спирта. Жадно пьет несколько глотков и, пьянея, кричит со злостью:

— Дьявол побери, теперь я снова ваш пленник!

Юрик и Стас увлекают меня к траншее.

— Мы нашли караван Джангира, — загадочно произносит Стас. — Смотри.

В траншее замечаю ледяной грот. Зеленоватый

свет струится между толстыми сосульками, которые висят на потолке.

— Смотри лучше! — Стас показывает рукой на стенку грота.

В полупрозрачной зелени льда что-то темнеет.

— Слушайте... — испуганно шепчу я. — Вон там, кажется, лежит лошадь, а рядом что-то похожее на фигуру человека...

Фантазия подсказывает мне, что замурованное в столетнем льду и похожее на глыбы камня — останки каравана Джангира. Лавина — могучая, быстрая, свирепая — застала караван на привале, люди устроились на ночлег.

Я словно вижу полосатые халаты погонщиков, бараньи курпеи, снятые седла, оружие в козлах, сплющенные котлы у костров.

Что-то заставило Джангира спуститься с тропы на ровное поле льда. Его люди поужинали и легли, утомленные дорогой, рядом с лошадьми и верблюдами. Громадная лавина накрыла лагерь, как рука муху. Никто не успел спастись.

Шли годы... Под солнечными лучами снег превратился в лед, замуровав навеки своих пленников.

— Надо бы пробить шурф во льду, проверить наши догадки, — говорит Стас, взволнованно протирая очки.

— Нет, ничего нельзя трогать. Мы расскажем ученым. Сюда прибудет специальная экспедиция.

«И я обязательно буду в этой экспедиции», — подумал каждый из нас про себя.

Взволнованные необычным открытием, выбираемся из грота.

Шёневеттера и Минцеля усаживают на лошадей к дюжим пограничникам. Чтобы они не вздумали прыгнуть с седла, крепко привязывают их реп-шнуром.

Мы грузим на свободных лошадей рюкзаки и тоже взбираемся в седла.

Едем по тропе. Невдалеке замечаем горную козу с козленком. Коза жует жвачку, невозмутимо поглядывает на нас. Только козленок тревожно кружит возле нее, тыкаясь в бок узкой мордочкой.

Из скал вырывается ручеек. Голубая струйка брызжет водяной пылью, и над блестящими влажными камнями повисает радуга, такая крохотная, что ее можно обнять руками.

С вершин, как белые реки, спускается в долины вечерний туман. Клубясь, образует свои водопады и перекаты, отсвечивает розовыми боками. Чуть в стороне набухает сиреневая, отяжелевшая от влаги туча. Ее передергивает молнией, и с треском катится по горам гром. И как это всегда бывает здесь, в продолжение грому грохнула лавина — вершина сбросила с отяжелевших плеч снежный карниз.

Мы сейчас выше облаков и грозы. И гроза и облака — у наших ног. И возникает какое-то гордое чувство родства с этими горами, с дикой и беспокойной стихией.

Теперь мы знаем, где и как погиб караван. И мы пойдем в новую экспедицию. А она обязательно будет. Наука не любит оставлять на своем пути «белые пятна». Всегда находились люди, которые шли на поиск — пусть через год, сто, тысячу лет.

Е. ПАТЕНГЕЛОВ

**ШТУРМОВОЙ
ОТРЯД**

НОВЕЛЬ

ЖАРКИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

В пять часов прозвенел звонок. И сразу за стенами, над потолком и под полом захлопали двери. По коридору, цокая каблучками, смеясь, прошли лаборантки из отдела "петрографии". Алик выключил лампу микроскопа и, прислонившись затылком к стене, закрыл глаза. В мерцающей темноте, разгораясь и потухая, плыли, вращались разноцветно светящиеся многоугольники кристаллов.

Выйдя из института, он нашел в кошельке трехкопеечную монету для автомата и выпил стакан воды. Солнце пекло с бесцветного неба, и приятно было пить холодную, кислую воду, смотреть, как в нише автомата дрожат солнечные блики и вьются, ползают осы.

Домой он пошел пешком. Сначала по левой, теневой стороне улицы, потом ему пришлось пересечь по диагонали, по хрустящему ракушечному песку, сквер, пройти два квартала вдоль трамвайной линии, свернуть направо, где начинается узкая кривая улочка с голубым ручейком мыльной воды посередине.

Хозяйки дома не было. Алик полежал на кровати, потом вскипятил на электрической плитке чай, намазал на сухой, растрескавшийся кусок батона желтое, жидкое от жары масло, пожевал, глядя в открытое окно. Во дворе по ту сторону улицы белили: перед оплетенной паночками верандой стояли рулоны ковров, спинки кроватей и заляпанные известкой фикусы. Солнце уже ушло за крыши, двор был в тени; а когда, побрившись, в свежей, хорошо выглаженной ру-

башке, Алик вышел на улицу, жара совсем спала, из палисадников пахло цветами.

Он шел вниз, к центру. Мимо стертых, чисто вымытых порогов из известняка, мимо сидящих на стульях и скамеечках женщин и стариков с газетами и растрепанными библиотечными книгами, мимо черных проемов дверей, в которых кипели на керогазах борщи и жарилась рыба.

А вдоль трамвайной линии блестело низкое солнце, слепило глаза. Как тогда, когда он шел здесь первый раз; только тогда было утро и солнце светило с другой стороны — поезд из Аркадьевска пришел на рассвете, и Алик долго ходил по пустым улицам, дожидаясь, когда откроются столовые. Дребезжали пустые, насквозь просвеченные трамваи; ревели, окутываясь голубым дымом, самосвалы, в дыму плясали лучики от зеркалец на их кабинах... После бессонной ночи резало глаза, во рту был металлический вкус, поташнивало, и пугающе-неожиданной была каждый раз мысль о том, что с Аркадьевском все кончено, что это уже прошлое, что где-то здесь, на одной из улиц этого чужого города, он будет теперь жить, будет ходить на работу и в кино... Три месяца уже, как он здесь, но и сейчас еще становится иногда странно: почему это случилось — почему он уехал вдруг из Аркадьевска и приехал в Крым? Надоело плыть по течению, отвечал он себе, захотелось сделать поворот, все равно в какую сторону.

Он свернул к кинотеатру, постоял перед афишей. Потом спустился к кассам и взял билет. В фойе было пусто и прохладно; буфетчица считала, складывая в стопки, мокрую мелочь; уборщица мела полы; пахло sprыснутой пылью и уборной. Алик купил газету и сел в углу. За стеной, в зрительном зале, гремела музыка, стреляли и кричали. Шаркал по полу веник уборщицы.

В Аркадьевске было много заводских клубов и только один настоящий кинотеатр «Гигант» — огромная бетонная коробка со стеклянными лентами окон и барельефами рабочих с молотами. За билетами нужно было приходить утром. Очередь, давка,

объявление: «Более четырех билетов не отпускается». Алик брал всегда два: взять один билет было как-то стыдно. Лишний он потом продавал.

Домой он шел в темноте, по расплывчатым, прозрачным теням деревьев на голубоватом от люминесцентных ламп асфальте... Дома он пил кофе, лежал на кровати, на хрустящем, набитом водорослями матрасе, глядел в зеленоватый от колпака настольной лампы потолок, вставал, подходил к черному проему раскрытого окна, смотрел на обсыпанную красными огоньками телевышку, слушал, как в парке, на танцплощадке, играет оркестр, курил...

Потом брал будильник, заводил. Толстая зеленая стрелка на двенадцати, тонкая черная — на семи. В семь часов утра будильник зазвонит, и Алик встанет, будет мыться в коридоре над алюминиевым тазом, потом побреется, выпьет кофе и пойдет в институт. Четыре часа за микроскопом, перерыв на обед, еще три часа за микроскопом. И снова вечер: улицы, прозрачные тени деревьев, комната...

Но он ошибся.

ЧТО ТАКОЕ МАМУТ-КОБА

Утро было пасмурное. Над городом, срезав половину телевышки, мутной пеленой плыли тучи. К середине дня начали появляться откуда-то мокрые грузовики, мостовые залоснились под их шинами. Дождь пошел сразу после обеда.

Алик стоял возле окна, когда вошла машинистка Шура.

— Валентин Юрьевич вас зовет.

Он всегда как-то пугался, когда его куда-нибудь вызывали. Чудак! Нормальный человек спросил бы, в чем там дело, и все. Она, конечно, знает.

— А я без плаща, вот беда! — сказала Шура, глядя в окно.

Она была в прозрачной блузке, сквозь которую виднелось голубое белье. Алик подошел к столу и

изо всей силы нажал на выключатель лампы. Какого черта он всегда чего-то боится?

У Валентина Юрьевича сидел парень в обрызганной дождем штурмовке.

— Знакомьтесь. — Валентин Юрьевич встал и развел руки. — Александр Николаевич Крутов. Игорь Викторович Василевский.

Алик пожал узкую влажную руку.

— Игорь Викторович руководит у нас пещерным отрядом, — сказал Валентин Юрьевич. — Сейчас они готовятся к штурму Мамут-кобы. Слышали, вероятно? Очень большая и чрезвычайно перспективная полость, еще не пройденная до конца.

У Василевского было худое темное лицо и черные, как сапожная щетка, волосы. На штурмовке висел тусклый, затертый значок первого разряда по туризму.

— У нас в отделе существует неписанный закон: если что-нибудь горит, все бросают свои дела и переключаются на прорыв, — говорил Валентин Юрьевич. Василевский сидел, упирая локти в колени расставленных ног, и молча смотрел на него. — Это я вот к чему. Игорю Викторовичу вот так, — он провел ладонью по горлу, — нужен геолог. Вы обратили внимание, с каким голодным блеском в глазах он на вас смотрит?

Василевский слабо улыбнулся Алику.

— Это ненадолго, — он прислонился спиной к спинке стула. — Неделя, не больше.

Теперь, когда Алик знал, в чем дело, он, как всегда, сразу успокоился. И как всегда, стало стыдно и непонятно, чего он, собственно, боялся.

— Ну так что? Я согласен.

Валентин Юрьевич взглянул на Василевского.

— Когда нужно ехать? — сказал Алик.

— Вот такой подход мне нравится. — Валентин Юрьевич открыл коробку папирос. — Так что, Игорь Викторович, когда нужно ехать?

— Если ничего не изменится, мы выедем завтра в середине дня. Сначала на Ай-Петри: нужно забрать на метеостанции снаряжение.

Он говорил тихо и медленно, тщательно выговаривая слова, аккуратными, как будто заранее приготовленными фразами.

— Что брат с собой? — спросил Алик.

— Что брат? — Василевский потер лицо, встряхнулся. — Знаешь, давай на «ты». Не люблю я эти всякие... А брат... Ну что — одежду главным образом. Возьми свитер, на ноги что-нибудь и какой-нибудь чепчик.

— Великолепно! — Валентин Юрьевич весело дернул ящик стола и вынул лист бумаги. — Я пишу заявку на командировку.

Сильно зашумел дождь. Игорь повернул голову, встал, потянувшись, подошел к окну. По стеклу, пузырясь, текла мутная от размытой замазки вода. Валентин Юрьевич включил лампу.

— Спортом занимаешься? — спросил Игорь, не оборачиваясь.

— В университете немного. Лыжами.

Игорь водил пальцем по стеклу.

— Не благоприятствует наш крымский аллах с погодой.

— На растленном Западе появился новый вид спорта, — сказал Валентин Юрьевич. Он писал, припав грудью к столу и раздвинув локти. — Намазывают машину маслом, а потом облизывают.

— Да, кстати, насчет масла. — Игорь снова слабо улыбнулся. — Топленого в ОРСе нет. А брат сливочное нам не имеет смысла, поскольку жара дикая.

— Ближе к делу. Я должен позвонить Касимову?

— Или дать нам в отряд холодильник.

— Батарейный? — Он положил ручку. — Я написал: по двадцать седьмое. Так?

Игорь подошел и поверх его плеча посмотрел на бумагу.

— Так.

— Ну, великолепно! — Валентин Юрьевич встал, оперся о край стола. — Я в восторге, что мы так быстро обо всем договорились. Вы наш спаситель, избавитель и благодетель.

Игорь стоял за его спиной и улыбался Алику.

В коридоре было тихо и темно: рабочий день уже кончился.

— Как устроился? — спросил Игорь.

— Терпимо.

— На частной?

— Да.

— Все постепенно образуется. — Он опять потер лицо. — Почти не спал сегодня. Вернули из Москвы статью на переделку, сидел всю ночь. — Он протянул руку. — Ну что, до завтра? Жду тебя утром.

Утром было солнце.

Игорь сидел у окна и рассматривал в стереоскоп аэроснимки. В светлой белой комнате лицо его показалось Алику еще более темным, будто припорошенным угольной пылью. Он был тщательно выбрит, только на скулах, под глазами, чернели толстые волоски.

— Все в порядке? — спросил он. — Машину будем ждать.

Алик кивнул.

— А где она?

— В гараже. Сцепление что-то пробуксовывает. — Он протянул новый, пахнущий коленкором и клеем отчет. — Почитай, если хочешь.

Алик сел, полистал отчет.

— Прошлогодний наш, — сказал Игорь.

Разрез какой-то пещеры на неровно обрезанной аммиачке. Фотографии. Парень в резиновом костюме, с фонарем в руке стоит по пояс в воде, сзади чернеет трещина.

— Кто еще едет? — спросил Алик.

— Большинство явится прямо к пещере. Сейчас захватим двух ребят из пединститута, кое-кого подберем на Ай-Петри. Мою супругу в том числе, она тоже пещерница.

Машина пришла во второй половине дня: обшарпанный грузовик с истрепанным брезентовым тентом над кузовом.

— Все в порядке, Карп Игнатович? — громко, как говорят глухому, спросил Игорь.

Шофер, старик в замасленной кепке, неопределенно пожал плечами:

— Диски малость маслятятся.

Игорь выпятил нижнюю губу.

— Диски, писки, виски, — сказал он.

Шофер курил, сидя на подножке. Складки кожи, свисающие из-под бровей, почти закрывали его глаза, и лицо было сонное и печальное: полуприкрытые глаза, поднятые брови, наморщенный лоб.

— Колоритен? — спросил Игорь у Алика. — У нас его зовут Карбюратором. Утверждают, что он был водителем броневика у Махно и обижается, что этот период не включают ему в трудовой стаж. Врут, надо думать.

Они бросили в кузов несколько пустых ящиков.

— По коням, Карп Игнатович! — сказал Игорь.

Проехав немного, свернули в переулок и остановились. К машине подошли два парня с рюкзаками. Игорь открыл дверцу.

— Приветствую вас!

— Аналогично, — сказал один из парней.

Они поставили рюкзаки в кузов. На шеях у обоих были пестрые косынки.

— Знакомьтесь, — сказал Игорь. — Коля, брат Васи. Коля, муж Лили. А это Алик.

— Начинаящий? — сказал Коля, брат Васи.

Алик на всякий случай усмехнулся.

— Изоленту купили? — спросил Игорь.

— А как же, шеф! — сказал Коля, брат Васи. — Но какой я, главное, изготовил фонарь! Я что сделал? Достал навигационный знак с самолета и две пластинки карболита. Потом так...

— Карболит, Айболит, — пробормотал Игорь и посмотрел на часы. — По коням, мальчишки! Алик сядет в кабину, а мы поболтаем.

...Город, люди, мерцающие под солнцем крыши машин, а потом пригороды с торчащими из-за забо-

ров подсолнухами и мальвами, и неожиданно открылись поля и изрезанные белыми оврагами склоны. Карбюратор надвинул кепку на лицо и прибавил скорости, в кабине запахло асфальтом и сеном. Солнце мутным желтым пятном дрожало за стеклом, разбежалось паутиной блестящих трещинок.

Накаленный и безлюдный Бахчисарай, лиловые поля лаванды, черепичная крыша домика на железнодорожном переезде, неподвижные темно-зеленые деревья, их тени на золотящемся под солнцем шоссе. Пятна свежего асфальта, которым заделаны выбоины, блестели, как лужи.

В каком-то селе под белым мергелистым обрывом покупали помидоры и картошку, потом сидели в чайной возле огромного кактуса, пили пиво и ели жареную баранину.

И снова ехали. Алик, сытый и довольный, сидел, развалившись, на продавленном сиденье, смотрел на надвигающийся склон Ай-Петри, на встречные машины, на Карбюратора, сонно и равнодушно крутящего баранку. На подъеме его укачало. Машина шла на первой скорости, ревел двигатель, в кабине было жарко, воняло перегаром. Алик расстегнул рубашку и отпустил пояс, на поворотах в животе у него замирало, на лбу выступала испарина.

Выехали, наконец, на яйлу. Карбюратор переключил скорость, и машина покатила легко и ровно. Сбоку, по траве, бежала, подпрыгивая, ее длинная тень. А впереди, в низине, сургучно краснели жестяными крышами дома. Потом Алик увидел метеостанцию, серебристые мачты и белые будки приборов.

ПЕЩЕРНИКИ

Он вылез из кабины и поежился: дул холодный ветер. Игорь стоял около ограды метеостанции и разговаривал с девушкой в красной юбке. Девушка смеялась, куталась в куртку, ветер трепал ее юбку.

Они подошли к машине.

— Для начала познакомься с Аликом, — сказал Игорь, как всегда, тихо и спокойно.

— Надя. — Она протянула руку. Волосы у нее были короткие, рассыпчатые, ветер ерошил их.

— Так что будем делать, шеф? — крикнул Коля, брат Васи. Свесив ноги, он сидел с сигаретой в зубах на заднем борту.

— Слезайте, — сказал Игорь.

— На Ай-Петрах будем ночевать? — спросил Карбюратор.

Игорь обернулся.

— Да, да. Машину — во двор.

Они пошли за Надей через двор, где развевалось на веревке белье, по коридору, через занавешенную марлей дверь, в длинную, заставленную раскладушками комнату.

— Я думала, вы утром приедете, — сказала Надя.

Алик развязал спальный мешок, расстелил его на стоявшей под окном раскладушке. На подоконнике стояли барографы и какие-то пыльные картонные коробки.

— Будем барахло разбирать? — спросил Коля, муж Лили.

Алик первый раз услышал его голос.

— Завтра с утра, — сказал Игорь.

Он рылся в рюкзаке. Надя стояла рядом и смотрела на него.

— Поищи в карманах, — сказала она.

Алик надел куртку и вышел. По шоссе, рывкая, проносились машины. Мальчишка в соломенной шляпе гнал по обочине корову.

— До Зубцов далеко? — спросил Алик.

— А вон тропа. — Мальчишка махнул рукой.

Алик дошел по бровке обрыва до Зубцов, сел в каменистой промоине, в затишке, покурил, глядя вниз. На побережье лежала синеватая тень гор. Ярко белел в ялтинском порту теплоход. Яично-желтые облака, громоздящиеся над горизонтом, отражались в море светлыми стенами. Сидел бы он сейчас в своей комнате или ходил по городу. Слишком неожиданно все это произошло; Игорь, Ай-Петри, Надя...

Когда он вернулся, начало темнеть. Внизу, в Ял-

те, горели огни. По шоссе шли девушки — сборщицы лаванды.

В дверях станции Алик столкнулся с Надей. Оба засмеялись.

— Давайте я схожу. — Он взял из ее рук ведро.

— А знаете где? На станции вода кончилась, они берут в долг в ресторане.

Ветер подхватил ее юбку, когда они вышли на шоссе. Она подняла воротник куртки. Фары вывернувшейся из-за поворота машины просветили ее волосы.

— Вы давно на Ай-Петри? — сказал Алик.

— С утра. Я в отпуске сейчас.

Во дворе ресторана пахло горелым маслом, в котором жарят чебуреки.

— Отдыхаю в Кореизе, — сказала Надя.

Алик выдернул из цистерны деревянную затычку, и вода толстой струей мягко ткнулась в ведро. Из дверей выглянула женщина в белом халате.

— Со станции, — сказала она кому-то.

Алик заткнул цистерну и поднял ведро.

— Вон «Красный камень», — сказал Надя, придерживая под подбородком углы воротника. — Видите огонек? Это ресторан в заповеднике. Мы там были в прошлом году, пили рислинг, закусывая жареной олениной. Потом спустились к морю, а перед этим такой ливень был — море коричневое, и чего только не плавало! Мы придумали игру: кто поймает что-нибудь такое, чего еще не было. Игореха поймал стеариновую свечу и дыню. А я — сапожную щетку.

— Вы давно в Крыму?

— Три года.

— Нравится?

— А мне везде нравится.

Они вошли на станцию.

— Поставьте в коридоре, — сказала Надя. — Какао сейчас сварим.

Игорь и оба Коли сидели на полу вокруг кучи проводов, лампочек, стекол и кругов изолянта.

— Фонари комплектуем, — сказал Игорь.

За стеной играл приемник. Сигналили на повороте

машины, стекла окна голубовато озарялись, и, дрожа, проплывали по ним тени мачт. Шумел за марлевой занавеской примус, то и дело бегала Надя, носила банки сгущенки, сахар, кружки. Все хорошо и просто. Отвертка, чтобы вывертывать и ввертывать шурупы, нож, чтобы зачищать концы проводов, пластилин, чтобы в фонари не просочилась вода.

Потом запахло какао. Надя внесла чайник. Коля, муж Лили, молча начал резать хлеб, а Игорь принес со двора мокрую кастрюлю с маслом.

— Мажьте от души, — сказала Надя. — Больше ничего не будет.

Потом все разошлись. Алик тоже вышел. Ветер улегся, было тепло. От круглой желтой луны тянулась по морю багровая дорожка.

Когда Алик проснулся, пахло кофе. За откинутой занавеской Надя, всклокоченная, в брюках, сидела на корточках возле примуса.

— Доброе утро, — сказал Алик.

Она улыбнулась и кивнула.

Он вышел на заляпанный куриным пометом порог и зажмурился от солнца. Перед раскрытым сараем сидели на куче вещей Игорь и оба Коли. Муж Лили наматывал на катушку синий телефонный провод. Брат Васи накачивал резиновую лодку. Игорь держал уже надутую лодку стоймя и прижимался к ней ухом.

— Привет, — сказал Алик.

— Привет. Травит где-то, подлая.

Куча, на которой они сидели, состояла из мотков толстой капроновой веревки, каких-то резиновых сумок, свитеров, сапог и хлопчатобумажных комбинезонов, грязных и заляпанных стеарином.

— Что мне делать? — спросил Алик.

Игорь бросил лодку и отряхнул руки.

— Знаешь, займись компасами. Вон, на ящике. Сверить, почистить, там на некоторых клинометры заедает.

— Будет сделано. Умоюсь только.

— Умойся, умойся, — сказал Коля, брат Васи.

— Злорадствует, — сказал Игорь. — Воду еще не привезли. Между прочим, это здесь проблема. Нам как-то пришлось варить кашу на боржоме, купленном в ресторане. Года два назад. Шли из Мисхора на Чайный домик...

— Пижон! — крикнул вдруг Коля, брат Васи. — Жалкий пижон!

От ворот, с рюкзаком на плечах, шел парень в шортах и черной с белыми пуговками рубашке. На шее у него висела на капроновом шнурке замусоленная деревянная фигурка.

Игорь протянул ему руку.

— Почему не отвечал, Юра?

— Нет, мне нравится, — парень показал на Игоря пальцем. — Человек вчера только вернулся со скал, а к нему такие претензии. Вчера, в пять часов. Смотрю: твое воззвание.

— Воззвание, взывание, — сказал Игорь. — Чистили обрывы?

— Безусловно. Труд этот, парни, был страшно громаден, не по плечу одному. Но принцип материальной заинтересованности был на высоте. Двенадцать рублей в сутки.

— Лев тоже был?

— Безусловно. Лев щеголял в новых гетрах и обучал гайшников альпинистским песням.

Парень, кривясь, затягивался докуренной до пальцев сигаретой. У него было равномерно красное лицо, красная шея, красные руки; красная кожа просвечивала и сквозь короткие бесцветные волосы.

— Кто такой? — тихо спросил Алик Колю, мужа Лили.

— Юрочка Плахов, — сказал тот, не оборачиваясь. — Первый разряд по альпинизму.

— Так что, шеф? — Юрочка сунул руки в карманы, разведя полы незастегнутой рубашки. Грудь была мускулистая и тоже красная. — Когда двигаем?

— Сложимся вот...

Юрочка кивнул.

— Порядок. Льву ты написал?

— Да.

— Порядок. — Он взглянул на Алика и подошел к Коле, мужу Лили. — Кеке, дружище! — и взял из его рук катушку с проводом. — Ты подавай, а я буду крутить.

Алик возился с компасами. Он чувствовал себя чужим здесь, среди этих людей, которые все друг друга знают, все заодно... Компасы были грязные, исцарапанные, с обколотыми пластмассовыми корпусами. Алик снимал стекла, вычищал ножом сухую глину. У них на факультете тоже были альпинисты. Они вставали в шесть утра, долго делали зарядку с гантелями и эспандерами, пили кефир и ничего другого, пели свои песни и говорили о траверзах и пике Пти-Дрю. Алик относился к ним иронически. А может быть, это как раз то, что нужно? Щеголять в новых гетрах, петь песни и думать только о траверзах и пике Пти-Дрю?

В половине третьего погрузка была закончена. Надя села в кабину, остальные влезли в кузов, на пыльную, колышущуюся грудку вещей. Игорь похлопал ладонью по верху кабины.

— По коням!

И снова шоссе, километровые столбы, черные сланцевые откосы с желтыми кустиками молочая, горячий ветер, солнце, мелькающее между соснами, — блестящее и расплывшееся, будто за промасленной бумагой. Над шоссе, на фоне черных от тени стен леса, искрились, сыпались мухи и мошки. Машина, шипя шинами, катила по осмолившемуся асфальту. Около Учан-Су женщины в майках и шароварах лопатами бросали на шоссе диоритовую щебенку; она отлетала от колес и звонко била в днище машины.

Алик нагнулся и сквозь проволочную сетку и радужно-желтое потрескавшееся стекло посмотрел в кабину. Надя разговаривала с Карбюратором, и тот — странное дело! — что-то рьяно доказывал ей, размахивая свободной рукой.

Все хорошо, и ни о чем не нужно думать, потому что все остальное неважно, потому что ничего другого просто нет, только шоссе, километровые столбы, горячий ветер и запах шалфея!

Свернули в лес, на грунтовую дорогу. Переехали ручей, и дорога пошла вверх; деревья царапали по брезенту, клубилась пыль, кузов встряхивало, тент ходил ходуном и скрипел, когда, переваливая через камни, машина кренилась. Потом Алик увидел дым, и они выехали на поляну с костром и палаткой. Около костра стояли четверо. Один, в шортах и белой кепке, вышел вперед.

— Лев! — крикнул Юрочка и поднял руку.

Лев тоже поднял руку.

Алик видел, как вышла Надя и как Лев развел руки, изображая не то изумление, не то восхищение, взял Надю за голову и поцеловал в лоб. Все смеялись. Надя тоже.

ПЕРЕД ШТУРМОМ

Все стояли вокруг Льва.

— Приехал в Симферополь, уже темно, — говорил он. — А подвез меня один гаишник, на мотоцикле. — Он говорил быстро, сбивчиво, не договаривая слов. — Пошел к Ленке — замок. Дом у них трехэтажный, плоская крыша. Залезаю по пожарной лестнице, стелю памирку, ложусь. Лежу, созерцаю Млечный Путь...

У Льва было длинное лицо с большим подбородком и немного согнутым на бок носом.

— Лев в Симферополе живет или в Ялте? — спросил Алик Юрочку, когда они натягивали палатку.

— Нигде, — Юрочка забивал обухом топора алюминиевый колышек. — Жил в Симферополе, потом разошелся с женой и теперь живет где придется. Отличный, между прочим, парень, но чуть что не нравится, сразу скисает и бросает работу.

От костра, от веток, валил молочный дым. Игорь нагнулся и подул. В дыме запрыгали оранжевые язычки.

— Мой командир! — крикнул Лев. — Так что будем делать? Завтра, я имею в виду. Массы трепещут в ожидании указаний.

Игорь вытирал слезы.

— С утра пойдут человека три, потащат телефон до Узкого сифона*. Остальные укладывают снаряжение. Днем начнет прибывать народ. По мере того как будет подвигаться укладка, будем отправлять новые вспомогательные отряды. Вот так пока, ясно?

Хлопнула дверца кабины. В свет костра вышел Карбюратор. С усилием осмотрелся и сел.

Лев продолжал:

— Мой командир, я всегда преклонялся перед твоим организационным гением. Но массы взволнованы: кто пойдет в штурмовом?

— Штурмовом, штормовом, — Игорь смотрел на Карбюратора. — Завтра, Лева.

— Все таинственно и страшно?

— Подумать еще надо. Ты пойдешь, не волнуйся.

— Рассыпайся в благодарностях, Лев, — сказал Юрочка.

Карбюратор оперся локтем о землю, достал мятую пачку «Беломора» и закурил, быстро и привычно действуя одной рукой.

— А мне что? — сказал он. — Я ему и за резину объяснил и за лампочки. Опять же шины лысые. Ты сядь, сядь за баранку да поездь по горам. Его еще тыкать надо, брать за шкурку и тыкать. А с Шестого парка, он, видишь, жук. Старый жук. Мы с ним еще в «Крымкурсо» шоферили в двадцать третьем. Молодые были, важные, куда там! В крагах ходили, это обязательно, в консервах...

Он курил и остановившимися глазами смотрел в костер.

Уколовшись о наши щеки,
Об улыбку, скользнувшую криво,
Убегают от нас девчонки
К положительным и красивым... —

запел Коля, брат Васи. Потом Юрочка ударил ложкой о кастрюлю и выкрикнул тонким голосом:

* С и ф о н — участок пещеры, до потолка заполненный водой.

В зоопарке
Все зверье в тревоге!
Носорог
Гуляет по дороге!

И все запели глухими голосами, бухая по земле каблуками:

Напились сторожа,
Носорог из клетки убежал.

Игорь тоже пел и тоже стучал каблуками.

Палатка была розовая от солнца. В сетку окошка, зудя, билась муха. Алик вспомнил, что увидит сейчас Надю, и вылез из мешка.

Около костра сидел Лев, медной проволокой прикреплял отставшую подошву скального ботинка. Он поднял голову и подмигнул Алику.

— Как говорила мне в Коктебеле одна художница из Дома моделей, ноги — это только ноги, а то, что на ногах, — это уже голова.

После завтрака ушел в пещеру первый отряд — Коля, брат Васи, и еще двое. Они несли катушки телефонного провода, свернутую в круг тросовую лестницу, две резиновые лодки и сумки с гидрокостюмами.

Потом Алик и мальчишка с облезлым от солнца лицом, оказавшийся тем самым Васей, братом Коли, натягивали провод между лагерем и входом в пещеру. Вася держался независимо и сказал, что уже два раза был за Узким сифоном и что это он страховал Льва, когда тот спускался дюльфером в Лошадиную. Алик сматывал провод с катушки, а Вася залезал на деревья и привязывал его к веткам. Через час они были около входа в пещеру. Он темнел среди кустов, и, как из погреба, тянуло оттуда холодом. Конец уходящего в пещеру провода был придавлен камнем. Алик достал нож и соединил концы. Внизу зеленела курчавая от леса чаща ущелья, были видны поляна, палатки, шевелящиеся фигурки.

Когда они вернулись, в лагере укладывали вещи для штурмового отряда. Юрочка закатывал в расстеленную палатку обернутые пленкой коробки с мака-

ронами. Коля, муж Лили, запихивал в черный резиновый мешок банки с тушенкой. Игорь и Надя — она была в потертых вельветовых шортах — стягивали болтами две алюминиевые планки, зажимая отверстие уже упакованного мешка.

— И ты поверила? — сказал Игорь Наде.

Они смотрели друг на друга, и Алик увидел, как Надя, смеясь, оскалила зубки и щелкнула ими, как будто кусая:

— Ав!

Алик отвернулся. Лев тоже смотрел на Надю. В одной руке он держал ножницы, в другой — кусок кошмы, из которой он вырезал стельки.

— Итак, что мы уложили? — Игорь встал. — Три спальника, палатка, макароны. — Он вычеркивал в блокноте. — Сгущенка — шестнадцать банок, тушенка — двенадцать, кофе — три пачки. Что еще?

— Кисель, — сказала Надя.

Задребезжал телефон. Игорь кинулся к нему.

— Да! — крикнул он. — Да, да! Слышу! Неплохо, а вы как? Ну, отлично. Нет еще. Я думаю, не раньше шести. А как вода? Что? Понял. Ну что ж, хорошо. Да. Счастливо! — Он положил трубку. — Они в Японском зале.

На обед был картофельный соус с тушенкой, в котором почему-то было много муравьев, и компот из кизила и диких яблок — очень кислый.

Игорь поставил пустую кружку на ящик, вытер рот.

— Теперь так, — он встал, и все молча смотрели на него снизу вверх. — В штурмовом отряде пойдут: Алик, Лев, Надя, Юра и я. Подготовить личные вещи, в первую очередь то, что можно отправить заранее.

«Спокойно, — сказал себе Алик. — Ты же догадывался, что она пойдет, зачем же столько эмоций?» Он старался не смотреть на Надю.

Что брать в пещеру, он не знал и делал то, что делали другие: достал из пищевой палатки новый, белесый от талька гидрокостюм, выбрал пару водолазного белья: свитер и шерстяные рейтузы, проверил налобный фонарь, заштопал дыры на свитере.

Людей в лагере становилось все больше. То и дело они подходили со стороны шоссе. Ковбойки, шорты, каски с фонарями, рюкзаки, кеды, скальные ботинки...

Подходил Игорь, жал пришедшим руки, что-то негромко говорил, и через пять минут они тоже начинали укладывать мешки и клеить лодки и гидрокостюмы. Пахло резиновым клеем и перегаром от стоящего в стороне, в бурьяне, электродвижка, который чинили Карбюратор и один из пещерников — электрик с завода авторулей.

...Перед вечером ушел в пещеру второй отряд. Они понесли мешки со снаряжением и еще одну катушку провода.

Стемнело. Карбюратор завел движок. Алик лежал на надувном матрасе, смотрел в зеленоватое, с редкими звездами небо. В черных кустах журчал, булькал ручей; тянуло от него сыростью и мятой. Палатки розовато светились изнутри; в одной пели и надтреснуто брэнчала гитара. Надя, наверно, там. Поет, жмурит глаза... Вокруг висящей на ветке шиповника лампы кружили мотыльки. Под ней печатал на машинке парень в очках и шерстяной кофте. Возле машинки стояла кружка черного кофе и лежала пачка «Шипки». Алик знал, что это тот самый Н. Зигель, журналист, пишущий о пещерах.

— Можно глянуть? — спросил он его.

— Пожалуйста. — Н. Зигель, не глядя, протянул лист.

«Вверх по подземной реке», — прочитал Алик заголовок. — «Оживленно в эти дни у входа в Мамуткобу, одну из крупнейших пещер Крыма. В раскинувшемся на горной поляне палаточном городке кипит работа. Это под руководством ученых Крымского геологического института готовится к штурму пещеры группа спелеологов. Кого только не встретишь здесь! Ученые, альпинисты, рабочие, инженеры, студенты, школьники. Их объединяет любовь к пещерам. Любовь страстная и бескорыстная.

— Это наш третий многодневный штурм, — сказал мне молодой ученый Игорь Викторович Василевский. — Первый раз, два года назад, мы провели под землей 38 часов, обследовав 2895 метров неизвестных ранее галерей и ходов. Прошлогодний штурм потребовал 86 часов пребывания в пещере. За эти четверо суток нам удалось отснять еще 2462 метра. К настоящему времени общая длина изученной части этой гигантской полости превышает 6 километров. В этом году мы уходим на штурм с надеждой пройти пещеру до конца.

Изучение карстовых полостей приобрело в последнее время важное народнохозяйственное значение в связи с вопросами водоснабжения. Познание закономерностей движения подземных вод немыслимо без детального и всестороннего изучения...»

Алик вернул лист и закурил. Ему было весело. Он тоже сможет написать так. И напишет. И пошлет в «Вокруг света» или в «Природу».

Он влез в палатку. Чиркнул зажигалкой, сгреб в сторону разбросанные по полу свечи и комбинезоны и лег, подложив под голову моток веревки. Пахло резиной и пылью. Он курил, смотрел, как озаряется от затяжек потолок палатки.

Разбудили его крики. Он вылез. Вернулся первый отряд. В мокрых, обвисших комбинезонах, с исцарапанными лицами, со свалывшимися от глины волосами, они стояли и сидели, раздеваясь, окруженные толпой.

— Князь! — кричал Коля, брат Васи. — Вот я навернулся возле Курятника! У! Небрежно так иду траверзом, берусь за зацеп, а это корка на глине — трах! — и в воду. Шлем не надет, чуть не захлебнулся, честно!

«Что он всегда орет так?» — с раздражением подумал Алик. Где-то внутри у него полз, пробираясь вверх, противный холодок. Он не боялся, что с ним что-нибудь случится, он боялся опозориться на глазах у Нади.

Утром ушел третий вспомогательный отряд. Коля, муж Лили, и электрик с завода авторулей несли меш-

ки, остальные шли без груза — чтобы подобрать снаряжение, сложенное вторым отрядом в зале Фонтанов, и нести до Песчаной галереи, где решено было сделать лагерь штурмового отряда.

Теперь оставалось только ждать. Все слонялись по лагерю, смотрели на часы, лениво разговаривали, играли в карты. Пекло солнце, веяло жаром от костра, от груды черных углей.

Алик пытался заняться английским, пробовал заснуть, но было слишком жарко и слишком много мух. Он дошел по дороге до устья ущелья, посидел в бурьяне, среди прыгающих кузнечиков. В долине, на шоссе, мерцали из дымки стекла машин, бубнило радио.

И тут Алик вспомнил вдруг с удивлением, что жизнь идет своим обычным ходом: по радио передают последние известия и концерты, люди ходят в кино, покупают конфеты и носки, машины поливают улицы, уходят и приходят поезда... А в Аркадьевске уже падают, наверное, с тополей большие, как будто навощенные листья...

Он жил на втором этаже длинного черного дома, построенного перед войной местным архитектором-кубистом. Дом стоял на окраине, и из своего огромного окна Алик видел зеленую стену тополей, росших вдоль речки. А зимой, когда тополя были голые, белые, с темно-зелеными шарами омел и вороньими гнездами, становился виден тот берег, железнодорожная линия, темный от копоти, опиленный известняковый уступ, а дальше — черные, с разноцветными дымами заводские трубы.

Все-таки почему он уехал из Аркадьевска? Сделать поворот, все равно в какую сторону? Да, конечно. Но почему? Потому что понял: что-то у него не получается, что-то не так — вот почему. И он выбрал самое простое — уехать. Как будто можно уехать от самого себя. Как будто то, что он стал заниматься в Симферополе английским и писать статью, что-то изменило.

В шесть вечера вернулся из пещеры второй отряд. — Теперь так, — сказал Игорь. — Ешьте, а по-

том всех, кому завтра на работу, Карп Игнатович повезет в город. А штурмовикам в обязательном порядке спать. Это и тебя касается, Юра, не улыбайся. Выйдем в одиннадцать-двенадцать, по холодку.

Лев встал, вытянул вперед руку.

— Они вышли в полночь.

Алик долго не мог заснуть. Вертелся в горячем вкладыше, курил, переворачивал лежащий под головой рюкзак, открывал глаза, видел в дверь палатки бесцветное, с желтоватыми облаками небо, гребень леса, дым костра... У костра разговаривали... Потом грузились на машину, кричали. Взревел мотор, уехали... Желтое небо, красные облака... Монотонно гудит, кружа по палатке, муха... Кто-то пытается запустить движок, кто-то скребет песком кастрюлю... Красное небо, сине-черные облака...

Заснул он неожиданно, когда уже собирался встать.

„ОНИ ВЫШЛИ В ПОЛНОЧЬ“

— Синьор, вставайте! Вставайте, синьор!

В треугольнике серого звездного неба чернела голова.

— Нас ждут приключения, синьор.

Алик узнал Льва. И сразу все вспомнил.

Подрагивая от холода, цепляя ногами натянутые шнуры палаток, он пошел за Львом. Горел костер, черные фигуры стояли вокруг него.

— Бутерброды вот, — сказала Надя. Она была в комбинезоне. Алик не сразу узнал ее. — В кастрюле — кофе.

Все остальные тоже были в комбинезонах.

Яркая белая вспышка ослепила Алика. Н. Зигель, наклонившись над фотоаппаратом, перекручивал кадр.

— Ты готов? — спросил Игорь.

— Почти. — Алик никак не мог заставить себя не дрожать. Во рту, где-то под ушами, противно посадывало. Но после кружки кофе он почувствовал себя лучше.

Он достал из кармана свечной огарок, зажег и пошел к палатке.

— Все, через пять минут выходим, — сказал Игорь. — Закругляйтесь.

Алик знал, что он смотрит сейчас на него, и шел медленно и небрежно. «Я тебе не Лев и не Юрочка, я точно такой же, как и ты, геолог, так что спокойнее». Он разделся, натянул шерстяное белье, от которого сразу же зачесались лопатки, надел комбинезон, застегнулся.

— У тебя все, Юра? — спросил Игорь.

— Да.

Алик зашнуровывал кеды.

— У тебя, Лев?

— Лев всегда готов.

Стоя на коленях, Алик рассовывал по карманам сигареты, зажигалку, расческу, свечу. Могли бы разбудить раньше. А теперь получается, что все ждут его.

Он не любил, чтобы его ждали. Не любил, чтобы ему делали одолжения.

Когда, надев на плечо сумку с гидрокостюмом, он вышел из палатки, около костра стояли только Игорь и Н. Зигель.

— Что я несу? — спросил Алик.

— «Гидру» взял? Все пока.

Они пошли по тропе.

Алик зачерпнул из кастрюли кофе и не торопясь выпил. Громко журчал ручей, в черных деревьях трещали цикады. Выйдя на тропу, он увидел впереди Игоря и Н. Зигеля, их ноги шаркали по щебенке. Идти мешала сумка с гидрокостюмом: болталась и била под колено. Он шел, не зажигая фонаря: тропа смутно белела среди деревьев.

Он вспотел, пока дошел до пещеры. В лицо ему вспыхнуло несколько фонарей. Лев, Юрочка и Н. Зигель курили, сидя на камнях. Игорь копался в Надинном фонаре.

Алик снял берет и вытер им лицо. Сел, достал си-

гареты. Расстегнул воротник. Фонарь в руках у Игоря брызнул ярким светом, и он выпрямился.

— Двинулись?

Алик подчеркнуто неторопливо закурил из сложенных ладоней.

— Четверть первого. — Игорь пожал руку Н. Зигелю. — До телефона мы дотащимся часов через десять, никак не раньше. Так что смело спите до утра. Привет!

— Я сейчас проявлять, наверно, буду, — сказал Н. Зигель. — Точно, так и сделаю. Утром — в город, за увеличитель, и днем — в «Крымскую правду»: «Исторический штурм начат!»

— Исторический, истерический. — Игорь пошел в пещеру.

— Секунду! — крикнул Н. Зигель.

И Алика снова ослепила вспышка.

В пещере было прохладно, пот подсох. С непривычки и оттого, что перед глазами плавало желтое пятно от фотовспышки, Алик почти ничего не видел, шел осторожно, пригнувшись.

Поднялись по лестнице из ослизлых черных жердей, поросших тонкими белыми грибами. Надя шла сзади Алика; поднявшись, он нагнулся и взял у нее сумку с гидрокостюмом. Она улыбнулась ему, в свете фонаря блеснули зубы. Игорь стоял наверху и смотрел на них.

— Это мы поднялись на четвертый этаж, — сказал он. — Потом, по Сережиному колодцу, спустимся сразу на первый, к речке.

Алик уже привык к фонарю и теперь смотрел по сторонам. Они шли широкой, истоптанной галереей. Грязные, с натеками стены, на них фамилии, надписи и даты, выцарапанные, высеченные, выведенные копотью, намазанные грязью и красками.

— Любуешься? — сказал Игорь. — Отрадно, что эти мерзавцы ходят только до колодца.

— Темп, синьоры! Темп! — где-то впереди крикнул Лев. — Нас ждут приключения!

Ход к Сережиному колодцу начинался щелью, уходящей под стену. Лев сел и ногами вперед про-

тиснулся в нее. Следом за ним, тоже ногами вперед, полезла Надя. Алик лез последним; и когда он добрался до колодца, Лев уже начал спускаться. Юрочка, в желтой метростроевской каске с велосипедной фарой, сидел, упираясь ногами в стену, и через поясницу стравливал в колодец страховочную веревку.

— Свободней, мой мальчик! Свободней! — крикнул снизу Лев.

Лестница была привязана за выступ стены.

— Сколько здесь метров? — шепотом спросил Алик у Нади.

— Двадцать восемь, — шепотом же ответила она.

Веревка, на которой висела лестница, ослабла, сжалась, и стало слышно, как шумит внизу вода.

— Вира страховку! — глухо крикнул Лев.

— Готовься, Алик, — сказал Игорь.

Юрочка быстро выбирал веревку.

— Тебе «проводника»? — спросил он Алика.

— Да.

«Как будто не знает, что я не разбираюсь в этом».

— Подними руки. — Юра надел на Алика веревочную петлю и затянул на груди узел.

— Не давит?

— Да нет вроде.

— Вдохните, — сказала Надя. — Опустите руки и вдохните.

— Нет, не давит.

Он понимал, что улыбаться не стоит, это будет выглядеть вымученно и жалко. Стараясь ни на кого не смотреть, он взялся за тросы лестницы, опустил ногу и, нащупав ступеньку, начал спускаться. Лестница была вымазана глиной и плотно прилегалась к стене, так что на ступеньках умещались только носки кед. Ноги дрожали, веревка сдавливала грудь. Главное — не смотреть вниз. Только по сторонам. Круг света ползал по мокрым, изъеденным водой стенам колодца.

— Ну и как оно? — крикнул Юрочка.

— В порядке! — Алик старался дышать ровнее. — Страховку свободней.

— Ладно, без нездорового ажиотажа!

Теперь лестница висела, не касаясь стен, болталась и крутилась, Алик считал ступеньки. Нога ткнулась во что-то, и он сначала отдернул ее, не поняв, что это; потом спрыгнул и, очутившись на неподвижной земле, упал, увязнув руками в мокром зашуршавшем гравии.

В обе стороны уходила просторная галерея. Льва не было, пустая сумка от его гидрокостюма валялась под лестницей, а туда, где шумела речка, тянулась борозда взрытого ногами гравия. Алик стал надевать гидрокостюм.

Когда спустился Юрочка — он спускался быстро, через ступеньку, — Алик почти оделся, осталось зажгутоваться.

— Сигареты и зажигалку сунь в шлем, — сказал Юрочка.

Пока Алик зажгутовывался, он успел натянуть костюм, зажгутоваться и закурить; по лучам фонарей потянулись волокна дыма.

Лестница снова задергалась, заклацала ступеньками по стене. Юрочка посветил вверх.

— Надька, пошли. Пока они тут будут спускаться, успеем переправиться через сифон.

Они пошли, увязая в гравии. Навстречу дул ветер, трепал волосы. Галерея повернула, и Алик увидел свет.

— Лев! — крикнул Юрочка. — С якоря сниматься, по местам стоять!

Лев сидел у воды, на туго надутым борту большой резиновой лодки.

— Сказано плыть, Лев.

— Слушаюсь. Приказ начальника — закон для подчиненного.

Юрочка стащил лодку в воду и лег в ее носу, положив ноги на борта.

— Ложись аналогично, — сказал Лев Алику. — Головой ему на пузо.

И когда Алик лег, вошел в воду и, отведя лодку на глубину, впрыгнул в нее и, стоя на коленях, погреб против течения. Потолок постепенно снижался.

— Не пора ли разворачивать? — сказал Юрочка.

— Спокойно, мой мальчик. — Лев лег спиной на Алика. — Лев свое дело знает.

Теперь до потолка можно было дотянуться рукой. Лев развернул лодку задом наперед и, отпихиваясь ногами от потолка, стал загонять ее в сифон. С головы Алика стащило фонарь и берет, он закрыл голову рукой и изо всех сил вдавливался в дно лодки. Он ничего не видел, чувствовал только, как царапает потолок руку и ноги, потом за шиворот просочилась откуда-то ледяная вода, и он уже хотел крикнуть, чтобы Лев остановился, когда стало вдруг свободнее, и Лев, поднявшись, начал, сильно брызгая, грести. Алик надел фонарь.

Они плыли по широкой затопленной галерее, по спокойной, как нефть, воде. Сверху свисали черные, как будто закопченные, бородавчатые сталактиты. Стены тоже были как будто закопченные.

Глаза Льва в свете фонаря красновато светились. Алик оперся локтем о борт и посмотрел вперед. Они приближались к песчаной отмели. Лев шагнул в воду и вытащил лодку на песок.

— Приехали.

Они вылезли. Алик, хромя замлевшей ногой, ходил по отмели, светил по сторонам. Он был возбужден.

Лев перевернул лодку, вылил глинистую жижу.

— Ты поплывешь? — спросил Юрочка.

— Да.

Когда он уплыл назад, к сифону, Юрочка сел на песок и закурил.

— Как я здесь первый раз протискивался! Юмор!

— Давно лазаешь по пещерам? — спросил Алик.

Юрочка показал три пальца.

— Три года.

— Нравится?

— Не в моих правилах заниматься вещами, которые мне не нравятся.

Со стороны сифона донесся грохот, какие-то глухие удары и треск — как будто одновременно били по мячу, рвали брезент и терли камнем по камню.

— Наши пропихиваются, — сказал Юрочка.

На подплывающей лодке разговаривали Лев и Игорь. Мелькали, вспыхивали перед глазами фонари, свет их извивался в черной воде.

— Вообще у нас в городе жить можно. Есть единомышленники, есть девочки, есть куда пойти. Но надоело. Я всех знаю, и меня все знают. Сплошное раздражение и кризис жанра. Испробовал все доступные виды увеселений. Дорога в институт преграждена новейшими постановлениями и врожденной неусидчивостью.

Лев уже вылез из лодки и помогал Наде. Ее клетчатый платочек съехал, волосы были растрепаны.

Игорь взглянул на Юрочку и Алика, вытащил лодку на отмель и молча пошел в глубь пещеры, вдоль натянутого над потолком телефонного провода. Юрочка и Алик встали.

Шли возле стены, шлепая тяжелыми подошвами по мелкой воде. Свет фонарей рябил, струился на чистом известняковом дне. Перешли на другой берег. В воде тело туго сдавило, ноги не гнулись, из клапанов на плечах, гнусаво хрипя, выходил воздух.

По извилистому, с застрявшими камнями желобу поднялись на стену и пошли траверзом, в четырех метрах над водой. В гидрокостюме Алик чувствовал себя неуверенно, хотя рубчатые подошвы хорошо держали на пупырчатой поверхности уступа. Спустились.

— Зал Тишины. — Юрочка шарил по сторонам лучом фонаря.

На полу валялись глыбы и толстые, как бревна, обломки сталактитов. Свет Юрочкиного фонаря блеснул в лицо Алику.

— Этот проход я открыл, — сказал Юрочка. — Раньше на лодке обходили. Не читал? В «Огоньке» писали.

Он поморщился и сплюнул.

Теперь шли под спуск. Стен и потолка не было видно; и казалось, что глухой, беззвездной ночью они спускаются по каменному развалу. Алик старался не отставать. Он вспотел, одежда под гидрокостюмом отяжелела от пота; а когда он наклонялся, в лицо ударял теплый, пахнущий резиной воздух.

В круге света от фонаря он увидел стоявших у стены Игоря и Надю. Возле их ног торчала из воды голова Льва. В поднятой руке он держал фонарь и, опираясь о стену, светил в воду.

— Сам же клал здесь камень... — бормотал он.

— Монетное озеро, — сказал Юрочка.

— Ага, вот он, родименький!

Войдя в воду, Лев сделал большой шаг и, побалансировав руками, устоял. Дальше было мельче. В воду спустился Юрочка. Алик прислонился к стене. Голова, сдавленная фонарем, болела, и он его снял. Рядом стояла Надя, сопя, натягивала шлем гидрокостюма.

— Ну как? — спросила она, улыбнувшись.

— Ничего. — Он отошел от стены и надел фонарь.

В шлеме Надя стала не похожа на себя. Брови, края глаз и щеки были растянуты в стороны. Она посмотрела на Алика, засмеялась и пошла в воду.

Игорь грел руки около рта.

— Фонарь у тебя сел, — сказал он.

Алик негнушмиися руками сменил батарейку. Фонарь вспыхнул молочным светом.

Вспомогателей встретили перед водопадом.

Они жали руки, смеялись, говорили, перебивая друг друга, показывали свои изорванные гидрокостюмы; и когда они ушли, стало вдруг очень тихо.

— Полшестого, однако, — сказал Игорь.

— Уже светает, наверно, — сказала Надя.

Достали подмокшую, обкрошившуюся буханку хлеба, две банки сгущенки и флягу с чаем. Поели. Потом Игорь, за ним Надя и Лев встали и пошли к горловине водопада, откуда, брызгая и хрипя, хлестал поток.

Алик подошел к водопаду, надел шлем и полез вверх по потоку. В трубе гудела вода, капли барабанили по шлему, по лицу, из-за брызг трудно было дышать. Наверху стоял Игорь. Он протянул Алику руку.

— Подожди Юрку. Поможешь ему.

И вошел в озеро. Вода зеленовато струилась в свете его фонаря, а на противоположной стороне в ней темнела щель. К ней шел Игорь, в нее уходил провод, и Алик понял, что это и есть Узкий сифон. Игорь был уже около стены. Из воды торчала его голова в шлеме, похожая со спины на голову какого-то морского животного.

— Здесь не трудно! — крикнул он. — Пронырнуть метра полтора — и все.

Голова исчезла.

— Есть тут кто? — крикнул снизу Юрочка.

Алик вытянул его наверх. Рука была сильная, с жесткой ладонью. Юрочка сел на смутно белевший во взбаламученной воде камень. Кивнул на сифон.

— Эти пижоны уже там?

Алик вошел в воду и, ощупывая ногами дно, двинулся к щели. Тело в воде было почти невесомо, Алик качало, переваливало с боку на бок, он шел медленно, наклонившись вперед и отталкиваясь от дна. Дойдя до сифона, оглянулся. Фонарь Юрочки светил в лицо. «Смотрит». И вдруг, как-то неожиданно для самого себя, он глубоко вздохнул и, зажмурившись, нырнул. Тело выталкивало, переворачивало, он хватался за неровности стены, подтягивался, цепляя руками и головой провод. Ледяная вода жгла лицо. Ломило руки. Он открыл глаза и сквозь колышущуюся зеленоватую муть увидел вверху пятно света, к которому струйкой бежали черные пузырьки воздуха. Он встал. Игорь, Надя и Лев сидели на гравийном островке около блестящей в свете фонарей лодки.

— «Гидру» не порвал? — сказал Игорь.

— Да нет вроде.

— Отлично.

В лодке, в воде, покрытой радужной керосиновой пленкой, лежала голубая, с черной пробкой пластмассовая канистра и два резиновых мешка.

Отдуваясь, вынырнул Юрочка. Лев встал и, взяв за шнур лодку, пошел по колено в воде. Речка шумела, ее берега царапали борта лодки.

Алик не чувствовал ничего, кроме усталости. Он

шел вслед за всеми, перелезал через качающиеся, постукивающие глыбы, плюхался в воду, лез вверх, прыгал, полз на животе, на локтях по песку, щебенке, вымазанному грязью известняку. Бухали тяжелые подошвы, хлюпали в воде, увязали в глубокой, чавкающей глине. Болела голова, гидрокостюм давил на горло, тошнило, ноги одеревенели, как будто он их отсидел. «Скоро я лягу спать, — думал он. — Скоро я лягу спать».

Как во сне, увидел он груды резиновых мешков, катушки провода, телефон, Юрочку, который, морщась, разжгутовывал гидрокостюм, потом Надю.

— Давайте руку, — говорит она.

Она уже сняла костюм и поэтому маленькая и худенькая. Протягивает какие-то таблетки.

— Глюкоза. Берите.

— Да ну!

— Все будут пить. — Она разжала кулак и показала горсть таблеток.

Игорь, разговаривавший по телефону с поверхностью, положил трубку.

— Все в порядке. — Он взялся за поясницу и медленно выпрямился. — Коля со своими уже вышли. Питаются. Карбюратор вернулся. Пасмурно.

Лев и Надя, тихо разговаривая, разжигали примус.

Пока грелась вода, распаковывали мешки. Многие протекли, на спальниках были мокрые пятна, палатка склеилась тестом из раскисшей вермишели.

Надя протянула Алику кружку какао.

— Спасибо.

Он пил медленно, грея пальцы о кружку, чувствуя, как растекается по телу тепло. Потом прислонился к стене и закурил.

Подошел Лев.

— Тяни.

Алик выдернул одну из трех спичек, которые Лев держал между большим и указательным пальцами. Спичка была без головки.

— Тебе хуже, — сказал Лев. — Будешь спать без мешка.

— Это один день, — сказал Игорь. — Юра, Лев и я поспим часов шесть и уйдем. А Алик и Надя выспятся как следует и, когда мы вернемся, пойдут делать геологию на участке, который мы отснимем. А мы — спать. Так и будем: одна группа спит, другая работает.

Алик никак не мог вспомнить, знал ли он раньше, что они с Надей будут работать вместе. Она стояла на коленях под нависающей стеной и расстилала палатку.

— Зверски обидно, что мы в разных сменах, — сказал Юрочка. — Не с кем будет поговорить о роли алкоголя в жизни современного общества.

Они сидели вдвоем около примуса и курили. Затем Алик лег с краю, завернулся в палатку. Рядом с ним долго умащивались в одном мешке Надя и Игорь. В стороне глухо шумела речка. Потом он услышал шепот Нади:

— Подвинься, мне неудобно.

Что-то ответил Игорь.

— А тете Нине ты написал? — спросила потом Надя.

Юрочка перевернулся на другой бок и долго шуршал брезентом.

— Тебе не холодно? — прошептал Игорь.

— Нет, ничего. Спи.

...Потом Алика разбудили, и он перелег в спальный мешок, еще теплый после Юрочки. Он слышал, как шумит примус, и оттого, что ему можно еще очень долго спать, сладко кружилась голова и что-то мягкое, отрывая от земли, несло куда-то и качало...

ВДВОЕМ

Алик достал зажигалку, чиркнул. Половина пятого. Зажег свечу и, дрожа от холода, вылез из мешка. Надел мокрые, вывалянные в песке кеды. Надя спала, забившись в мешок с головой.

Разжигая примусы, он немного согрелся. В боль-

шой кастрюле белел на дне загустевший суп, в маленькой было немного кофе. Алик поставил кастрюли на примусы, и суп начал пыхтеть и булькать.

Он не любил примусный шум. Видел в детстве какой-то фильм, где кого-то пытали паяльной лампой. Он ушел тогда с сеанса, и потом несколько недель стоял у него в ушах этот шум.

Он подошел к Наде, воткнул свечку в песок.

— Надя.

Она не шевелилась, дышала. И вдруг, почувствовав, как заколотилось сердце, он положил руку на мешок, туда, где должно было быть ее бедро, и быстро отнял. Надя задвигалась, тыча руками в стенки мешка, потом села и откинула капюшон. На Алика пахнуло теплом.

— Уже поздно, да? — Она моргала и приглаживала взъерошенные волосы. На щеке краснели отпечатки пальцев.

— Я еду грею, — сказал он и направился к примусам.

Надя с полотенцем в руке пошла к речке.

Суп уже кипел, крышка дрожала от пара. Алик потушил примусы.

— Что же они не идут? — сказала Надя, когда они поели.

Она сходила к речке, помыла посуду и принесла кастрюлю воды.

— Сварим что-нибудь этим пижонам, — сказала она. — Ой, вот эти трое соберутся! Лев, Игорь и Юрочка. Способны забыть все на свете.

— А что представляет собою Юрочка?

— Юрочка? — Надя сидела, обхватив колени, и заглаживала носком кеда сажистые круги от кастрюль на песке. Было похоже, что ей не хотелось говорить. — Он очень хороший скалолаз.

Она сняла крышку и стала сыпать в кастрюлю макароны. Алик смотрел, как она отворачивает от пара лицо и морщится. Ему, наоборот, хотелось поговорить — умно и эрудированно. Он только не знал о чем.

— Идут, — сказала Надя.

В глубине хода мелькал свет и бухали по убитому песку ботинки — шаги делались все громче. Первым шел Игорь.

— Ну что? — сказала Надя.

— Метров шестьсот. — Он бросил мокрый, лязгнувший об пол рюкзак и, улыбаясь Наде, потянулся.

— И дальше идет?

Игорь кивнул. Надя ногтем скovyрнула с его щеки сухую грязь.

— Не теряйте мужества, худшее впереди, — сказал Лев.

— Вообще участочек что надо! — сказал Игорь. — Вода, вода, вода...

— Запотеешь, кувыркавшись, — сказал Юрочка.

— Вы ешьте, — Надя показала на примусы. — Там макароны, а там кипяток. Заваривайте что хотите. Мы поели.

Лев встал, прижал руки к груди, наклонил голову и снова сел.

— Ну что ты сидишь?! — сказал Игорь Юрочке. — Было ж сказано: сразу пересыпать образцы. Перемешается же.

Юрочка взглянул на Льва, встал и начал развязывать рюкзак.

— За что страдаем? — сказал он.

Лев тоже встал и; ссутулившись и потирая за спиной руки, стал ходить взад-вперед.

— Имитирую деятельность, — сказал он, проходя мимо Алика. — Ни один начальник, я заметил, не может видеть спокойно, что кто-то из его подчиненных ничего не делает.

— Алик, можно тебя на минутку? — спросил Игорь.

Он достал из-за пазухи грязную, свернутую в трубку тетрадь.

— Сейчас нарисую вам абрис. — Он рылся в карманах.

— На. — Надя протянула ему карандаш.

— Так что будем делать, синьоры? — крикнул от примусов Лев.

— Макароны по-флотски, — сказал Юрочка.

— По-плотски, — пробормотал Игорь. — В общем рисовать тут, пожалуй что, и нечего. Дойдете до первого озера и начинайте описание. Идите по нашим сегодняшним точкам. Лучше всего, конечно, если дойдете до конца, до восемьдесят восьмой точки. — Он смотрел на Алика.

Алик кивнул.

— «Психа» не забудьте.

Алик взял ящичек с психрометром.

— За что, повторяю, страдаем? — Юрочка горстями перекладывал песок из одного мешочка в другой. — Идите, братцы, вкалывайте, давайте стране угля, правда, мелкого, но зато много.

— Вам легче, — сказала Надя.

— Еду мы сварим к восьми, — сказал Игорь. — Счастливо!

Лев встал в позу и послал Наде воздушный поцелуй.

За Песчаной галереей начался низкий глинистый ход.

Они ползли на четвереньках, волоча за собой вещи. Алик все время цеплял спиной потолок. Со звоном обламывались тонкие трубчатые сталактиты.

К озеру вышли неожиданно. Алик чуть не влез в воду. Он сел и вытер пот.

— Вот их точка, — сказала Надя.

Новая бумажка издалека белела на глине.

Влезли в грязную, скользкую резину гидрокостюмов и, увязая в иле, пошли по озеру. Вокруг ног клубами поднималась муть. Потолок над озером был черный, с цепочками маленьких белых сталактитов.

— Ну, как мы распределимся? — сказала Надя, когда они вышли на тот берег.

— Не знаю.

— Мы геологию обычно так делаем. Когда вдвоем. Один описывает известняки, меряет трещины, залегание — вообще все, что касается коренных пород. А другой — остальное: заполнитель, вода, натёки...

— Как хотите, я ведь человек новый.

— А что вам больше хочется?

— Все равно.

Ее фонарь светил ему в глаза.

— Тогда давайте, вы будете — коренные.

— Ладно.

Он предпочитал всегда, чтобы человек, с которым он был, первым сказал, что ему хочется. Тогда было все просто. Потому что, если ты сам скажешь первым и тот согласится, то потом кажется все время, что он делает это для тебя, а сам этого не хочет. И это тяготит. Алик не выносил, когда ему делали одолжения. Не выносил быть обязанным.

Он развязал рюкзак, достал тетрадь, молоток и компас. Отколол с обеих стен по куску известняка, сел, записал. Он писал, мерял трещины, резко, с одного удара, отбивал образцы так, что осколки с ноющим звуком летели во все стороны. Дело было привычное, и приятно было знать, что он делает его хорошо, что он любит геологию, что ему еще долго, лет тридцать, не меньше, работать геологом. И еще он знал, что рядом Надя, что он сейчас увидит ее лицо, что сейчас день и в двухстах метрах над ним — солнце, деревья, шоссе, и он скоро вернется туда.

Надя сидела на корточках, мычала какую-то песенку.

— Ну, я кончил этот зал, — сказал он.

— Я сейчас. Глины возьму.

— Помочь?

— Сделайте отсчет по «психу».

Пока он возился с психрометром, она кончила и села рядом с ним. Жужжал, прохладно обдувал лицо висящий на стене психрометр.

— А знаете, пещеры мне начинают нравиться, — сказал Алик.

— Да ну?

— Вы ведь заядлая пещерница?

— Я? Да. — Она сняла психрометр и долго, хмурясь и шевеля губами, рассматривала шкалу. — Запишите: сухой — десять и восемь, мокрый — десять и семь.

Пока Алик менял батарейку фонаря, она ушла вперед. Он не видел ее за поворотом, слышал только, как хлюпает вода.

Когда он догнал ее, она стояла, прислонившись к стене, блестя мокрым ярко-зеленым гидрокостюмом.

— Глубоко. Я не прошла.

Над озером, почти касаясь остриями воды, висели сталактиты. Из-за них не было видно того берега. Алик осветил в воду. В луче клубилось молоко — поднятая Надей муть. Алик оглянулся. Она смотрела на него, кусая ногти. Он шагнул и сразу же провалился по грудь. Тело стиснуло.

— Попробуйте с той стороны, — сказала Надя.

Он поднял руки и с усилием пошел к противоположной стене. Почувствовал, что делается глубже, но остановиться уже не мог: ноги ехали по глине. Он схватился за какой-то сталактит и подтянулся. Фонарь сбило, он светил в потолок.

— Шлем наденьте! — крикнула Надя.

Алик прижался к сталактиту правой рукой, а левой сдернул фонарь и начал натягивать шлем. Резина выскальзывала, вырывалась из мокрых пальцев. Стало жарко, пот тек в глаза, и когда, кое-как натянув шлем, он отпустил сталактит и с головой ухнул в воду, у него от холода перехватило дыхание.

— Костюм, к счастью, цел, — сказал он, выйдя на берег. И быстро взглянул на Надю.

Наверно, это было смешно, когда он там болтался. Не снимая шлема, он снова спустился в озеро и пошел, теперь вдоль другой стены. Здесь было мельче, и, пройдя метров десять, он увидел у стены останец известковой коры. Он белел на черной воде и был похож на ледяной заберег. Алик влез на него. К покрытой глиняными бородавками стене была прилеплена точка.

— Идти? — крикнула Надя.

Свет ее фонаря серебрил рябь на воде между черными сталактитами.

— Сейчас! — крикнул Алик. — Здесь лодка.

Оранжевая, с черными заплатами лодка лежала на том конце останца. Алик потрогал ее дряблый борт, взял из грязной жижи на дне мехи и подкачал.

Что-то крикнула Надя.

— Сейчас! — Он кинул лодку на воду. Она громко шлепнула днищем.

Под сталактитами пришлось лечь. Надя стояла по пояс в воде, держа в руке фонарь. Она подала рюкзак и вскарабкалась в лодку.

— Замерзли? — спросил Алик.

— Немного. — Губы ее были бесцветны.

Когда свод поднялся, Алик встал на колени и начал грести одеревеневшими руками, Надя лежала, положив голову на борт. Водила глазами по потолку, по выплывающим из темноты сталактитам, по Алику.

— А здесь и записывать нечего, — сказала она. — Все заплыло натеками. Хорошо.

Лодка мягко ткнулась в глину. Они вышли на отмель. Надя выжала перчатки.

— Проголодались, наверно? Половина первого уже.

Они сняли гидрокостюмы. От обоих валил пар.

— Все равно все сырое, — сказал Алик. — Конденсация.

Надя кивнула.

— Лев с Игорехой уже заработали по ревматизму и радикулиту.

— А вы?

— Я еще нет. — Она жевала хлеб с салом. — Где вы поселились?

— На Карантинной улице. Это в Старом городе.

— Я приехала в Симферополь и тоже сначала жила в углу. А потом мама поменяла квартиру на Симферополь, и я снова стала маленькой девочкой, которой нельзя приходить домой позже двенадцати.

— А сейчас?

— И сейчас с ней.

— И все в порядке?

— Да нет, не особенно, Игорь, он очень хороший, и мама тоже, они оба так стараются, чтобы все было хорошо, и так великодушно жертвуют мной друг для друга. Летом мы в поле, а зимой трудно. Игореха уезжает иногда на неделю-другую в горы, и мама искренне огорчается, беспокоится; но когда он уезжает, сразу видно, что ей легче. Для нее снова все

как раньше — она и я. Потом он возвращается, привозит ветки цветущего кизила, мама радуется, но сразу же появляется прежняя напряженность... Прямо завидуешь иногда Льву, у которого никого нет, правда!

Алик растерянно молчал. Такая откровенность обязывала к откровенности, а этого он не умел.

— Это у всех так, — сказал он.

— Если б было как у животных: дети вырастают и уходят. И все, никаких сложностей.

— Это вы говорите, пока у вас нет детей, — сказал он. — А что вам мешает снять квартиру?

— А мама?

— Ну, а Игорь?

— У Игоря есть работа. А у мамы только я.

— А вы сами?

Она засмеялась.

— Лучше все-таки пострадать самой, чем знать, что кто-то страдает по твоей вине. Так спокойнее. Мне вообще чужие переживания кажутся значительнее, чем свои собственные. Не могу, например, видеть, когда кто-нибудь плачет, — ой, это ужасно! А он, может быть, плачет из-за пустяка, правда? Бывает же, что из-за пустяка. Я по себе знаю. И все равно не могу.

Алик молчал.

Они уложили рюкзак и пошли дальше.

Воды теперь стало меньше, и они быстро дошли до конца отснятого участка, до восьмьдесят восьмой точки.

— И все на сегодня, — сказала Надя. — Я даже не очень устала. А вы?

— Я тоже. Знаете, я думал, что будет труднее, и боялся опозориться.

Ему хотелось быть откровенным.

— Что вы! — сказала Надя. — Для человека, который первый раз в пещере, вы держались совсем даже молодцом. Я сначала подумала, что вы умеете только рассуждать. А я люблю ребят, которым можно довериться. Чтобы ни о чем не думать, а идти следом и знать, что все будет в порядке.

Игорь, Юрочка и Лев сидели около примусов и сушили носки.

— Все нормально? — спросил Игорь.

— Да, — сказал Алик небрежно.

Надя села рядом со Львом и стала греть руки. Игорь вдруг обернулся.

— Юра! Вставай, ну что такое!

Юрочка, пробурчав что-то, вылез из мешка и, кашляя, пошел к речке, волоча ноги и наступая на концы провода, которым он зашнуровывал ботинки.

Алику хотелось спать; и как только Игорь, Лев и Юрочка ушли, он залез в мешок и закрыл глаза. Надя еще долго что-то делала: ходила, гремела кастрюлями.

В глаза светили два фонаря: один ближе, другой дальше. Алик сел в мешке.

— Мой командир, они спят! — услышал он голос Льва. — Синьоры, где пища? Где вкусная, питательная пища, горячая притом?

— Убери свет, — сказал Алик раздраженно.

Он зажег свечу. Надя лежала с открытыми глазами.

— Сколько прошли? — сказала она хриловато.

— Девяносто шесть точек. — Игорь сел возле нее на корточки. — Метров восемьсот пятьдесят.

Громко насвистывая, Алик вылез из мешка и начал обуваться.

Когда он вернулся с речки, горели примусы. Пахло резиновым клеем: Юрочка латал дыру на плече гидрокостюма. Лев стоял возле аптечки, мазал зеленой руку.

— А так участок неплохой, — говорил Игорь. — Он мне чем-то напомнил «Оранжевую». Скажи, Лев? После девяносто третьей точки «гидры» можно снимать. Сухо, как на Пушкинской.

Они поднялись в зал. Лес сталагмитов и конус глыбового навала посредине. Сняли гидрокостюмы.

Пока Алик обходил стены, меряя трещины, Надя взобралась на глыбы. Зажужжал психрометр.

— Ой, какие здесь натеки! — крикнула она. — Сиреневые, гляньте!

Она сбежала вниз.

— Мертвая красота, — сказал Алик. — Эти ваши сталагмиты напоминают мне кости.

— А вам не странно, что мы до сих пор на «вы»? — спросила она. — А мне почему-то нравится, когда люди на «вы». Так хорошо и грустно вспоминать, когда мы с Игорехой были на «вы» и здоровались за руку. А почему? — спросила она вдруг и удивленно посмотрела на Алика.

Дальше был просторный сухой коридор. Под ногами мягкая, как зола, пыль. Темные отвесные стены — как стены домов. Потолка не видно — это небо там, вверху, черное, беззвездное небо. Это город. Ночной средневековый город. И они идут вдвоем, она и он. Она примолкла и крепко держится за его руку. А потом вскрикивает и прижимается. Выступив из темной ниши, стоит, загородив дорогу, стражник в латах. Расставленные суставчатые ноги, опущенное забрало с запотевшей от дыхания решеткой, выпуклая двустворчатая грудь... Огромный железный кузнечик, опирающийся на копьё. Надя тяжело дышит. Алик гладит одной рукой ее мягкие волосы, а другую опускает на ручку меча. Скрипит железо. Стражник поднимает меч, тускло взблескивает под фонарем лезвие. Алик отодвигает Надю; раскинув руки, она прижимается спиной к гранитным валунам стены...

И вдруг быстро, обдав лицо холодным ветром, все рушилось. Через два-три дня все это кончится. Останутся воспоминания. Останутся ее сожмуренные в смехе глаза, ее рука в его, когда он помогает Наде слезать с уступа, запах шалфея с освещенных низким солнцем откосов шоссе — длинными вечерами, под тиканье часов, и утром, когда бреешься и смотришь на свое мятое, опухшее лицо в резком свете... И будут иногда встречаться: «Ну, как жизнь?» — «Да так, понемногу», — будут стареть...

— Ну, как дела? — крикнула Надя.

Он слышал, как она идет к нему. Сейчас он увидит ее лицо, и она улыбнется. И тогда это все пройдет. Он знал: будут только ее глаза и ничего больше.

— Смотрите, — сказала Надя.

Они возвращались в лагерь, шли по одному из описанных вчера озер. В стене, чуть выше воды, чернело отверстие. Надя, нагнувшись, светила туда.

— Ход как будто. Посмотрим, да?

Она легла в воду и поползла в отверстие. Алик пополз за ней. Ход шел вверх. Это была сухая щель с щебенкой. Алик не видел, что впереди, видел только подошвы Надиного гидрокостюма. Щебенка громко шуршала, от пыли першило в горле, в голове шумело и стучало.

Ноги Нади перестали двигаться, и в лицо Алику сверкнул сквозь пыль свет.

— Подползите ко мне.

Она прижалась к стене, и он подполз. Лицо ее блестело.

— Смотрите.

Впереди была вода. Слой воздуха над ней был сантиметров пять, не больше. Оттуда дул ветер.

— Ну что, назад, наверно? — сказал Алик. — Скажем нашим, это их дело.

— Ой, но интересно же! — Она жалобно смотрела на него. — Вы подумайте: мы первыми видим все это. Совсем первыми!

— Против такого взора устоять, конечно, невозможно, — сказал Алик и, глядя, как она улыбается, довольный собой, натянул шлем и пополз на спине, головой вперед.

Над ним, очень близко, был корявый, с ползающими мокрицами потолок. Надя, сопя, ползла следом. Алик пытался посмотреть вперед, крутил головой, царапая фонарем по стенам и потолку и касаясь щекой воды.

Потолок немного приподнялся. Алик перевернулся на живот и увидел озеро с гравийной косой у стены.

Он пополз к ней и вдруг почувствовал, как что-то холодное, разрастаясь, полезло по телу. «Порвал», — понял он и, выбравшись на косу, сдернул шлем и ощупал спину. Дыра была на пояснице, справа.

Подползла Надя. Вставая, она поскользнулась и упала. И, глядя, как она спешит подняться, как, растопырив тонкие, измазанные пальцы, хватается за выступ стены, он разозлился.

— Героическая женщина! Молодой талантливый ученый И. Василевский и его верная спутница Н. Василевская — выдающиеся исследователи пещер.

Она быстро взглянула на него. Он сидел, прислонившись к стене. Ноги крупно дрожали, на лицо падали с потолка капли. Подвинуться было лень.

— Я костюм порвал.

Она села рядом.

— Где?

— На спине.

Она стянула шлем и вытерла лицо. На щеках и на лбу были выдавлены красные полосы. Она размотала платок и встряхнула свалявшимися волосами.

— Я не героическая. Я от скуки хожу в пещеры.

Алик ждал.

— Мне не повезло. Я не люблю свою работу. Отсуживаю положенное время.

— Бывает.

— Прочитала в десятом классе книжку, где очень красочно описывалась жизнь на метеостанции в Средней Азии. Опять же — нужно было куда-то поступать. Училась. Влюблялась, ездила на практики, писала письма на лентах с барографов, фотографировалась верхом на верблюдах — нравилось. А начала работать — не то, совсем не то!

Алик думал, что сказать.

— Да, это паршиво.

— Вообще-то я оптимистка. Радуюсь, когда начинается весна, когда первые заморозки. Опять же люблю книги, кино, люблю ездить. Но иногда делается ужасно. Думаешь: неужели это и есть та самая, данная на один раз жизнь? И какое-то дурацкое чувство, что не может быть так несправедливо, что

после всего этого должно быть что-то другое, настоящее.

Алик молчал.

— Игореха все время старается что-то найти для меня. Какое-то дело. Он хороший. Он чувствует себя виноватым, что у него есть то, чего нет у меня. А я, наверно, просто слабая, ни на что не способная девчонка, умеющая только подчиняться и подражать.

Она смотрела в сторону.

— Нет, — сказал Алик.

— Нет? — Она засмеялась, глядя на него сожмуренными глазами. Завязала платок. — Всё, пошли назад.

— Может, еще пройдем? Вам хочется, а я все равно промок, так что...

Но она уже встала и надевала шлем. Алик тоже встал.

— Нет, я очень слабая, Алик.

В первом же глубоком озере костюм наполнился до пояса. Тело заныло от холода. С трудом передвигая колоннами раздувшиеся ноги, оскальзываясь, Алик вылез на берег. Каждая нога весила килограммов по пятьдесят. Он лег на спину, чтобы вылилась вода. Ему пришлось проделывать это после каждого озера.

Наконец началась Песчаная галерея, но и она показалась ему сегодня очень длинной. Вода в ногах нагрелась, противно хлюпала. Потом он увидел из-за поворота тускло освещенную стену.

— Игорь! — крикнула Надя. — А мы новый ход нашли. Ага!

— Где это?

— Около девятнадцатой точки. Дырка в северной стенке, и дальше боковой ход. Мы прошли метров сто, и еще не конец. Вот мы какие!

— Предлагаю название, — сказал Лев. Ход Надежды.

Юрочка курил.

Алик снял гидрокостюм и вылил грязную воду.

— Сочувствую, — сказал Лев.

Игорь посмотрел на них невидящими глазами.

— Тогда так, — сказал он. — Мы с Юрой пойдем сейчас по основному ходу, будем делать и съемку и геологию. А Лев пойдет завтра с вами в этот ход.

— Слушаюсь, — сказал Лев. — Другой бы спросил.

— Скажи дяде спасибо. — Юрочка криво усмехнулся. — Будешь спать два раза подряд.

— А нам все равно, что спать, что работать. — Лев подмигнул Алику. — Спать даже лучше.

Игорь рассматривал дыру на гидрокостюме Алика. Надя разулась и, стоя на газете, хмурясь, распутывала ногтями узел на шнурке кеда. Ступни ее были синевато-серые от полинявших носков.

КОЛОДЕЦ

За озером, где вчера останавливались Надя и Алик, начался глиняный лаз. Глина была мягкая, как масло, с волнистой поверхностью, изрешеченной ямками, выбитыми каплями с потолка.

— В детстве имел навязчивую идею, — сказал Лев. — Найти кусочек земли, куда бы я ступил первым за всю историю человечества.

Дорогу загородила стена из толстых ржаво-желтых сталактитов. Лев посветил между ними.

— Будем надеяться, — сказал он. — Будем надеяться.

— Дай я попробую, — сказал Алик.

— Ну как же так? Зачем же человеку с высшим образованием лазить в какие-то грязные щели? На это есть Лев.

Он вылез из гидрокостюма и каблуком ботинка выбил несколько сталактитов, потом лег на бок и протиснулся в пробоину. Надя лежала, упираясь локтями, и светила ему вслед.

— Почему Лев разошелся с женой? — спросил вдруг Алик.

Надя обернулась и положила фонарь.

— Не знаю. Я с ним познакомилась уже после.

По-моему, он женился просто так, потянулся на тепло, к первому приласкавшему его человеку.

Было слышно, как Лев шуршит за сталактитами.

— Отца на фронте убили, мать умерла, когда он был в восьмом классе. Стал жить у тетки. Она относилась к нему неплохо, получал он пенсию за отца, но все равно, конечно... Не хотел быть объектом великодушия. Не знаю, откуда Игореха об этом знает: Левка о таких вещах не распространяется. После армии он неожиданно для всех женился, переселился к жене, потом так же неожиданно развелся и начал вести этот свой пресловутый образ жизни.

— Давайте сюда! — крикнул Лев.

Надя поползла первой. Алик с трудом тянул за собой облепленный грязью моток веревки. Было очень тесно.

Лев сидел на краю колодца, около мокро блестевшего сталагмита. Он протянул руку.

— Веревку попрошу.

Надя, взявшись за сталагмит, посмотрела вниз.

— Глубоко?

— Метров пятнадцать. — Лев суетливо разматывал веревку.

Потом навязал на ее конец узел и надел его на сталагмит. Надя наблюдала за ним, прикусив губу.

— Вы пока посидите, — он пропустил веревку меж ног и через плечо. — Посмотрю, как здесь подъем, — начал спускаться.

— Пятнадцать метров — это пятиэтажный дом, — сказал Алик.

— В темноте не так страшно, — сказала Надя.

Это было как раз то, чего он боялся... Школьный зал, нетопленный и темный, потому что окна затянуты густыми сетками, и канат, висящий на ввинченном в потолок кольце, и хохот, когда он по нему лезет; он никогда не мог долезть даже до середины, руки дрожали, потели, в глазах темнело; он так хотел подняться еще хотя бы на метр! Учитель физкультуры тоже смеялся. Глядя в пол, Алик шел в строй. Ничего, вы еще узнаете, над кем смеялись! Он представлял, как знаменитым геологом приезжает в школу, и

они все смотрят на него, а он идет, не замечая их, очень спокойный и очень уверенный, с очень красивой женщиной — своей женой. После каждого урока он чувствовал облегчение, но уже на другой день страх возвращался: он ждал следующего урока.

— Новое дело! — крикнул снизу Лев. — Раздваивается.

— Спускаться? — крикнула Надя.

— Там скользко, посередке. Осторожнее!

Первой спустилась — очень быстро — Надя.

— Бросайте костюмы! — крикнула она.

Гидрокостюмы были свернуты в бесформенный комок, Алик взял его под мышку и подполз к краю колодца. Далеко внизу светились сквозь поднимающийся пар две точки.

— Осторожно! — крикнул он.

Гидрокостюмы глухо бухнули о дно. Алик лег на живот, опустил ногу, нащупал уступ, встал и, перехватив веревку, посветил вниз. Недалеко был еще один хороший упор для ноги, и под ним еще несколько — вся стена была неровная, зубчатая, подошвы кед хорошо держали на ней, и он понял, что ничего страшного нет, и стал спускаться быстрее, не глядя, нащупывая выступы ногой.

Надя и Лев сидели на гидрокостюмах.

— Так что здесь такое? — спросил Алик. Он был доволен собой.

— Делиться придется, — сказала Надя. — Двое — сюда, в этот ход, он как будто основной, и один — сюда.

— Я сюда, — сказал Алик.

Два фонаря повернулись в его сторону. Лампочка Льва светила ярче.

— Наверно, я все-таки пойду, — сказал он.

— Мне хочется.

Луч Надиного фонаря скользнул по лицу Льва, опустился, и в круге света появились ее руки: она ногтями очищала от грязи стекла часов.

— Полседьмого. Встретимся тогда в семь, да? На этом месте.

Алик, нагнувшись, пошел по ходу. Ход был похож

на белую трубу, полого поднимался, и Алик шел, упираясь в потолок плечами. Потом стало уже, и Алик пополз на боку по известняковой трухе.

Он оказался в маленькой куполообразной камере. Дальше хода не было, только в одном месте чернела дыра. Алик просунул туда фонарь.

Висящая в воздухе пыль рассеивала свет, и ничего не было видно. Он попытался просунуть фонарь дальше; фонарь, звякнув, ткнулся во что-то и потух. Зажигалка осталась возле костюма. Алик ощупал контакты, на ощупь переменял лампочку. Фонарь не загорелся. Перед глазами рябило, и Алику казалось, что он смутно видит очертания хода. Но он понимал, что это только кажется.

Он вытянул руки и, ощупывая стены, повернулся спиной к тупику, привстал и пошел назад. Добраться до колодца, там зажигалка, свечи... Он шел, втянув голову, шарил руками по потолку и стенам и все время ловил себя на том, что зачем-то зажмуривается.

Стало ниже, и Алик опустил в мягкую, перемешанную с каменными крошками пыль, пополз. Крошки колко вдавливались в колени и локти. Руки были теперь заняты, и, ударившись несколько раз головой, он надел каску, которую волочил по земле. Придвинулся к правой стене хода и, шурша плечом по сухому известняку, пополз вдоль нее, чтобы не терять направления. Стиснутые каской виски сразу заболели, шнур фонарика касался лица, щекотал. Ничего, уже не далеко, в колодце он снимет к черту эту каску, зажжет свечу и пойдет к Наде и Льву.

Ход сузился, и теперь оба плеча касались стен. Когда он шел сюда, ход не казался таким узким. «Это потому, наверное, что без света», — подумал он. Все в порядке. Но что-то мешало ему, что-то не давало покоя. Как будто он что-то забыл, только что помнил и забыл, что-то важное и неприятное... Да, глина... Он остановился. Под ним была глина — глина, которой не было, когда он шел сюда... Он лежал, слыша, как стучит сердце, и водил ладонью по сухой, расшелушившейся поверхности глины... А может быть, была? Каких-нибудь два-три метра он шел быст-

ро, не обратил внимания... Быстро? В этой стиснувшей плечи кишке? Он здесь не шел; нетронутая, никем не топтанная поверхность была под его ладонью.

Он вытер пот. Главное — спокойствие! Он угодил в какую-то боковую щель, которую раньше не заметил. Угодил потому, что шел, прижавшись к правой стене. Этот аппендикс был в правой стене, и он в темноте влез в него, как в капкан.

Он попробовал подняться, но спина уперлась в свод. Тогда ногами вперед он подался обратно, изо всех сил отталкиваясь руками. Ноги уперлись в стену. Он толкал их вверх, вправо, влево — всюду была стена. Это был тот перегиб хода, через который он с таким трудом перелез несколько минут назад, но тогда он полз вперед головой, а не вперед ногами, когда одежда заворачивается и липнет к глине... Ему нужно проделать то, на что люди, в отличие от некоторых насекомых, не способны: выгнуть колени в обратную сторону. «Сидит кузнечик маленький коленками назад...» Главное — спокойствие! Если бы можно было перевернуться на спину, но о «перевернуться» не может быть и речи... Гулко стучало в тугую глину сердце... Тогда что? Тогда ползти дальше по этому аппендиксу, пока не будет какого-нибудь расширения, чтобы развернуться.

Он полз очень медленно, шарил впереди лица растопыренными пальцами. Сухая, посыпанная битым стеклом обкрошившихся кристалликов кальцита глина, трещины... Расширения не было, делалось, наоборот, все уже, каска терлась по шершавому своду, сильнее становился ветер... А потом пальцами правой руки он нащупал след.

След человеческой ноги. Глубокий, четко впечатанный в глину. Алик водил пальцами по его краям. След был узорный, от протектора горного ботинка. Лев? А почему бы нет? Кишка, в которую он попал, соединяет его ход с ходом Нади и Льва — все очень просто. Он пошарил вокруг и нашел еще один след — тоже большой, тоже узорный, но направленный носком в другую сторону. Алик снял каску и, постукивая по ней пальцами, полежал, подумал... Видимо, их

ход тоже кончился, и они вернулись к колодцу, ждут его. Он прислушался. Надо крикнуть. Полагается, так сказать.

— Э-эй! — сказал он и послушал.

Как-то не хотелось кричать. Неприятно как-то было — заорать вдруг в этой тишине. Но надо.

— Э-эй! — крикнул он негромко и услышал эхо.

И пополз налево, ощупывая следы: большие и глубокие Льва, маленькие и мелкие Нади. И только потом, минут через пять, до него дошло, что они-то, Надя и Лев, шли, шли, а не ползли, что здесь можно идти. И, засмеявшись, он поднялся, обтер грязные ладони. И увидел впереди розово светящуюся кисть руки и, вздрогнув, замер. Кто-то стоял, прикрыв фонарь. Видимо, Лев — рука большая. Отчетливо, нежно просвечивали ногти, чернели пятна грязи на них.

— Каждый получает то, что заслуживает, — сказал Лев.

— И все-таки я тебя не понимаю. Ты любишь пещеры?

— Пожалуй.

— Хотел бы ты заниматься этим всю жизнь?

— Пожалуй.

— Почему тогда не учишься?

Над головой Алика брызнул свет: Лев снял руку с фонаря.

— Мне нужно так: или всё, или ничего! Я фанатик. Я кончу институт — и вдруг не захочу ехать, куда меня распределят, а только туда, где есть пещеры. Общественность возмутится и будет, несомненно, права: человека пять лет учили и кормили, а он ставит условия. Общество держится на людях, которые делают не то, что им нравится, а то, что им скажут.

Свет над головой Алика мигал; Лев похлопывал по фонарю.

— Говоришь что-то, сам не знаешь, — сказала Надя. — Тебе невероятно повезло, как ты не понимаешь! Ты знаешь, что тебе хочется. Нужно зубами

хвататься за это и не отпускать. Левушка, дорогой, бросай все, зубри, поступай в институт, в Москву...

Алик, напевая, пошел к ним.

— Ну что, товарищ геолог? — спросил Лев.

— Фонарь сломался.

— А ход? — сказала Надя.

— Ход кончился.

— Наш тоже.

Она стояла, прислонившись к стене и сложив руки на груди. Лев взял фонарь Алика, покопался в нем, и лампочка вспыхнула.

— Пластинка погнулась.

— Так что будем делать? — сказала Надя.

Лев распутывал мерный шнур.

— А что? Отснимем — и назад. Эклиметр у тебя?

Лев связал мерный шнур и сунул в карман рюкзака.

— Всё, синьоры.

Надя вытерла руки и взялась за веревку. Алик смотрел, как она поднимается — легко перехватывая веревку и переставляя ноги по стене, по своей густой, изломанной тени.

— Камень! — крикнула она.

Они отскочили в сторону. Камень звучно ляпнулся в глиняную жижу. Лев потрогал его ногой.

— В Овечьей стою на узенькой полке, — он вытирал лицо и выплевывал грязь, — а сверху уронили топорик. А пролет там семьдесят метриков. Мама моя, какой это был звук! Я влип в стену и слушал. Прощел сантиметрах в десяти от меня.

Уперев руки в бока, он смотрел вверх, на Надю. Сглотнул слюну.

— А в Студенческой, на Чатыр-Даге, начали спускать кастрюлю с киселем, а привязали-то не так чтобы уж очень хорошо, и она метров с сорока пошла. Феерическое было зрелище: мощный красный взрыв — кисель был вишневый, — и все в нем: мы все, стены, лестницы, веревки, все скользят, падают, копошатся...

— Лезьте! — крикнула Надя.

— Лезь, — сказал Лев.

Алик взялся за веревку и полез, запрокинувшись, часто переставляя ноги. Веревка была в грязи, растягивалась, и приходилось несколько раз обматывать ее вокруг руки, прежде чем подтянуться. Он был уже недалеко от верха, когда крикнула Надя; веревка резко дернулась и мягко, но быстро пошла вниз.

Ничего еще не понимая, Алик схватился за какой-то выступ; мимо, прохладно дохнув, пронеслось что-то, бухнуло внизу.

— Живы? — крикнула Надя.

— Да, — сказал Лев.

— Сталагмит! Где Алик? Сталагмит сломался!

Пальцы разгибались. Алик скреб ногами по стене, пытаюсь упереться.

— Плохо, братцы, — сказал он.

— Прыгай! — крикнул Лев. Его фонарь светил далеко внизу.

— Отойди! — Алик держался уже кончиками пальцев.

— Прыгай! — Фонарь Льва мелькал, но не отодвигался.

— Иди к черту!

И все понеслось, зашумел холодный ветер, что-то ударило по колену, и Алик напряженно ждал, но страшный удар в бок и в ноги был все равно неожиданным...

Он лежал на куче гидрокостюмов. Он никак не мог вздохнуть, и очень сильно болели ноги. Он приподнялся и увидел Льва. Тот лежал возле глыбы, на которую — Алик хорошо это помнил — вставал, когда начал лезть по веревке; и Алик подумал, что мог бы упасть на нее, на ее острый угол, и вдруг понял, что и упал бы, если бы Лев не толкнул его каким-то образом в сторону.

Алик поискал глазами товарища.

Лицо Льва было бледно и равнодушно. Упираясь руками и волоча ноги, он отполз к стене.

— Крикни ей... все в порядке, — сказал он тихо. — Отдышусь... Как раз под дых...

Алик только сейчас услышал крики Нади. У него шумело в ушах. Он встал и крикнул.

Лев прислонился затылком к стене и закрыл глаза.

— Не нужно было, — сказал Алик. — Сломал бы шею, зачем?..

— Сейчас, подожди...

Он сидел неподвижно, морщась и как будто к чему-то прислушиваясь. Алик сел. Его тошнило. Левая рука, когда он упал, наотмашь ударилась о землю, и цепочка часов лопнула. Алик выковырял из циферблата грязь и осколки стекла, выпрямил стрелки и положил часы в карман.

Лев приподнялся, придерживаясь за стену, и вяло помахал.

— Веревку... надо... поднять! — попытался он крикнуть.

Голос был хриплый и обрывающийся. При каждом слове изо рта вылетало облачко пара. Чем длиннее было слово, тем больше было облачко.

Надя спустила мерный шнур. Они привязали к нему конец веревки, и Надя начала вытягивать ее наверх.

— Я уже думал: всё, — сказал Алик, — когда летел.

— Завяжу булинем за колонну! — крикнула Надя.

— Да. — Лев плечом и головой прислонился к стене. — Потому что рассчитываешь только на себя.

Веревка, дергаясь и болтаясь, ползла вверх.

— Я сейчас полезу, — сказал Алик.

— Отдыхай.

— Ничего.

И он полез. Руки ослабли, дрожали, но он был странно как-то спокоен. Если даже он не долезет до верха, в этом не будет теперь ничего позорного. А если сорвется, то внизу Лев.

— Ну что? — спросила Надя.

— Все нормально.

В горле драло и першило. Он расстегнул ворот комбинезона. Лежал и хватал ртом холодный воздух.

— Что вы так долго не отвечали? — сказала Надя.

Сказала тихо и отчужденно. Алик посмотрел на нее. Она лежала щекой на локте. Мокрые глаза, слипшиеся ресницы.

— Понимаете, пока очухались...

Вылез Лев.

— Фу! — Он не то морщился, не то улыбался Наде. — Напугалась? — и двумя руками сжал ее руку.

— Ладно, пошли, — сказала она и прерывисто вздохнула, как наплакавшийся ребенок.

Игорь лежал на животе, положив ногу на ногу, и разговаривал с поверхностью.

— Что? — кричал он и крутил ручку. — Да нет, подождем пока. Всего!

— Дождь, — сказал он встав.

— Веселое дело! — Юрочка держал около рта ложку, с которой капал суп. — Сильный?

— Да нет.

Юрочка положил ложку.

— Э, мальчики, это мне уже не нравится.

— Ничего страшного, — сказал Игорь. — Чтобы вода в пещере закрыла сифоны, нужно по крайней мере миллиметров сорок осадков, притом ливневых.

— Очень, конечно, утешительно, но если дождь будет до утра, я рву на выход. Мне еще нравится жить.

— «Я», «мне», «меня», — сказал Игорь. — Ты когда-нибудь думал о том, что, кроме тебя, есть и другие люди?

— Здесь что, собрание по обсуждению морального кодекса строителя коммунизма?

— Заткнись!

Надя толкнула Игоря локтем и приложила палец к губам.

— Ты, главное, блюди себя, — сказал Юрочка. — Бытует мнение, что нервные клетки не восстанавливаются.

Лев разувался, грея руками белые, разбухшие, морщинистые ступни.

— Я прекрасно понимаю, что нервы у тебя напряжены, — сказал Юрочка. — Ты за все отвечаешь и так далее. Но и у других нервы не коровьи.

Лев надел сухие шерстяные носки, латаные и обгорелые, и осторожно распрямил ногу.

— Что такое? — спросил Игорь.

— Растянул немного.

— Болит?

— Ходить трудно.

Игорь потер лицо, усмехнулся.

— Так, счет два-ноль не в мою пользу. Юрка расклеился, у тебя — нога.

Юрочка снова ел суп.

— Нельзя, товарищ начальник, относиться к людям только с точки зрения пользы.

Лев встал, сделал два шага и схватился за колено. Игорь подсел к нему, пощупал ногу.

— Вывиха как будто нет.

— Растянул, я же сказал.

— Звони на поверхность, Князь, — сказал, жуя, Юрочка. — Пусть несут портшез для Льва.

— Есть давайте, — сказал Игорь. — Стынет. Неважный вышел супец.

Алик пошел к речке, сел на корточки на истоптанном, заляпанном зубной пастой берегу и начал мыть руки. Они все еще дрожали и были как будто не его, пальцы почти не сгибались.

Подошла Надя.

— Самое противное в пещерах, — сказала она, — грязь эта. Всюду — под ногтями, в волосах, в ушах. Противно.

Лев и Игорь молча ели суп. Юрочка курил, лежа на спальнике.

— Садись, ешь, — сказал Игорь. — Костюм у тебя цел?

— Держится пока.

— Наверно, придется нам с тобой завтра. Ты как? Надя вытирала руки и смотрела на них.

— Конечно, — сказал Алик.

— Отлично. Ешь, а то не останется. Здесь лозунг такой: от каждого — по способностям, каждому — по нахальству.

Он сел над телефоном, повертел ручку и снял трубку. Все смотрели на него.

— Кто это? Ну как дождь? Ладно, ничего. Теперь слушай. Мы сейчас ложимся спать, а потом мы с Аликом идем делать съемку. Думаем закончить: похоже, что Старушка кончается. Ты слышишь? А остальные, отоспавшись, соберут шмотки и двинут на выход. А мы закончим съемку и тоже. Да, прямиком. До скорого! Что? Нет, все. Счастливо! Часов через десять высылайте вспомогателей.

Он положил трубку и сидел, постукивая по ней ногтем.

— Игорь Викторович! — сказал Юрочка. — Так, в сущности, мы можем и сами все вытащить. Смотрите: мешков сколько выйдет? Семь, не больше...

Он говорил возбужденно и суетливо. Игорь повернулся к Льву.

— Ничего другого не остается. Ты согласен?

— Вполне.

Надя бинтовала ему ногу, положив ее себе на колени. Нога опухла, натянувшаяся кожа лоснилась.

Алик влез в сырой, пахнувший прелой шерстью и носками мешок, с трудом застегнулся негнущимися пальцами. Все время тянуло думать о том, что было бы, если бы он сломал сегодня ноги или позвоночник. Сломавшего позвоночник полагаются, кажется, прибинтовать к доске. Интересно, как бы его в таком случае вытаскивали из пещеры?

Не думать об этом, всё! Он перевернулся на другой бок и стал думать о Льве, об отце Льва, потом о своем отце. После того как пришла похоронная, мать собрала все его фотографии и по вечерам, когда в доме ложились спать, садилась к столу и аккуратно, сосредоточенно приклеивала их к страницам книги «Животный мир Южной Америки». «Все хотели с папой сделать альбом, да так и не собрались, — сказала она. — Чтоб карточки не терялись. Все «потом», «потом», да так и не собрались». Одна из этих

фотографий, сильно увеличенная и подретушированная, висит сейчас над ее кроватью. На черном пиджаке отца — значки «Осоавиахим», «МОПР» и «Ворошиловский стрелок». «Я не виноват, что у меня нет отца! — крикнул он как-то учителю физкультуры. — Никто не учил меня лазать по канату, плавать и драться!» Но главное, конечно, не в этом. Других обучила этому улица, дело не в этом. Почему-то ни у одного из его товарищей не было отца. Ни в школе, ни в университете. Раньше он как-то не задумывался об этом и сейчас удивился. Потому что у многих одноклассников и однокурсников отцы все-таки были. Особенно почему-то у девочек.

Подошла Надя.

— А вы... ты ничего не ударил?

— Обошлось как-то.

Она присела — черная шея, черная голова, освещенные сзади волосы и поднимающийся ото рта пар.

— О чем-то плохом сейчас думаешь? О чем-то грустном, да?

— Нет. — Он улыбнулся.

— И еще, наверно, считаешь себя героем. Мне, мол, плохо, а я еще улыбаюсь и никому не говорю. А по-моему, всегда нужно говорить все. И когда хорошо и когда плохо. Всегда. Нужно быть с людьми. Иначе жить страшно.

Алик молчал. Сердился на Надю. За то, что она помешала ему. Потому что жалеть себя — он сам это понимал — было приятно.

Надя встала.

— Ты все время настороже. Если б ты был собакой, уши у тебя все время стояли бы торчком.

„НУЖНО ДОЙТИ“

Спал он плохо: мерз в сыром мешке. Он пошарил по песку, нащупал сигареты, закурил. Игорь спал. Алик сел, зажег свечу, обулся и толкнул Юрочку.

— Ложись в мешок.

— Слышу. — Юрочка не двигался и не открывал глаз.

Всхрапнув, проснулся Игорь, посмотрел на часы.
— Ого, разоспался я!

Они разожгли примусы. Игорь вытащил из мешка резиновую ленту. Алик слышал, как он дышит и как дрожит и хлопает растягиваемая резина.

Они поели каши — горячей снаружи и холодной внутри. Игорь жевал и смотрел в затертый сажей клочок газеты.

— Дурацкая привычка, — сказал он. — Не могу, когда голова ничем не занята. Не могу, например, просто так пройти по улице. Иду и проделываю всякие дурацкие манипуляции с попадающимися на глаза словами: рифмую, читаю задом наперед, считаю буквы, черт знает что!

Он смотрел на Алика. Нужно было что-то ответить.

— Бывают и похуже привычки.

Как всегда, когда он был с кем-нибудь вдвоем, он чувствовал себя скованно.

— Вот сюда мы дошли, — сказал Игорь.

Перед ними было круглое, как бассейн, озеро. Вода вливалась в него из косой трещины, журчала, на белых стенах упруго дрожали узоры отраженного света.

Они сели. Игорь зажег свечу и грел над ней руки. Алик смотрел на него.

— ...попалась книга тысяча семьсот девяносто пятого года издания — описание путешествия Кирхгаузена по Таврической губернии. Такой обрусевший немец, член Российской академии...

Это Игорь рассказывает, как было открыто продолжение Мамут-кобы. Алик спросил об этом.

— ...Побывал он и в Кобе. Описание, конечно, такое: «Сия хлябь весьма приметна как в рассуждении красы, так и по причине других качеств». Но вот что нас удивило — он упоминал о какой-то пропасти внутри пещеры. Я рассказал в секции, и Лев с Сережкой Фирсовым — был у нас такой славный хлопец, служит сейчас, — рассудили так: надо копать,

искать ход к колодцу. Они поселились возле пещеры и стали методически так, одну за другой, раскапывать все подозрительные ниши. Повезло Сережке: он наткнулся первым. С чрезвычайным бумом они явились ко мне в половине второго ночи, перепугав Надину маму. В воскресенье мы поехали туда с оборудованием, спустились в колодец и дошли до сифона. А через три дня — как раз был День Конституции, снег такой — Лев пронырнул через сифон. Вода тогда стояла до потолка, понизили ее уже потом.

Алик курил.

— Ну, мы, конечно, ходили хвост трубой и, используя благоприятную обстановку, выцыганили через академнаб движок, новые лодки, еще кое-что, — он подмигнул. — Мы своего тоже не упускаем. Без этого нельзя.

Он смеялся. Свеча стояла на земле, глаза Игоря были в тени, Алик видел только лучики морщинок под его висками.

Потом он встал.

— Ты записывай, а я с компасом. Быстрее будет.

Он слез в воду, натянул шлем и, подняв руки, пошел к щели, откуда текла вода. Алик шел за ним. «В августе 1964 года И. Василевский и А. Крутов достигли конца пещеры». И еще было радостно оттого, что это последний заход, что через сутки, не позже, он будет на поверхности. Он только никак не мог сообразить, когда они выйдут — днем или ночью.

— Азимут двести тридцать пять! — крикнул Игорь. — Десять метров. Ширина — пятьдесят сантиметров. Высота — полтора метра. Пометь в скобках: воздуха — пятнадцать сантиметров.

Свет его фонаря, отражаясь от воды, бил в глаза Алику. Писать было трудно: вода плескалась вокруг обтянутого шлемом подбородка, и Алик то и дело чувствовал ее ледяное прикосновение к нижней губе.

Осторожно, чтобы вода не плескалась в лицо, и придерживаясь свободной рукой за потолок, он дошел до Игоря и встал на его место. Игорь пошел дальше, пока не натянулся над водой мерный шнур.

Он светил вперед. Алик видел на ярко-белом фоне его черную голову в шлеме, торчащую из черной воды.

— То же самое! — крикнул он. — Настоящая клоака.

Голос прозвучал громко и гулко, как из трубы.

— Затонувшая подводная лодка, — сказал Алик.

Он наклонился и попил. Тело, сжатое водой, уже начало окоченевать, а губы были горячие и сухие.

Потом несколько метров они ползли на четвереньках, потом опять шли по горло в воде. Свеча, которую Алик сунул за пазуху, провалилась в ноги и каталась под пяткой.

— Азимут двести двадцать! — кричал Игорь. — Восемь метров.

И Алик задирает голову и, едва не опрокидываясь на спину, прижимал тетрадь к потолку и записывал. На потолке сверкали мелкие, как на наждачной бумаге, кристаллы.

Так шли они долго. Алик не знал сколько. Ход не менялся. Сдавленная шлемом и фонарем голова болела и чесалась. Алик крутил ею, и тогда щеки и подбородок колола прижатая шлемом щетина.

Вода кончилась неожиданно. Впереди было сужение.

— Пикантно, — сказал Игорь.

Они сели. Алик достал из-за резинки фонаря размокшие сигареты. Месиво из бумаги и табака. Алик выкинул их.

— Ты давно знаешь Льва?

— Четвертый год. — Игорь писал в тетради. — Я только что приехал в Симферополь, и мы с шефом усиленно ломали головы, с какого конца взяться за пещеры. Ничего ведь не было — ни методик, ни людей, ни оборудования. Поехали как-то на Ай-Петри — на рекогносцировку. Конец сентября, дожди, ветер. Жили на метеостанции, ходили в маршруты по поверхности, а вечерами отогревались, сидели в ресторане с охотниками на перепелок, пили пиво и ели

чебуреки. Один раз сидим, вдруг садится за наш столик какой-то странный парень в конькобежных рейтузах, заказывает три шашлыка, представляется: Лев. Разговорились, и мы, разинув рты, узнаем, что это тот самый Лев, который уже несколько лет один лазает по пещерам. Ночевал он тогда в полукилометре от ресторана, в какой-то врытой в землю кабине от «студебеккера». На другой день он потащил меня в колодец. И я имел глупость согласиться, — Игорь снимал гидрокостюм: впереди было сужение. — Колодец был метров двадцать, но такого страха, какого я там натерпелся... Ты бы видел эту лестницу! Две ржавые проволоки и кривые поленья. Страховки, конечно, никакой. А фонарь его собственного производства, в форме пистолета: луч шел из дула, а в рукоятку вставлялась батарейка от слухового аппарата.

Он лег на бок и пытался протиснуться в сужение, отпихиваясь ногами. Алик смотрел на его елозящие по земле ботинки и вдруг почувствовал, как все мягко поплыло в сторону, будто кто-то взял его за голову и начал вращать ее, все расплывалось и странно, молочно светлело. Он знал, что это, и, торопясь, чтобы не увидел Игорь, отполз назад и лег на спину. Слабость медленно проходила. Когда он вернулся, Игоря не было. Из сужения бил голубоватый луч, освещающий сваленную кучей одежду. Алик лег и, когда Игорь отвел фонарь, увидел по ту сторону сужения его грязное лицо и голые плечи, тоже грязные и исцарапанные.

— Давай! — сказал Игорь.

Алик пропихнул ему вещи, потом тоже разделся, лег в холодную и жидкую, как на деревенском базаре после дождя, грязь и, вздрагивая от холода и отвращения, пополз. Но потом он забыл о холоде. Не проходили плечи. Он отталкивался ногами, старался как можно сильнее выдохнуть воздух. Скребло по ребрам, и один раз ему показалось, что он совсем, навсегда застрял; он рванулся назад, потом вперед, вспотел.

— Давай! — сказал Игорь.

Он взял его за руки и вытащил к себе.

— Ну как?

— Порядок.

Игорь был в измазанных шерстяных трусах и незастегнутой рубашке.

— А жутко — да? — когда покажется, что застрял? У меня есть знакомый биолог. Он говорит, что это атавизм, боязнь ловушки. — Он выкладывал из полиэтиленового мешочка хлеб, банку мясного паштета, лук и два раздавленных куска пирога. — В основе спорта альпинизма всегда стоял вопрос еды.

Алик намазал на хлеб паштет, разрезал луковицу. Лук был сочный и сладкий.

— Понимаешь, — сказал Игорь. — Когда я хожу, например, со Львом или даже с Юркой, я знаю, что им так же интересно, как и мне. А с тобой я чувствую как-то...

— Скованно, да?

— Да.

«Самая откровенная супружеская пара на свете».

— Мне тоже интересно, — сказал Алик. — Но я тебя очень хорошо понимаю. Мне в сто раз лучше самому делать не то, что мне хочется, чем знать, что другой делает это же из-за тебя.

Игорь кивал. Жевал пирог и кивал.

— Да, но понимаешь... Настоящий коллективизм не в том, чтобы все время жертвовать своими желаниями. Тут нужна какая-то пропорция. Потому что если человек только жертвует, то в конце концов люди начнут его тяготить.

Он говорил, как всегда, спокойно и тихо, и, как всегда, казалось, что говорит он заранее приготовленными фразами.

Алик взял пирог, откусил. Начинка была вязкая и кисловатая. Он сидел, привалившись спиной к стене. Хотелось курить. Саднило содранный бок.

И снова шли, шли, шли...

— Азимут триста пятнадцать, — говорил Игорь, когда шнур натягивался, и Алик клал тетрадь на дрожащее колено и, прорывая карандашом мокрую бумагу, записывал.

— Знаешь, похоже на конец, — сказал потом Игорь.

И Алик напрягся, не решаясь верить.

— Да ну? — сказал он небрежно.

Игорь лежал в тупике, на растрескавшейся глиняной корке и светил в узкую, шириной в ладонь, щель.

— Идет, кажется, Алька! — Он обернулся. — Честно! Подойди!

И Алик еле сдержался, глядя на его радостное лицо. Он положил голову на землю и закрыл глаза. Шум в ушах начал затихать, отдаляться... Испуганно вздрогнув, он очнулся. Игорь бил молотком по краю щели. Известняк крошился, летела пыль.

— Неудобно, черт!

Игорь лег на спину и стал колотить по верху щели. Он морщился; и было похоже, что он смеется, — зубы ярко белели среди густой черной щетины. Молоток соскальзывал, чиркал по камню.

Он сел. Волосы и лицо были запорошены известняковой пылью, на висках слой пыли был изрезан потеками пота.

— Нужно дойти. Обязательно! До конца. Столько сделано, нельзя не кончить.

Алик взял молоток и, зажмурившись стал бить. Молоток стучал, как по железу.

Так они работали около часа, часто сменяясь; и когда Алик брал толстую отполированную ручку молотка, она была еще теплой и влажной от руки Игоря. Потом удары стали глухими, хлопающими, и Алик увидел, что сверху отстала толстая плита. Когда она обвалилась, в щель можно было пролезть не раздеваясь.

За щелью блеснула вода. Надели гидрокостюмы. Снова пошла «клоака».

ТРЕТИЙ СИФОН

Свод уходил в воду. Игорь, пригнувшись, светил вперед. Вода в луче фонаря дымчато переливалась, как освещенный солнцем керосин.

— Идет, — сказал Игорь. — Сифон метра два, а дальше воздух.

Он вынул из-за пазухи две плитки шоколада и протянул одну Алику.

— В пятьдесят восьмом делали на Кавказе «двойку» и плутанули. Всегда теперь беру шоколад.

— Ты, я вижу, заядлый турист.

— Авантюрист. — Он обдирал фольгу с давленной, мягкой плитки. — Туризм — хорошая вещь, Алик. Одно дело — друзья, с которыми ходишь в кино, и другое — вместе нести груз, вместе делать жилье и еду, пережидать дожди. И приучаешься думать о других: Гришка кашляет, нельзя класть его с краю, Ленка любит сгущенку, надо дать ей двойную порцию.

Он доел шоколад и помыл руки.

— Достань, пожалуйста, веревку.

Онемевшими руками Алик стал развязывать рюкзак. Он был в воде, и Алик развязывал на ощупь.

— Я нырну первым, — сказал Игорь. — А потом ты, по веревке. Все это казалось Алику какой-то дикой игрой, в которую он тем не менее стал играть добровольно и правила которой обязан поэтому выполнять.

— Теперь так. — Игорь обвязывал конец веревки вокруг пояса. — Когда донырну до воздуха, дерну веревку. Один раз. У водолазов это означает — все в порядке. А если не дерну и не вернусь, ну, так около минуты, — чем черт не шутит! — тогда вытягивай.

Алик как будто вдруг очнулся. Гладкий, блестящий свод, уходящий в черную воду, на которой качаются красные комки шоколадной обертки и яркие комки фольги.

— Боюсь, что я не смогу. Здорово измотался. С непривычки.

Игорь, пригнувшись, внимательно смотрел на него. На темном мокром лице плясали блики отраженного от воды света. Алик отвернулся. На стенах, на своде — всюду дрожали блики.

— Еще немного, Алик. Самую малость. Хоть приблизительно набросать морфологию.

Алик кивнул, и Игорь улыбнулся.

— Все будет в порядке.

— Я знаю.

Игорь натянул шлем.

— Ох, и надоел этот чепчик!

Он перекинул веревку через плечо и встал спиной к сифону. Опустил фонарь в воду. Он светился там расплывчатым оловянно-белым пятном.

— Нырну вверх физиономией. — Он громко дышал. — Ты тоже. Легче отталкиваться: будет прижимать к потолку.

Алик ждал, чувствуя, как бьется в нижней губе кровь, и вдруг увидел Льва, его бледное и равнодушное лицо, когда они лежали вдвоем на дне колодца.

— Я не могу! — крикнул он. — Здесь нужен Лев, а не я! Я до выхода, наверно, не дойду, не то что...

Игорь смотрел на него.

— Ну что я могу поделать, если не могу! — Эхо глухо и непрерывно гудело под сводом. — Нет таких выдающихся способностей, как у вас всех. Я весь выложился, все!

Игорь кивнул и стал развязывать веревку. Алику казалось, что делает он это только для того, чтобы не смотреть на него.

— Спокойно, — сказал Игорь. — Все в порядке.

Алик остался один. Быстро булькая, как будто выливаясь из опрокинутой бутылки, вода уходила в горловину водопада, гудела внизу, а выше по течению чмокали, падая, капли, журчало, и Алик явственно слышал, как что-то быстро, как будто споря, говорит Лев, как смеется Надя, и еще чей-то глухой, успокаивающий голос. Он знал, что все это ему кажется, что это шумит вода.

Он лег и заглянул в трубку водопада. Внизу мелькал свет Игоря. Иногда он светил вверх, и тогда брызги делались черными; и казалось, что это мухи и это от них гудит в трубе.

Свет Игоря исчез, и Алик начал спускаться. Труба выходила в зал. Алик спрыгнул, упав на руки.

Перед сифоном сидели на островке Игорь и еще

кто-то. Плавающие в воде резиновые мешки сбились в кучу около стены.

Алик узнал Льва. Сказал ему Игорь про него или нет?

— Считай, — говорил Игорь. — Если даже они вышли в девять... — Лев смотрел на Алика.

— Ну, и как оно? — Он улыбался.

— Ничего.

Игорь слез в воду и стал запихивать мешки в сифон.

— Часа через четыре будем лежать на травке и есть молодую картошку с малосольными огурцами, — сказал Лев.

И Алик почувствовал благодарность.

«В конце концов ничего страшного не случилось. Я первый раз в пещере, и все это понимают. Я держался, пока мог. У каждого есть предел».

Но когда он вынырнул из сифона и увидел, что Игорь говорит с Надей и Юрочкой, он опять испугался.

— Курево есть? — крикнул ему Юрочка.

Алик развел руками.

— Бедный Алик, — сказала Надя. — Такое зверское крещение.

— Собираю бычки, — сказал Юрочка. — Мокрые, натурально.

— Что, перекусим? — Надя посмотрела на Игоря.

— Не сиди на земле, сколько тебе говорить, — сказал он.

Лев поставил на песок банку тушенки и стал резать хлеб. Юрочка отломал от банки крышку, выкрошил на нее табак из окурков и поднял над свечой. От табака, похожего на вываренную чайную заварку, пошел пар. Юрочка оторвал от банки этикетку, и они с Аликом свернули большие, уродливые цигарки. Бумага была толстая, глянцевая, горела плохо. От сырого, вонючего табака драло горло. Юрочка кривился и кашлял.

— Осточертели эти пещеры, — и он посмотрел на Алика. — Кризис жанра.

— Занятие, конечно, не для культурного человека, — сказал Алик.

— Пора, видимо, сменить пластинку. Подумываю о горных лыжах.

Игорь, Надя и Лев молчали. Лев подчеркнуто аккуратно вырыл в песке ямку и закопал банку и обрывки бумаги.

Вспомогателей встретили перед Монетным озером. Они жали руки, смеялись, совали глюкозу, яблоки и сигареты. Алик узнал Колю, мужа Лили, еще нескольких человек — и было странно, что он не видел их всего пять дней. Тот день на Ай-Петри и те два дня на поляне перед пещерой казались далеким прошлым.

...Он уже в лодке. Мягко продавливается в холод резиновое дно, плывет над головой потолок. Коля, муж Лили, стоящий на носу, хватается за сталагмит с отбитым концом и подтягивает лодку к берегу. Алик вылезает.

Огоньки фонарей рассыпались по ходу далеко вперед. Песок. Ноги волочатся и шуршат...

...Кто-то ползет перед ним на четвереньках. И Алик замечает, что он тоже ползет. И смотрит на облепленные глиной ботинки этого человека. Волочится развязавшийся шнурок. Надины ботинки. Надя, значит. Она привстает и тут же приседает, схватившись за голову. Оборачивается и злобно ударяет кулачком в сталактит. Он падает и раскалывается.

У Алика стучало в висках и сделалось тошно, когда он вспомнил о лестнице за Узким сифоном. Ему вдруг все стало противно. «Какого черта ты выкручиваешься? Просто ты трус и неврастеник, а Лев, Игорь и Надя нет. Ты хотел прожить, чтобы никто тебя не трогал, и считал, что можно прожить так, никому не мешая. И до сегодняшнего дня это тебе удавалось».

Потом, считая ступеньки, он лез вверх по лестнице. Наверху кто-то подхватил его под мышки, вытащил. Какой-то круглолицый мальчишка с висящим на шее медвежьим клыком. Он протянул на грязной ла-

дони две замусоленные таблетки глюкозы, и у Алика вдруг защемило внутри, и захотелось все рассказать этому мальчишке, и сказать, чтобы они еще раз взяли его с собой, потому что он должен доказать — себе и им, — что он не такой, что он не совсем такой, что он может быть не таким.

— Спасибо, — сказал он.

И пошел по верхней галерее. Спустился по деревянной лестнице; и когда встал на землю, у него подогнулись ноги, и он упал на живот.

Фонарь развалился. Алик начал чинить его, обрезал об осколок стекла палец и, размахнувшись, швырнул фонарь в стену. Зажег свечу и пошел, шатаясь и закрывая огонек ладонью.

Сзади бухали по гулкому полу ботинки. Ближе, еще ближе... Два вспомогателя с мешками и Юрочка. Алик пошел за ними.

— Кто знает, сейчас день или ночь?

— День, — хором сказали вспомогатели.

— А наши где?

— Идут, — сказал Юрочка. — Наде плохо стало.

Алик отстал и пошел медленнее. Ему хотелось выйти из пещеры вместе с Надей, Игорем и Львом.

А потом он увидел впереди, под потолком, дымно-голубую проредь в темноте и, догадавшись, что это солнечный свет, пошел туда, не глядя под ноги, навстречу широкому голубому лучу, носом, горлом и губами чувствуя уже теплый, пресный запах дневного воздуха, и вдруг очутился в слепящем, ломящем глаза свете, в банно-горячем, полном неясного дремотного бормотания воздухе.

Юрочка сидел на камне, держал в толстых, серых от подсохшей грязной корки пальцев тонкую белую сигарету, от которой тянулась по черному от тени обрыву голубая жилка дыма.

— Сколько сейчас? — спросил Алик.

— Ходят слухи, что пять часов. — Юрочка смотрел на что-то, что было сзади Алика.

И он, обернувшись, увидел Надю. Она стояла между Игорем и Львом. Лицо было бледное, как фотография, под глазами серели тени.

— Вперед, Алик! — крикнул вдруг Лев. — Нам еще долго мотаться по свету! Верно, мой командир? Игорь стоял теперь сзади Нади, держал ее за плечи.

— Когда будет следующий штурм? — сказал Алик.

Игорь смотрел на него.

— Мы ведь не кончили, — с усилием сказал Алик. — Не дошли.

— В сентябре, наверно.

— Возьмете меня? — Он смотрел на свои грязные, разбухшие ботинки.

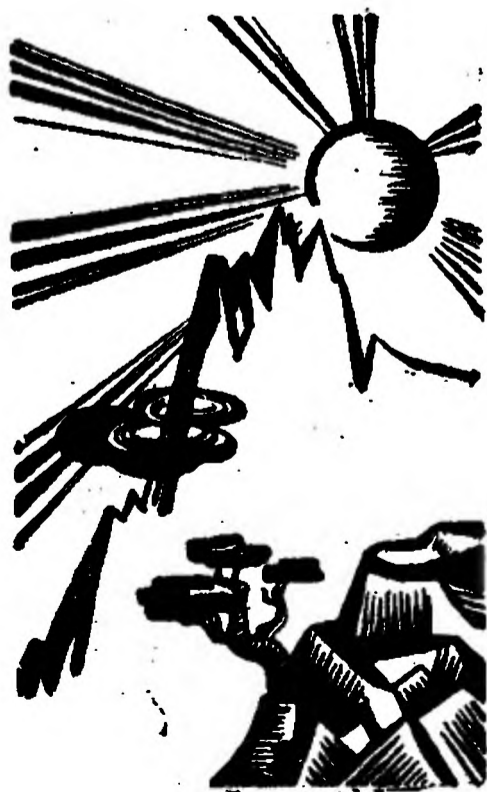
— Там видно будет.

— Возьмите.

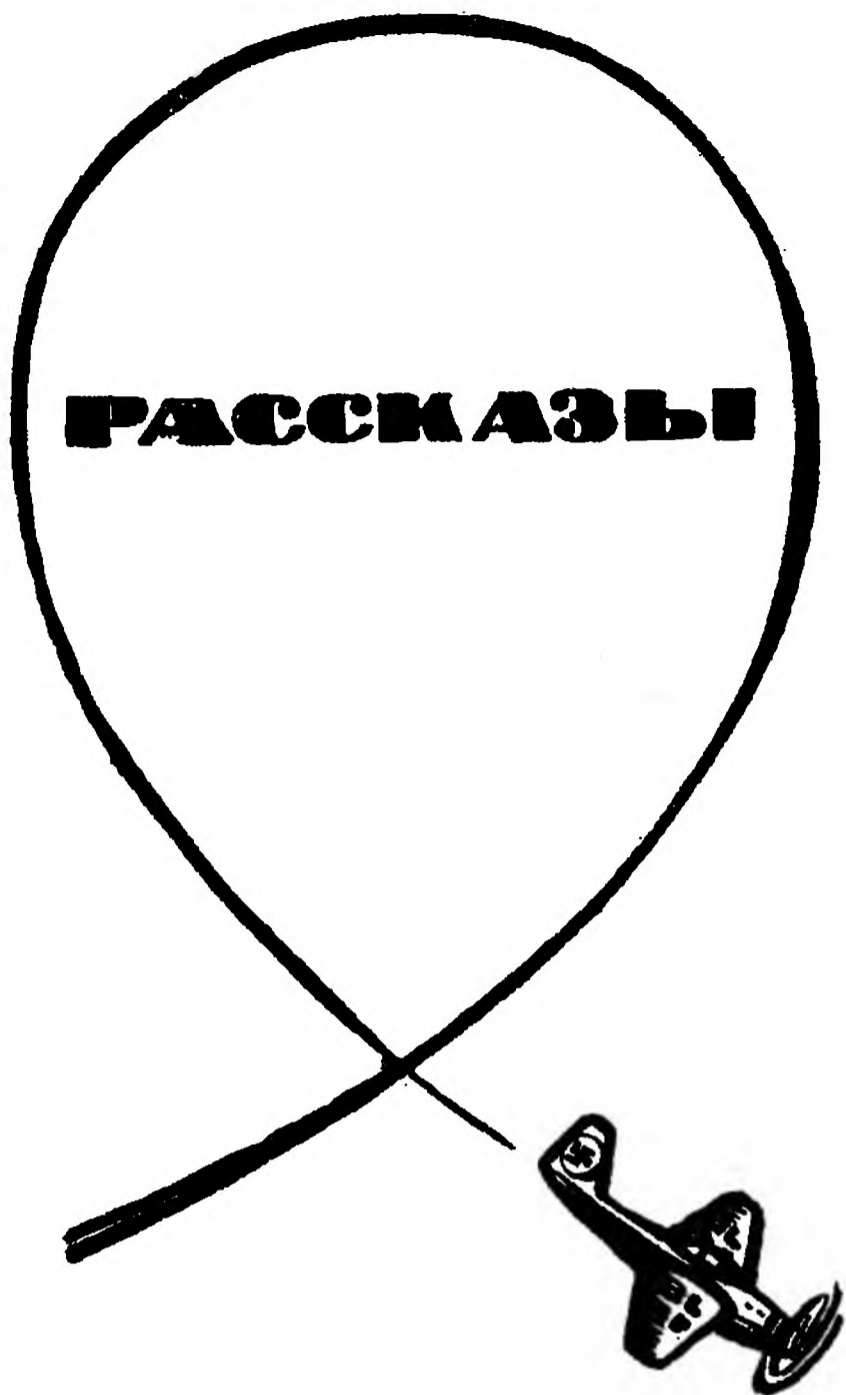
И, подняв голову, увидел, как сузились, стянувшись морщинками глаза Игоря, как шевельнулись, раздвигаясь, его губы.

— Ладно, — сказал он. — Там видно будет.

И они, все пятеро, пошли друг за другом вниз по тропе. Глазам, привыкшим в темноте к оттенкам и полутонам, солнечные краски казались слишком, не нужно яркими, тяжелыми, грубыми. Тени на тропе были бархатно-черными, трава и деревья неестественно, изумрудно зелеными, а над белыми, как творог, скалами было фиолетовое, глубокое небо.

РАССКАЗЫ

Е. СВЕДЕРОВСКИЙ
ДВОЕ

1

Андрюшка окунулся с головой, закашлялся, выбросил поскорей руки, пытаясь подтянуть на край льдины отяжелевшее тело. Но пальцы заскользили, оставив на синем, схваченном солнцем льду темные кровавые полосы.

Он отчаянно забил руками, чтобы удержаться на плаву. И тут понял: не выбраться из ледяной купели, напрасно он не скинул валенки, не бросил винтовку — теперь она уже не пригодится ему. Андрюшка закрыл глаза и ушел под воду. Но вдруг рука наткнулась на ремень винтовки, и пальцы торопливо стали расстегивать его, потому что со спины снять винтовку, не расстегнув ремня, не удалось бы.

Андрюшка опять всплыл, увидел край исцарапанной, окровавленной льдины, коротким взмахом выкинул винтовку. Звякнул штык.

«Нож ведь, надо ножом!» — догадался Андрюшка.

Нож он нашел сразу — обыкновенный солдатский, с черной деревянной ручкой и бронзовыми, потускневшими усиками перед лезвием. Выдернул из ножен, воткнул в льдину, по-стеклянному хрупкую и острую. Лезвие ушло далеко. Правда, оно держалось не так крепко, чтобы на него можно опереться, если вылезать на лед, но и достаточно прочно, чтобы, повиснув, отдышаться, набрать сил.

Андрюшка разглядел невысокое утреннее солнце, сиреневые апрельские облака и только тут услышал тугой, сильный вой.

Совсем близко от себя, метрах в десяти, он увидел буро-ржавое брюхо истребителя, широкие белые полосы крестов, подпалины на моторе и густую сетку заклепок на крыльях.

Помимо воли он втянул голову в плечи. Соленая ледяная вода опять обожгла лицо, и Андрей рывком, таким сильным, что зашлось сердце, выбросил тело на лед и забил ногами, отодвигаясь от гиблого края.

«Мессершмитт» сделал горку, словно подпрыгнул, свалился на бок, и сквозь запотевшее стекло кабины Андрюшка успел заметить лицо летчика. Пилот смотрел на него...

2

Хорст Бётгер прибавил газ и, набрав высоту, сделал боевой разворот. Счетчик боекомплекта в левом пулемете показывал ноль. В правом оставалось около сотни патронов. Бётгер тщательно прицелился в точку на льду и нажал гашетку. Бело-голубая трасса ушла вниз, хлестнула по льдине, взвила ленточку фонтанов в черной полынье. У самой воды Бётгер рванул ручку на себя.

«Спокойно, Хорст, спокойно! — сказал он, почувствовав от сильной перегрузки ломоту в скулах и позвоночнике.

Бётгер подумал о том, что трасса прошла рядом с солдатом, русский остался жив. На снегу он заметил красное пятно. Русский ранен. Тяжело? Вряд ли. Если тяжело, он не смог бы вылезти из воды в шинели, валенках и, кажется, с ранцем за плечами.

«Давай-ка осмотримся», — покачав машину с крыла на крыло, Бётгер внимательно обследовал пространство. Тройка отряда Воцебума ушла. Внизу, среди ледяных полей, клинописью чернела полая вода. Над водой шел пар — разорвался котел парохода. В густых масляных пятнах плавали обломки досок.

Когда Бётгер атаковал пароход, он видел на его палубе огромный красный крест. Значит, пароход вез раненых или детей. Расстрел их, отравление газами, умышленное уничтожение другими средствами запрещается. По международным правилам — это преступление.

Бётгер усмехнулся. В войне не бывает правил. Прав тот, кто побеждает. Эту истину хорошо усвоил он еще в школе АВ — первой ступени к небу, где уроки национал-социализма были так же обязательны, как радио, спорт, теория и практика полетов, строевая подготовка на образцовом плацу Ростока.

В летной школе учились «сливки» гитлеровской молодежи, и Бётгер через двадцать боевых вылетов собирался получить первый офицерский чин. В восемнадцать лет — офицер люфтваффе! Он хорошо летал и последнего русского с парохода с красным крестом сейчас добьет одной очередью.

Бётгер посмотрел на планшет, лежавший у него на коленях. На карте Белого моря перед вылетом он красным карандашом проложил линию курса, а район бомбардировки Северодвинска и Архангельска очертил циркулем черной тушью и в центр поставил крест. Лейтенант Воцебум спросил: «Что означает этот крест?» Бётгер ответил: «Капут русским». Воцебум усмехнулся, похлопал по плечу, но глаза его остались серьезными, даже, как показалось, злыми. Воцебум хотел, наверное, сказать по привычке что-то вроде: «Не зарывайся, малыш. Если русские увидят

этот крест, они свернут тебе голову, не доведя до штаба».

«Кстати, как поживает этот русский?» — Бётгер приподнялся и без труда нашел на белом поле одинокую фигурку солдата. «Сколько патронов?» Счетчик показывал пятьдесят. «С крутого пике всю обойму», — он прижал глаз к холодному окуляру прицела.

3

Андрюшка понял: он остался один. Один. А на пароходе, вышедшем из Мурманска, было триста семьдесят раненых. Они лежали в трюмах и даже в машинном отделении. Двадцать санитарок, пятнадцать матросов и трое с зенитной установки. На старый, дореволюционной постройки пароход зенитные пулеметы установили больше для успокоения совести, чем для отражения возможного налета «мессершмиттов», и он, Андрюшка, был вторым номером этого расчета. Четыреста семь человек ушло на дно. Четыреста восьмой, Андрюшка, с изрезанными об лед руками, в леденеющей шинели и валенках, оглушенный ревом «мессершмитта», остался жив. Остался жив, чтобы сейчас же умереть?!

От страха у Андрюшки выступили слезы. Он попытался зарыться в снег. Не удалось. Тогда он вскочил и закричал в отчаянии:

— Ну что пристал? Тебе мало?!

Засверкал огонь. Трасса взбила ледяную крошку. Острые льдинки резанули по лицу и задубевшей на морозе шинели. Ухнула, расколовшись под ногами, льдина.

— Мало, да? — раскрыв глаза, прошептал Андрюшка вслед мелькнувшему над ним самолету.

4

Машина дернулась в последний раз, и пулемет смолк. Счетчик правого показывал ноль.

— Мазила! Если бы увидел Воцебум! — выругался Бётгер.

Бензина в баках оставалось немного, Бётгер положил машину на обратный курс.

«Черт с ним, он сдохнет на этой льдине сегодня к вечеру!» По карте Бётгер подсчитал, что, если даже солдат будет правильно ориентироваться и пойдет к Северодвинску по льду припая, ему надо преодолеть километров сто шестьдесят.

На тактических учениях в летной школе Бётгер совершал тридцатикилометровые марш-броски. Это было в сороковом. Веселое время! Увлечения, победы... Тем, кто носил серый мундир вермахта или голубой — люфтваффе, кельнеры подавали пиво бесплатно. Но и тогда тридцатикилометровый переход считался нешуточным. Даже Бётгер, один из первых по гимнастике и фехтованию, в конце пути едва волочил ноги.

«Русский не дойдет», — еще раз подумал Бётгер и вытянулся несколько раз на сиденье, растягивая плечами привязные ремни. После этого упражнения занемевшее тело обрело чувствительность.

Бётгер был доволен собой. Он был доволен своим лицом — голубыми глазами, розовым цветом щек, резко очерченным подбородком. Еще в школе он считал красоту счастливым качеством для карьеры. И не только потому, что влюбляются женщины, теряя рассудок. Любому начальнику приятно приблизить к себе человека с красивой внешностью. Красота — визитная карточка, действующая с таким же зарядом, как звание гаулейтера или чин генерала.

— Фальке-пять, фальке-пять! Куда ты провалился? — услышал Бётгер голос Воцебума.

— Следую за вами, фальке-один, — поморщившись, отозвался Бётгер, включив передатчик.

— Что-нибудь стряслось?

— Ничего серьезного.

«Конечно, красоте завидуют. Женщины — мстительно, открыто, мужчины — исподтишка», — подумал Бётгер, вспомнив сплюсненную голову Воцебума, подстриженную под ежик, рыцарский крест, который болтался на шее лейтенанта.

Когда в небе послышался приближающийся вой «мессершмиттов», Андрюшка сидел у лафета пулеметной спарки в шинели, с винтовкой и мешком, как будто собирался сойти на следующей остановке. Один самолет, отвалив от строя, смел очередью всех, кто был на полубаке. Перебинтованный солдат, схватившись за разорванный бок, закричал истошно:

— Сволочи, раненые ведь!..

Другой самолет сбросил бомбу. Третий выпустил серию бомб. Свист нарастал, а Андрюшка стрелял вверх наугад, не успевая ловить в прицел мелькающие самолеты. И тут удар оторвал его от пулемета...

...Проводив взглядом истребитель, Андрюшка сел на свой вещмешок, стянул шинель, гимнастерку, валенки, выжал воду и снова надел, не чувствуя холода еще разгоряченным телом.

Потом он развязал мешок, высыпал содержимое на лед. Пачка концентрата размокла. По крупинке он собрал кашу в полотенце. Туда же сложил разбухшие сухари. Банку с макаронами положил в карман. Махорка смешалась с сахаром и солью. Андрюшка хотел все это выбросить, но раздумал, завязал в носовой платок.

В нагрудном кармане вместе с комсомольским билетом лежала фотокарточка. Андрюшка положил ее на ладонь. На него глядела непохожая на Лизу девушка. Но он-то знал — вот здесь, на левой щеке, у нее родинка, а на лбу — крохотная морщинка, и губы не такие яркие, а глаза теплей — зеленоватые летом, светло-голубые зимой. На фотографии рядом с Лизой, чуть наклонив голову, сидел лобастый, стриженный наголо, худой парнишка. От напряжения правая бровь у него поднялась выше левой, рот сжался, глаза глядели недружелюбно. Андрюшка сфотографировался с Лизой перед самой войной. Он хотел жениться на Лизе. Но в семнадцать лет в загсе не расписали, а тут война началась, и он ушел на фронт.

После школы пулеметчиков Андрюшка попал под Мурманск. Потрепанный в боях полк спешно попол-

нялся новичками. Но когда командир увидел Анд-рюшку, он сдвинул на его затылок не по голове огромную каску и сказал мрачно: «Молод еще. Пойдешь в Архангельск пароходом, может, с мамкой свидишься». — «Не могу, я — солдат», — ответил Анд-рюшка. «И поедешь солдатом, будешь охранять па-роход с ранеными...» Эх, не знал командир, какая участь ждала пароход!...

Да, Андрюшка был солдатом. Осторожно открыл он деревянную гильзу, выкрашенную в защитный цвет. В ней хранилась свернутая в трубочку бумажка, где сказано, что он рядовой 234-го стрелкового полка Булыгин Андрей Артемьевич, родился в 1925 году. В городе Архангельске проживает на Строительной, 7, призван в РККА в 1942 году. Эта бумажка в патрон-чике хранилась на случай, если товарищи не опозна-ют солдата по останкам.

«Могли бы запросто не опознать. Ушел на дно — и пропал без вести. И те, четыреста семь, тоже без вести...»

Это показалось Андрюшке очень несправедливым. Он даже выругался, выругался смачно, по-взрослому, как все фэзэушники, которые на заводах делали ми-ны, начиняли снаряды фугасом, ели солидол вместо масла, а вместо хлеба — «драники» из картофель-ных очисток.

Андрюшка звонко клацнул затвором, проверил патроны и встал, забросив за спину вещмешок.

Пропал без вести... Как могут пропасть без вести солдаты, которые стояли насмерть у Мурманска? Как может погибнуть без вести санитарка — молоденькая девчонка Зоя, которая все прижимала раненого к своей груди и шептала сквозь слезы: «Миленький, ой, потерпи, мы доживем, только потерпи!» И солдат замолкал, и скрипел зубами, чтобы не вырвался стон, и терял сознание. И этот солдат пропадет без вести? И Зоя тоже?

И он, Андрюшка, — без вести?

А как это — без вести? Сгинул, провалился сквозь землю?

Нет, Андрюшке очень надо дойти до своих. Может

быть, потому, что от этого зависела его собственная жизнь, или то, как подумает Лиза, или потому, что он остался единственным свидетелем гибели парохода с ранеными. Наверное, все вместе.

Андрюшка, чудом обманувший смерть, шел, стучал обледенелыми валенками. Дуло с севера. Несмотря на апрель, ветер был по-зимнему норовист и лют. Андрюшка прикинул: путь не близкий... Идти придется трое, а может, и четверо суток. Он не знал в этот момент, что о нем говорили в Норфолке, на гитлеровской базе в Северной Норвегии.

6

По обледенелой дорожке Бётгер зарулил на стоянку. Механики других самолетов отряда уже заправляли баки горючим, а пилоты ушли на завтрак. Первый вылет Воцебум назначал рано.

Пилот выключил зажигание, расстегнул ремни, отодвинул фонарь.

— Какие замечания, Хорст? — спросил потолстевший от меховой куртки механик Петер Бове. В глаза ему надул ветер, и они слезились.

— Проверь прицел. Трасса проходит слева. Большой разнос — Бётгер вылез на покрытое наледью крыло.

«Недолго протянет русский», — подумал он по дороге в столовую, закрываясь воротником комбинезона от упругого ветра.

— Почему отстал? — спросил Воцебум.

— Уцелел один русский солдат. Он вылез на льдину, и я задержался его расстрелять.

— Расстрелял?

— Промахнулся. У меня были на исходе патроны и врал прицел.

— А за бомбометание я хотел представить тебя к награде, — сказал Воцебум и задумчиво ковырнул вилкой холодный бифштекс. — Ты видел на палубе красный крест?

— Когда видишь русского, с красным крестом или без него, думать — излишняя роскошь, — ответил самодовольно Бётгер.

— Ты добьешь русского, — сказал Воцебум.

— Он замерзнет сам.

— Нет, ты добьешь! — повысил голос Воцебум. — Мы должны считаться с теми, кто не утратил в войне иллюзий.

— Хорошо, герр лейтенант, я добью русского, — примирительно сказал Бётгер и улыбнулся командиру.

— И еще, — Воцебум поднялся из-за стола и оглядел летчиков. — Мы, немцы, не покоряем, а освобождаем. Мы всегда будем говорить об этом. Это мы вдалбливаем всем. Но что эти все подумают о Бётгере, который с одного захода разнес транспорт с ранеными?

В дверях показался Бове.

— Ты летишь, Хорст? — спросил механик.

— Да. Туда же.

— Но там нечего делать.

— Там оставался один русский...

— Ефрейтор Бове! — перебил Воцебум. — Вы слышали приказ?

— Да, герр лейтенант.

— Выполняйте!

Бове медленно шел к стоянке. По его широкому безбровому лицу колотила снежная крупа. Ныла обмороженная щека, заклеенная пластырем, ныли руки, избитые ключами. «У этих парней, кажется, нос в пуху, — подумал механик. — И Хорст наверняка достучает того русского».

Он достал таблицу — инструкцию по прицелу Ревви и стал регулировать его для стрельбы по малой цели.

7

Все оставшиеся от сухого пайка продукты Андрюшка мысленно разделил на четыре части. Он уже съел одну, но все равно хотелось есть. Подумал и съел вторую часть. «Ведь чтобы согреться, не замерзнуть в мокрой одежде, надо много еды, а концентраты — какая это еда, не макароны же с мясом», —

подумал он. Банку макарон решил открыть на третий, а может, и на четвертый день.

Андрюшка вздохнул и пошел дальше.

Ветер донес до ушей гул. Гул был протяжный, тяжелый. «Неужели вернулся, проклятый?» Андрюшка прибавил шагу, хотя и впереди припорошенная снегом льдина была ровной, без торосов и проталин.

«Зачем я ему, один? — хотел он успокоить себя. — А может, не найдет?» — оглянулся — цепочкой тянулись по снегу следы.

И тогда Андрюшка остановился. Он никогда не попадал под бомбежку, но слышал от старых солдат — погибает первым тот, кто бежит, петляет зайцем, а не лежит, схоронившись. Андрюшка решил стоять, подумав, что сверху стоящий кажется меньше того, кто лежит.

Он повернулся навстречу гулу, снял винтовку, и поставил рядом, приклад к валенку, как часовой.

В белом небе появился крошечный паучок. «А если выстрелить?.. Хотя толк-то какой, зазря патрон испортишь...»

8

Цепочка следов немного выгнута — русский идет в общем правильно, но, вероятно, ориентируется по солнцу, не учитывая поправку на время. Из любопытства Хорст Бётгер высчитал, сколько километров прошел русский. Получилось двадцать два километра.

— Очень неплохо, — похвалил Бётгер, — парень ходкий.

Он склонил машину в пике и открыл огонь с дальней дистанции. Прицел сильно увеличивал цель. Бётгер видел, как строчка трасс, взбивая снег, быстро приближалась к русскому. Вот она заплясала вокруг. Сейчас русский рванется в сторону... Но русский стоял, как изваяние, и смотрел прямо на самолет. Бётгер, кажется, заметил даже лицо, шапку-ушанку с вздыбившимся козырьком, зеленые петлицы на шинели.

«Стоп!» Бётгер рванул ручку на себя, оглянулся. Солдат стоял, как и прежде, только голову повернул,

Бётгер выругался, двинул ногой педаль, чтобы с поворотом через голову снова выйти на цель.

Он бросал машину в пике, стрелял, крутил фигуры, как в опасном воздушном бою, но русского не брали пули.

9

Остекленевшими глазами проводил Андрюшка взмывающий в небо самолет. Если фашист повторит атаку, он не устоит. Он хорошо знал предел своей выдержки, как и любой человек, если он не приписывает себе каких-то особых качеств.

Фашист снова открыл огонь. Пули с воем крушили лед вокруг. Андрюшка сжал зубы и все же не сдвинулся с места. Маслорадиатор под мотором походил на раскрытую акулю пасть, винт со свистом сек воздух.

«3-3-3», — пуля рванула шинель.

«Мессершмитт» взмыл, опалив жаром мотора.

Кажется, Андрюшка почувствовал на спине тепло, ноги задрожали, и он начал было опускаться на лед, но остановился, навалившись на винтовку.

Он устоял и на этот раз.

Фашист теперь не пикировал. Он стал кружить. Летчик с бреющего полета рассматривал его, словно Андрюшка был какой-то редкий экспонат.

Потом фашист улетел.

— Выкусил? — засмеялся Андрюшка и, закрыв глаза, повалился на лед.

10

Воцебум сидел, положив ноги на решетку электрической печи, и зло выговаривал Бётгеру:

— Вы не видите ничего невероятного в том, что «мессершмитт» с полным боекомплектом и летчик, окончивший школу АВ, школу С, наконец, пробывший год в учебной истребительной эскадре, не может убить русского, который стоит, как на блюдечке!

— Это, наверное, дьявол...

— И дьявол следил за вами, пока вы вертелись вокруг него? — Воцебум, скинув ноги на пол, вытянул-

ся. — Слушайте приказ, пилот Бётгер! После обеда вы летите вместе с отрядом, будем прикрывать «юнкеры» над Мурманском. Завтра не знаю, что будем делать. Но и завтра и послезавтра, когда другие пилоты будут отдыхать, вы полетите к своему русскому и будете летать, пока его не добьете!

Воцебум натянул комбинезон, унты, надел шлем и направился к двери — огромный, толстый, с бульдожьей физиономией, еще более покрасневшей от злости.

— Кстати, — он задержался у порога, — я не представил вас к награде, хотя командир эскадры хотел отметить отличившихся.

Он вышел. Из окна Бётгер видел, как лейтенант пристегнул парашют и полез в кабину. У Воцебума была привычка летать на свободную охоту перед обедом, чтобы нагулять аппетит.

...Назавтра задула пурга. Ее никто не ждал. Пурга трясла стены узких финских домов, обитых для тепла снаружи и изнутри толстыми плитами из древесных опилок. По стеклам окон шуршал обледеневший снег.

...Пурга замела истребители по самые крылья, и, когда она кончилась, целый день пришлось откапывать машины. Еще день потребовался механикам, чтобы разогреть и запустить моторы.

— Надеюсь, вы не забыли о моем приказе? — спросил Воцебум за ужином.

Бётгер молча отодвинул тарелку и вышел. За спиной он услышал хохот.

Ночью он не мог уснуть. Его раздражал то лай сторожевой собаки, то хохот норвежца, который привозил для столовой мороженую треску, то храп соседа, то гудки машин, подвозящих к базе горючее и боеприпасы.

Проворочавшись с боку на бок несколько часов, он оделся, разбудил Бове и стал помогать ему готовить машину к вылету.

— Дался тебе этот русский! — ворчал Бове. — Если даже он не загнулся в пургу, какой прок будет в том, что ты, наконец, его доконаешь?

— Теперь он больше, чем просто единственный свидетель.

— Почему?

— Больше для меня, для Воцебума, для всех нас, — словно не слыша вопроса, сказал Бётгер.

В четыре, за час до рассвета, Бётгер вылетел к Белому морю.

11

Опираясь на винтовку, Андрюшка прошел полдня, пока не обнаружил пропажи. Он оставил ремень с патронташем. Ремень он снимал, когда перевязывал рану — не слишком глубокую, но кровоточащую. Крупнокалиберная пуля сорвала со спины лоскут кожи.

«Новая нарастет, если дойду», — думал Андрюшка.

Возвращаться теперь — значит потерять день. День, когда из пищи уже ничего не осталось. и Андрюшка давно жевал смесь махорки, сахара и соли.

Шинель уже обсохла и грела немного. Только голод кружил голову. Если что-нибудь съесть, он бы дошел, ведь до берега осталось совсем мало. И пусть снова пурга, он тоже бы шел.

На пути встретилась большая полынья. Пришлось обходить ее. Оттого, что Андрюшка долго глядел в черную воду, надеясь увидеть тюленя, голова закружилась еще сильнее. Тогда он сел. Сел неосторожно, бинт сдвинулся, спину снова загорячила кровь.

«Наверное, не дойду», — подумал он, вздохнув.

Вдруг в тишине он уловил писк. Андрюшка разжал веки и увидел совсем близко от себя чайку. Это была розовая полярная чайка. Когда-то он читал, что знаменитый норвежский путешественник не то Нансен, не то Амундсен целью жизни считал увидеть розовую чайку. И увидел. И едва не лишился разума от радости.

Андрюшка печально посмотрел на птицу. Чайка остановилась, подняв тоненькую ножку — ей было холодно стоять на снегу.

Андрюшка поднял винтовку и выстрелил. Чайка подпрыгнула, но не улетела. Андрюшка выстрелил еще раз и еще. Чайка вспорхнула и села совсем рядом, шагах в двадцати. Она словно хотела отдать свою жизнь голодному солдату. Андрюшка лег и долго прицеливался.

За выстрелом он не увидел чайки, но знал, что попал. Ковыляя, он добежал до птицы, разорвал ее на две половины, стал есть теплое, пахнущее рыбой костлявое мясо.

Ночью Андрюшка почувствовал сильный озноб. Он спрятал голову в вещевой мешок и задышался там. Лицо покрылось испариной, а ноги и тело тряслись, как пневматический молоток.

«Нет, не дойду», — решил он.

Солдат воевал с вьюгой и холодом, как на войне. И он имел право умереть... Если когда-нибудь его найдут, домой должны сообщить... «Пал смертью храбрых», не найдут — «Пропал без вести». Но теперь и это уже не беспокоило его. Он боролся, как мог. Больше сил нет.

Андрюшка сорвал с головы мешок. С высоты глядели звезды — Лебеди, Орионы, Медведицы, Раки, Гончие Псы... Глядели спокойно, не мигая, — какое им дело до одинокого умирающего солдата!

Андрюшке захотелось напоследок тепла. Пошарив рукой, он нашел приклад, трясущимися руками достал нож. Но сталь не могла одолеть дерева. «Наша, архангельская береза, — с гордостью подумал Андрюшка, потому что это его лесозавод делал приклады из березовых комлей. Наконец, изловчившись, ему удалось снять маленькую стружку. Бережно он положил ее на полу шинели и стал добывать другую. Третья и четвертая дались полегче.

Под кучку щепок он подложил папиросных бумажек, сверху вылил масло из ружейной масленки, достал зажигалку. Слабый огонек лизнул бумагу, голубой струйкой побежало пламя, и занялся костерок прямо у самых ног на шинели. Андрюшка положил на огонь почерневшие от мороза руки, почувствовал тепло. Торопливо зашевелил пальцами, тепло побежа-

ло дальше по рукам, проникло к груди. А раз живому дали тепло, кто захочет умирать!

Костерок разгорелся и заслонил мертвые звезды. Андрюшка наклонился к огню лицом. Под пламя попал пушок на бороде, тихонько защелкал.

— Эх ты, чудо-юдо! — прошептал Андрюшка и улыбнулся огню.

Он теперь не был одиноким, к нему будто пришел друг и, согрев, сказал: «Ты дойдешь».

Андрюшка не заметил, как утро погасило звезды. Он неотрывно смотрел на угасающие один за одним угольки. Они опускались через прожженное сукно шинели на лед и, в последний раз вспыхивая, гасли навсегда. И только когда умер последний огонек, Андрюшка увидел горящую надо льдами зарю. Быстро светало, и вместе с рассветом донесся до него то удаляющийся, то приближающийся гул.

12

Бётгер никак не мог найти солдата. Он сверял свой курс с направлением, по которому должен двигаться русский, иногда ему казалось, что он заметил следы, но скоро они обрывались, и, пролетев несколько дальше, Бётгер менял курс, искал русского в другом месте.

Сверху ему хорошо был виден берег, и Бётгер опасался, как бы русские не увидели «мессершмитт» и не послали истребителя. Чуть в стороне он заметил темные точки, пошел на них, но точки исчезли в полыньях. «Тюлени», — раздосадованно подумал Бётгер.

Он решил пройти старым курсом еще раз и повернуть домой, если не найдет русского. «Могла же его занести пурга».

И тут он заметил длинную синюю тень, падающую от идущего солдата.

— Вот ты где, дьяволенок! — Бётгеру захотелось крикнуть, чтобы этот русский сейчас услышал его.

Он начал набирать высоту и привычно целиться. Далекая черная точка не распласталась на льду,

а только остановилась, оборвав за собой цепочку следов.

Палец нажал гашетку всех трех пулеметов. Истребитель не задрожал, словно помчался по кочкам. Пули опять ушли в сторону.

Тогда Бётгер улетел далеко вперед и прижал машину к самому льду. В прицеле русский оказался ниже скрещенных линий. Для проверки Бётгер дал очередь из моторного пулемета. А чуть опустить нос, значит врезаться в лед.

— Эй ты, русский, я должен тебя убить! — кричал Бётгер.

Уйдя на второй круг, он выполнил сложнейший для пилота маневр, быстро перевернув машину вверх шасси.

Немногие из асов рисковали делать это в бреющем полете. Но Бётгер надеялся, что пулеметы со стволами, поднятыми чуть выше истинного направления полета, срежут на этот раз русского.

Солдат попал в сетку прицела. Газ выжат до отказа, бешено мчатся под фонарем лед и сугробы. Огонь! Ручку от себя. Переворот. Быстрее в небо!

В глазах мечутся красные круги. Торопливо бьется сердце, проталкивая сгусток остановившейся крови. Ручку в сторону, нога давит педаль. Ледяное поле переворачивается набок. И на нем стоит солдат.

«Это невероятно! Больше я не могу!» Очки сильно запотели, Бётгер зло срывает их, смахивает пот.

Пулеметы дают большой разнос. Они перегрелись. Нужно набраться терпения. Но ждать нельзя. Бензина от Норфолка до этого русского хватает в обрез. И снова Бётгер бросает «мессершмитт» в пике.

13

— Опять? — Андрюшка выстрелил, не целясь, влет, как стреляют в утку.

Отдача швырнула его назад. Он подумал, что оторвало руку. Цевье винтовки с обструганным прикладом переломилось.

«Зз-ю, зз-ю!» — тяжелые пули стучали по льду.

— Дойду! Слышишь, дойду! — закричал Андрюшка и двинулся вперед, уже не дожидаясь новой атаки.

14

На обратном пути Бётгер заметил по манометру, что давление масла падает. Сокращая путь, он прижался к берегу. Через полчаса затрясло мотор. Он не знал, что единственная пуля русского попала в масло-радиатор и разорвала слабую сетку трубопроводов.

Еще через несколько минут мотор заклинило. Машина качнулась с крыла на крыло и стала падать. Внизу по берегу тянулся лес. Сбросив фонарь, Бётгер выбрался на сиденье и оттолкнулся, увлекаемый потоком назад.

Он выдернул кольцо над самой землей и только тогда заметил бегущих к нему людей. Спустившись, Бётгер некоторое время лежал, прислушиваясь к непонятным крикам русских. Потом вытащил парабеллум, но стрелять побоялся, вскочил и, припадая на ушибленную ногу, побежал по ледяному припаю.

Это был бессмысленный бег потерявшего волю человека. Неожиданно Бётгер поскользнулся и с лета грохнулся затылком об лед. Когда к нему подбежали, он уже был мертв.

Пашка знал, что после шторма хорошо берет кефаль. Он проснулся в пять часов утра, увидел спокойное море и стал собирать спиннинг.

Шлюпка стояла под брезентом в нескольких шагах от моря. Пашка поставил ее на попá, подлез под нее. Банка гребца пришлась как раз на плечи. Утопая в прохладном после штормовой ночи песке, Пашка зашагал к морю со шлюпкой на плечах. Потом сходил за веслами, спиннингом и одеждой. Его голой спины коснулись первые лучи солнца: оно вставало из-за вишневых деревьев на территории лагеря и еще не грело. Пашка почувствовал скорее прикосновение света, чем тепла. Он стоял и смотрел на море.

Море отдыхало. Плети глубинных водорослей, расплющенные медузы, мелкие ракушки и древесная щепа усеяли широкую полосу утрамбованного волнами сырого песка.

Пашка постоял еще минуту. Потом вошел в воду и повел шлюпку в море, толкая перед собой. Двигался не спеша, обдумывая, у какой вехи лучше привязаться. Когда вода дошла ему до пояса, по днищу что-то ударило и заскрежетало. «Коряга, — решил Пашка, замедляя движение, — а может, камень штормом прикатило». Он чуть отвел шлюпку и склонился над водой.

На дне не было ничего. Дно было чисто. Только крошечный рак-отшельник, быстро-быстро перебирая лапками, засеменял из тени от Пашкиной головы под солнце.

Он обошел вокруг лодки. Ничего! Он опустил руку в воду и стал ощупывать днище лодки. Ага, вот! Кажется, нашел.

Пашка достал из лодки маску и, поеживаясь, медленно опустился в воду. Чтобы подлезть под днище шлюпки, пришлось лечь на спину. Справа от киля царапина, будто стесано углом топора. Пашка приблизил лицо в маске к самому днищу: глубина царапины — миллиметров пять.

— Черт знает что! — пробурчал Пашка, вынырнув и стянув маску с лица. Потом он снова надел маску и, согнувшись в три погибели, стал кружиться на одном месте, придерживая шлюпку рукой.

Дно было чисто.

Кефаль не брала. На дне шлюпки изредка всплескивали две зеленухи. Пашка услышал звук горна из лагеря и погреб к берегу. Вытащил шлюпку на песок и пошел завтракать.

Завтрак был в разгаре. Между четвертым и шестым столом шла ожесточенная перестрелка черешневыми косточками. Пашка срочно организовал перемирие. Он нагнулся, молниеносно ухватил под столом руку Витьки Семечкина с зажатым в ней метательным орудием — ложкой. «Крупный калибр» дал осечку.

— Бунтуешь? — безразлично спросил Пашка.

— Ага! — радостно подтвердил Семечкин и попытался вырваться.

Пашка забрал у него ложку и пошел к раздаточной.

— Будешь есть руками.

— Они у меня не стерильные, — ухмыльнулся Витька, — и к тому же это непедагогично.

— А я не педагог. Я — спасатель, — бросил на ходу Пашка.

Столовая опустела. За столом только Пашка. Да еще в окне раздаточной, подперев щеку кулаком, незамужняя Марта Васильевна — шеф — вздыхает, глядя на спасателя. Ей любы мужчины вообще, а особенно те, кто по многу ест и ростом вышел.

— Может, мясца подбросить, студент? А? — вздыхает Марта Васильевна.

Минут через тридцать Пашка уже развозил на шлюпке флажки. А вскоре шумная орава ребят, поднимая брызги, плескалась вокруг лодки. В борт вцепились чьи-то руки.

— А я веслом! — гаркнул спасатель.

Над кормой показалась мокрая мордочка Витьки Семечкина.

— Держись, переверну! — закричал Витька и навалился грудью на борт.

— Попробуй, — засмеялся Пашка, налегая на весла.

Вдруг Пашка заметил: улыбка сползла с лица мальчишки, и сквозь загар проступила серая бледность. Тихонько охнув, Витька разжал пальцы.

— Ты не тонуть ли собрался?

Пашка перегнулся через борт и ухватил Витьку под мышки. Глаза мальчика были закрыты, голова свесилась набок.

— Витька! Витька... Ты что? — спросил Пашка.

Он рывком втянул мальчишку в лодку. На правой Витькиной ноге через всю икру тянулась глубокая рана. По щиколотке густо стекала кровь. На секунду Пашка опешил. Затем, придерживая одной рукой безжизненно обвисшее тело, дернул что было

сил якорный конец. Веревка выскочила вместе с кольцом. Разодрав подол рубахи, Пашка скатал жгут и перетянул Витькину ногу выше колена. Потом взялся за весла. Шлюпка медленно развернулась.

— Дорогу! Все на берег! Ребята, на берег!

Завизжали девчонки. Лидочка, вожатая Витькиного отряда, утопая в песке, размахивая руками, бежала к лагерю.

Испуганный начальник лагеря приказал:

— Вот что, спасатель! Бери маску и немедленно осмотри дно в купальном загоне. Только повнимательней гляди.

— Есть!

У дверей изолятора стояла заплаканная Лидочка.

— Как он? — спросил Пашка.

— Зашили.

— А я к нему.

— Что ты! Туда нельзя.

Пашка взял ее под локти, поднял и отнес от двери.

— Не скучай.

Витька лежал и глядел на дверь.

— Ну, как дела, старик? — спросил Пашка и положил на подушку смятую конфету «Мишка».

— Дерет, — сказал Витька, — йодом помазали, вот и дерет.

— Как же это ты?

— Не знаю. Не заметил.

— Вспомни, Витька, как все было. А то ты на моей совести. Очень прошу, вспомни.

— А чего вспоминать-то? — упрямо твердил Витька.

— Вспоминай! Вспоминай!

Витька наморщил лоб гармошкой.

— Сперва, когда по дну бежали, я вроде на что-то скользкое наступил. Потом к шлюпке подбежал. Потом уцепился. Потом ты говоришь: «А я веслом». И тут чего-то худо мне стало, а дальше не помню.

— Совсем не помнишь?

— Ничего.

— Ну, поправляйся, — сказал Пашка.

— Ладно, — согласился Витька.

Второй час Пашка болтался в загоне, обозначенном красными флажками. Глубина — один метр. Пашкино длинное ружье для подводной охоты касается трезубцем песчаного дна. Дно ровное и очень гладкое. Резиновый загубник дыхательной трубки режет десны, маска протекает, и Пашке каждые пятнадцать минут приходится выливать из нее воду.

Под Пашкой чистый песок. Он встал на ноги. Вода доходит до пояса. Подумалось: «Хватит метаться, как амеба в капле воды! Нужно распланировать поиск». Он сдвинул маску на лоб и стал глубоко и спокойно дышать. Дыхательная трубка съехала на ухо, на манер плотницкого карандаша. С берега девичий голос закричал: «Эгей, охотничек!» Пашка быстро натянул маску и нырнул. Отлежался на дне, потом поднялся и продул трубку. Поплыл к флажкам. Решил двигаться концентрическими кругами в пределах загона. Точно в середине надеялся закончить поиск. Но на первом же витке ему пришлось утюжить песок животом, в пяти шагах от берега глубина была сантиметров на сорок, не больше. Пашка сознавал нелепость своего положения. Спину припекало солнце, поднявшееся уже к зениту. Больше того, он чувствовал, как морская вода, пощипывая, испаряется у него на спине. Он выругался про себя, оттолкнулся ногами от песка и торпедой выплыл на более глубокий участок. Для того чтобы пройти весь загон, потребовалось не больше часа.

В центре загона, еще издали, Пашка заметил что-то черное, зловещее, колышущееся от слабой волны. Он приготовил ружье и, работая одними ногами, стал осторожно приближаться.

Это были рваные сатиновые трусы. Пашка нажал спусковой крючок, ружье дрогнуло, и трезубец, воткнувшись в дно, поднял песчаное облако. Пашка, не оглядываясь, поплыл к берегу. Потом стал на ноги, стянул маску и широко зашагал по воде. Трезубец гарпуна тянулся за ним по дну на лине.

— Нашел что-нибудь? — спросила Лида.

Пашка молча кивнул. Лида и девчонки из первого

отряда стали смотреть в воду, ожидая его добычу. Глаза у них горели. Пашка вышел на берег и вытянул стрелу с трусами. Девчонки захихикали. А Лида тихо спросила:

— Что же это, Паша?

— Трусы мужские. Размер сорок восемь примерно.

— Там что? — Лида показала на море.

Пашка устало пожал плечами. Подумал: «Хорошо еще, что они не знают про шлюпку».

— Я обедать.

По дороге в столовую он встретил начальника лагеря.

— Как осмотр? — спросил тот.

— Ничего не нашел. Дно чистое. Но я советую не разрешать купание, пока все не выяснится.

— Что же еще может выясниться?

— Не знаю.

Пашка доедал суп, когда в столовую вошел Алик, дружок Витьки Семечкина.

— Дядя Паша!

— Что случилось?

— Там женщина... Нога... То же самое...

— Где?

— На диком пляже, возле флажков.

— Где она?

— У нас в изоляторе.

Пашка оставил недоеденный суп и вышел из столовой. Они направились в изолятор: Пашка — шагом, Алик — бегом.

К раненой их не пустили. Около дверей стоял ее представительный муж в соломенной шляпе. Он был растерян.

— Ерунда какая-то. Она плавала рядом со мной. Мы, знаете, купаемся где помельче. Вдруг говорит: «За что-то зацепила ногой...» Нет, нет, она не стояла. Там мелко, но она плыла. И тут я увидел кровь — бурое, мутное пятно в воде. — Он зябко передернул плечами. — И вот мизинец и фалангу соседнего пальца — как топором!.. Понимаете, приехали отдыхать. Весь год собирались — и на тебе!..

— В море ничего не заметили? — спросил Пашка.

— Где уж! — Мужчина махнул рукой и снова передернул плечами. — Не до того, знаете, было.

Пашка зашел к себе, взял снаряжение и гарпунное ружье.

— Дядя Паша, можно с вами? — безнадежным голосом спросил Алик.

— Можно.

— Ура-а-а!

— Будешь в шлюпке за мной грести. Справишься?

Он отлично знал, что Алик справится. Он знал, что во время тихого часа четвертый стол катается в его шлюпке. Но ребята с четвертого стола не знали, что, загорая на диком пляже, Пашка следит за ними.

Они спустили шлюпку. Пашка надел ласты и, взбурлив воду, поплыл вдоль берега, немного мористее ограничительных флажков. Пройдя метров двести, взял еще круче в море, затем повернул обратно. Проходя мимо шлюпки, поднял голову, крикнул Алику:

— Гроби туда! — и показал на море.

— К камням? — спросил Алик.

— Точно.

Камни начинались метрах в пятидесяти от берега. В воде стало темнее. Солнце уже не отражалось в светлом песке, его поглощали валуны, обросшие водорослями и усыпанные мидиями. Между камнями колыхались бесформенные массы разбитых о камни медуз. Их пригнал сюда недавний шторм. Суетились зеленухи. Из-под камней торчали тупые, как носки сапог, головы сонных бычков. В прогалинах над колышущимися полосками водорослей маленькими стадами паслись султанки. Изредка проскальзывали стайки кефали, сверху похожей на торпеды. Пашка не удержался — выстрелил. Килограммовая рыбина встрепенулась и повисла на трезубце. Пашка высунул голову из воды. Шлюпка была рядом. Он крикнул Алику и бросил добычу в шлюпку. Алик испустил

торжествующий вопль. Спустя полчаса, поймав руками двух злющих крабов-краснюков и конька, Пашка подплыл к шлюпке, взобрался в нее и приказал:

— Иди на нос и дай полотенце. — Он вытер руки и губы. Закурил.

— А что ты ищешь, дядя Паша?

— Не знаю.

Пашка выкурил сигарету, опустил маску на глаза и нырнул. Маска больно врезалась в лицо и сразу наполнилась водой. Он заработал ногами и поплыл кверху вылить воду из маски. Уже у поверхности заметил под собой круглое пятно на песчаной прогалине. Пятно вдруг сдвинулось с места. Не успев вылить воду из маски, Пашка снова нырнул. Внизу под ним быстро двигалось большое и расплывчатое, меняющее очертания черное пятно, двигалось в сторону моря. Пашка бешено заработал ластами. Пятно тоже прибавило скорость. Зажав ружье в левой руке, Пашка загребал правой, делая длинные и сильные гребки. Пятно остановилось. Пашка настиг его.

На глубине метров пятнадцати под ним неподвижно стоял морской кот. Он показался Пашке огромным, метра два в диаметре, не меньше. Прямой острый хвост кота у основания был потолще Пашкиной руки. Пашка знал, что кончается этот хвост костяным отростком с зубьями, как у пилы. Знал, что такой кот может перешибить ему позвоночник одним ударом. И еще Пашка знал, что не должен, не имеет права выпустить кота живым в море.

Линь гарпуна пятиметровой длины. Значит, к коту можно приблизиться на пять метров. Линь из трехмиллиметровой жилы, он выдержит. Если, конечно, кот не перерубит его хвостом.

Пашка набрал воздуха и стал медленно опускаться на дно.

«Подойду метра на два и ударю в голову, иначе гарпун потеряет силу». Пашка знал: вода изменяет очертания и увеличивает предметы. Втайне он надеялся, что стоит опуститься ниже — и кот окажется обыкновенных размеров.

Пашка погрузился на несколько метров. Но кот не стал меньше. Наоборот, показался еще большим. Огромная, грозная тварь.

Вода стала холоднее. Пашка опустился еще ниже. Ружье держал в вытянутых руках. От кончика гарпуна до головы кота было не больше метра. Пашка мог различить близко посаженные глазные впадины. Бока кота медленно колыхались, то раздуваясь, то опадая. Хвост был вытянут и неподвижен.

Пашка осторожно шевельнул ружьем. Прорезь прицела и мушка сошлись на бугре между глазными впадинами. Он нажал на спусковой крючок, и в то же мгновение кот метнулся вперед, к нему. Трезубец впился в широкую блестящую спину. Кот взмахнул хвостом, и Пашка почувствовал, даже услышал резкий и сильный удар по стальному трезубцу. Кот рванулся вперед. Пашка изменил положение — стал вертикально и заработал лапами. Спустя секунду он убедился, что и на метр не сдвинулся с места. Воздуха уже не хватало...

Черноморские коты — рыба донная. У них нет плавников на лепешкообразном теле: передвигаются они, шевеля боками, тоненькими и эластичными, словно резиновыми. Двигаясь только по прямой, они не могут повернуть вверх или вниз. Их тело-лепешка всегда параллельно дну, и поднимаются они, постепенно набирая высоту, подобно тяжелому самолету на взлете. «Хорошо еще, что он не может утянуть меня вниз», — подумал Пашка.

В ушах начало звенеть. Ноги онемели в икрах. В метре от поверхности Пашка подумал, что можно было давно бросить ружье и выскочить. Передохнуть. Кот не смог бы далеко уйти. Так было бы легче. Вода посветлела и стала теплой. Еще одно усилие — и он кое-как продул трубку и вдохнул свежего воздуха.

«Ну-ка, вылезай, голубчик!» — пробурчал про себя Пашка.

Кота почти не было видно: его скрывало бурое облако расплывшейся по воде крови. Пашка потянул на себя лить — и вдруг почувствовал резкий рывок.

Пустой гарпун свободно болтался под ним. Кот опускался медленно, как сорванный ветром с дерева лист. Нервно вздергивая тонкими боками, стал на дне. Он и не собирался удирать. Он ждал врага.

Пашка вставил гарпун в ружье и, упершись рукояткой в живот, натянул боевую резину. Высунул голову из воды. Шлепая веслами по воде, шлюпка быстро шла к нему. Алик спешил. «Бить только в глаза, — решил Пашка. — Если его тяжело ранить и сразу поднять кверху голову, будет легче вытаскивать. Да и гарпун из башки не выскочит, там хрящи». Он медлил. Вентилюровал легкие. Отдышавшись, снова нырнул. На этот раз спокойнее, увереннее.

Кот не двигался с места. Только бока его колыхались да кончик хвоста вздрагивал.

Точно нацеленный гарпун вонзился в глаз. Пашка резко дернул за линь, и громадная лепешка кота встала вертикально. Пашка устремился вверх. На этот раз он поднимался легко. Кот бил хвостом, работал боками, но только помогал Пашке. Когда Пашка вынырнул, кот перестал биться. Алик греб во весь дух, и скоро шлюпка была рядом. Пашка навалился на корму и, не выпуская ружья, влез в лодку. Потом, пересадив Алика на нос, стал вытаскивать линь. Кот был тяжел даже в воде. Алик сидел с раскрытым ртом и молча смотрел на Пашкину спину. Когда голова кота показалась над кормой, Пашка перешел ближе к носу и втащил кота в шлюпку.

— Ух-х ты!.. — закричал Алик.

Пашка снял ласты. Правый был рассечен вдоль почти до ноги. Наверное, это случилось, когда Пашка поднимался наверх и его ноги оказались в опасной близости от кота.

Пашка покрутил ласт в руках, хмыкнул и протянул его Алику.

На берегу их встречал весь лагерь. Кот не уместился в лодке, хвост его свешивался в воду. Он был около метра в диаметре, и хвостище не меньшей длины. По всему видать, это был редчайший экземпляр. Такого огромного чудища не видывали даже

местные старожилы. Из черной, холодной глубины его, наверное, выгнал недавний шторм. Прогретые солнцем и насыщенные кислородом воды побережья, видно, понравились ему, и кот стал выплывать погреться. Кто знает, скольких людей покалечил бы он?..

На берегу Пашка взял у Марты Васильевны кухонный топор и отрубил коту хвост. Подождав, пока сойдет кровь, он ополоснул свой трофей в море и отправился в изолятор. Витька уже все знал. Он встретил Пашку радостным воплем.

— Держи, инвалид, — сказал Пашка, — на память.

— Гляди-ка! — крикнул Алик. Он схватил метровый хвост и провел им по подоконнику. Посыпалась деревянная стружка.

— Ну, дела!.. — ахнул Витька и попытался согнуть хвост. Не тут-то было! — Вот это будет меч! — обрадовался Витька. — Теперь держись, шестой стол!

Н. КАВРОВО

Партийное поручение

Ранним апрельским утром 1942 года в расположении гитлеровцев появились огромные белые флаги с черной свастикой. Прикрепленные к тонким длинным шестам с явным расчетом, чтобы их видели наши бойцы, они развевались на высотах позади немецких траншей.

Первым заметил флаги командир взвода разведчиков лейтенант Ковров. Он готовил поиск и провел всю ночь на наблюдательном пункте вместе с рядовым Голощаповым. Они изучали поведение «объекта», на котором предполагалось взять «языка». Лейтенант следил за режимом огня, выявлял ракетчиков, засекал вспышки пулеметов, примечал ориенти-

ры, чтобы потом в темноте вывести группу точно к объекту нападения.

Ночь была сырая и знобкая. Пахло талым снегом. Наблюдательный пункт представлял собою продолговатую яму в мокрой земле; на дне ямы кисла солома, втопанная в липкую грязь.

Ковров, крепкий, коренастый, обычно выглядел довольно красивым молодым человеком. Но сегодня, после бессонной ночи, лицо его было одутловатым, под покрасневшими глазами набрякли мешочки, щеки покрылись белесой щетиной. Лейтенант промерз, хотел есть, выпить чаю, согреться и поспать.

Белая дымка утра рассеивалась, когда Ковров закончил работу и собирался уходить с переднего края «домой» — в землянку, где жил с разведчиками. Вот в этот момент, посмотрев в сторону противника, он и обнаружил флаг. Вначале один, против обороны своего полка, а потом расширяющийся световой горизонт утра открыл еще два флага — перед соседними частями, — справа и слева.

Земля во многих местах уж очистилась от снега, мутные лужи за ночь подернуло ледяной корочкой. Рощи и кусты стояли голые — лист еще не пробился. Белые флаги плавно колыхались на сыром апрельском ветру.

— Опять нам где-то морду набили, — мрачно сказал Голощапов.

— Ты вчера сводку Информбюро читал? Где у немцев наступление шло? — спросил Ковров.

Голощапов что-то проворчал, за ночь он тоже промерз и намаялся. Да не только за ночь — всю зиму сорок первого мотался с полком по лесам и полям на свирепом морозе. Устал, иногда подумывал: «Хоть бы ранило — отоспался бы в госпитале на чистой постели, в бане настоящей попарился...»

Лейтенант не стал с ним спорить, позвонил по телефону и доложил о флагах начальнику разведки капитану Новикову. У начальника разведки взял трубку комиссар полка майор Абакумов. Комиссар, как обычно, говорил спокойно и не торопясь:

— Как ведут себя немцы?

— Тихо.

— Ночью движения не отмечалось?

— Нет.

Майор помолчал, потом задумчиво добавил:

— День сегодня такой, можно ждать от них любой подлости.

— А что за день? — спросил Ковров.

Он ждал, слышал, как Абакумов дышит над трубкой. «Что-то его сдерживает, не говорит прямо о случившемся». Наконец комиссар сказал:

— Сейчас приду на НП, расскажу. Дождитесь меня там, пожалуйста.

Он всегда говорил в таком тоне: «прошу вас», «было бы очень хорошо», «пожалуйста». Все знали, что еще недавно, до войны, Абакумов был секретарем райкома где-то на Алтае. Огромного роста, с очень добрым выражением крупного, несколько располневшего лица, комиссар, несмотря на военную форму, воспринимался окружающими человеком гражданским, сугубо партийным. Отдавая распоряжения, Абакумов не стоял по стойке «смирно» и сам не требовал ее у подчиненных. Он отлично понимал — это будет выглядеть у него неестественно и покажется напускным или даже смешным. Поэтому комиссар держал себя просто, занимался делом без лишних формальностей и некоторых чисто внешних военных правил. Но это совсем не значило, что его обходили и не слушались в делах служебных. Совсем наоборот! Уж если Абакумов сказал: «Прошу вас», — то человек бросит все и выполнит распоряжение.

Была в Абакумове какая-то государственная непререкаемость. Он мог послать человека в огонь без колебания, если того требовало общее дело. Ни у кого ни на минуту не появлялось сомнения в необходимости такой жертвы. Каждый был уверен, если сказал комиссар, то это единственно правильно, неизбежно и честно. И вместе с тем Абакумов мучительно стеснялся, когда ему приходилось обременить человека какой-нибудь личной или неслужебной просьбой.

Ковров видел однажды, как Абакумов покашливал и мялся, маскируя смущение, прежде чем обратился к офицеру, уезжавшему в отпуск по болезни. А просьба-то была пустяковая, всего и сказал: «Пожалуйста, бросьте мое письмо где-нибудь подальше в тылу, в настоящий почтовый ящик. Здесь очень долго пробиваются по фронтовым дорогам... А дома ждут... дети, жена».

Протиснувшись из хода сообщения в яму НП, комиссар поздоровался с Ковровым и Голощаповым за руку. От него веяло приятным домовитым теплом. Глаза смотрели на разведчиков приветливо и доброжелательно, в них не было начальственной неприступности.

Абакумов долго разглядывал флаги и о чем-то думал. Лицо его стало строгим, на лбу образовались бугорки и ямочки. Наконец он сказал:

— Празднуют! Эти флаги, товарищ Ковров, фашисты вывесили в честь дня рождения Гитлера — сегодня его день рождения, понимаете?

Ковров раньше никогда не задумывался над тем, что у фашистов есть свои праздники и знаменательные даты. Даже любопытно стало. «У нас годовщина Октября, Первое мая, День женщин, а у них что? День путча? День поджога рейхстага? Придется разобраться с их праздниками, пригодится в работе». И вдруг у Коврова мелькнула мысль: «Вот бы украсть этот флаг. Было бы здорово!»

Ковров посмотрел на Абакумова и понял — комиссар думал о том же.

Майор действительно соизмерял необходимость, пользу и степень риска, которые повлечет похищение флага. Флаг сам по себе не представлял никакой ценности — это было не боевое знамя, а простое белое полотнище с нарисованной на нем свастикой. Но снять его означало сбить спесь с фашистов с одной стороны, с другой — поднять боевой дух наших воинов. А сделать это очень нужно! После долгих отходов и тяжелой зимы нужно всколыхнуть людей и, воспользовавшись общим подъемом, повести бойцов вперед. Похищение флага на глазах

у всех могло послужить этим самым, так необходимым, толчком.

Была в этом деле и другая сторона. Поручить это опасное задание пришлось бы лейтенанту Коврову. Он самый опытный разведчик, никто другой лучше его не справится. Но посылать Коврова на такое отчаянное дело комиссару не хотелось. Будучи его начальником и намного превосходя в должности и воинском звании, майор втайне преклонялся перед храбрым лейтенантом. На войне может погибнуть каждый. Но война не состоит из сплошных атак и рукопашных схваток. Бойцы иногда неделями и месяцами сидят в траншеях и землянках, ожидая наступления. А Ковров почти каждую ночь ходил на смерть. Он ползал под носом у фашистов, лазил по их позициям, забирался в тылы. Его жизнь постоянно на волоске — хрустнул кустик, звякнул автомат или просто чихнул кто-нибудь из разведчиков — все, любая мелочь может стать роковой. Поглядывая на Коврова, комиссар колебался. Но верх взяло сознание, что он просто не имеет права поддаваться личной привязанности и упустить такой случай.

— Дело не в белой тряпке и не в том, чтобы напакостить гитлеровцам в их праздничный день, — сказал комиссар и стал рассказывать Коврову, какую пользу принесет вылазка.

А Ковров смотрел на доброго, озабоченного комиссара и не совсем понимал, почему он его уговаривает. «Надо — значит надо!» Лейтенант окончил училище, был кадровым военным. Короткий приказ был бы для него понятнее и убедительнее. А Абакумов продолжал говорить:

— У нас нет времени на изучение объекта, нет времени на подготовку, даже на размышление осталось всего лишь день. Завтра ночью гитлеровцы сами снимут флаг. По своей пунктуальности, наверное, додержат до двадцати четырех ноль-ноль, а потом спустят. Все, чем вы располагаете, — несколько часов темного времени. Поэтому продумайте все самым тщательным образом и подберите наиболее опытных разведчиков.

Комиссар взял Коврова за руку выше локтя — жестом этим и особенно тоном подчеркнул:

— Это не обычное задание, товарищ Ковров, считайте его партийным поручением. Перед тем как идти сюда, я говорил с командиром полка. Мы будем держать в готовности артиллерию, если потребуется, прикроем ваши действия огнем.

Лейтенант был уверен: теперь Абакумов поднимет на ноги всех, не только артиллеристов, но и пулеметчиков, снайперов, рядовых стрелков, штаб, тыловые подразделения, санитарную часть, даже кухню — все будут брошены на успешное выполнение задачи. И горе тому, кто плохо выполнит свою долю работы в обеспечении разведчиков!

— Вам нужно урвать время для отдыха, — советовал Абакумов, — всю ночь не спали. Идите, сейчас же ложитесь спать. Определите состав группы и дайте людям указания на подготовку.

Голощапов при появлении комиссара расправил под ремнем складки шинели, подтянулся и подпернул на плече автомат. Он все время молчал, слушал разговор старших.

Дорогой Ковров обдумывал возможную последовательность действий: «Флаг, несомненно, охраняется специальным постом или даже караулом. Охрана, чтоб быть в безопасности от пуль, должна располагаться на противоположном, невидимом для нас, скате. Как она несет службу — ходит часовой по тропке или сидит в окопе? Где караул со свободными сменами — далеко или рядом с постом, охраняющим флаг? Все это пока неизвестно и станет ясным уже там. Придется создать две группы захвата. Группы должны быть небольшие — по два человека: меньше вероятности на шуметь, а снимать часового — дело тонкое. Группы обойдут высоту с двух сторон, выползут на противоположный скат и там увидят, которая из них ближе и удобнее оказалась для нападения на часового. На случай, если сделать все это втихую не удастся, придется создать третью группу — специально для блокировки караула, чтобы она не подпустила помощь к часовому, если он успе-

ет закричать или выстрелить. Коврову даже думать не хотелось об этом третьем и самом опасном варианте. «Нелегко будет выбраться из расположения гитлеровцев, если разведчиков там обнаружат!»

В землянке Коврова ждал начальник разведки капитан Новиков. Лейтенант расстелил на ящике с гранатами чистый лист бумаги, созвал разведчиков и стал излагать свои соображения. Солдаты обступили командиров. Они задавали вопросы, предлагали свои поправки, высказывали соображения. Это был ковровский стиль выработки плана действий. Сам лейтенант называл его «чапаевским методом». Обсуждения эти он обычно заканчивал фразой из фильма: «Ну, а теперь все забыть, и слушайте, что я буду говорить!» — и объявлял окончательное решение, в котором было учтено все полезное из того, что предлагали разведчики.

К одиннадцати часам план был разработан и усвоен всеми участниками. Ковров лег отдыхать на нары. Он долго не мог уснуть — думал о предстоящем деле. Помня слова комиссара о том, что это партийное поручение, хотел придумать что-нибудь необыкновенное, что позволило бы выполнить приказ наверняка.

Проснулся Ковров во второй половине дня. Умылся. Поел пшенной каши, которую разведчики называли «блондинкой». Потом стал проверять готовность группы: встряхивал автоматы, заставлял разведчиков прыгать на месте и слушал, не брякает, не звенит ли что-нибудь? Белые маскировочные костюмы велел сменить на летние, пятнистые. Пояснил при этом:

— Земля во многих местах обнажилась. Если ракета застигнет на снежном поле, лежите неподвижно — примут за проталины.

Вечером в первой траншее разведчиков встретили комиссар Абакумов, начальник артиллерии и капитан Новиков. Ковров договорился с артиллеристом о сигналах вызова огня, взял ракетницу и красные ракеты. Комиссар был весел, он явно хотел приободрить разведчиков.

...Сумерки сгустились в черную, безлунную ночь. Смолкли птицы. Даже ручейки поутихли. Разведчики один за другим вспрыгнули на бруствер. Лейтенант помахал на прощание рукой тем, кто остался в траншее, и двинулся в нейтральную зону.

Сначала шли в рост, противник был далеко. Только проносились стороной огненные нити трассирующих пуль — они были неприцельные. Всю ночь противник будет этими огненными трассами прочесывать нейтралку — такой у немцев порядок. Под ногами похрустывала земля, вечерний морозец покрыл ее тонкой корочкой. Снежные островки лейтенант, шедший в голове группы, старательно обходил — затвердевший на холоде снег хрустел, как пересохшая фанера. Разведчики шли за командиром след в след.

Когда до передовых постов осталось метров две-сти, все опустились на четвереньки, а приблизившись на сто, поползли.

Ковров знал: у гитлеровцев нет колючей проволоки и сплошных траншей, они не хотят зря тратить силы, считают, остановились ненадолго... Вглядываясь в темноту и напрягая слух, лейтенант стремился провести группу в промежутке между отдельными окопами. Днем с наблюдательного пункта он хорошо видел — прерывчатые окопчики длиной метров по пятьдесят тянулись по полю, словно пунктир.

Вдруг справа забил длинными очередями пулемет. Он был от группы далеко, но его беспокойство могло насторожить и других. «Какой черт его там потревожил?» — зло подумал Ковров. И в тот же момент из наших траншей солидно и ровно застучал «максим». Немецкий пулеметчик помолчал, но потом вновь пустил огненные жала трасс в сторону нашей обороны. И «максим» тут же ему влил добрую порцию пуль. Гитлеровец умолк надолго.

Иногда в черной вышине вспыхивали ракеты. Пока огонек, шипя, падал на землю, из наших траншей раздавалось несколько одиночных выстрелов. Пули летели точно в то место, где сидел ракетчик. Это работали снайперы. У Коврова от поддержки становилось легче на душе. Он знал: сейчас там, позади,

действует комиссар. Уже при второй очереди, пущенной немецким пулеметом, Абакумов наверняка позвонил с НП командиру правофлангового батальона и холодно спросил: «Товарищ Липатов, почему это на вашем участке пулемет разгулялся? Попрошу вас — займитесь, и чтоб я вам больше не напоминал».

Ковров ясно представлял, как Липатов хриплым, сорванным на телефонах голосом гоняет кого-то или даже спешит сам в пулеметный взвод. И вот, пожалуйста, результат — вражеский пулемет заставили замолчать.

Ковров давно заметил: любое дело, в которое вмешивался комиссар, сразу же приобретало солидность и особую значительность. Это случалось не только при выполнении серьезных указаний «сверху». Комиссар как бы улавливал в массе будничных мелочей одну, важную в данный момент, и сосредоточивал вокруг нее усилия всех, от кого зависел успех дела.

Впереди раздался сдержанный говор. Было хорошо слышно — говорят немцы. Лейтенант как-то внутренне весь подобрался. Движения его стали предельно осторожными. Он пополз влево от говоривших, стараясь уловить, не послышатся ли какие звуки слева, куда он полз, — не обнаружатся ли и там гитлеровцы. Оглядываясь, Ковров следил за тем, чтобы не отстала группа. Разведчики, словно тени, бесшумно скользили за ним. Сейчас было достаточно брякнуть кому-нибудь автоматом или кашлянуть, и сразу все вокруг закипело бы огнем. Взметнутся вверх ракеты, польются сплошным дождем огненные трассы, забухают взрывы гранат. Если разведчики растеряются, все будет кончено в несколько секунд. Но Ковров бывал не раз в таких переделках, да и разведчики его достаточно опытные. Они готовы не в секунды, а в мгновения подавить огнем автоматов и гранатами находящихся поблизости вражеских солдат и только после этого отходить.

Говор постепенно отодвигался назад. Осторожно

уползая влево, лейтенант радовался: «Кажется, передний край пересекли, теперь добратся бы до кустарника, а там и высота с флагом недалеко».

Когда перед глазами встали черные ветки кустов, лейтенант поднялся с земли и, пригибаясь, повел группу дальше вдоль бровки кустарника. В заросли он не вошел умышленно: ветки будут шлепать по одежде, и снег, залежавшийся под кустами, будет хрустеть. Впереди, на фоне неба, показалась высота. Подойдя ближе, Ковров увидел и шест с флагом на ее макушке. Лейтенант взглянул на часы — было десять. Флаг казался черным.

Здесь, в расположении врага, говорить нельзя. Разведчики приучены понимать друг друга по жестам. Вот Ковров показал рукой на грудь Голощапова и махнул в сторону того ската, куда Голощапов, еще по предварительному уговору, должен был идти в обход. Солдат понял командира, кивнул своему напарнику Боткину, и они скользнули в темноту. Во второй группе захвата был сам Ковров и разведчик Макагонов — здоровый молчаливый сибиряк. Для третьей блокирующей группы задача пока не определена, поэтому Ковров шепотом приказал сержанту Гущину вести ее за собой.

Лейтенант пополз вдоль подножия высоты. Вблизи она казалась огромной, на ней росли одинокие кусты и вырисовывались черные промоины от ручьев. Выбрав одну из таких промоин, Ковров приподнялся, махнул старшему третьей группы, чтобы ждал здесь, а сам пополз с Макагоновым дальше — к вершине.

Когда промоина вывела на обратный скат, Ковров увидел часового. Он ходил ниже того места, где был укреплен шест с флагом и, как и предполагал Ковров, был в безопасности от пуль, прилетавших с нашей стороны.

Часовой в шинели, в каске, с автоматом на груди не торопясь прохаживался по тропке. Тропу эту длинной метров пятьдесят хорошо было видно даже в темноте — так ее натоптали за день. На скате, где лежали Ковров и Макагонов, дорожка часового почти

доходила до промоины, а на том краю, где должен был подползти Голощапов, ни промоин, ни кустов видно не было. «У меня подступы удобнее, — определил Ковров, — часового нужно снимать мне». Лейтенант отдал свой автомат Макагонову, жестом указал ему — приотстань. А сам достал из кобуры пистолет и переложил его за пазуху: в рукопашной некогда будет искать кобуру под маскировочной одеждой. Вынул нож и спрятал его лезвие в рукав, чтоб не выдал блеск. Приготовясь таким образом к схватке, Ковров стал подползать к месту, где промоина ближе всего подходила к тропке часового. Когда часовой шел лицом к промоине, лейтенант лежал неподвижно, когда же он уходил в противоположную сторону и был к промоине спиной, Ковров осторожно подползал, быстро осматривая все вокруг, стараясь определить во мраке, где находится караул. Хорошо было бы установить, сколько времени стоит часовой — час, два? Если его снять сразу после того, как он заступил на пост, у разведчиков будет больше времени и шансов на благополучное возвращение. А то может получиться так — кинешься на часового, а тут смена пожалует. Однако, как ни вглядывался Ковров в темноту, ничего ни увидеть, ни услышать не удавалось.

Малейший шорох мог все испортить, поэтому лейтенант полз довольно долго. Наконец он достиг того места, от которого до тропинки часового оставалось шагов пять. Но как преодолеть эти последние метры? Ползти бесполезно — на гладком скате часовой увидит. Подбежать к нему в тот момент, когда он повернется спиной, — выдадут сапоги. Часовой услышит топот и успеет обернуться.

Ковров смотрел на сапоги: «Может быть, обмотать их чем-нибудь мягким? Но чем? Перчатки не налезут. А не проще ли снять? Босой пролечу — ахнуть не успеет!» Лейтенант порадовался своей догадливости. Стараясь не шуметь, принялся лежать разуваться. Портянки тоже пришлось сбросить. Холодная земля пощипывала ноги. Ковров поджал пальцы. С приближением момента для решающего

броска сердце стучало все громче. Дыхание в груди спирало. Ковров крепко сжимал рукоятку ножа и в эти минуты с завистью вспомнил: «Хорошо в кино: только взмахнут ножом — и человек безмолвно падает. Нет, на войне не так!» Ковров по опыту знал: человек за жизнь бьется отчаянно, его не всегда сва-лишь одним ударом. Надо уметь нанести такой удар.

Гитлеровец приближался. Сейчас он дойдет до конца дорожки, повернется и...

У Коврова остановилось дыхание, он поднялся и, словно на крыльях, пролетел расстояние, отделявшее его от темного силуэта. Могучий удар в спину, а другая рука тут же легла на разинутый для крика рот. Ковров повалил бьющегося фашиста, прижал, придавил к земле, не позволяя кричать. К ним тут же метнулся Макагонов. Вдвоем подержали гитлеровца, пока он не затих.

Лейтенант вернулся за сапогами. Рывком натянул их на ноги, без портянок. Не видя второй группы захвата, которая при таком варианте действий должна была снимать в это время флаг, Ковров и Макагонов быстро полезли вверх по склону к шесту.

«Неужели Голощапов струсил? — думал лейтенант. — Не может быть!»

Вдруг в стороне послышался топот и какая-то возня. Ковров остановился, приготовил оружие. Но затем стало тихо. Быстро добравшись до вершины, Ковров и Макагонов дрожащими руками развязали веревку и опустили флаг. Он оказался огромным, бился на ветру, будто не хотел сдаваться русским. Лейтенант комкал полотнище и все думал: «Какой большой, черт, а издали казался маленьким!»

Когда флаг замотали веревкой, из него образовался целый тюк. Здоровяк Макагонов взвалил его на спину, и разведчики поспешили к третьей группе.

— Здорово, товарищ лейтенант, — зашептал сержант Гущин.

— Подожди радоваться, еще не выбрались, — так же тихо ответил Ковров и спросил: — Голощапов не вернулся?

— Нет.

— Что-то у них произошло. Они не появились, когда мы сняли часового.

— Все время было тихо, — сказал сержант.

— Ну, ладно. Долго оставаться здесь нельзя, забирайте флаг и дуйте назад. А я с Макагоновым пойду искать Голощапова.

Разведчик попытался возразить:

— Товарищ лейтенант, вы сегодня и так уж поработали, может быть, я?..

Но Ковров его прервал:

— Делайте, что приказано!

Не успели еще разведчики двинуться в обратный путь, как со стороны высоты показалась темная фигура. Она была огромна, словно вздыбленный медведь. Разведчики притаились. Вскоре они разглядели своего товарища — Боткина. Он нес на спине Голощапова.

— Что с ним? — спросил Ковров.

— Ранен, — выдохнул запыхавшийся от тяжелой ноши разведчик.

— Тихо вроде было, — сказал Макагонов.

— Потому и тихо было, — непонятно ответил разведчик.

— Ладно, дома разберемся, — прервал разговор Ковров. — Всем иметь в виду: назад нужно выходить так же осторожно, как ползли сюда.

Лейтенант опять пошел первым; он старался найти следы группы и вернуться по ним. Но в темноте это оказалось невозможным. Миновав кромку знакомых кустов, разведчики легли и стали дальше выбираться по-пластунски. Ковров прислушивался, не обнаружится ли опять говор, на который он натолкнлся в этом месте. Голосов слышно не было. Продолжая ползти, лейтенант увидел перед собой полоску свежерытой земли, а за ней разглядел окоп. Он предостерегающе поднял руку. Разведчики замерли. Разглядывая окоп, командир приподнялся. Траншея была обжитой, но гитлеровцев видно не было, однако они могли находиться за первым же изгибом траншеи. Лейтенант повернул вправо, обогнул опасное место и двинулся к нейтральной зоне. Он уже

готов был вздохнуть с облегчением — скоро немцы останутся позади, — как вдруг во мраке раздались тревожные крики. Гитлеровцы шумели где-то в глубине обороны, наверное, на высоте, где остался шест от флага. Одна за другой взмыли в небо ракеты и осветили все вокруг ослепительно-зеленоватым светом.

«Хватились! — понял Ковров. — Ну, сейчас начнется! Эх, жаль, не успели отползти подальше, нельзя вызвать огонь артиллерии — свои снаряды побьют!»

Поднялась беспорядочная, еще не прицельная стрельба. Разведчиков пока не обнаружили. Они лежали под кустами, в воронках от мин и снарядов, прижимаясь к земле. Сердца их так гулко бились, что каждому казалось — удары эти невероятно громки, их вот-вот услышат враги.

«Неужели не выскочим?! — лихорадочно думал Ковров. — Все сделали, только уйти осталось». Он представил себе озабоченное лицо комиссара, который слышит всю эту суматоху и не может понять, что здесь происходит и как помочь разведчикам.

Ракеты вспыхивали и гасли. Свет и мрак на несколько секунд сменяли друг друга, будто кто-то баловался осветительным рубильником — то включал, то выключал его.

Ковров лежал, прижимаясь к земле даже лицом. Во время вспышек ракет он разглядел: самый ближний окоп находится метрах в сорока впереди и левее, за ним начиналась нейтральная зона.

Немцы не видели разведчиков, все их внимание было устремлено в сторону наших позиций, а группа лежала позади этого окопа, она не успела доползти до него, когда началась тревога.

Траншейка была не длинная — здесь оборонялось не больше отделения. Ковров насчитал девять торчащих из земли касок. «Если этих не побьем, уйти не дадут — всех порежут огнем с близкого расстояния».

Решение, вполне естественное для таких обстоятельств, пришло само собой. Ковров просунул руку под маскировочный костюм и снял с поясного ремня

две гранаты. Он лег на бок и осторожно при очередных вспышках ракет показал гранаты ближним разведчикам. Солдаты поняли командира, они тоже достали «лимонки» и показали их тем, кто лежал за ними — подальше. Убедившись, что группа готова, Ковров пополз, потому что с сорока метров, да еще лежа, гранату до окопа не добросишь. Разведчики двинулись за ним. Но не успели они преодолеть четверти расстояния до окопа, как один из немцев оглянулся. Ковров отчетливо увидел его белое при свете ракеты лицо. Обнаружив рядом ползущие пятнистые фигуры, гитлеровец выкатил от ужаса глаза и заорал так, что у Коврова спину закололо словно иголками.

Таиться дальше было бессмысленно. Лейтенант вскочил и побежал вперед, чтобы добросить гранату. Он видел, как немец дрожащими руками дергает затвор винтовки, а его соседи поворачиваются в сторону разведчиков. Ковров метнул гранату, целясь в орущего, и тут же лег. Он видел, как рядом бросали гранаты и падали на землю разведчики. Сейчас брызнут осколки — некоторые «лимонки» не долетели до траншеи. Никогда прежде три-четыре секунды, пока горит запал, не казались ему такими продолжительными. Ковров даже успел подумать: «Может быть, гранаты неисправные? Тогда все!»

Взрывы раздались один за другим. Лейтенант вскочил, скомандовал: «Вперед!» — оглянулся, все ли поднялись, несут ли флаг и Голощапова. Перепрыгивая через окоп, командир видел на дне его темные фигуры немцев — то ли убиты, то ли пригнулись от взрывов. Ковров вырвал кольцо из второй гранаты, которая все еще была в руке, и бросил ее в окоп. Затем достал ракетницу и подал сигнал вызова огня. Красная ракета круто взмыла в черное небо. Лейтенант рассчитывал: пока прилетят снаряды, разведчики успеют отбежать на безопасное расстояние. Но артиллеристы, видимо, стояли уже с натянутыми шнурами. Ракета еще не погасла, как вдаль бухнули орудия и первые снаряды, едва не задев по головам убегающих, разорвались неподалеку.

Разведчики невольно попадали. Снаряды на излете неслись так низко, что просто не было сил подняться на ноги. Оборона немцев покрылась частыми огненными вспышками и густой завесой вздыбленной земли и дыма. Разведчики поползли в сторону своих траншей, выбиваясь из сил от напряжения. Голощапова тащили по очереди — устанет одна пара, берет другая.

Наши артиллеристы молотили фашистское расположение добросовестно, но все же немецкие пулеметчики били по нейтральной зоне длинными и злыми очередями. В мрак ночи летели огненные трассы пуль. Они щелкали, как хлысты, над самым ухом. Разведчиков спасло то, что никто из гитлеровцев толком не знал, куда стрелять.

Заговорила и немецкая артиллерия. На середине нейтральной зоны в узкой ложбинке Ковров остановил группу передохнуть. Здесь было безопаснее, чем в своих траншеях. Артиллерийский обстрел разгорался, как при хорошем наступлении. Лейтенант нашел в темноте напарника Голощапова Боткина и спросил:

— Что у вас произошло?

Солдаты придвинулись поближе, всем хотелось узнать, что случилось с Голощаповым.

Боткин стал рассказывать:

— Мы видели, когда вы кинулись на часового, и хотели уже к флагу податься. Но в это время, глядим, смена идет — двое, наверное, разводящий и караульный. Идут мимо нас и точно в вашу сторону. «Ну, — думаю, — сейчас увидят, как вы с часовым возитесь, поднимут хай!» Как только они поравнялись с кустами, где мы сидели с Голощаповым, мы прыг на них! Втихую думали сделать. Я своего по башке прикладом. А Голощапов своего ножом хотел.

Неожиданно темное тело Голощапова шевельнулось, и он сказал слабым, но ядовитым голосом:

— Хотел, хотел, да хотелка не вышла...

Ковров быстро склонился к нему:

— Ты жив?

— Да живой, что мне сделается! Только и он ус-

пел меня ножом пару раз пырнуть, пока я с ним разделался.

— Ты молодец, — похвалил командир. — Если бы он хоть пикнул, нам не уйти.

Голощاپов, верный своей привычке, засопел: видно, искал, кого бы поругать, но поскольку разговор шел о нем, он о себе и сказал:

— Какой там молодец? Я сам чуть не завыл, когда он меня, как мясную тушу, разделывал.

— Ты хорошо его перевязал? — спросил Ковров Боткина.

— Одну, главную, которая в боку, перетянул, а на другие бинтов не хватило — и его и свой пакет потратил.

— Что ж ты не сказал? Пошли, ребята, надо поторапливаться, как бы кровью не истек Голощاپов.

А Голощاپов шутил:

— Она во мне не текет, кровь-то, сухой я, как концентратная каша.

В траншеях разведчиков встретили тревожно.

— Ну как? Все живы?

— Раненых не оставили?

— Флаг приволокли?

— Вот молодчаги!

Растроганный Абакумов, не стесняясь окружающих, обнял Коврова, тискал и прижимал его к своему огромному мягкому телу. Командир тоже стоял рядом с комиссаром, дожидаясь своей очереди высказать лейтенанту благодарность.

Когда первая радость улеглась, комиссар обратился к командиру:

— Ну, Анатолий Петрович, теперь их нужно хорошенько покормить, пир устроить. Этим займусь сам. — И, повернувшись к Коврову, добавил: — Я с вами, чертяки, суеверным стал — не разрешил тыловикам ничего для встречи готовить: говорят, примета плохая. Идите отдыхайте, а мы будем готовиться вас чествовать.

«Чествование» проходило в обеденное время в овраге около кухни, где готовили пищу для работ-

ников штаба. Присутствовало все командование полка. Разведчиков посадили за настоящие столы, поставили перед ними тарелки, накормили борщом с копченой колбасой, гречневой кашей с ароматным мясным соусом. На столе стояли миски с раздобытыми где-то для этого случая — солеными огурцами и белыми головками чищеного лука. Для апреля огурцы, хоть и мятые и пустые в середине, все же были невидалью.

Природа вокруг тоже выглядела празднично. Отражение яркого весеннего солнца вспыхивало, как электросварка, в звонких ручьях; на них невозможно было смотреть — резало глаза. Апрельский снегогон катил вовсю, от теплой обнажившейся земли поднимался пар, в низинах все шире разрастались лужи. Зима отступала на последние рубежи.

Ковров чувствовал обновление не только в природе, что-то сегодня менялось в нем самом и во всех окружающих.

После угощения комиссар поднялся и сказал:

— Ну, товарищи разведчики, еще раз спасибо вам! А сейчас пойдете по батальонам, покажу вас всему полку. Пока, товарищ Ковров, выполнена первая — правда, самая трудная — половина партийного поручения, у нас еще уйма работы.

Ковров не сразу понял, какую работу имел в виду комиссар. А тот после обеда и весь следующий день водил разведчиков по подразделениям. Ноги вязли в грязи до обреза голенищ. В траншеях был настоящий потоп от весенней талой воды. А комиссар все водил и водил разведчиков по ротам и батареям. Везде он говорил почти одно и то же:

— Вот товарищи, это наши отважные разведчики, они утащили ночью фашистское знамя, которое вы видели вон на той высоте. Если мы все будем воевать так же геройски, то не только до флага — до самого Гитлера доберемся! Готовьтесь, товарищи, к наступлению, период отходов кончился. Фашисты выдохлись — уж если знамя свое укараулить не смогли, значит, погоним их скоро в шею. Но для этого нужно...

Тут комиссар переходил к конкретным полковым делам, в зависимости от того, с кем он говорил, — с артиллеристами, минометчиками, петеэровцами, стрелками, саперами, связистами...

Только к концу второго дня Абакумов отпустил разведчиков. Прежде чем спуститься в лощину, где была жилая землянка, Ковров остановился на бугорке и посмотрел на высоту, на которой раньше развевался флаг. Теперь там и шеста не было. Широкая панорама холмов и голых перелесков распахнулась перед лейтенантом. Скоро эти холмы станут полем боя.

В землянке Ковров натолкнулся на людей в белых халатах и сразу услышал злой, ругательный голос Голощапова:

— Слетелись, как воронье на падаль! Никуда я не поеду. Здесь зарасту. Попади в госпиталь — и полк и товарищей растеряешь. Мотайте, мотайте отсюда! Сказано, не поеду — и точка.

...Разведчики в атаку не ходят. Им полагается быть во время наступления недалеко от наблюдательного пункта командира полка. Если произойдет где-нибудь заминка, разведчиков пошлют туда — выявить, что мешает наступающим.

Оглушенный гулом артиллерийской стрельбы, Ковров смотрел на полк, поднимающийся в атаку. Темные фигурки появились на поверхности земли одновременно и неожиданно. Они побежали быстро и дружно в сторону вражеских позиций, покрытых черными брызгами взрывов.

Ковров вспоминал лица солдат и командиров, к которым водил разведчиков комиссар. Обозленные неудачами первого периода боев, бойцы и офицеры смягчались при виде отважных разведчиков. Уважение и приветливость теплились в глазах воинов. Рассказ Абакумова о том, как лихо утащили разведчики флаг, оживлял людей, они на глазах будто оттаивали.

Коврову было приятно это потепление, и он готов

был пережить еще большие страхи и опасности ради того, чтобы чувство гордости и сознание своей силы росло у однополчан. Но даже и тогда лейтенант еще не понимал до конца смысла, вложенного комиссаром в похищение знамени. И вот только теперь, увидав, как атакующие стремительно опрокинули гитлеровцев и погнала их, добивая в открытом поле, Ковров с радостью понял, почему Абакумов превратил обычную для разведчиков вылазку в ответственное партийное поручение.

И. КОРОТЕЕВ

ДАМНА

Борис пнул собаку в бок. Рыжий комок шерсти, коротко взвизгнув, отлетел к стене. Инстинктивно прижавшись к плохо оструганным лиственничным бревнам, собака с немым недоумением посмотрела на обидчика. Потом, убедившись, что ее больше, пожалуй, не ударят, собака растерянно облизнулась и прилегла. В полутьме избушки собачьи глаза блеснули малиновым светом. Но лишь на мгновение.

— Чего она лезет ко мне, — брезгливо поморщился Борис. — Путается, путается под ногами. Зачем вы ее держите? Будто у вас есть время охотиться. Вот не закончим к сроку разведку створа — будет нам от начальства такая охота...

Бородатый молча, не поднимаясь с табуретки, сунул руку под стол, достал фляжку со спиртом, разлил. По полстакана, не больше.

— На охоту мы не ходим. А собака... — Бородатый топнул ногой. — У! Где только кобеля найти сумела. Не иначе, в отряд к леденцовскому Кучуму бегала. Не обращайтесь, Борис Иванович, на нее внимания. Какая с ней охота, коли она щенная. Со щенной на охоту не пойдешь.

После того как бородатый топнул, собака поднялась и ушла в дальний угол. Там завозились, запищали щенята.

— Да ну ее... — вздохнул Борис. — О ней еще мне думать. Тут сроки горят! Через месяц в Москве проект защищать надо, а мы и половины не сделали.

— Ну... Уж и половины нет! Одна привязка осталась.

— Ничего себе — осталась! А вы вторую неделю сидите. И вы, прораб, пальцем не шевельнете. Так-то вот, Демьян Трофимович.

— Было бы чего шевелить, — очень миролюбиво ответил прораб. — При такой погоде не дело делать, а только людей задарма мучить. Вот установится чернотроп, прихватит землю морозцем. И — любодорого!

— А сроки? Понимаешь? Понимаешь, Демьян Трофимович? Они, эти сроки, вот у меня где сидят, — хлопнул себя по шее Борис.

Он подумал, что, может быть, прораб и прав, но ему, Борису, начинающему изыскателю, ссылаться на природные условия, оправдываться перед начальством природными условиями...

— Я на этих сроках не сиднем сижу, — нахмурился прораб.

Упрямство прораба вновь рассердило Бориса.

— Именно сидите! Сидите и ничего не делаете. Мне через две недели проектное задание сдавать надо. А материалы где? Где материалы-то?

— Так оно трудно...

— А вы слышали такое — трудности преодолевать надо? Не для того мы сюда приехали, чтобы прятать-

ся от трудностей. А вы тут псарню развели... вместо того чтобы делом заниматься.

Борис увидел, как собака, лежавшая со щенятами в углу, ощерилась и глухо зарычала.

— Пригрели, — зло сказал Борис и подумал, что если бы рассказать прорабу про его, Борисова, отца, то вряд ли Демьян Трофимович остался столь сентиментальным к этим тварям.

— Самостоятельная, — ответил прораб. — Ишь как щерится! А что около вас крутилась, так ватник-то мой под щенятами лежал. Так Дамка вернуть его поскорее просила. Крепко из-под пола дует. Не догадалась, что ваш-то плащ и ватник сушатся.

— Высохли, наверное, — сказал Борис.

— Где там! — Прораб покосился в сторону гудящей чугунной печки. — К завтрашнему вечеру, дай бог. Дождь-то, он перед самым снегом ух какой въедливый!

Борис понюхал плечо наброшенного на него ватника:

— Сухой вроде...

— Махонькие они. Дня не прошло.

— Как с планом будем?

— Не сомневайтесь. Не беспокойтесь, Борис Иванович. Все, так сказать, в ажуре представим. В срок. Снежок пошел, морозец ударит. Подождет к утру. Все доведем до ажуря. Сами поймите: колупались бы мы эту неделю под дождем, работы — шиш, а из людей дух вон.

Смотрел прораб на молодого инженера и хотя совершенно искренне ругал его в душе, но понимал, однако, что этот «пойдет». И хватка есть и умение, а горячность поостынет. Пообтерпится молодой инженер, научится и себя и своих подчиненных защищать, если невмоготу. Тоже дело и умение не из последних, если ты начальник.

Прораб глядел на Бориса, немного одутловатого лицом после дневного, всегда нездорового сна, и продолжал убеждать молодого инженера, что действительно все будет в порядке и он сам, Демьян Трофимович, головой ручается инженеру за это и лично при-

везет все необходимые сведения не позже чем через три дня.

— Глядите, Демьян Трофимович, — сказал, наконец, Борис. — Потерял я больше полутора суток, ругался с вами чуть не половину из них... Глядите. Поверю, но уж спрошу!

— Сам понимаю. И спрашивать не придется. Все в ажуре представлю.

— Может, мне самому прийти? — спросил Борис. — Мне эти полста километров, как говорят, не крюк.

— Верю. Видел. Ходок хороший. Хоть и первый год в тайге.

— В тайге первый, а ноги к ходьбе привычные. Туристом ходил. Поэтому и лес маленько знаю.

— Лес — одно, а тайга — другое. Тут и старый таежник может впросак попасть. Никто не зарекается. А от таежников вы не отставали. Это верно. Знаю. Теперь-то куда пойдете? На базу?

— Нет, к Леденцову. А что?

— Так оно положено. Вот и спросил. Для порядка. Знать это в тайге надо. А как пойдете?

Борис усмехнулся:

— Через горельник.

— Напрасно.

— Километров пять срежу.

— Порой длинный путь — он самый короткий.

Борис поморщился.

— Ладно, Демьян Трофимович, хватит. Вас послушать, так на сто метров от базы ходить мне нельзя. Хватит! Договорились. А иду я через горельник. Все.

Прораб кивнул и стал смотреть в угол, где лежала щенная собака. В брюхо ей уткнулись пять крохотных щенят.

— Что ж, покушаем. Ватник подсохнет, сапоги. Продуктов сгношим, — сказал Демьян Трофимович.

— Пожалуй. Ох, и надоели консервы! Я вам банки оставляю, а вы мне...

— Откуда у меня свежина? — Прораб так широко открыл глаза, что можно было подумать, будто он всю жизнь питался тушенкой.

— Ой, Демьян Трофимович... — рассмеялся Борис.

— Ладно, ладно, — поглаживая бороду, чтоб спрятать улыбку, признался прораб. — Какие там консервы?

— Банка тушенки да банка сгущенки. Чего ж еще?

— Тушенку оставьте себе, а сгущенку давайте сюда.

Борис ушел от Демьяна Трофимовича на рассвете. Он чувствовал себя хорошо отдохнувшим и бодрым. А главное — на душе у него было спокойно. Он согласился с Демьяном Трофимовичем и ощущал, что правильно сделал. Прав прораб, что поберег людей. Теперь, когда погода установится, дело будет сделано в три раза быстрее, а возможностей ошибок вдесятеро меньше.

Ватник Бориса так и не высох, и он взял прорабов, натянув на него едва подсохший дождевик, который хорошо защищал от ветра.

Несколько часов подряд Борис шел по широколиственной тайге, уже сбросившей пестрый осенний наряд. Лишь кое-где на ветвях чудом оставался яркий, похожий на тропическую птицу листок; дубы, росшие на южных склонах сопок, еще удерживали свою медную листву, которая, казалось, звенела под ветром.

Борис шел спорым, тренированным шагом. Он легко брал подъемы, не спешил на спусках, и ноги его привычно находили опору на скользкой, заледеневшей земле.

С утра светило солнце. Таежные дали в его свете виделись бордовыми.

На одном из поворотов Борис обернулся и остановился от неожиданности.

За ним, метрах в ста, бежала Дамка.

«Веселенькое дело! — подумал Борис. — Чего это она? Неужели решила, что коли я ватник Демьянов взял, то и щенков ее унес? Вот дура! Будто она не видела — остались щенки на месте. Дура! Ведь подохнут щенята твои с голоду».

— Пошла домой! Ну! — крикнул Борис. — Мотай! Нет у меня щенят. Не брал. Пошла обратно!

Собака остановилась. Высунула язык, часто задыхалась и, казалось, с интересом прислушивалась к словам Бориса. Уверенный, что его обращение к Дамке было достаточно убедительным, Борис пошел дальше. Пройдя с полкилометра, он оглянулся, но собаки не увидел.

«Сообразила», — решил он и зашагал дальше.

Мысли его вернулись к делам, потом унеслись за тысячи километров, в Ленинград, в свой дом, к своей семье, по которой он очень скучал. Особенно в те дни, когда он вроде бы отдыхал при переходах от одной группы изыскателей к другой. Тогда работа словно отступала на задний план. Его тянуло в большой город. Он мечтал о том времени, когда сможет скинуть телогрейку, ставшую как бы второй его кожей, ковбойку, пропахшую потом, и наденет белую рубашку, галстук, тесноватые, но красивые ботинки, темный костюм и отправится в театр или на концерт.

Вспомнил, как красив Невский вечерами, как блестит его влажный от тумана асфальт, отражая синие, зеленые и красные огни реклам, как в предпраздничные дни входят в Неву иллюминированные корабли.

Борис не любил этих воспоминаний. Они приходили неожиданно, захватывали целиком, держали цепко, и потом было трудно отделаться от них. Раз посетив, они на несколько дней выбивали его из колеи, мешали работать, сосредоточиться. Уж слишком разителен был контраст между тем, что окружало, — глухомань, неустроенность, хилое жилье, суровые, хотя и отличные, люди; и как все это не походило на то, что рисовали воспоминания! Казалось, в воспоминаниях была не реальность, к которой ему вскоре предстояло вернуться, а несбыточная мечта, фантазия.

И уж совсем неожиданной была для него мысль, что там, в Ленинграде, он станет скучать по этой глухомани, по любимому делу. И это будет не просто тоска по экзотике. Ему захочется в эти края потому, что его волей и трудом, волей и трудом сотен дру-

гих людей здесь, в таежных дебрях, поднимутся завод, и город, и гидростанция, и тут будут такие же красивые — может, даже красивее, — улицы и площади, и для десятков тысяч людей этот город, эти места станут навеки родными. Эта мысль о будущем наполнила радостью его душу.

Занятый своими мыслями и воспоминаниями, Борис не сразу заметил, что солнце скрылось за всклокоченными низкими тучами, что усилился ветер. Только поднявшись на крутояр, он увидел: впереди, за ручьем, там, где начинался горельник, даль затянута густо летящим снегом, а порывы ветра на открытом месте достигали такой силы, что выбивали из глаз скупую слезу.

Отыскав глазами залом, по которому можно было перебраться на противоположный берег ручья, Борис отвернулся от бьющего в лицо ветра и увидел: шагах в двадцати от него стоит Дамка. Он сплюнул от неожиданности и досады.

«Что подумает Демьян Трофимович? — размышлял Борис. — Что я нарочно увел собаку? Вот еще забота! Обидится ведь прораб. Подумает, я специально заманил Дамку с собой с целью прикончить по дороге. И концы в воду. Да...»

— Дамка! — позвал Борис.

Собака подошла, виляя хвостом. Вид у нее был доверчивый, а отнюдь не виноватый. Борис потрепал Дамку по загривку.

— Ладно, дурочка, идем. Вот принесет мне твой хозяин материалы, я ему тебя и верну. Заложницей будешь, поняла?

Борис улыбнулся своей шутке.

Собака дружелюбно замотала пушистым хвостом.

— Идем. Мне с тобой, пожалуй, веселее будет.

Они спустились к ручью, перешли его по залому и вошли в горельник.

Здесь Борис проходил летом, но и тогда мертвый лес, хотя и поросший высокой травой и буйным кустарником, произвел на него мрачное впечатление. Из пышной зелени молодого подлеска поднимались черные, обгорелые, мертвые деревья. Одни стояли, рас-

кинув голые сучья в стороны, другие воздевали их к небу, словно замерев в смертной муке.

Теперь погибшие деревья выглядели еще более трагически. На белом фоне снега их позы стали выразительнее.

Ветер крепчал. Он свистел в обнаженных ветвях, будто в снастях, заливался, как сказочный Соловей-разбойник.

Борис глядел на горельник, в котором ветер не задерживался, а лишь набирал силу; на густой снег, летящий клубами и облепывавший стволы, сучья, каждую веточку, делая мертвый лес похожим на гравюру сумасшедшего художника.

Тропа стала неразличима под снегом. Ее перегораживали упавшие деревья, корни которых подгнили, а ветер завершил дело. Хотя летом тропу расчистили, откинули в стороны стволы, но деревья падали беспрестанно, и тропа снова оказалась заваленной. Борис достал из кармана компас, сориентировался и, уже не доверяя своей памяти, двинулся по азимуту, прямо через завалы.

Но Дамка вдруг остановилась и тихонько заскулила. Борис свистнул, подзывая ее, но она по-прежнему стояла в стороне и как бы звала его за собой.

— Ишь ты, — сказал Борис. — Тропу под снегом чуешь?

Он нагнулся, потрепал Дамку по загривку.

— Ну, веди, проводник.

Дамка побежала впереди. Борис едва поспевал за ней. Иногда собака уходила далеко и терялась в снежной круговерти, исчезала за завалами.

Тогда она либо дожидалась Бориса, либо давала знать о себе лаем.

По расчетам Бориса, к полудню они прошли километров пятнадцать. И это налегке! Борис был недоволен собой. При такой скорости продвижения он мог попасть к Леденцову не раньше чем завтра к вечеру, да и то если выдастся лунная ночь и он будет идти без сна. Это было далеко не весело.

Хотя ветер, сдобренный морозцем, крепко щипал щеки, Борису стало жарко. Рубашка прилипла к пот-

ной спине, и каждые сто метров пути давались все с большим трудом. Он решил поесть и напиться крепкого чая. Чтоб понадежнее укрыться от студеных порывов, Борис забрел в чащобу. Ему с трудом удалось найти нечто вроде полянки.

Он развел костер, благо за дровами ходить было недалеко, повесил котелок, кинул в него кусок оленины. Прислонившись спиной к одному из упавших стволов, Борис смотрел на пламя костра.

И опять воспоминания унесли его в Ленинград, где еще стояли, наверное, последние дни золотой осени, дни, когда город кажется удивительно праздничным, ярким, а воздух пропах палой листвой.

Вздохнув, Борис подкинул сучьев в костер и подумал, что стоит найти не очень толстую валежину, устроить небольшую нодью и, отдохнув, попробовать переждать метель. Борис знал, что такая непогода в это время года долго не длится.

Он поднялся из-за нагромождения упавших стволов, которое служило ему укрытием. Ветер, казалось, осатанел. Согнувшись едва ли не пополам, Борис, с трудом преодолев сопротивление ветра, выбрался из укрытия. Скоро он нашел подходящую толстую валежину, которая вполне годилась для устройства нодьи. Он выволок ее из-под завала и потащил к костру. Вдруг странный шелест послышался сбоку. Борис оглянулся.

Старая пихта с подгнившими корнями, сбита ветром, падала прямо на него.

Борис хотел шарахнуться в сторону, но нога соскользнула и застряла в завале.

Он свалился на колоды. Закричал.

И в то же мгновение старая пихта упала на повернутую ногу.

Борис почувствовал, как в голени что-то отвратительно хрустнуло. И он потерял сознание.

Борис вконец обессилел от мучений. Он не мог двинуться. Боялся потревожить притаившуюся боль. Он тупо смотрел на догорающий костер. Угли подер-

нули пеплом, и лишь кое-где сквозь серый налет звериным глазом проглядывал огонек.

Дамка устроилась около котомки с мясом и лежала спокойно, косясь на человека, бывшего в пяти шагах от костра, и время от времени кричавшего протяжно и дико. Потом она прикрывала глаза, вздыхала и дремала.

Ветер по-прежнему дул крепко. Деревья продолжали поскрипывать монотонно и угрожающе. Изредка, когда порыв ветра бывал очень силен, где-то слышалось, как одно из них падало, с треском обламывая ветви о мерзлую землю.

Потом Борису совсем надоело и думать и смотреть. Испарина от боли и бессильных попыток вырваться из капкана теперь стала холодной, и тело стыло. Мороз постепенно, будто исподволь, пробирался все глубже, к самому сердцу. Но Борису было просто наплевать уже и на холод и на то, что через несколько часов он замерзнет. Ему хотелось лежать, не шевелясь, не ощущая боли.

Стало смеркаться, холод сделался резче. Небо, затянутое тучами, потемнело, а снег голубел, будто светился.

Костер погас совсем. Но метель, как ни старалась, не могла еще замести его. Слишком теплой была земля, прогретая огнем, и на месте костра чернел круг.

Дамка свернулась клубком, прикрыла нос пушистым хвостом. Снег накрыл ее, как попоной. Борису приходилось очень пристально вглядываться, чтобы различить ее в сумерках. Он все чаще поглядывал на Дамку. Потом стал смотреть на нее, не отрываясь. Ему казалось, что он слышит ее дыхание, даже биение ее сердца. Борису очень захотелось почувствовать ее рядом. Ведь она должна быть теплой, а его стал бить озноб, от которого сводило скулы и болели мышцы груди. И еще он подумал: когда Дамка будет рядом, ему не только станет теплее, он сможет разговаривать с ней.

Потом новая мысль пришла ему в голову: если он проживет ночь и еще день и совсем обессилеет от

голода, то... Тогда он, наверное, протянет еще одни сутки, может быть, даже двое, коли не ударит чересчур сильный мороз.

— Дамка! — позвал он. — Дамка!

Белая кочка у черного круга бывшего костра шевельнулась. Снеговая попона, покрывавшая собаку, потрескалась и сползла. Дамка поднялась на лапы и отряхнулась.

— Дамка!

Собака замахала пушистым хвостом.

— Дамка! Иди сюда!

Собака потянулась и доверчиво двинулась к нему.

Он старался подзывать ее как можно ласковее, но она, видимо, ощутила в его голосе нечто подозрительное. Остановилась шагах в трех, склонила голову набок, присматриваясь.

— Иди, иди, Дамка... Иди сюда...

Она, виляя хвостом, сделала еще несколько неуверенных шагов. Тогда он от нетерпения, из боязни, будто собака может до конца прочитать его мысли, выбросил руку вперед, чтобы схватить ее.

Дамка увернулась и отскочила.

Он застонал от боли и некоторое время лежал неподвижно. Потом снова стал подзывать собаку, неожиданно остро почувствовав, что она — его спасение: сначала тепло, а потом пища. Если ему удастся подзвать ее и схватить, то он не замерзнет сегодня ночью — она согреет его. И завтра ночью согреет. А потом он проживет еще сутки, питаясь ее мясом. Затем сюда должны прийти люди. Ведь должны же хватиться его. Должны!

«Надо быть терпеливее, — подумал он. — Надо, чтобы она подошла совсем близко. Не надо пугать ее». И позвал как можно ласковее:

— Дамка! Дамка... Иди сюда... Иди сюда, собачка...

Она сидела метрах в двух и смотрела на него. Время от времени она облизывала языком нос; а может быть, ему так казалось, потому что и сумерки уже гасли, наступала ночь, и он видел только ее силуэт и пар от ее дыхания, пар, который напоминал о спасительном тепле.

Он подзывал ее ласковым голосом, а про себя ругал последними словами.

Дамка подошла, но он снова промахнулся, не смог схватить ее. И разозлился. Очень разозлился. Он кричал и ругался. Схватил снег, сжал в комок, швырнул в собаку. Попал. Дамка отскочила, пошла к черному кругу бывшего костра, села у котомки, в которой лежало мясо.

Он продолжал ругать собаку, потом опять начал приторно-ласково звать ее к себе.

Дамка не обращала на него внимания. Она стала принюхиваться к котомке, в которой лежало мясо. Дамка хотела есть.

Борис понял это только, когда собака расцарапала лапами развязанную горловину котомки и сунула туда морду. Он чуть не взвыл от ярости. Стараясь шевелить лишь руками, он принялся швырять в Дамку снежками. Но собака, очевидно, поняла, что человек, лежащий неподалеку и швыряющий в нее снегом, нисколько не опасен ей. Она выволокла кусок из котомки, легла на брюхо, зажав мясо в передних лапах и склоняя голову то вправо, то влево, с аппетитом ела. Изредка она отрывалась от еды и смотрела на Бориса, который уже замолчал, поняв бесполезность своей ругани.

Он пытался совсем успокоить себя, рассуждая, что ведь ему все равно не добратья до котомки. Мясо пропадало зря. Теперь же Дамка сыта. Она, может, станет добродушнее, неповоротливее, и ему удастся поймать ее.

«Только бы скорее она наедалась, — думал он. — Скорее бы! Скорее бы поймать. Какая же она пушистая, теплая!»

Дамка наелась и отошла от котомки. Борис снова стал подзывать ее. Теперь она приближалась к нему все осторожнее и осторожнее. Он ярился и опять принялся швырять в Дамку снежками. Собака приняла его ярость за игру, прыгала, лаяла, подскакивала совсем близко, как бы дразня, и отпрыгивала.

Если бы Дамка попала в руки Бориса в один из таких веселых наскоков, он бы сразу задушил ее.

Он люто ненавидел собаку в эти минуты.

Изловчившись, он попал крепко свалянным снежком прямо в глаза Дамки.

Она завизжала, отбежала подальше, села и заскулила.

Борис ругал ее последними словами.

Дамка долго сидела и скулила. Потом поднялась и, поматывая головой, потрусила прочь от черного пятна костра, от Бориса.

«Побежала домой, к своим щенятам, к Демьяну Трофимовичу, — подумал лениво Борис. — Хоть бы записку ей за ошейник сунуть! Не подошла даже... А так кто же догадается, что со мной случилось. Дамке-то, видно, не впервой пропадать. Черт с ней! Все равно. Если к ночи развиднеет, ударит мороз. Все! Может, и не развиднеет, тогда, вероятно, продержусь. Но ноге конец. И все. Конец. Отмерзнет, Все равно...»

Борис уткнулся в жесткий, заледеневший рукав брезентового плаща. Затих. Даже мысли куда-то отступили. Оставили его одного. Совсем одного! И воспоминания не шли на ум.

Лишь сердце билось сильнее обычного. Словно он добрался на высокую гору быстрым-быстрым шагом.

Оно не хотело сдаваться.

Но потом и оно успокоилось. Стало биться ровно, почти неслышно.

Тогда Борис поднял голову. По-прежнему крепко дул ветер, не сдерживаемый мертвым лесом, по-прежнему сыпал снег из низких туч, по-прежнему, даже ночью, казалось, что светится снег на земле, а небо темно, беспросветно.

«Хоть бы до утра продержаться!.. — подумал он. — Не спать. Как заставить себя не спать? Не поддаваться предательской дремоте?..»

Борис осторожно двинул ногой, зажатой в капкане валежин, застонал, но сон отскочил, словно Дамка, когда он протягивал к ней руку. А когда боль утихла, он подумал: «Как медведь в капкане... — И протер рукой глаза, залитые влагой растаявшего снега. — А если он придет? Или волки...»

Он огляделся. Никого.

«Но ведь звери могут прийти в любую минуту, — билось лихорадочно в голове. — В любую минуту... Вон там... Не глаза ли чьи-то горят? Нет... Карабин в пяти шагах... И костер. И еда... Все в пяти шагах. Кто мне говорил, что когда волки, медведи или лисы попадают в капкан, они отгрызают защемленную лапу... и уходят... Кто мне говорил это? Кто?»

Он пытался вспомнить и не смог, потому что мысли, все внимание его были заняты. Он до рези в глазах всматривался в сумрачную снежную ночь. Едва ему казалось, что бдительность его притупилась, едва утомление брало верх, как он чуть шевелил сломанной и зажатой меж валежинами ногой, и боль — острая, режущая — взбадривала его.

На его счастье, пурга не унималась, и поэтому мороз не был большим. У Бориса оставалась надежда, что сломанная нога, может быть, и не отмерзнет. Перелом, по-видимому, закрытый — крови в сапоге не чувствовалось. Ворочаясь, Борис думал, что Дамка все-таки дрянь — сначала увязалась за ним, а когда он попал в беду, бросила на произвол судьбы, и он теперь все-таки замерзнет, если не сегодня, то завтра. У него не останется воли самому ампутировать себе стопу, придавленную валежиной, а спихнуть упавшую на ногу пихту не хватит сил.

«Ничего себе, собака — друг человека! — размышлял Борис. — Друг... Какой, к черту, друг!»

Незадолго до рассвета ветер стал стихать. Снег перестал. Но тучи не открывали чистого неба, и не холодало.

Измученный болью и бессонницей, Борис находился в полузабытьи, когда даже смерть не кажется страшной, потому что с приходом ее настанет конец и его мукам.

Теперь он не боялся, что с минуты на минуту могут сверкнуть меж мертвых стволов горящие глаза хищника, и тот, наверное, будет долго присматриваться и принюхиваться к лежащему, пока, наконец, голод, испытываемый зверем, не пересилит в нем страха перед человеком.

И когда в серых сумерках Борис услышал торопливое дыхание, а потом меж стволов мелькнули малиновые огоньки — пара глаз, — он не удивился. Он достал из-за пояса нож и, устроившись поудобнее, так, чтобы при резком движении не очень беспокоить ногу, приготовился к схватке.

Что-то темное мелькнуло поверх завала, кинулось прямо к нему. Собрав последние силы, Борис подался навстречу и пырнул ножом чуть ниже оскаленной морды, в грудь.

Он открыл глаза. Внутренность избушки была наполнена янтарным светом, который лился в заиндевевшее окошко, сверкал на заросших морозными пальмами стеклах. Сытно гудела набитая дровами печь.

Борис узнал избушку Демьяна Трофимовича.

«Выручили!» — вздохнул он свободно и радостно. Потом, боясь еще до конца поверить в свое спасение, он очень осторожно попробовал пошевелить пальцами левой ноги. Он застонал от боли, но почувствовал — пальцы на ноге чуть шевельнулись. Он приподнялся на локтях и увидел ногу, обложенную с двух сторон дощечками и крепко обмотанную веревками.

В углу за печкой послышался щенячий писк, и вслед голос прораба:

— Ну чего, чего лезешь, ненасытный! Дай другим подкормиться, жадюга.

И снова щенячий писк.

Тогда Борис вспомнил, как он схватился со зверем в горельнике, как долго он боролся с ним и как от боли потерял сознание.

Теперь уже трое ли, четверо щенков принялись пищать в голос.

— Эх, сироты вы, сироты... — печально вздохнул прораб и шмыгнул носом.

«Простудился Демьян-то Трофимович», — подумал Борис и повел плечами, приятно нежась в тепле. Закрыв глаза.

— Очнулся, начальник? — послышался голос прораба.

— Спасибо, Демьян Трофимович.

— Да, коли-б не Дамка, гроша за тебя не дал.

— Глупая она. Я в вашем ватнике ушел, а она, видно, решила, что я щенят ее уволок. Так и увязалась. Гнал я ее. Ни в какую не хотела возвращаться!

— Да...

За печкой, в углу, заливались писком щенята.

— А потом сбежала...

— Я ее послал за вами.

— Как послали?

— Чтоб проводила. Ревматизм мой разгулялся в ту ночь. К непогоде. Перед вашим уходом. Вот я Дамку и послал с вами, чтоб тропу помогла отыскать. С вами-то спорить труднехонько было. Я и послал Дамку.

— И она ушла от щенят? Они ж с голоду могли подохнуть.

— На кой же я у вас тогда банку со сгущенкой выменял? Вот и кормил.

— Подождите, подождите, Демьян Трофимович! — Борис в волнении приподнялся на нарах.

— Спокойно лежите. Скоро за вами вертолет придет. В больницу доставит.

— А как же вы меня?..

— Прибежала она от вас... Тут уж не трудно догадаться было — случилось что-то. Она и привела обратно. Впереди бежала.

— Так, значит?..

— И без нее щенят выкормлю. Чу! Летит вроде. Пойду встречу.

Прораб вышел из угла, где кормил щенят. Он долго, вздыхая и посапывая носом, натягивал ватник, а поверх него шубу.

— С работой вы, Борис Иванович, не сомневайтесь. Справимся к сроку. Все до ажюра доведем. Вот ведь как оно бывает, Борис Иванович... Торопились, торопились... А вышло наоборот. Говорил вам — осторожнее. В тайгу — не к теще на блины идете. Я не корю, а чтоб вы и наперед знали.

— Верю, — негромко проговорил Борис. Действительно, и сам намаялся, людей взбудоражил. Дело-то,

выходит, не только в должности, которую занимаешь, но и в опыте. Знал бы, где упасть, — соломки подлил. А ведь знал... И соломки тебе, Борис, подстели, а сам ты... Ладно, сколько ни жуй самого себя, быстрее не заживет. Да и собаку не задаром друг человека зовут...

Скрипнула дверь избушки.

— Трофимыч! — крикнул Борис, словно у него оставалось времени. — Демьян Трофимович!

Тот остановился в нерешительности у приоткрытой двери. В избушку понизу тек морозный пар.

— Не беспокойтесь, Борис Иванович, — сказал Демьян Трофимович, глядя куда-то на пол и вбок. — Мы вас осторожно донесем.

— Да я не об этом, — улыбнулся Борис. — Проблема у меня к вам, Демьян Трофимович. Не откажет Прораб прикроет дверь и нахмурился:

— Ну, слушаю, Борис Иванович. За документы беспокойтесь.

— Щенята Дамкины остались... Так вы мне одного.

— Вам? Зачем?

— Выкормлю... Выращу.

МИХ.ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ

Адмирал

Карибского

моря

**Разговор за столом,
записанный по памяти**

— Буэнос диас, сеньор! Простите, сеньор, вы, конечно, маринеро? Угадал? О, моряка сразу видно! Моряков жизнь отливает по особой форме. А под каким флагом плаваете? Норт-американо? Нет? Энгландо? Тоже нет? Алемано, франсэ? Что, что? Руссо? О, Совьетико Русиа? Видел в порту вашу коробку. Красавец корабль! Белый, как лебедь!.. Моменто, сеньор! Дайте вспомнить. Как это... О, вспомнил! Привьет, товарич! Вы удивлены? Я бывал в вашей стране. Во время войны. Я плавал тогда под матрасом со звездами *, на их паршивых посудинах типа «либерти». Ах, вы тоже знакомы с «либерти»? Дрянь

* Флаг США.

посудины! Сколочены наспех, кое-как. Мы ходили из Филадельфийского порта в Белое море и в Кольский залив. Бывал в Мурмано и в Сан-Арханхело. Как? Без Сан? * Хорошо, пусть будет просто Арханхело. Возили вам яичный порошок и свиную тушенку. Да, да, вместо второго фронта! У вас замечательная водка, клянусь морем, но девушки ваши мне не понравились. Недотроги. Что, я не ослышался? Приглашаете к своему столику? О, мучча грасиас, сеньор! **

Да, я тоже моряк. Соленая лошадь, настоящий моряк «Летучей рыбы». По-моему, настоящий моряк только тот, кто с завязанными глазами, по одному запаху отличит Одессу от Стамбула, Ливерпуль от Марселя, Нью-Йорк от Джедды или Шанхая. Не хвастаясь, скажу, я могу. Еще бы! Поплавайте-ка на парходах-кочевниках, не имеющих определенного, постоянного рейса. Вот где настоящие люди, настоящие маринеро. Кем плаваю? Разве это не видно по моей харе? Ну, конечно, боцман! Откуда родом? Попробуйте угадать... Правильно! Банановая республика! Что, что? Вы тоже бывали на моей родине? Это просто здорово, клянусь морем! Тогда давайте вашу руку. Вот так! Теперь рассказывайте, как понравилась вам моя родина. О, это приятно слышать! Спасибо вам за добрые слова. Да, хорошая страна, но ее здорово загадили. Кто загадил? А вы разве не слышали у нас песню: «Несчастливая моя родина, ты так далека от бога и так близка от Соединенных Штатов...» О чем вы говорите? Не понимаю... Ах, вот вы о чем! Да, вам рассказали чистейшую правду. Да, целый крейсер разбазарили на джин, виски и ром в портовых кабаках. Не верите? Клянусь мадонной Гваделупской, чистая правда! Что? Офицеры? Да, конечно. Были на крейсере и офицеры. Даже адмирал был. Хотели бы посмотреть на такого адмирала? Пожалуйста, смотрите! Это я. Разрешите представиться — адмирал Карибского моря. Роскошный чин, не правда ли? Просите рассказать об этом? Что

* Святой.

** Большое спасибо (испан.).

же... За стаканчиком... Нет-нет, только не вино. Здешнее вино — бурда для барышень. А для моряка «Летучей рыбы»... Двойной джин? Это другое дело. Муча грасиас, сеньор!

Давай чокнемся, и я начну свой рассказ... Начну с того, как заштормовал я однажды у себя на родине, в столичном порту. В баре «Три якоря» это случилось. Не понравились мне тамошние коктейли. Теплое молочко для младенцев. Вот я и заштормовал! Кричу бармену: «Хочешь, я угощу тебя настоящим моряцким коктейлем? Таким, что тебя в клочки разорвет, клянусь морем?»

А он говорит: «Хочу. Валяй угощай!»

Надо вам сказать, сеньор, что я знаю два рецепта таких коктейлей!.. Мамита миа! Первый называется «Плантатор». Хватает за горло и бьет по затылку. Словно тебя ганшпугом по затылку огрели. Но это еще пустяк. А второй — «Бешеный дьявол». Научил меня этой дьявольской смеси лоцман-негр с Каймановых островов. Если вы прольете его на стол, краска сойдет. От глотка «Бешеного дьявола» в желудке у вас взрывается динамит, и вы чувствуете, что вам оторвало голову. Потом долго будете щупать ее, целая ли. Состряпал я свои взрывчатые смеси, угостил бармена и всем, кто был в баре, поднес. Так, поверите, всех их, как взрывом авиабомбы сбросило с высоких вертящихся стульев, а потом они полчаса ползали на четвереньках под столами, искали свои головы...

На следующее утро сижу я на койке в бордингаузе* и подсчитываю, сколько у меня на опохмелку осталось. А осталось только дупло в зубе залить, не больше. И тут появились передо мной двое верзил с бульдожьими мордами, на бедрах у них висят гаубицы ужасного калибра, под пиджаками топорщатся наручники, и требуют они, чтобы я немедленно следовал за ними. Каррамба, только этого мне не хватало! Не опохмеляться же они меня повезут. Знаю, куда повезут! Живем мы в нашей стране шумно,

* Портовая гостиница для моряков.

сеньор. Повстанцы спускаются с Сьерры, взрывают полицейские участки и казармы, пускают под откос поезда, рабочие часто устраивают стачки и демонстрации. И если тебя загребли такие вот, с бульдожьими мордами, то сколько ты ни доказывай потом, что ты не рохо*, это поможет тебе, как пилюля от землетрясения.

Меня вывели из бордингауза и посадили в огромный, семиместный, «мерседес». Я глазами хлопаю. Что за чертовщина! Это же сенаторская машина по крайней мере, а мне полагается «Черная Мария».

«Черная Мария»
За окном видна.
«Черная Мария»
Встала у окна.
Не за мной, надеюсь,
В этот раз она**

Слышали у нас такую песенку? Ладно, поехали, едем. Опять ничего не понимаю. Меня в хефатуру*** должны везти, а везут прямехонько... Куда бы вы думали? В Резиденцию, в президентский Голубой дворец! А через пять минут я увидел и его, нашего эль президенте, Спасителя Родины, Отца Нации, Благодетеля Народа, все с большой буквы, как пишут в наших газетах.

Вы о нем, конечно, слышали. Вашингтонский конгресс очень его хвалил; сенаторы говорили, что наш Спаситель спасает весь Американский континент от мирового коммунизма, а газеты гринго уверяли, будто вся Америка восхищается его правлением, что у него, мол, настоящая демократия западного образца. Я с гринго не очень-то согласен. Я Отца и Благодетеля лучше ихнего знаю. По-моему, нашего Благодетеля надо было повесить за шею минуточек на десять.

Я приветствовал его по всем правилам, выкинул руку и рывкнул: «Бог, Родина, Свобода!» А он по-

* Красный (испан.).

** Ленгстон Хьюз — американский поэт-негр.

*** Тайная полиция.

морщился, икнул и сказал: «Брось, хомбре*, эту дребедень и живее принимайся за дело. Иди в буфетную и приготовь мне «Плантатора» и «Бешеного дьявола». Порции делай побольше».

Я даже головой затряс, будто мне в ухо вода попала. «Чистенько работает, — думаю, — наша хефатура! Все уже известно Отцу и Благодетелю». Пошел я в буфетную, приготовил свои смеси, сделал лошадиные порции и отправил с лакеем в салон. А через полчаса и меня туда позвали. Вошел, вижу, эль президенте щупает голову, на плечах она или закатилась под диван. А лицо сияет, по плечу меня хлопнул: «Здорово это у тебя получается, хомбре! Получишь орден, большой рыцарский крест «За спасение Родины». И будешь у меня служить барменом. Рад?»

Хотел я ему сказать: «Иди ты знаешь куда!..» Но сказал, конечно, по-другому. Сначала проорал: «Бог, Родина, Свобода!» Потом начал разматывать, словно бухту троса, свои доводы. Мне, мол, Тибурсио Корахо, соленой лошади, моряку «Летучей рыбы» и боцману парохода-кочевника, обидно и стыдно стать барменом, почти лакеем. Вот так, мол, экселенце! Тибурсио Корахо не из такого теста сделан! А он опять икнул, потом рыгнул и заорал: «Заткнись, болван! Будешь получать десять долларов в сутки. Мало тебе, пьяная рожа?»

«Сам ты, — думаю, — пьяная рожа, а я еще и не опохмелился». А какой толк с пьяным дураком спорить? И десять долларов в сутки — это как никак триста монет в месяц. Согласился я, хоть и стыдно было, и начал круглыми сутками по пять бесменных вахт трясти шейкер**. Почему по пять бесменных вахт? Откровенно скажу, сеньор, я пью, какой же боцман не пьет, но пить так, как Отец и Благодетель... Мамита миа! Он ежедневно напивался, ну... как напивается американский солдат к концу дня. И при этом бесился, как бык на корриде, бил тарелки и графины, в щепки разносил стулья. Целое

* Человече (испан.).

** Закрытый сосуд для перемешивания коктейлей.

землетрясение. При этом он бил не только посуду, но и морды адъютантов. Они у него сверкали не только галунами и аксельбантами, но и сплошными металлическими зубами. Выбивать зубы — это у него привычка с юных лет. Он же бывший полицейский капрал.

Выдержал я только месяц такой работы. Осточертело мне всё! Даже и доллары не веселили. И решил я смыться из Резиденсио. «Найду, — думаю, — в порту знакомых ребят, спустят они меня потихоньку в трюм какой-нибудь посуды, никакая хефатура не найдет, и уплыву я хоть на полюс, хоть к дьяволу на рога, лишь бы подальше от этого Запивохи и Скулодробителя, тоже с самой большой буквы». Но в тот самый день, когда я решил отдать швартовы, случилось вот что. Теперь, сеньор, и начинается самое интересное. Глотнем? Ваше здоровье!

Я принес эль президенте добрую порцию «Бешеного дьявола». Он хлебнул и потер, улыбаясь, живот.

«Я доволен тобой, хомбре. Твои коктейли спасли меня от скуки, от рыганья, иканья и урчания в желудке. Рыцарский крест «За спасение Родины» — это дребедень! Ты достоин большей награды. Но чем мне наградить тебя? А, хомбре?»

Он как-то странно начал глядеть на меня. То наклонит голову на один бок, то на другой, то прищурит глаза, то вылупит их, то подойдет ко мне, то отойдет. Так портной разглядывает костюм на клиенте. Наконец хлопнул меня по плечу и заорал:

«Пор диос! * Нашел! Тебе, хомбре, очень к лицу будет генеральский мундир. К черту генеральский — маршальский! Хочешь быть маршалом?»

Я покачал головой.

«Эка невидаль, сеньор президенте. У нас столько «горилл» **, что на каждого генерала и маршала приходится по полсолдата».

Он горько вздохнул.

* Клянусь богом! (испан.).

** Презрительная кличка реакционной военщины в Латинской Америке.

«Ты прав, хомбре. «Горилл» у нас много. Но можно расстрелять пяток-другой. Эти собачьи морды норовят выпихнуть из Резиденсио меня, свободно и законно избранного президента!»

«Уж куда как законно и свободно!» — подумал я. На президентских выборах он получил голосов вдвое больше, чем насчитывается жителей в нашей стране. Вдвойне законно!

А он снова завопил:

«Слушай, хомбре, ты ведь боцман? Верно? Делаю тебя адмиралом! Не контр- и не вице-адмиралом, к черту их! Ты будешь адмиралом Карибского моря! Ведь был же у Колумба чин — «Великий адмирал океана». Что, неплохо придумано?»

«И я буду плавать? — обрадовался я. — Мне бы, — думаю, — только палубу под ноги, а там я покажу тебе бизань!* Ищи свищи своего адмирала Карибского моря!»

А он, скотина, отвечает:

«Плавать ты не будешь. Еще утонешь, а я без тебя обойтись не могу».

Так стал я адмиралом Карибского моря. Очень красивый сшили мне мундир. Всюду галуны: на рукавах, на воротнике, на груди, на боках, на спине и даже ниже. Но я по-прежнему взбалтывал коктейли. И когда я тащил в салон очередную порцию «Бешеного дьявола», адъютанты становились передо мной во фронт. А бежать из Голубого дворца стало трудно. При мне, адмирале, теперь неотлучно находился флаг-офицер. Он даже спал в соседней комнате. Оставалось надеяться только на судьбу и мадонну Гваделупскую. И они мне помогли.

Однажды утром зовут меня к эль президенте. Отец и Благодетель сидел трезвый, как поп перед обедней, и, морщась, тер лысину.

«Собирайся, хомбре, в плавание. Даю тебе наш лучший военный корабль — тяжелый крейсер «Гроза морей».

* Бизань — самая задняя мачта, то есть — покажу спину.

Я чуть не заплясал от радости. Плавание! Открытое море! «Ревущие сороковые», мыс Горн! У меня в ушах засвистел уже добрый фордак*. Ах, диос! Не пришлось мне на этот раз проветриться в ревущих широтах.

Моменто, сеньор! Сейчас объясню вам, куда послал меня плешивый пьяница. Припомните-ка, сколько государств понатыкано на Перешейке и на островах Карибского моря. Всем им я должен был нанести дружеский визит, показать союзникам наш флаг и нашу морскую мощь. Это было связано со сборищем в Панаме президентов этих государств. Был там и президент гринго, тот, прежний, которому в Японии показали поворот от ворот. Помните, сеньор, такое сборище? Они совещались, как состряпать еще одну НАТО. «Карибскую НАТО».

Эль президенте опять принялся мрачно насандаливать свою плешь и сказал мне:

«Я ехать на совещание не могу. «Гориллы», собачьи морды, что-то затевают. Но я — это я! И ты будешь представлять на совещании мою высокую особу. Ты передашь мое личное письмо моему закадычному другу и союзнику из Белого дома. Я пишу о духовных узах, связывающих две наши великие демократии. Ты все понял? Только на Кубу не заходи. Эти барбудос все сплошь рохо и дикари из джунглей.

Не понравилась мне эта затея. Не хочу я вмешиваться в высокую политику. И всякие там духовные узы, это тоже не по моей части, а сколачивать новые НАТО, на это я, клянусь морем, никак не согласен! Но у меня под ногами будет палуба, вот что главное! Об этом я мечтал, клянусь морем!

«Сделай мне запасец «Бешеного дьявола» и плыви с богом, — закончил наш разговор эль президенте. — «Гроза морей» к походу готов, команда укомплектована. Денег я тебе на плавание не дам. В казначействе сейчас временные небольшие затруднения. Но в первой же дружественной столице обратись

* Фордевинд — ветер в корму.

в наше посольство, и тебе выдадут кучу денег. Отправляйся же, мой верный эль альмиранте!»

Я скомандовал себе аврал, наболтал для эль президенте десять галлонов «Бешеного дьявола» и помчался в военный порт. Мне не терпелось взглянуть на мою «Грозу морей». О, мамита миа! Не на тяжелом крейсере развевался мой адмиральский брейд-вымпел, а на дряхлом «либерти». По некоторым приметам я с первого взгляда узнал ту самую посудину, на которой возил вам в Кольский залив яичный порошок и свиную тушенку. Но она за прошедшие годы кое-что потеряла и кое-что приобрела. Потеряла она форштевень — может быть, от удара о рифы, а может быть, пьяный кэп врезался с ходу в пирс. На месте разбитого форштевня приварили какую-то перекошенную балку, и «Гроза морей» стала похожа на боксера, которому на ринге своротили нос. А приобрела она тонны грязи. Жирная грязь была всюду: на палубе, в кубриках, даже на мостике. Собирали ее, видимо, со всех уголков земного шара. А еще прибавились здоровенные, как собаки, крысы! Тоже, наверное, со всех доков мира. Душа корабля — компас, не так ли, сеньор? Но если бы вы видели компасную установку «Грозы морей»! Нактоуз английский, колпак французский, котелок норвежский, а поплавок с картушкой — японский. Его покупали по частям у портовых старьевщиков. А команда! О господи! Шваль, вонючие бичкомберы, подонки из портовых ночлежек. Вы спрашивали, были ли на «Грозе морей» офицеры. Были! Обо всех говорить долго и неинтересно. Я расскажу вам только про двоих, а по ним вы сможете судить и о всей остальной офицерской банде.

Командиром крейсера был фрегат-капитан. Ох уж эти современные фрегат-капитаны! Они повесят койку поперек корабля, они способны плюнуть на палубу и свистеть на шканцах. Матросы в первые же дни прозвали его Краб. У него были такие выпученные глаза, будто его крепко стукнули по затылку. И фигура у него была крабья, толстая и круглая со всех сторон, не поймешь, где перед, где зад, как у трол-

лейбуса. А когда он подносил ко рту рюмку, так раскрывал пасть, что видна была гортань. Что там гортань — кишки видны были!

А у старшего механика, корвет-капитана, мне сразу не понравились глаза. Какие-то такие... ко всему принохливающиеся. А как они пили, эти два пирата! Они и молитву «Отче наш» читали, наверное, так: «Отче наш, бутылку джина, какую побольше, даждь нам днесь!» О, святая мадонна, зачем ты свела меня с этими пьяницами и жуликами?!. В этот же день, с отливом, мы подняли якоря и вышли в море, показывать друзьям и врагам нашу морскую мощь. И с первых же оборотов винта мы услышали, как наша морская мощь противно скрипит на ходу всеми своими суставами, словно дверь на несмазанных петлях. Началось наше плавание! «Молитесь, женщины, за нас!» — как поют в старинной матросской песне.

Предлагаете еще выпить? Не откажусь, сеньор. Очень мрачно у меня на душе. Двойной солодовой скоч-виски? О, это по-джентльменски, как говорят проклятые янки. Нужен официант? Постучите по столу монетой, и он прибежит... Вот и он, видите?

В первом же порту, в столице нашего соседа, когда отгремел салют наций с борта «Грозы морей», я напялил адмиральский мундир, прицепил крест «За спасение Родины» и взял пеленг на наше посольство. Посол не очень обрадовался моему визиту. Он был какой-то встрепанный, наш амбасадоре. Он сказал, что не может связаться с нашей столицей и никаких денег для меня в посольстве нет. «Выкручивайтесь сами, эль альмиранте, как знаете!..» Я вернулся на наш мощный крейсер и приказал подать обед. По военно-морскому уставу, я, адмирал, должен обедать один. Никого, кроме вестовых. А тут, вижу, протискивается в дверь салона целый троллейбус — фрегат-капитан и начинает орать: «Не ждите обеда, эль альмиранте! Нам нечего жрать! И команда воеет от голода. Они собираются атаковать ваш салон. Провианта в плавание нам не дали, и денег, вы знаете, у нас нет. Что будем делать?» Я ответил,

что деньги, целую кучу песо или долларов, на наш выбор, мы получим в следующем порту. А сейчас пусть выкручивается как знает. «В конце концов крейсером командуете вы! — начал я злиться. — Вы и думайте, чем кормить команду». — «Я уже придумал, — отвечает он. — Надо продать...» — «Что продать? Наши с вами штаны?» — «За наши штаны, — отвечает, — дадут гроши. А продадим мы пушки». Надо вам сказать, сеньор, что на нашей скрипящей старухе стояли на баке две пушки. Тяжелый крейсер как-никак! И говорю я фрегат-капитану: «Вам что, голову солнцем напекло? А как мы будем демонстрировать нашу морскую мощь?» — «А мы, — отвечает, — распустим слух, что у нас на борту секретное оружие. Будто стреляем мы не какими-то там паршивыми снарядами из старых пушек, а прямо из трубы — стронцием-90».

Подлец подлецом был этот фрегат-капитан, а башка у него здорово варила. Слышали, что придумал? Стронций-90! Но я еще не сдавался. «А салют наций двадцатью четыремя выстрелами как будем отдавать? Из чего будем стрелять?» А он выпучил свои крабьи гляделки и ухмыльнулся нагло. «Салют будем пробками из бутылок производить. Продадим пушки, так у нас не только на еду — на джин и виски хватит». — «Да кому вы продадите здесь пушки? Это ведь не бананы и не холодильники». — «А вы слышали, эль альмиранте, что существует такая вещь — контрабанда оружием? Я познакомился здесь с отчаянными парнями. Им страсть как хочется пострелять из пушек по здешнему Резиденсио. Очень насолил им ихний эль президенте». — «Как и наш насолил нам, — отвечаю я. — Что ж, такое святое дело и бог благословит. Да и в самом деле, зачем нам пушки? Не воевать едем, а с визитом. Продавайте!»

За одну ночь пройдоха Краб обделал дельце. Утром, при подъеме флага, он подошел ко мне и рявкнул: «Бог, Родина, Свобода! Все обтяпано! Провиант закуплен, оставшиеся деньги в моем сейфе. Есть виски «Белая лошадь». Прислать?» — «Знаю эту

марку, — весело ответил я. — Пришлите пару бутылочек. И поднимайте якоря. Потопаем дальше!..»

В следующем порту я тотчас съехал на берег и снова отправился в наше посольство. И тут у амбасадера был встрепанный вид, как у бойцового петуха после хорошей драки. А на мои слова о деньгах он только руками замахал и забормотал, что не может загарпунить нашу столицу. К телефону никто не подходит, а трубка, видимо, снята, и слышен такой шум и грохот, будто мчатся полицейские машины. «Наверное, у нас начались беспорядки», — подумал я, вернулся на крейсер, вызвал фрегат-капитана и начал ему втолковывать, что на деньги от посольства надежда плохая, поэтому пусть достает деньги из сейфа и кормит команду. А он так выкатил свои поганные глаза, словно его стукнули веслом по затылку. «Какие деньги? В судовом сейфе осталось два песо двенадцать сентаво. Меня обсчитали на снарядах». Тогда я на чистейшем испанском языке сказал ему: «Ты сукин сын, вонючка, подлец и жулик! Я вздерну тебя на ноке за кражу казенных денег!» А он: «На ноке и еще кое-кому можно место найти за подрыв нашей военной мощи. Поэтому заткнитесь и скажите лучше, чем будем кормить команду. Они уже точат свои навахи и поглядывают на ваш салон». — «Ладно, продавайте водолазные костюмы! — махнул я рукой. — Зачем они нам, губки со дна доставать? Можно еще загнать бухту перлиня». А он заупрямился: «Нет, босс, это грошовая сделка».

Вы обратили внимание, сеньор, что он перестал уже называть меня эль альмиранте, стал звать боссом, как будто у нас не военный крейсер, а лавочка по распродаже дешевых вещей. «Я советую, босс, продать судовое динамо. Есть покупатель — паршивый француз, директор сахарного завода. Он дает хорошие деньги. А мы и без электричества обойдемся. Будем пораньше вставать и пораньше ложиться». — «Валяй продавай! — решил я. — Дьявол с ним, с электричеством! У нас даже в столице далеко не у всех электричество. Живут же люди». — «Правильно! — обрадовался Краб. — А если не будет у нас

динамо, зачем нам прожекторы, и электрическая плита в камбузе, и холодильники, и вентиляторы, и пылесосы?» Я помчался от него по шканцам, но и этот троллейбус мчался за мной по пятам. «И радиорубку надо продать! Коли связи со столицей нет, радио нужно нам, как негру пудра!»

Сеньор, вы настоящий маринеро, вы угостили меня джином и шотландским солодовым, чистым, не разбавленным. Не буду и я подливать воду в мой рассказ. Теперь я помчусь на всех парусах... Наша морская мощь, наша «Гроза морей» переползла в следующий порт, но и там в посольстве начался все тот же разговор. Столица не отвечает, телефонистка услышала теперь выстрелы. Все понятно! Началась очередная заваруха! У нас их называют революциями. Тридцать генералов, двадцать маршалов и пятнадцать адмиралов вышибают из Голубого дворца нашего Отца и Благодетеля... В этом порту Краб продал оба станových якоря, конечно с цепями и брашпилями, стоп-анкер и даже верпы. А заодно продал спасательные шлюпки, катер, капитанский вельбот, гичку, ялик и оставил только баркас, чтобы съезжать на берег. Офицеры в кают-компании пели и плясали после этой продажи весь день и прихватили даже ночь до собачьей вахты. После склянок я поднялся на шканцы проверить вахтенных. Ночь была тихая, лунная. Я поглядел на один борт, потом на другой — и волосы встали у меня дыбом! Я не верю, сеньор, в привидения, я только боюсь их. А на левом борту непонятно двигались, размахивали руками белые призраки и вспыхивали зеленые адские огни. Я с ужасом подумал, что это горят огни Святого Эльма, а на борт к нам высадилась команда «Летучего голландца». Но, слава мадонне, я увидел толстый зад Краба и, осмелев, крикнул: «Эй, мучачос*, что вы там делаете?» Фрегат-капитан подбежал ко мне и, как полагается, выкинул руку: «Бог, Родина, Свобода! Мы режем автогеном шлюпбалки, потом будем резать мачту. Я продал их на стальной

* Парни (испан.).

лом». — «Превращаете «Грозу морей» в общипанную курицу?» — начал я подходить к нему, раздумывая, с какой стороны его ударить — с правой или с левой. «А на какие шиши будем кормить команду? — захорохорился Краб. — И пора уже платить жалованье сеньорам офицерам. Шлюпок у нас нет, так зачем нам шлюпбалки? Подштанники сушить команде?» А вокруг описывал восьмерки старший механик и обнюхивал палубу жуликоватыми глазками, высматривая, где еще что-нибудь плохо лежит. «Утром можно будет начать резать дымовую трубу, — деловито сказал он. — Отличное листовое железо! А мы и без трубы можем плавать, хотя и не так красиво, конечно». — «Шлюпбалки, мачту, трубу! — заорал я. — Вы хотите, чтобы наш крейсер вылетел в трубу? Я выверну вас, подлецов, наизнанку, клянусь морем, так, что ноги у вас меж зубов будут торчать!» — «Брось, боцман, дурака валять!» — засмеялся Краб. Замечаете, сеньор, он уже и боссом меня перестал звать, и я снова стал только боцманом. «Не будь дураком, боцман. В трубу уже вылетел не только этот мощный крейсер, но и весь наш военный флот. Парламент ассигновал на флот уйму денег, купить намечено было настоящий крейсер, парочку миноносцев, пяток морских охотников. Где они? Купили покалеченный, со свернутым носом «либерти» и пару шаланд. А денежки разворовали эль президенте и министры. Вот это деловые люди! А ты поднимаешь крик из-за какой-то шлюпбалки! Пойми: завтра у нас с тобой будет хорошенькая бутылочка джина!» Он при этом так раскрыл пасть, что видны стали кишки. Уже предвкушал стаканчик!

Ничего не скажешь — умно, правильно рассудил поганый Краб. Но я возмутился. «Ты сравниваешь меня с этими вонючками президентами и министрами? Нет, эта компания не по мне!» И я так хряснул его по башке, что он брякнулся на палубу, как прирезанная корова. Но тотчас вскочил и вlepил мне «датский поцелуй». Не знаете, что это такое? Удар головой в переносицу врага. Теперь я полетел на палубу сбитой кеглей. А потом мы сцепились, как два

скорпиона. Матросы взвыли от восторга и начали ставить, кто на меня, кто на Краба. Мы превратили друг другу физиономии в бифштексы с кровью и только тогда разошлись по каютам.

К утру шлюпбалки, мачты и труба были срезаны, проданы на берег, и все же «Гроза морей», похожая на корыто, поплелась дальше. Я так приказал. Не показывать друзьям нашу морскую мощь, куда уж там, а просто попытать счастья в следующем посольстве. Механик оказался прав: плавать можно было и без трубы. Но было при этом одно неудобство. К нам кидались все встречные суда, они думали, что у нас бушует пожар. Ведь нас еле видно было в дыму. А когда они узнавали, в чем дело, поднимался такой хохот!.. О, лучше не вспоминать об этом.

Мы пришли сюда, в этот порт, где мы с вами пьем сейчас скоч-виски. Я тотчас помчался в наше посольство, и там мне сообщили, что в Голубом дворце сидит уже новый эль президенте, не то маршал, не то адмирал, — словом, кто-то из «горилл». Несчастливая моя родина, когда же ты скачаешь со своей шеи проклятых «горилл» с их бычьими мозгами и ненасытной утробой?! Отца и Благодетеля «гориллы» вышибли-таки из Резиденсио. Он помчался в американское посольство, но его пристрелили на пороге. Он, может быть, и спасся бы, да погубил его тяжелый чемодан с бутылками моего «Бешеного дьявола». Мне, адмиралу в заграничном плавании, новый эль президенте передал такой приказ: «Пусть сам выкручивается как знает и как умеет! На то он и адмирал!»

Так я и передал команде, когда вернулся из посольства на крейсер: «Выкручивайтесь, обормоты, как знаете!» — «Выкрутиться можно, — ответил старший механик. — Здесь один тип просит меня продать ему пару машинных вентилях, десяток дымогарных труб и водомерные стекла. Как ты на это смотришь, боцман?» — «Без трубы мы уже обходимся, — сказал я, — стекла — это мелочь, а что такое вентилях?» — «Совсем пустяковая штука. Отвинчивать?» — «Отвинчивай! Выкручивайся!» — бодро

приказал я. Судите сами, сеньор, что понимал в машинах я, боцман верхней команды.

На следующий день я убедился, что мы довыкручивались до ручки. Старший механик, увидев меня на мостике, сказал, почесывая нос: «Вот какое дело. Наша «Гроза морей» превратилась теперь в недвижимое имущество. Без вентиляей и дымогарных труб мы плавать не можем». Что тут началось, когда команда узнала, что плавание кончилось и мы встали на мертвый якорь! Все сорвались с последних швартовых. Мамита миа, как мы заштормовали, и матросы, и офицеры, а с ними и я, адмирал Карибского моря! Вы знаете, как матрос крутит в воздухе бросающий конец, прежде чем кинуть его на берег? Так закрутило и нас. Мы оккупировали на три дня один из здешних кабаков. Офицеры пропили помпы, брандспойты, спасательные пояса; матросы содрали ванты, штаги, сняли вымбовки, блоки, гаки, расхватили отпорные крюки. Я загнал свой мундир адмирала Карибского моря со всеми галунами, даже на спине и ниже, а заодно и большой рыцарский крест «За спасение Родины» — вернее, за спасение эль президенте от рыганья и урчанья в желудке. Дошла очередь и до флагов, позывных, свода сигналов и национальных флагов дружественных нам государств. Но когда рыжий, как морковь, кочегар начал захивать за пазуху гафельный флаг нашей республики, я не вытерпел и врезал ему хук левой. Он, морской бродяга, легко менял один флаг на другой, а для меня это было знамя моей родины. Я думал, что вышибу рыжему черту мозги, а он только качнулся и ответил прямым в подбородок. И не успел я сплунуть за борт выбитый зуб, как гордый флаг моей родины потащили на берег. Кабатчица сшила из него юбку. Как стервятники обдирают павших мулов или лошадей, оставляя лишь кости, так и эти акулы ободрали «Грозу морей», оставив только скелет. Наконец, когда были утащены и пропиты даже крышки иллюминаторов, даже каютные двери и решетки люков, баркас отвалил в последний раз от нашего борта. Без меня! Пьяная банда горланила «Кукаррачу», а

Краб захохотал и крикнул мне: «Бог, Родина, Свобода! Это мы оставляем тебе, боцман! Пользуйся!»

Теперь на борту «Грозы морей» остались только крысы и я. Я долго стоял на мостике и вспоминал недавние немногие дни, которые вознесли меня от боцмана до великого адмирала. Мне было и горько, и обидно, и стыдно, и хотелось врезать кому-то хук с правой и с левой. Тибурсио Корахо, лихой боцман, опозорил свое честное имя! Потом я свистнул лодочнику и съехал на берег. Расплачиваясь в порту с лодочником, выуживая из карманов последние сентаво, я нащупал там письмо Отца и Благодетеля к его другу и великому союзнику президенту янки, то самое, в котором говорилось о духовных узах. Я человек аккуратный и поэтому опустил письмо в почтовый ящик — правда, без марки. У меня не осталось ни гроша. Но я думаю, что оно дошло до Белого дома.

Вот и все, сеньор. А теперь встаньте и посмотрите вон туда, левее собора. Видите? Красавец, клянусь морем! Действительно «Гроза морей». Вашей стране не нужен крепкий корабельный корпус? Что? Ржавая консервная банка? Да-а... Но если его покрасить, он может еще плавать — правда, лучше недалеко от берега. Говорят, японцы покупают металлический лом. Не слышали? Пошлю телеграмму ихнему императору. Отдам за любую сумму.

Вы, конечно, спросите, а для чего я хочу продать останки «Грозы морей»? Чтобы пропить их? Ошибаетесь! Я не вернусь на родину с клеймом вора. Я не министр и не президент, чтобы на меня показывали пальцем и кричали: «Вор, укравший и промотавший по кабакам наше судно!» Как ни крути, сеньор, а я виноват перед родиной! Надо эту вину загладить. Я найду покупателя на эти тысячи тонн стали. Найду, пор диос! А деньги пошлю рохо — тем, что сидят на Сьерре. Я уже посылаю им половину моего боцманского жалованья. А зарабатываю я сейчас хорошо. Я теперь плаваю на «аварийщиках». Там дело простое, подставь встречному судну свой левый борт — и дело в шляпе! Ржавый ковчег

идет на дно, пароходная компания получает солидный страховой куш, а нас, команду, за ловкость и рыбе молчание щедро награждают. Что? Можно и самому нырнуть на дно? Не спорю, можно. Но Тибурсио Корахо должен вернуться на родину чистеньким. И я вернусь, клянусь морем! Вернусь вместе с молодцами рохо, когда они спустятся с Сьерры в наши деревни и города!

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Нет ничего увлекательней правды, кажущейся неправдоподобной», — этот афоризм Стефана Цвейга, как нам кажется, кратко, но удивительно точно определяет самую суть приключенческого жанра, его особенность, его место в общем строю реалистической литературы и источник непреходящего интереса к нему миллионов молодых (да и не только молодых) читателей.

Необычность ситуаций, в которых оказываются герои приключенческих произведений, обостренные, порой драматичные конфликты, необходимость в таких условиях мобилизации всех духовных и физических сил человека — вот что придает приключенческому жанру особый вкус и аромат, бодрит ум читателя и волнует его кровь.

Ведь загадки и тайны, динамичный сюжет, конфликтные ситуации, поиски и приключения — то есть все специфические атрибуты жанра — вовсе не препятствуют, а скорее помогают раскрытию правды жизни, характера героя нашего времени — времени острой борьбы добра со злом, смелых поисков и дерзаний, времени действенных, мужественных людей.

Приключенческий жанр — трудная стезя, и те молодые литераторы, которые отваживаются на нее ступить, должны обладать хотя бы некоторыми качествами своих героев — творческой дерзостью, находчивостью, изобретательностью.

Уходит в прошлое то время, когда по какому-то обидно-несправедливому, но прочно утвердившемуся предрассудку писателям-приключенцам милостиво отдавались на откуп лишь криминальные истории. Все, что выходило за эти рамки, — хотя и было написано в чисто приключенческом «ключе», и написано добротнo, — как правило, автоматически причислялось к «обычной хорошей литературе»; зато ремесленные поделки о суровых майорах, голубоглазых лейтенантах и неудачливых агентах «одной иностранной державы» столь же автоматически записывались на черный счет всего приключенческого жанра в целом.

Однако жанр этот, хотя и понес тяжелые потери, все же продолжал развиваться, а в самые последние годы все чаще и

ярче демонстрирует свою незаурядную жизненную силу, свои неисчерпаемые возможности.

Эта книга продолжает традиции, намеченные в первом выпуске «Приключений», с которым читатели познакомились в прошлом году. Большинство повестей и рассказов, вошедших в данный сборник, написаны молодыми литераторами, рассказывают о молодых героях и обращены к молодым.

Время действия — это годы твоей жизни, читатель, от суровых лет Великой Отечественной войны до наших дней. Место действия — города и села, горы и реки, моря и небеса нашей великой страны. Герои — твои сверстники, — строители коммунизма, люди самых разных профессий: молодые геологи и рыбаки, историки и солдаты, спелеологи и океанографы, следователи уголовного розыска и армейские разведчики.

В первом выпуске «Приключений» читатели познакомились с рассказами молодых литераторов: Виктора Смирнова, Николая Коротева, Евгения Федоровского, каждый из них уже обладает своим, индивидуальным художественным почерком. Сегодня вы встречаетесь с ними вновь.

Владимир Карпов (Ташкент) — в прошлом боевой разведчик; Евгений Штенгелов (Симферополь), Борис Тартаковский (Киев), Глеб Голубев и Юрий Перов (Москва) — дебютанты нашего сборника.

Любители жанра, несомненно, будут рады и новой встрече с одним из зачинателей советской приключенческой литературы — Михаилом Зуевым-Ордынцем.

И еще о двух особенностях молодогвардейских сборников. В течение многих лет в приключенческой литературе преобладают многостраничные повести и романы. Сборники «Приключения» призваны способствовать развитию малых форм: короткой повести и рассказа. Но и эти малые формы позволяют продемонстрировать многогранность, богатство жанровых подвидов приключенческой литературы: от детектива до научно-приключенческой повести, от психологической новеллы до политического памфлета.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

В. Смирнов — Кто пятый?	5
Г. Голубев — «Огненный пояс»	97
Б. Тартаковский — Пауки	157
Е. Федоровский — Потерянный караван	225
Е. Штенгелов — Штурмовой отряд	287

РАССКАЗЫ

Е. Федоровский — Двое	361
Ю. Перов — «Тень»	379
В. Карпов — Партийное поручение	390
Н. Коротеев — Дамка	411
Мих. Зуев-Ордынец — Адмирал Карибского моря	429
От составителя	447

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. 1966 г. Сборник приключенческих повестей и рассказов. Составитель Ю. Попков. М., «Молодая гвардия», 1966 г. 448 стр. с илл.

Редактор *А. Строев*
Оформление художника *А. Гангалюка*
Художественный редактор *Г. Позин*
Технический редактор *В. Майоров*

А13648. Подп. к печ. 21/V 1966 г. Бум. 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 14(23,52). Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 115 000 экз.
Заказ 307. Цена 78 коп. Т. П. 1966 г., № 237.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

78 коп.

